

ББК 83.3Р 7
К 21

Редактор: *Диденко Н. И.*

Карл Крист

К 21 История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая б-ка Бека. Том 1. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 576 с.

В книге представлена эпоха римских императоров, охватывающая политическую и социальную историю, развитие экономики и культуры. Помимо хронологического описания событий в Риме и провинциях от Августа до Константина подробно рассматриваются экономика, культура и религия. При этом автор опирается на античные исторические источники, использует извлечения из греческой и латинской литературы, из текстов отцов церкви и папирусов.

Книга Карла Криста является несомненной удачей просветительской науки и предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 83.3Р 7

ISBN 5—222—00045—1

Karl Christ Geschichte der
römischen Kaiserzeit

© C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1995

© Оформление, изд-во «Феникс»,
1997

Введение

В рамках истории Европы история Рима представляет собой величайшую историческую формацию. Она начинается с последовательного развития города Рима и с самых ранних времен наполнена республиканским пафосом; она достигает общеитальянских размеров, когда Рим становится во главе средне- и южноитальянских союзников. История Рима оказывается всемирной, когда этот город распространяет свою власть сначала над Средиземноморьем, а в конце концов над огромной частью Западной и Средней Европы, Ближнего Востока, Египта и Северной Африки. Таким образом, римская история идентична консолидации, утверждению и распаду средиземноморской античной империи.

Следствием этого являются глубокие изменения политической, общественной и экономической систем, жизненных устоев, духовных и культурных ценностей, а именно религиозных убеждений. Из патрицианской республики в начальной стадии зарождается тоталитарное государство, из небольших релевантных групп самоуправляющихся свободных гражданских общин образуется многообразная, отрегулированная, устремленная к вершине власти система строго контролируемой империи. Относительно однородное общество, основанное на сельскохозяйственном производстве, ремеслах и мелкой торговле, превращается в укрупненное единство, устойчивое экономическое пространство, характеризующееся разнообразными способами производства и хозяйствования.

В течение многовекового процесса «варварские» наемники сменяют старую городскую милицию, христианские епископы, проповедники и монахи заменяют вышедших из аристократии римских жрецов, а также и глав семей, которые в старину, пока была жива старая вера, выполняли все религиозные обряды. Наряду с республиканскими элементами семьи и города-государства во времена римс-

ких императоров существовали постоянные военные лагерь и укрепления, а также убежища отшельников и новые монастыри.

Едва ли где-нибудь еще столь наглядно проявлялись решающие культурные и религиозные изменения, как в самом городе Рима: в него стекались греческие философы, восточные астрологи, риторы из Малой Азии, скульпторы из Афин, египетские жрецы Изиды, иудеи и последователи Иисуса Христа. Среди императорских форумов, храмов, триумфальных арок, старых памятников и новой архитектуры возвышались христианские базилики и египетские обелиски.

Учитывая размах подобных изменений, не стоит удивляться, что уже давно было поставлено под сомнение единство исторической формации Рима. Еще противники диктатуры Цезаря говорили о конце республики, критики новой политической системы принципата подчеркивали дискретность и крушение старых республиканских традиций и отречение от них, приверженцы старой веры упрекали христианских императоров в «предательстве». Апологеты идеальной республики разошлись с приверженцами уникального предназначения Рима, которые приняли новую форму государства и общества: одни из убеждений, другие из оппортунизма.

Благодаря специализации научных исследований в новое время идея единства римской истории была подвергнута еще большим сомнениям. Оглядываясь назад, можно заметить, что лишь немногие ученые рассматривали историю Римской республики как историю Римской империи. Нибур и Моммзен адекватно представили республиканскую эпоху, у Гиббона и Ростовцева дело представлено как раз наоборот.

В настоящее время старая дуалистическая периодизация претерпела заметные изменения: ранняя и классическая республика (500—200 гг. до н. э.) дифференцируется от поздней республики (200—30 гг. до н. э.), иног-

да называемой «римским революционным веком» (ограниченными рамками между 133 и 30 гг. до н. э.). Дальше следует история принципата или «эпохи Цезарей» в более узком смысле: от Августа до убийства Коммода (30 г. до н. э. — 192 г. н. э.), которая переходит в большой государственный кризис III века н. э. После преобразования Римской империи Диоклетианом (284 г. н. э.) «позднюю античность» стараются представить последней фазой Римской империи, эпохой, для которой нельзя определить общепринятую конечную дату. Для ее установления используется поражение римлян при Адрианополе (378 г. н. э.), равно как и так называемый раздел империи 395 г. н. э.; взятие Рима Аларихом в 476 г. н. э.; свержение последних законных правителей из Западной римской империи династии Цезарей в 476 г. н. э.; вторжение в Италию лангобардов или распространение ислама, не говоря уже об абстрактных и не очень точных мнениях современных аналитиков общественных формаций.

Принятое в настоящей работе определение Римской империи между Августом и Константином Великим требует обоснований. Учитывая наблюдаемые тенденции к изоляции и специализации проблемы римской истории в монографиях и биографиях, автору представляется важным отследить долгосрочные связи развития и способствовать их осознанию. При узком взгляде упадок Рима, важнейшей ячейки империи, понимается как изменения в армии и экономике, как так называемая варваризация войска или расширение колоната. Столкновение империи с германцами, парфянами и сассанидами требуют такого же внимания, как и столкновения с различными религиозными обрядами и христианством. Преемственность общего развития приоритетна по отношению к отдельным фазам и переломным моментам. Решающим является единство истории императорского Рима, будь то в ранние или поздние времена империи, во времена кризиса III в. или во времена тетрархий.

История этой империи была с самого начала определена многосторонней диалектикой. В римско-италийском центре она идентична развитию консолидации, изменению и закату узаконенного единовластия, как бы оно ни называлось, огульно ли и ошибочно, как императорская власть или, точнее, как принципат и доминат, как «скрытая военная монархия» (Ростовцев) или как «конституционная монархия» (Левенштейн). Специфика новой системы представляла собой зависимость от человека, стоящего на вершине власти. Для провинций же Римской империи эта эпоха является консолидирующей фазой римского господства, хотя она по длительности, внутренним процессам, внешним формам отличалась развитием в разных частях огромного целого. При этом провинции не менее решительно держались за собственные традиции, чем древние римские патрицианские роды за свои привилегии.

Едва ли у другой исторической формации так долго господствовала «персонифицированная» периодизация, отождествление череды биографий императоров с историей целой эпохи. Будь то богатые материалом «Жизнеописания» Светония, короткие миниатюры позднеантичного периода, психологизированные биографии нового времени или изложения любой точки зрения — в них превалировала биографическая форма в ущерб научной. Публику интересовали не государственные институты, а люди, стоящие на вершине власти. История Римской империи свелась, таким образом, к галерее часто малопривлекательных портретов императоров: двойственный, но тем не менее просветленный образ Августа, часто не соответствующий действительности портрет угрюмого Тиберия, патологический случай Калигулы, идиотский, на первый взгляд, образ Клавдия, зависимость их от женщин и вольноотпущенников, *скандальная хроника* двора Нерона, порядочность первых Флавиев, тирания Домициана, столь различные представители славных времен империи, сол-

дат Траян и интеллектуал Адриан, фигура «провинциального» Антония Пия и необыкновенно напряженное лицо бородатого философа на троне Марка Аврелия... — эта традиционная череда образов была историей дворцовых интриг, но вряд ли историей времени.

Никто не написал историю империи более компетентно и выразительно, чем Теодор Моммзен: «Примечательностью этих веков является то, что введение латинско-греческой цивилизации в форме образования городской общинной конституции, привлечение варварских и чужеродных элементов в этот круг, работа, которая по своему существу требовала веков постоянной деятельности и спокойного саморазвития. Этот долгий срок и этот мир были найдены на суше и на море». Обзор крупнейших концепций и различных точек зрения об этой эпохе может быть использован для введения в проблематику. В исторических трудах средневековья и раннего периода нового времени Римская империя является последней из четырех монархий и основным элементом всемирной христианской истории. Современные научные исследования начинаются с монументального шеститомного труда С. Л. Ленена де Тиллемона *«История императоров и других принцев»,* которые правили в течение первых шести веков Церкви» (1690—1738). Уже по заглавию видно, что в этой работе церковь стоит над государством. И действительно, Ленен де Тиллемон задумал свою *«Историю императоров»* как предпосылку, основу и общий план большой истории церкви. Важнейшей заслугой было то, что он обработал все источники и сделал их общедоступными. Его труд вплоть до XIX века служил основой для новых исследований и выработки новых точек зрения.

Вскоре Ленен де Тиллемон был превзойден Монтескье и Гиббоном, как по чисто литературным качествам, так и по распространению и длительности влияния. Пример этих двух авторов свидетельствует о том, что в исторических трудах XVIII века эпоха рассматривается только с точки

принимая упадка и падения Рима. В своем труде «*Рассуждения о причинах величия и упадка римлян*» (1734 г.) Монтескье дал анализ состояния империи в широком смысле культурно-исторической оценкой. Нравы, обычаи, мораль и законы являлись для него основными предметами для изучения, для его философского и государственно-политического осмысления римской истории. Хотя он и прославлял добродетели республиканского Рима, но решительно подчеркивал роковые последствия расширения Римской империи и тот факт, «что законы Рима были недостаточны для управления всемирного государственно-го образования». По его мнению, времена римских императоров были эпохой упадка.

В «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788, т. 6) Эдуардом Гиббоном был выбран другой путь. Хотя он и поддержал немало положений Монтескье, как, например, глубокий антагонизм между республикой и империей, решающие акценты были расставлены на другом. Падение Рима, по Гиббону, было «естественным и неизбежным результатом непомерного величия». Он признавал значительный вклад христианства в распад империи. Большой промежуток времени между Марком Аврелием и падением Константинополя в 1453 г. рассматривается Гиббоном, как период «*заката и падения*». Это мнение внушается читателю не только благодаря умело подобранным аргументам, но и блестящему изложению.

Под влиянием явного прославления Греции, которое в Германии 18-го столетия было связано с именем Иоганна Иоахима Винкельманна (1717—1768) критику Рима продолжил Гердер в «Рассуждениях о философии истории человечества» (1784—1791). В истории Рима Гердер делал особый упор на разрушающий характер Города. По его мнению, римляне, «которые хотели принести миру свет, повсюду принесли опустошающую ночь; они вымогали золотые сокровища и произведения искусства; по их вине рухнули части света и вечные ценности старого мышле-

ния; была уничтожена самобытность народов, а провинции под властью череды отвратительнейших императоров были разграблены, разорены, истерзаны». Гердер считает распад Римской империи возмездием. По его мнению, закон возмездия был «вечным естественным порядком». Традиционная христианская историография средневековья и раннего нового времени подчеркивала судьбоносную функцию Римской империи в распространении христианства и эллинистической культуры. Гердер же решительно отрицает это. Он считает, что «было бы недостойно по отношению к Богу вообразить, что забота о его прекраснейшем творении — распространении истины и добродетели — была доверена тираническим, кровавым рукам римлян».

Существует очень мало работ, в которых негативное воздействие Римской империи было бы столь бескомпромиссно подчеркнуто, как у Гердера. Позицию Гегеля по этому вопросу вряд ли можно переоценить. В лекциях по философии истории Гегель соглашается с некоторыми выводами Гердера. По его мнению, «римский принцип... был полностью основан на власти и военной силе, не было никакого духовного стержня, никакой цели для работы и удовлетворения духа». Он также считал, что «в индивидууме императора субъективные особенности превратились в полностью безграничную объективность», вся же империя «подвергалась грабительскому гнету налогов, Италия была опустошена, плодороднейшие земли лежали невозделанными. Это состояние, как фатум, царило над римским миром».

Но наряду с линией Гердера, у Гегеля есть более всеобъемлющая универсальная линия. По Гегелю, всемирно-историческая энтелехия определяла римский исторический процесс. Римский мир, по его мнению, был избран «для того, чтобы надеть оковы на нравственную личность, а также объединить всех богов и духов в пантеон мирового господства и сделать из них абстрактное общее». Однако уже

у Гегеля просматривается некоторое пересечение римской истории с историей христианства и германства, которые впоследствии предопределили появление универсально-исторических концепций Ранке и Буркхардта.

Ранке в своей «Всемирной истории» называет «четыре великими достижениями Рима» создание общей всемирной литературы, распространение римского права, установление римской монархии и принятие и распространение христианства. Именно потому, что он отождествлял римскую историю с историей христианства и германства, Римская империя и эпоха римских императоров были для него «серединой всеобщей истории».

Абсолютно идентична оценка Якоба Буркхардта, которую он дает роли Римской империи в своих «Рассуждениях о всемирной истории»: «Империя превосходит все другие мировые монархии и вообще является единственной заслуживающей это название. Вопрос не в том, желательны ли вообще мировые монархии, а в том, выполнила ли Римская империя или нет свою цель — воссоединение старых культур и распространение христианства (которое только одно могло спасти основную часть империи). Без римской мировой монархии не было бы преемственности культуры».

В рамках этой историко-философской и всеобще-исторической концепции XIX в. образ Римской империи импонирует. Тем не менее историческая наука, замороженная феноменом Римской республики, дистанцируется от этого мнения. Бартольд Георг Нибур отрицательно относится к империи. В своей лекции в 1829 году он охарактеризовал ее историю, как «историю развращенного сборища людей, где все решает только сила, где судьба миллионов зависит от одного-единственного человека и небольшого количества избранных, образующих его окружение... Это было развитие механических сил, все живое было отстранено, это было постепенное умирание, нераспознанная разрушающая болезнь, которая должна была привес-

ти к неминуемой гибели. В рамках мировой истории эта история удивительна, но, как национальная и политическая история, она печальна и безрадостна».

Теодор Моммзен много привнес в пользу примата «национально-политической» истории и римской республики. Для истории же времен римских императоров он предназначил 4-й том своей «Римской истории», который он так и не написал. Вышедший в 1856 году 3-й том его монументального произведения заканчивается победой Цезаря при Тапсе (46 г. до н. э.). В опубликованном в 1885 г. 5-м томе он написал серию блестящих очерков по истории римских провинций от Цезаря до Диоклетиана. Большой, чем кого-либо другого, был вклад Моммзена в отображение времен императоров. Он издал «Свод латинских надписей», большое издание латинских текстов, штудии деяний Августа, исследования римского государственного и уголовного права, все это он излагал также и в своих лекциях.

В своем вышедшем между 1883 и 1887 гг. двухтомном учебнике «История римских императоров» Герман Шиллер в отличие от Моммзена отказался от повествовательной формы, и не так уж был неправ Моммзен, когда написал об этом труде: «Нужно обладать легкомыслием юности или же глупостью господина Шиллера, чтобы писать о вещах, в которых ничего не смыслишь, и это называется писать историю и ни много, ни мало историю Римской империи». Но ученик и последователь Моммзена Герман Дессау тоже потерпел неудачу при выполнении этой задачи. Его двухтомный труд (1924—1930 гг.) охватывает лишь промежуток времени от Августа до 69 г. н. э., а литературный талант у него полностью отсутствовал.

В 1909 г. впервые вышел в свет двухтомник «Истории римских императоров» Альфреда фон Домашевски. Этот сборник биографий императоров был написан в апологетическом духе и пафосе вильгельмовской Германии. «После многолетних раздумий эти римские Цезари вышли из

тюремной камеры библиотеки и превратились в живых людей. И вот они сидят на стульях, на книжных полках, даже за моим письменным столом, и это призрачное окружение стало для меня пыткой. Тогда я и написал о них, чтобы освободить себя самого». Существует немного трудов, которые до такой степени были бы типичны для мира фантазий гуманитарно образованной буржуазии времен первой мировой войны, как этот сборник биографий.

Самое современное по методам и содержанию изображение эпохи представлено в классическом двухтомном труде Михаила Ростовцева «Общество и экономика Римской империи». Он вышел в свет в немецком переводе в 1931 году. После Октябрьской революции 1917 г. Ростовцев, который стал изгнанным представителем русской либеральной крупной буржуазии, в своем труде особо выделяет важнейшую роль крупной буржуазии, анализирует этот социальный слой, как носителя экономики, государственности и культуры времен империи. Кроме того, он с неведомой доселе энергией систематизирует и синтезирует различные археологические источники, дает блестящую картину развития римских провинций в эпоху римских императоров. Только благодаря ему были научно осмыслены и систематизированы результаты археологических раскопок, произведения искусства, надписи, папирусы и монеты.

Широко известное в настоящее время описание эпохи римских императоров принадлежит Эрнсту Корнеманну (1977). Книга живо написана, изобилует чисто личными оценками и не свободна от крайнего стремления к систематизации. Она выдержана, в основном, в духе концепции Корнеманна о двойном принципате. В ней доминируют политические и военные достижения, и в этом смысле она дает важную информацию и почву для размышлений. Наряду с этим есть еще целый ряд в большинстве своем пропедевтических работ более узкого плана.

Из более новых трудов нужно назвать кембриджскую

«Древнюю историю». Она предлагает очень солидный и ценный синтез вкладов ведущих специалистов. За ней идет «Римская история», дополненный английский перевод монографии Альбино Гарзетти «От Тиберия до Антонина. История Римской империи» (1974 г.). Она представляет большую ценность, благодаря своим высоким качествам и библиографической информации. Во главе немецкоязычных трудов стоит исследование эпохи императоров в «Истории Рима» Альфреда Хойса (1983 г.), хотя оно преимущественно посвящено политике и конституции, культура полностью отсутствует, экономика едва затронута. В редактируемом Хойсом 4-м томе всемирной истории специалист по административному и общественному праву эпохи императоров Х.-Г. Пелаум возвращается к ней в стиле Домашевски, и хотя по замыслу речь должна была идти об «универсальной» истории, в этой работе история империи и христианства отделены друг от друга. Итальянский учебник «Римская империя» для высшей школы, написанный Санто Маззарино (3-й том, 1986) показывает, каким плодотворным может быть объединение этих двух предметов. Из подобных всемирно известных трудов нужно назвать «Общую историю Римской империи» Поля Пети (1974 г.).

«История Рима» А. Н. Машкина и 2-й том «Всемирной истории» Академии Наук СССР подтверждают, что марксистская оценка событий долгое время препятствовала правильному их осмыслению. В эпоху Сталина Римская империя рассматривалась, как однородная рабовладельческая формация. Из сделанных мимоходом замечаний Сталина в Римской империи времен Цезарей была сконструирована «революция рабов», а роль «феодальных» элементов в этой формации была преувеличена. В оковах этой догматической концепции теоретические дискуссии все больше отдалялись от реальности, проблематика перехода от рабовладельческого общества к феодальному ввергала марксистских ученых в новые трудности, пото-

му что они не выяснили существо социоэкономических структур эпохи римских императоров.

После смерти Сталина возникли новые тенденции, которые прежде всего представлены именами С. Л. Утченко, Е. М. Штаермана и Е. С. Голубковой. Многочисленные исследователи единодушны в том, что нельзя довольствоваться только анализом производственных отношений в узком смысле, но в противовес «Критике политической экономии» Карла Маркса, особенно части о формах предшествующих капиталистическому производству 1857—1858 гг., нужно учитывать роль античных форм собственности как правовой основы способов производства. Очень важным представляется тот факт, что историческая формация «*Римская империя*» неоднородна, что никогда не учитывалось в марксистских исследованиях античности. В своих ранних работах Е. М. Штаерман дает необычайно яркую картину социоэкономических структур Римской империи. Двухтомник Вольфганга Зейферта (1974 г.) «Римская история. Эпоха императоров» можно было бы назвать «Наставлением к занятому чтению» для широкой публики. Эта работа слишком обычна, с упором на марксистские категории. То же самое можно сказать и об учебнике для высшей школы ГДР Х. Дитера и Р. Гюнтера (1979 г.), написанном в духе старой марксистской ортодоксальности.

В настоящее время в немарксистских исследованиях доминируют методы, взгляды и оценки, существенно отличающиеся от методов, взглядов и оценок предыдущих поколений. Более ранние исследования несли на себе отпечаток трудов Тацита и Светония и были нередко наделены персоналистическими чертами. В более новых исследованиях исходят из совсем других положений и ставят другие вопросы. Позже, начиная с Ростовцева, больше используются археологические, эпиграфические и нумизматические материалы. На их основе проанализирован образ жизни, исследована социальная мобильность,

реконструирована статистика цен, освещены расширение и последующая стагнация технического прогресса, сделан вывод о дифференциации профессий, конкретизированы развитие идеологии принципата и религиозный синкретизм империи.

Американский историк Р. Мак-Маллин обнаружил социальное напряжение внутри империи, хотя он и не пользовался марксистскими критериями. Эти новые методы и тематика привели, с одной стороны, к критической общей оценке *римского мира*, с другой же стороны, они привели к признанию эффективности той общественной, экономической и культурной системы.

Современная общая картина *Римской империи* двояка. Еще существуют исследования, которые дают очень позитивную оценку, подчеркивают интеграционную мощь империи, ее политическую стабильность, экономический, технический и культурный прогресс, делают упор на улучшение положения нижних слоев общества: рабов, вольноотпущенников и перегринов. Однако, начиная с 1945 г., появляется большое количество работ, которые концентрируют внимание на негативных явлениях и воздействиях Римской империи. Исследуют ли эти работа политическую или духовную оппозицию принципату, сопротивление местных жителей или этнические традиции, так называемый римский империализм, упадок городского самоуправления, положение пограничных зон — они все сводят к негативной оценке.

Если исходить из многочисленных специальных исследований кризисных симптомов во всех сферах, из явлений распада и упадка, из агрессии, эксплуатации, классовой борьбы, экономической стагнации и т. д., то едва ли можно избежать впечатления, что Римская империя должна была бы пережить революции, кризисы и гибель еще во II в. до н. э. Это одностороннее представление этих аспектов доведено до абсурда, так как политическая, общественная и экономическая система, дезинтеграция ко-

торой длилась много веков, должна была обладать необычайной когерентностью.

Эта точка зрения соответствовала критическому, нередко непоследовательному предубеждению против современных мировых держав, а также против процесса освобождения третьего мира и вообще против ценностей цивилизаторского и технического прогресса. В настоящее время наблюдается совпадение опыта и интересов современности с исторической оценкой. В век европейского колониализма существовало отождествление *Римской империи* с «империей» вообще, *римского мира* с *миром британским* или *американским*, не говоря уж об имперской идеологии фашизма. Теперь же наблюдается иное.

Критика милитаризма мировых держав шла рука об руку с осуждением римской аннексии, восхищение освободительным движением третьего мира — с переоценкой истории римских провинций, ужас перед последствиями технического прогресса — со сдержанным отношением к достижениям Римской империи в области инфраструктуры, городского строительства, техники и цивилизации. В качестве примера можно привести концепцию истории римских провинций. В XIX и начале XX в. эта история была написана французскими и итальянскими учеными с проримских позиций, в последние же десятилетия начинают появляться работы, в которых история Северной Африки отражается как бы изнутри, с позиций аборигенов.

Нельзя пройти мимо имеющихся сегодня противоречий: призыв к вмешательству мировых держав, когда региональные конфликты ужесточаются настолько, что уже не могут быть разрешены их участниками, будь то на Ближнем Востоке, на Кипре или в Африке; стремление более бедных и слабых наций пользоваться поддержкой сильных держав путем заключения договоров; интеграционные и дезинтеграционные процессы больших государств; процессы напряженности и внутренних трудностей

в освободившихся регионах и неспособность оставаться независимыми перед лицом технического прогресса и цивилизации. Учитывая все эти явления, следует воздержаться от односторонних негативных оценок исторических достижений *Римской империи* и перейти к трезвому и взвешенному анализу.

Для структуры этой работы мерилom были следующие соображения: оно обращено не к специалистам по античной истории, а к широкому кругу тех, кто интересуется историей Рима, а также тех, кто изучает исторические дисциплины и для кого Рим и его империя стоят, «как могучий исполин посреди истории, мимо которого никто не может пройти» (Курций Л., «Торсо». Штутгарт, 1957, с. 289). Мы стремились также к всеобъемлющему и доступному изложению, к объединению не только структуры истории, но и к отражению отдельных областей политики и законодательства, общества и экономики, культуры и религии.

В рамках этой комплексной концепции сделан специальный акцент на идеологии империи и принципата. Особое внимание было обращено на обсуждение современных мнений о легитимности римского господства, о понимании римских *принцевов*, как императоров поздней античности, о целесообразности преобразований римской политической системы. Новейшие исследования последних десятилетий столь энергично изучали эти проблемы, что обойти молчанием их результаты представляется невозможным.

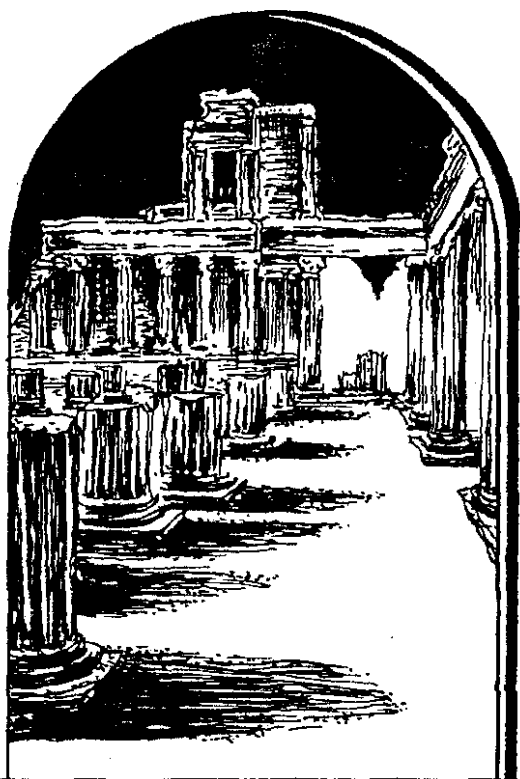
Если бы научные интересы вокруг *Римской империи* определялись сначала антитезой — история императоров и история империи, то дифференциация их значительно бы продвинулась. Короче говоря, в этой области взяли верх три плана: план императорский, который объединяет историю императоров с историей империи в единое целое, провинциальный или региональный план, в основе которого лежит история больших географических и ис-

торических единиц или римских провинций и, наконец, не в последнюю очередь, благодаря итальянским ученым, локальный план. Он концентрирует внимание на истории и развитии городов, то есть ячеек империи, и не важно, идет ли речь об истории большого города или об истории небольшого порта античности Остии. Современность далека от того, чтобы синтезировать эти три плана, для этого нет возможностей. Настоящий труд довольствуется планом имперским и региональным, локальный рассматривается только в качестве примеров.

С точки зрения методики в работе особое значение придается использованию античных свидетельств. В книге приводятся и исследуются не только тексты различных литературных источников, таких, как поэзия и философия, но также и юридические, правовые источники, эдикты, законы, надписи, папирусы, высказывания на религиозные темы и сочинения раннего христианства. Используются также положения и оценки классиков античной науки. Библиографическое приложение дает список тех крупнейших произведений, на которых основана эта книга. Оно дает указания для углубленного дополнительного чтения в тех областях, которые здесь были лишь слегка затронуты.

Европа и все районы Средиземноморья хранят следы общего римского прошлого. Оно воскресает в храмах и триумфальных арках, в термах и виллах, акведуках и улицах, в надгробных надписях, изображениях богов, монетах и статуях, литературе и произведениях искусства римской эпохи. Желательно, чтобы эта книга внесла свой вклад в развитие истории *Римской империи*.

Римская республика и ее империя

Историческая формация Римской республики заволаживала современников и потомков, правда по совершенно разным мотивам. Прежде всего впечатляют динамика и размах власти, то есть тот факт, что из ничем не замечательной с точки зрения экономического, культурного и военного потенциала республики в период III—II вв. до н. э. образовалось государство, которому удалось достичь власти над всем Средиземноморьем. Во-вторых, импонировала стабильность этого «общинного государства», явно образцовое разрешение конфликтов социальных, выживание после катастрофических военных, будь то вторжение галлов и дальнейшее разрушение «старого» Рима или тяжелое поражение при Каннах в 216 г. до н. э.

В-третьих, Рим превратился в символ республиканских традиций: он стал примером целенаправленной и эффективной организации политически автономной, самоуправляющейся гражданской общины. Конституция Рима, бывшая гарантом легендарной «свободы», считается идеальной. Наконец, в-четвертых, поражает структура римского политического союзничества — дифференцированной системы политического союза, в котором, с одной стороны, признавалось местное самоуправление союзников в тех местах, где власть Рима не была постоянно представлена, с другой, было обеспечено основополагающее политическое главенство Рима, прежде всего мобилизация военного потенциала союзников в интересах Рима.

Эти явные достижения Рима послужили причиной к появлению как в античности, так и в новое время, обсуждений «Причин величия Рима», причем дискуссия однозначно концентрировалась на феномене Римской республики. Уроженец Рудии вблизи Личе Коллабрии поэт Квинт Энний (239—169 гг. до н. э.) цитируется как главный свидетель республиканской эпохи. Энний говорил о себе, что имеет три сердца, потому что владел греческим, оскским и латинским языками. Позже он получил римское гражданство, сначала занимался историей развития

Рима, как посторонний, пока наконец не стал рупором римской аристократии. Этот многосторонний и одаренный автор четко сформулировал на все времена представление о Риме. В цитируемом позже Цицероном и Августинном изречении, он коротко и ясно заявил: «*На древних обычаях и мужах держится Римское государство*».

В этой строчке заключена основа самосознания римлян в эпоху классической республики. Эти семь слов четко и ясно передают римское представление о «причинах величия Рима». Однако они требуют краткого пояснения. Поскольку *древние обычаи* поставлены на первое место, а *мужи* — на второе, значит, это обратное расположение для всех римлян, а особенно для правящего слоя, было основополагающим.

Как ни в одном другом государстве древнего мира, вклад предков в общее дело используется для легитимизации потомков. Древние обычаи упоминаются в бесчисленных речах как канонизированный пример традиций, они остались в своеобразном ритуале похорон аристократов, когда снова вызывались к жизни великие предки с их почетными знаками отличия; они как бы принимали покойного в свои ряды. Прославлялись не только деяния тех, с кем прощались, но также заслуги и деяния предков. *Обычаи предков* были по существу добродетелями свободных собственников из старого правящего слоя, которые одновременно выступали как политики и военачальники.

Каноном примерного образа жизни считалось достижение мужских доблестей, сохранение себя как личности, постоянное стремление к славе, дисциплина и строгость, послушание и выдержка, неподкупность и верность, откровенность и, одновременно, молчаливость, готовность вступить за зависимых людей, за друзей, а потом и союзников. Прежде всего предки отличались благочестием, признанием религиозных и моральных обязанностей. Действовать в соответствии с волей богов было для римлян

не только проявлением личной набожности, но и важнейшим политическим достижением их истории, хотя религия во времена Цицерона скорее всего превратилась в идеологию.

В любом случае римляне республики столетиями были убеждены, что их господство соответствует воле богов, той воле, которую они узнавали по различным знакам: наблюдая за полетом вещих птиц, изучая внутренности животных, следя за молниями и другими природными явлениями. Потом умело расшифровывали волю богов и старались ее исполнить. Они полагали, что были обязаны своим господством этому принципу: «следовать воле богов», и поэтому считали великих предков достойными подражания.

Естественно, что уже с давних пор были сделаны попытки объяснить феномен римского могущества. Особенно большое значение имеют соображения Полибия (200—120 гг. до н. э.), потому что наряду с признанием высоких достоинств римских военных, политиков и римского народа он с большой убедительностью подчеркивает преимущества римской конституции. Она показалась ему крайне стабильным и взвешенным смещением монархических, аристократических и демократических элементов, изобретательной теоретической концепцией.

В новое время тоже было предпринято много попыток напасть на след причин величия Рима. Боссюе, например, считает республиканские добродетели предпосылками достоинств конституции. Монтескье утверждает, что «римляне своими максимами» превзошли все народы. Нибур выделяет отказ римского плебса от сословной борьбы. Моммзен подчеркивает тот факт, что «в пределах римского гражданства не было ни господина, ни слуги, ни миллионера, ни нищего, а одинаковая вера и одинаковые права всех римлян». Р. Хайнце воспринимал римлян, как ярко выраженных «людей власти»; по типологии Шпрангера

(«Формы жизни»): «Люди власти, как отдельные личности, так и народ в целом, являются признанной силой». Только Фр. Альтхайм, наоборот, выделяет приоритет римской религии и справедливо замечает, что часто цитируемый стих Вергилия

«Ты — римлянин, пусть это будет твоя профессия: правь миром, потому что ты его властелин,
Дай миру цивилизацию и законы, милуй тех, кто тебе покорен, И разбей в войнах непокорных», —

призывает не к стремлению к господству, а к «установлению порядка» и выполнению божественной миссии.

Под влиянием новых научных исследований и теорий, а также под влиянием новых общественных идеалов были выработаны другие оценки этого исторического феномена. Как позитивные признаки оценивались образование полностью интегрированного общества, образцовое разрешение социальных конфликтов, а также эффективная целенаправленная организация всей общественной и политической жизни. Способность к интеграции и готовность к ней объяснялись на примере системы римских союзников, плотность «интеграции» которой была впечатляющей.

В настоящее время весьма критически оценивается применение относительно ограниченного инструментария власти Римской республики: гражданского права, колонизации, контрактной системы и мобилизации военного потенциала союзников. Совершенно очевидно, что техника осуществления власти была на удивление развита. Совсем недавно более отчетливо, чем раньше, отмечалось, какие последствия это имело для итальянских городов и племен, последствий, которые Моммзен в плену своего восхищения динамичным процессом экспансии обошел молчанием и с которыми он по меньшей мере смирился в соответствии с телеологией «необходимости» единения итальянской «нации». Критика экономической и финансовой эксп-

луатации подвластных Риму регионов не является монополией исторического материализма. На эту тему в последнее время были сделаны точные и конкретные анализы, которые значительно продвинули изучение этого вопроса.

Римское господство, естественно, продолжает оцениваться негативно. С. Пуфендорф и Г. Гердер считают его результатом последовательной агрессивной и деструктивной политики. Вследствие современного опыта на это господство однозначно может быть поставлено клеймо «империализма» и «колониализма». Но отождествлять «величие Рима» с империалистической политикой нельзя. Учитывая это, рекомендуется сначала определить основные черты римского общества, римской конституции, а также римского государства времен республики.

При попытках понять своеобразие Римской республики нужно исходить из однородности ее первоначально аграрного общества. Взаимодействие крупных землевладельцев с огромным количеством мелких крестьян, ремесленников, торговцев определяло экономическую, общественную и политическую жизнь. При этом следует также учитывать семейные связи, власть в семье, клиентелу и государство. Решающим для отношений и структурных элементов римского общества и политики являлось подчинение индивида, а не только рабов своим хозяевам, подчинение жены и детей, даже взрослых и уже женатых сыновей, неограниченной «отцовской власти» главы семьи, подчинение экономически слабых или зависимых, юридически необразованных или неуверенных в себе людей своему *патрону* в институте клиентелы и, наконец, подчинение отдельных лиц интересам *государства*.

Эта столь сильно определяемая властными структурами система просуществовала так долго только потому, что не было односторонних злоупотреблений ею или явного самоуправства. Хотя абсолютная власть главы семьи

во многих отношениях была санкционирована религией, она тем не менее ограничивалась еще и традициями. От главы семейства времен республики требовалось, чтобы он перед вынесением приговора заслушивал виновного и испрашивал совета членов семьи. Использование *совещательного* органа, совета, было основополагающей нормой для юридической, военной или политической практики республики. Повседневная жизнь римской семьи, как центральной общественной ячейки, характеризовалась не слепым террором семейного тирана, но совместной жизнью, в которой власть главы семейства была неоспоримой, положение женщины уважалось, и вообще по сравнению с греческими обычаями она пользовалась гораздо большим авторитетом. Причиной этого являлось то, что римлянка во время отсутствия своего мужа, находящегося в походе, управляла домашним хозяйством вместо него.

Если патрон злоупотреблял зависимостью от него клиента, интересы которого он везде представлял, в суде особенно, то он порицался обществом. Конечно, патрон заботился о своих клиентах не из альтруизма, а потому, что его престиж зависел от возможно большего числа клиентов. Эксплуатация была не односторонней: действовали отношения «я даю, чтобы ты дал». В эпоху ранней и классической республики рабы играли только подчиненную роль. Они не имели большого значения, так как потребность в рабочей силе, как правило, удовлетворялось членами семьи и клиентами. Если раб был один или несколько, они полностью интегрировались в семью. Поэтому выдвижение теории о «классовой борьбе» между рабами и рабовладельцами применительно к этой исторической эпохе является ошибочным и непозволительным анахронизмом.

Своеобразие общественных структур можно объяснить тем, что в области политики общепризнанным был авторитет и привилегии правящего слоя, то есть старой аристократии, патрициев, а позже также и «чиновной аристо-

кратии». Это продолжалось до тех пор, пока их претензии на власть приносили ощутимую пользу всем гражданам, а политика соответствовала экономическим интересам плебеев. Во всяком случае, как в обществе, так и в политике преобладал аристократический элемент. Римская республика никогда не стремилась к принципам равенства современной демократии.

В римском сенате было сосредоточено большое количество *римских аристократов*, принадлежность к сенату всегда являлась свидетельством высокого общественного престижа. *Власть сенаторов* признавалась как политическая компетенция. То, что эта власть принимала, считалось легитимным и соответствующим интересам государства. То, что ей противоречило или ее не укрепляло, считалось нелегитимным и бунтарским. В традиционных, отрегулированных формах сенат управлял римской политикой своими решениями и постановлениями.

Исполнительная власть, юрисдикция и военное руководство были в руках немногочисленных магистратов, избиравшихся из господствующих слоев путем народных выборов. В течение всего срока деятельности им предоставлялась неограниченная власть. Только благодаря годичности срока и коллегиальности была пресечена всяческая попытка завладеть долгосрочной единоличной властью: каждая должность как правило давалась на год и как минимум двум равноправным лицам. Власть магистратов была большой, она охватывала как административные, так и военные сферы, поэтому претор, например, мог выполнять функции и судьи, и военачальника. Но фактически эта власть была ограничена в своей компетенции, тесно связана с сенатом и подотчетна ему.

Продуманно организованное правление римской аристократии с самого начала носило антимонархический характер. Понятие «царь» или «тиран» было для нее непри-

емлемо, республиканский пафос придавал решимость противодействовать любой форме единовластия. Введение должности диктатора, как неизбежной необходимости, только подтверждает это правило. Для римской формы аристократической власти было немыслимо образование центральной бюрократии, «постоянного властного аппарата», хотя в это время процветала бюрократия больших эллинистических царств. Римские сенаторы, как магистраты, выполняли сложные служебные обязанности почти исключительно с личной свитой и персоналом, с друзьями-аристократами и родственниками, с клиентами, вольноотпущенниками и рабами.

Хотя все трудности политики и управления ложились на плечи аристократии, свободные римские граждане тоже не оставались в стороне. На народных собраниях и собраниях центурий, которыми командовали консулы, они имели возможность решать проблемы войны и мира, а также другие важные вопросы, принимать законы, судить политических преступников, а также выдвигать кандидатов в магистратуру. На этих собраниях римский гражданин не имел законодательной инициативы, он мог только соглашаться с внесенным предложением или отклонять его, а также выбирать между официально назначенными кандидатами на должность.

Каким бы ограниченным ни казалось право участия, оно в определенной степени гарантировало открытость важных политических решений. Это право на практике находилось под влиянием личных связей, что вынуждало представителей правящего слоя все время вербовать себе приверженцев и убеждать граждан в необходимости и пользе своих действий. Если *плебс* был в чем-то убежден, он был готов принести любую жертву для пользы дела. Другими словами, *плебс* был мобилизован для государства, хотя управление этим государством находилось в руках аристократии.

Нельзя не учитывать, что политика аристократов долгое время удовлетворяла конкретные интересы плебеев. Так как большинство римских плебеев состояло из мелких крестьян, которые на своих крошечных клочках земли вели убогое хозяйство, обеспечение второго и следующих сыновей могло осуществиться лишь благодаря покорению новых земель. Иначе говоря, необходимое воспроизводство общественных и хозяйственных структур было возможно только вследствие насильственного римско-латинского процесса колонизации, который обеспечивал для римской республики внутреннюю стабильность и прочность власти правящего слоя. Возникшее вследствие этого совпадение интересов было более важной движущей силой для римской колонизации, чем все моральные соображения.

В такой же степени, как и в большинстве античных городов, в Римском государстве все важнейшие политические и религиозные акты были связаны с городом Римом. Там почитались боги государства, гадали по ауспциям перед военными походами, там вступали в должность и слагали с себя обязанности магистраты, принимались важные политические решения. Священная граница померий отделяла город от окрестностей, но с самого начала он был тесно связан с сельской местностью. Только она с ее лугами и полями, озерами и лесами обеспечивала существование как правящего слоя, так и плебейского мелкого крестьянства.

К своеобразию римского образа жизни относится то, что уже издавна были фиксированы границы полей и проведены линии, служащие для обмера. Следы их частично сохранились до наших дней. Римляне очень внимательно и настороженно наблюдали не только за небом, но и за своими соседями. Начиная с нападения кельтов в IV в. до н. э., у них выработался защитный инстинкт, менталитет, который возвел в абсолют интересы

собственной безопасности. Для профилактики они периодически нападали на соседние племена. Мало-помалу это превратилось в принцип.

Фундаментальное значение для создания и расширения римского владычества имели два понятия римского государственного права: *империя* и *провинция*. До сих пор является спорным вопрос, какое фактическое содержание имел термин «*империя*» в начале республики. Являлась ли она, как утверждал Т. Моммзен, всеобъемлющим полномочием высших магистратов, которые осуществляли как военное, так и политическое руководство. По этой концепции «*империя*» обозначала совокупность этих компетенций, которые раньше принадлежали царю, а позже — высшим должностным лицам — консулам и преторам.

Словом «*провинция*» обозначалась конкретная область империи, под которой могла пониматься определенная сфера юрисдикции, например, командование отдельным театром военных действий. Территориальное значение понятия «*провинция*» относится к более поздним ступеням развития, когда многочисленные римские провинции требовали точного определения. Как в случае со словом «*империя*», которое при принципате понималось как когерентная *Римская империя*, а во времена республики относилось к строго ограниченным во времени компетенциям, так и в случае с понятием *провинция*, которое в процессе развития римской экспансии коренным образом изменило свое содержание.

Начальная примитивная политика Рима с позиции силы хорошо иллюстрируется примером Сицилии, внешнеиталийской сферы влияния Рима. Римское вмешательство в распри мамертинов в Мессине в 264 г. до н. э. быстро привело к эскалации военных столкновений с Карфагеном, а именно, к продолжавшейся почти два десятилетия I-й Пунической войне, к которой Римская республика вообще не была готова, особенно на море. С

царем же Сиракуз, против которого должна была быть направлена римская интервенция, был заключен договор о мире и союзнчестве, который в дальнейшем очень пригодился Риму.

На опыте эскалации войны на Сицилии, истощившей Рим, Римская республика, как видно, ничему не научилась. Четыре десятилетия спустя она связала себя обязательствами дружеских отношений с Сагунтом, что на Пиренейском полуострове, чем спровоцировала Баркидов, династии их злейшего карфагенского противника Гамилькара Барки. Это спровоцировало II Пуническую войну (218—201 гг. до н. э.), которая привела город и его союзников на край пропасти.

Эта готовность идти на риск тем более удивительна, что совсем другой противник давно уже представлял для Рима гораздо большую опасность, чем карфагеняне на большом острове, а позже Баркиды в Испании. Процесс экспансии римского владычества и римско-латинской колонизации шел совсем в другом направлении. После нападения кельтов на первом плане стояли верхнеиталийские регионы и задача покорения кельтских племен. Делая вывод из более поздних событий, можно сказать, что римская республика во всех начинаниях, которые касались внешнеиталийских регионов, будь то Сицилия, Иллирия, Испания, Македония, Греция или Малая Азия и Северная Африка, вызывала события, последствия которых к началу интервенции не были предусмотрены.

Доказательством отсутствия у Рима внешнеполитической концепции является тот факт, что после окончания I Пунической войны на Сицилии не сразу была отлажена эффективная римская администрация вновь приобретенных областей. Первостепенная цель Рима заключалась не в том, чтобы по возможности лучше эксплуатировать новые регионы, а в освобождении Сицилии, а позже Сардинии и Корсики от власти Карфагена. За этим кроется не

только абстрактная римская «идеология безопасности», но и горький опыт многочисленных грабежей городов побережья карфагенским флотом во времена последней войны. Прежде всего за этим просматривается своеобразный принцип внешней силовой политики Рима: классическая Римская республика хотела господствовать над своим приграничным пространством, но боялась, однако, брать на продолжительное время власть над этими завоеванными территориями. Так как аристократическая республика не имела управленческого аппарата с долгосрочными функциями, она не могла и думать о том, чтобы взять на себя дополнительно управление большими регионами. Во-вторых, каждый обладатель власти, долгое время управляющий внеиталийскими областями, очень сильно увеличивал там свою клиентелу, что служило угрозой для равновесия римского аристократического общества и его однородности. Тем самым возрастала возможность образования единоличной власти, а в конце концов и монархической. Рим был всегда очень щедр на обвинения в подобных намерениях: подозревался в этом Сципион Африканский, а также Тиберий Гракх и Цезарь.

Итак, ясно, что начало систематической организации внеиталийской сферы господства Римской империи в своей основе было продиктовано военной и политической необходимостью. Очень часто это были импровизации, которые в будущем превращались в долгосрочные решения. Только в 227 г. до н. э. на Сардинии, Корсике и Сицилии были учреждены два претора с военной и административной властью и юрисдикцией. Установлением должностей этих двух провинциальных наместников преследовалась цель обезопасить римское господство от нежелательных для Рима совпадений интересов кельтов и карфагенян.

Обе ближайшие провинции, созданные в 197 г. до н. э. — *Испания ближняя* и *Испания дальняя* — были наследием II Пунической войны, подобно тому как Сицилия, Корсика

и Сардиния — наследием I Пунической войны. Конфликт с Македонией привел к образованию в 148 г. до н. э. провинции Македония, к которой вскоре была присоединена большая часть покоренной Римом Греции. Это являлось следствием войны с Ганнибалом, бывшего союзником Филиппа V Македонского. Поводом для массовой римской интервенции, которая привела к параличу всех эллинистических монархий, послужили попытки македонских и селевкидских владык распространить свою власть на греческие полисы в Греции и Малой Азии.

Последующие образования римских провинций были тоже вынужденными. Возникновение провинции *Африка* в 146 г. до н. э. явилось неизбежным следствием III Пунической войны (149—146 гг. до н. э.). Образование провинции *Азия* в 129 г. до н. э. прямое следствие равнодушия владык Пергама, которые по завещанию передали свое царство римлянам, а тот, кто подает пример, всегда находит подражателей. Образование *Нарбоннской Галлии* в 121 г. до н. э. стало необходимым, когда нужно было обеспечить безопасность коммуникаций из Италии в испанские провинции.

Если учесть все эти даты, факты и взаимосвязи, можно понять, что радиус власти Рима постоянно расширялся дальше, чем может предположить число провинций. Целая сеть договоров о дружбе, клиентские отношения с вождями и царями, дипломатические миссии и «благодеяния» распространяли римское влияние на другие регионы и давали основания и предпосылки для новых вмешательств. Еще со времен первой римской интервенции в Грецию и на эллинистический Восток в начале II в. до н. э. в город Рим хлынули посольства и цари из всего Средиземноморья. Сенату очень нравилась роль постоянного советчика и третейского судьи. Рим превратился в место, где разрешались конфликты государств Греции и Малой Азии, а также Испании и Северной

Африки, но только не конфликты собственных провинций. Уже давно стало ясно, что в результате непрямого управления, противоречивости и непродуманности римских решений озлоблялись и ослаблялись даже дружественные государства. Политические и общественные склоны часто приводили к хаотическим отношениям, и Рим был просто вынужден взять на себя управление этими государствами.

Какой бы целенаправленной и прогрессивной ни казалась организация римского союзничества в Италии, какими бы успешными ни были применение римского гражданского права и система римско-латинской колонизации, а также последовательная политика договоров, как инструмента власти и ее укрепления, такими же рудиментарными и неадекватными были основы римской администрации в провинциях. Там не было никакой модели римского господства и управления, которая переносилась бы на вновь обретенные пространства, не было четкой программы расширения римских территорий. По своей структуре и функциям они походили на первые внеиталийские провинции в Испании и Северной Африке, Малой Азии и *Гарбоннской Галлии*.

Но этот «конгломерат подвластных регионов» (В. Долгий) сдерживался угрозой введения римских легионов, а также заселением или долгосрочным пребыванием там римлян и италиков. Сначала эти замкнутые поселения не играли решающей роли. Но потом десятки тысяч римских ветеранов, торговцев и поселенцев внесли гораздо больший вклад в романизацию провинций, чем римская администрация. Более стабилизирующим римское господство фактором было то, что большие группы высших слоев местного населения становились на сторону Рима, видели в нем гаранта сохранения своих владений и собственности, действуя в своих интересах, они действовали в интересах Рима.

Так как во времена республики в Риме не было постоянного управленческого аппарата и ответственные должностные лица часто менялись, администрация по своей сущности строилась в расчете на личность, а не на региональные интересы. Поэтому личность наместника была важнее, чем все механизмы управления. В длинном ряду римских наместников в провинциях отсутствуют компетентные администраторы, зато есть даже преступные элементы, которые использовали свое положение в разных целях. Должность наместника нередко рассматривалась как шанс для восстановления семейного состояния, пошатнувшегося в результате огромных расходов на политическую карьеру и предвыборную борьбу. В 149 г. до н. э. был учрежден специальный «суд по взяткам». Он должен был препятствовать этим преступлениям, однако остановить их не смог. Сам факт возникновения необходимости его учреждения подтверждает крушение всей системы.

Быстрая смена римских администраторов и наместников в провинциях долго препятствовала проведению единой политики. Но все же отдельные наместники осознали огромные финансовые возможности римских провинций. На Сицилии во время II Пунической войны Марк Клавдий Марцелл, завоеватель Сиракуз, и его преемник Марк Валерий Левин, завоеватель Агригента, обложили налогами завоеванные общины. А в Испании Марк Порций Катон, позже цензор, ярый защитник обычаев предков и чрезвычайно способный экономист, поднял доходы Рима до небывалого уровня и стал примером эксплуатации провинций. Однако этим он спровоцировал ожесточенное сопротивление испанских племен и вождей, которое десятилетиями обременяло республику. Совершенно очевидно, что такая система не могла долго сохраняться и должна была привести к тяжелому кризису даже в самой метрополии.

**Упадок римской
республики.
Эпоха гражданских
войн**

Стремительная римская экспансия вызвала ответную реакцию не только почти во всех областях экономики и общества, но также в политике, культуре и религии. Процесс больших изменений, наблюдаемый со времен Пунических войн, не объясняется одной причиной. Взаимодействовали различные явления нового структурирования. Только комплекс кризисных симптомов может объяснить падение и безвыходность общественной и политической системы Римской республики в ее последней фазе.

Из всех отраслей экономики большим изменениям был подвергнут аграрный сектор — базис всей римской экономики. По словам Катона, предки в свое время превозносили того, кого считали достойным звания хорошего землепашца и помещика. Катон утверждал: «Сыновья землепашцев самые мужественные люди и самые выносливые солдаты, доход от землепашества является самым честным и верным и меньше всего подвержен зависти. Те, кто занят этой работой, не знают дурных мыслей» (Катон. «О сельском хозяйстве»).

Разница в образе жизни правящего слоя и мелкого крестьянства была сначала очень незначительной. О самом Катоне рассказывали, что он часто навещал хижину Манния Курия Дентата (консул в 290, 275, 274 гг. до н. э.), которая находилась по соседству с его имением. «Он часто приходил туда, смотрел на небольшой клочок земли и бедность жилища и представлял себе, как этот величайший из римлян человек, победивший воинственнейшие народы, изгнавший Пирра из Италии после трех триумфов сам обрабатывал это именье и жил в этой хижине» (Плутарх. «Катон Старший»).

Может быть, этот рассказ Плутарха был навеян более поздней идеализацией первоначальных форм жизни римского правящего слоя, однако факт заключается в том, что римские сенаторы того поколения своими руками обрабатывали имения и лично руководили сельскохозяйственным производством.

После II Пунической войны положение изменилось. Представители правящего слоя, владеющие к тому времени значительными капиталами, перестраивали производство по выращиванию хлеба в рационально организованное загородное хозяйство. Эти хозяйства специализировались на посадке оливковых деревьев и виноградников, выращивании овощей и фруктов, а иногда и на рыбоводстве. После превращения Италии в общесредиземноморское экономическое пространство эта новая форма производства показала себя более выгодной, чем традиционный способ ведения хозяйства. Теперь стали преобладать средние крестьянские хозяйства, в которых работало несколько дюжин рабов, одновременно вытеснялось мелкое крестьянство.

При этом следует отметить, что именно мелкое крестьянство издавна представляло собой опору римской государственности. В малых хозяйствах, которые редко превышали 10 ючеров (2,5 га), выращивались злаки, в садах — овощи и травы, содержалось несколько голов скота, преимущественно овцы и свиньи. Доходы от этого хозяйства едва перекрывали прожиточный минимум семьи. Грабежи и разбои во время войны, бури, долгое отсутствие хозяина из-за его участия в военных походах, долги и болезни часто разоряли эти мелкие хозяйства. В любом случае они не могли конкурировать с современными методами владельцев больших имений. В отличие от крупного загородного хозяйства, которое располагалось вблизи от рынков сбыта, удобных коммуникаций и обладало достаточным потенциалом рабочей силы, мелкие крестьяне большей частью жили в удаленных от рынка районах, но тем не менее добивались успеха, благодаря низкой себестоимости производства.

Мелкое крестьянство было парализовано не столько стратегией «выжженной земли» Ганнибала или стремлением владельцев крупных имений округлить свои владения, сколько многолетними походами Рима на эллинис-

тический восток в течение II в. до н. э., а также в Северную Африку и в Испанию. Во время этих походов погибли десятки тысяч крестьян. Показательно, что соображения о сохранении военной мощи Рима послужили для Тиберия Гракха поводом для проведения реформы, которая должна была снова усилить мелкое крестьянство. Но многочисленные «аграрные законы», которые действовали во все времена поздней республики вплоть до Цезаря, и наконец, расселение ветеранов, не смогли помочь этому сектору экономики. Остановить структурные изменения в области сельского хозяйства было невозможно.

Во времена поздней Римской республики, как никогда раньше, были благоприятными условия для ремесел, торговли, транспортного промысла и денежных операций. Из-за постоянных войн резко возросли потребности, поднялись объемы производства и возможности сбыта. Так как в Римской республике не существовало непосредственно государственной экономики, она была вынуждена передать арендным союзам *откупщиков* заказы на вооружение, транспорт, строительство, а также поручить им сбор налогов. Все это стало движущей силой экономического развития, но одновременно и официальной эксплуатацией провинций. Так как откупщики должны были первоначально ссужать значительные средства, их последующая прибыль была огромной, а главное — санкционированной государством.

Даже «певец» сельского хозяйства Катон научился давать в рост свои деньги. «Когда он начал зарабатывать деньги, он обнаружил, что земледелие является больше времяпрепровождением, чем доходным денежным источником. Он вкладывал свой капитал в верные, лишенные риска предприятия, покупал пруды, горячие источники, места для сукновален, приспособления для смоловарения, естественные пастбища, из чего извлекал большую выгоду... Он не пренебрег даже сомнительной ролью займодавца для избежания морской подати и поступал следую-

шим образом: побудил нуждающихся в деньгах создать общество кредиторов. Они совместно владели 50 или более кораблями, он через посредничество своего вольноотпущенника Квинтиона брал себе пай. Квинтион наблюдал за должниками и плавал вместе в ними. Таким образом, риску подвергались не все, а только небольшая часть кораблей, прибыль же была большой» (Плутарх. «Катон Старший»). Благодаря интеграции Рима в денежное хозяйство Средиземноморья, обогащался относительно небольшой слой всадников и вольноотпущенников. Само же развитие города Рима протекало крайне трудно. Во II в. до н. э. туда хлынули такие свободные граждане, как италийцы, много иностранцев, а также и рабы самых различных профессий и происхождения. При широкомасштабном строительстве города часть из них находила там работу, другие нанимались в услужение в богатые дома аристократов. Но Рим мог обеспечить только ограниченное число рабочих мест, поэтому резко возросло обнищание *городского плебса*, который влачил жалкое существование. Условия жизни народных масс столицы заметно ухудшились из-за постоянных пожаров, эпидемий, отсутствия жилья, долгов, зависимости от подвоза хлеба.

Со времен Гракхов не прекращались попытки унять недовольство с помощью введения нового порядка использования *общественной земельной собственности*, привлечения бедных свободных граждан к службе в легионах, распределения дешевого зерна и всякого рода пожертвований, однако основные проблемы не были решены. Старые связи *клиентелы* тоже не устояли перед лицом массового обнищания, *городской плебс* постоянно возрастал до непомерных величин. Его подстрекали как бессовестные демагоги, так и представители старых родов. Плебс приветствовал Мария так же, как и Суллу, Помпея, Клодия, Цицерона и Цезаря.

Тем не менее обнищание возросшего *городского плебса* не было решающим явлением для общественных из-

менений поздней республики, им стало образование войсковой клиентелы. Вследствие непрекращающихся военных кампаний во II в. до н. э. старая система гражданской милиции уже давно себя изжила. Напряженное военное положение ко времени югуртинской войны и последующей борьбы с кимбрами и тевтонами вынудило провести реорганизацию рекрутирования и набора войска. Но это не значит, что была отменена старая система конскрипций и снижен необходимый для службы в легионах минимальный ценз. Гораздо важнее был тот факт, что теперь в армию на долгосрочную службу призывалось большое число вольноотпущенников и бедных крестьян, людей, которые после окончания службы возвращались к своим прежним занятиям.

Более важными, чем расширение рекрутского набора и чем все тактические и дисциплинарные изменения, введенные реформой Мария, были социальные связи, возникшие в связи с этим, а именно личные обоюдные отношения верности между солдатами и командирами, которые позволяют говорить о войсковой *клиентеле*. Она превзошла прежнюю систему социальных связей между аристократическими семьями и их клиентами. Теперь такие люди, как Марий, благодаря своим высоким воинским качествам, могли не только конкурировать с большой аристократической клиентелой, но даже и превзойти ее. Войсковая клиентела все больше превращалась в инструмент политической власти.

Важной предпосылкой этого развития являлось понимание того, что имперские задачи военного руководства и политики не могли больше осуществляться под ежегодно меняющимся командованием аристократических любителей. После долгосрочного командования Сципиона Старшего во время II Пунической войны и после продления полномочий Мария в борьбе против кимбров и тевтонов было положено начало долгосрочной власти, что со времен Помпея стало уже обычным. Войсковая клиентела и

выдающаяся личность — первооснова этого нового для республики явления. В поздней фазе Римской республики выяснилось, что политики, не имеющие собственной войсковой клиентелы, такие, как Цицерон и Клодий, были обречены на неудачу и, наоборот, большие войсковые со-единения, например, такие, как были позже у Лепида на Сицилии, не могли отстоять свои интересы без способного военачальника. Войсковая клиентела и «колоссальная индивидуальность», по выражению Гегеля, постоянно шли рука об руку, но никогда это не проявилось столь ярко, как в случае с Цезарем.

Все вышеописанные процессы не могли осуществиться без постоянного притока рабов в римскую экономику и общество. По современным оценкам общее число рабов в Италии между Ганнибалом и Августом поднялось с 0,6 до 3 миллионов, причем в эпоху Августа общее население Италии составляло приблизительно 7,5 миллионов. Не нужно забывать, что среди многих свободных граждан различных правовых категорий содержался большой процент бывших рабов, которые получили право римского гражданства после освобождения из рабства. В любом случае после Пунических войн из-за массового обращения в рабство военнопленных, организованного рынка раб-очей силы, связанного с пиратством в Средиземном море, и различные сферы римской экономики и общества влились десятки тысяч рабов.

Судьба этих рабов была различной и зависела от их квалификации и выполняемой работы. Она являлась наиболее удачной, когда рабы выдвигались на ответственные должности или интегрировались в семью. Судьба была сносной, когда они совместно работали на малых пред-приятиях своего хозяина и нередко превосходили его зна-ниями и сноровкой. Судьба их была также терпимой, ко-гда они, работая пастухами, располагали большей свобо-дой действий. Совершенно невыносимой она становилась тогда, когда они работали в шахтах, в рудниках, камено-

ломнях, на латифундиях или на галерах. На галерах им приходилось выполнять тяжелейшую работу, а в качестве гладиаторов ежедневно смотреть в глаза смерти.

Великие восстания рабов в эпоху поздней республики, особенно сицилийские войны рабов (135—132, 104—100 гг. до н. э.) и восстание Спартака (73—71 гг. до н. э.) подтверждают, что эту огромную массу рабов не сразу удалось интегрировать в римско-италийские структуры. Обычные репрессии не помогали справиться с этой проблемой. Она не решалась и после насильственного подавления восстаний. Не решалась также с помощью гуманного отношения, усиленного надзора и организации работ. Когда во время проскрипций Суллы рабов призвали доносить на своих преследуемых по политическим причинам хозяев, была поставлена под вопрос сама солидарность и общность интересов рабовладельцев. В гражданских войнах много рабов получили свободу, потому что вовремя примкнули к победителю. При Сексте Помпее наконец стало ясно, что политизированные и милитаризированные толпы рабов Италии могли отстаивать свои интересы даже перед триумвирами Марком Антонием, Октавианом и Лепидом.

Как и в случае с рабами, не удалась интеграция союзников и жителей провинций. Вспышки союзнической войны 391—83 гг. до н. э. были следствием пренебрежения вопросом о союзничестве, результатом чрезмерного обременения союзников постоянными военными походами в интересах Рима при одновременном причинении политического и морального ущерба. Едва ли было лучше положение в провинциях. Крах римского господства во всей Малой Азии и Греции во время первой войны с Митридатом показал, как ненавистен был римский распорядок и как легко его можно было сбросить. В то время, как в Италии по требованию восставших союзников были осуществлены политическо-правовые нововведения, римские провинции, как и прежде, оставались объектом система-

тической эксплуатации и со всеми своими ресурсами были арсеналом гражданских войн.

Для объяснения всеобъемлющего кризиса поздней Римской республики современная историческая наука использовала ошибочное представление о развитии политики, экономики и общества. Недостаточность конституции и политического инструментария «города-общины» для задач государства стала столь очевидной, столь очевидными были изменения общественных и экономических структур, что анализ, предусматривающий только эту сферу, является явно недостаточным. Для времени поздней Римской республики гораздо важнее понять новые процессы в духовной жизни, культуре, религии и менталитете.

Поздняя республика ничего не привнесла не только для малочисленного правящего слоя, но для римских солдат, торговцев и купцов, которые непосредственно сталкивались с греко-эллинистической культурой и религией. Одновременно эти чуждые формы и иной духовный мир распространялись и в самом Риме. Так называемое вакхическое преступление 186 г. до н. э., эксцесс культа Диониса, было пресечено. Высылка греческих риторов и философов в 161 г. до н. э., аллергическая реакция Катона на так называемое посольство философов в 155 г. до н. э., когда великие греческие философы — Карнеад, Диоген Критский — своей диалектикой сбивали с толку молодых римлян, свидетельствуют о том, что консервативный правящий слой видел в этих явлениях угрозу традиционным ценностям и нормам.

С другой стороны, именно аристократы и всадники украшали свои виллы греческими произведениями искусства. Украшение городских и загородных домов статуями, мозаиками и портиками было широко распространено, но редко кто читал греческую литературу и философию. Однако сама латинская литература выросла на греческих образцах, только сатира отличалась оригинальностью. Дра-

матургия по греческому образцу, комедии Плавта и Теренция очаровывали тысячи людей, но еще больше было тех, кто обращался к новому культу греческого и восточного происхождения.

Воспитание личности на различных видах литературы и искусства стало характерным для римского мира II и I вв. до н. э., выражалось ли оно в расцвете портрета, в сатирах Люцилия или в любовной лирике Катулла. Возрастающая потребность в личном религиозном удовлетворении отвращала от прежних культовых норм и заставляли искать прямого общения с божеством. Естественно, абсолютизация личности, заложенная в большинстве эллинистических течений, могла привести к полному агностицизму, философскому скепсису или же к приверженности астрологии и магии. Эмансипация индивида охватила Рим, и без учета этих духовных и религиозных предпосылок нельзя понять поведение таких политиков, как Сулла и Цезарь.

Эпоха поздней Римской республики характеризовалась сначала медленным, а потом крайне динамичным процессом распространения власти на обширную часть Средиземноморья. Эта эпоха характеризуется также расслоением римского общества, изменением экономических структур, усилением антагонизма внутри отдельных общественных групп. Относительная однородность правящего слоя была утрачена. Начиная с II в. до н. э. наряду с сенаторским сословием начинает формироваться новое сословие всадников, которые хотя и не получали должностей магистратов, но приобретали все большее значение сначала в экономической, а потом и в политической сферах. 300—600 римским сенаторам противостояло в I в. до н. э. приблизительно 10—20 тысяч всадников.

Сам сенат уже не был корпорацией аристократов одинакового ранга. Главным являлась не принадлежность к старой аристократии, то есть к 25 старым аристократическим фамилиям, а наличие и концентрация богатства в руках небольшого количества семей. Когда-то собственнос-

тью сенатора было одно-два загородных поместья, к тому времени уже были известны сенаторы, имеющие более шести поместий.

К тому же начали быстро возникать политические группы, объединявшиеся по личным или политическим мотивам, их ни в коем случае нельзя отождествлять с оптиматами и популярами. Некоторые из членов этих групп заседали в сенате, сохраняя традиционные конституционные нормы, другие опирались на народные собрания и действительно хотели реформ внутри системы. Совершенно очевидно, что за действиями обеих сторон скрывались личные амбиции.

Интересы *городского плебса и деревенского*, городского римского пролетариата и римско-италийского крестьянства перестали совпадать по многим позициям. К этому же нужно добавить рост владеющей собственностью буржуазии в италийских городах, которая пользовалась полным римским гражданским правом. Муниципальный слой городских советов, удачливые помещики, торговцы и производители уже давно отождествляли свои интересы с интересами Рима и принадлежали к привилегированной муниципальной аристократии. Они извлекали пользу из империи и были ее верной опорой. Бесспорно, что представители этих слоев сначала в Италии, а позже и в провинции жертвовали своими местными традициями ради восхождения по социальной лестнице. К ним примкнули многие вольноотпущенники, удачливые купцы, которым неподконтрольная государству экономическая система предоставляла огромные возможности.

Нарастающая поляризация между оптиматами и популярами, рабовладельцами и рабами, римлянами и союзниками, италиками и жителями провинций должна была вызвать и вызвала противостояние, напряженную обстановку и конфликты, которые потрясали позднюю Римскую республику. Часто можно наблюдать пересечение политических и общественных интересов, и форму-

лировка «страшные симплификаторы» мало чем помогает в понимании реальности. Кризис Римской республики не является результатом классовой борьбы или дезинтеграции общества, потому что большие группы общества в него вообще не были интегрированы. Их интеграция стала одним из величайших достижений принципата.

В соответствии с уже упомянутыми традициями, взглядами и нормами римского правящего слоя и широкого круга римских граждан сложный процесс изменений, начавшийся после окончания II Пунической войны, часто оценивается как упадок и кризис. С одной стороны, значительная несвобода, с другой же ориентация на идеализированные республиканские ценности мешают признать объективность социального угнетения. Продолжают преобладать основные нравственные ценности общества, поэтому II в. до н. э. рассматривается, как «падение нравов».

Этот факт имел далеко идущие последствия: даже неизбежные реформы шли по старому пути и были сориентированы на старые модели и структуры. Например, считалось, что кризис аграрного сектора можно ликвидировать с помощью воспроизводства мелкого крестьянства, хотя давно уже была замечена ненадежность подобного существования. В области администрации и военного руководства также крепко держались за старые традиции, хотя уже давно было ясно, что возросшие задачи больше не могли выполняться с помощью старого инструментария и прежних форм.

Среди многочисленных факторов и явлений кризис поздней республики еще раз подтверждает старую основную черту римской политики: в ней никогда не было альтернативных политических и общественных программ. В ней никогда не шла речь о выборе между различными структурами и системами, о долгосрочных программах и об установлении определенного политического или общественного курса, но постоянно говорилось о единичных конкретных вопросах, о случайных решениях или о выбо-

ре между определенными лицами. *Постановления сената* и народного собрания предлагали конкретные меры и давали узко ограниченные указания. Не выполнялись никакие планы, не было осуществлено ни одной программы, решения принимались для *определенного случая*, что свидетельствовало о совпадении интересов правящего слоя и граждан, а также о внутренней закрытости и когерентности системы.

Итак, понятно, что даже в драматической фазе римской истории, в период между Гракхами и Августом, политические конфликты возникали вокруг отдельных законодательных предложений и прошений, вокруг власти, которая была представлена отдельными лицами, но не вокруг отдельных программ или альтернативных решений. Даже у начинаний Тиберия Гракха, Мария, Сатурнина, Цезаря или Августа в центре стояли конкретные, отдельные решения. Фокусирование на единичных краткосрочных мерах и стремление к их выполнению в пределах нескольких месяцев всегда были признаками эскалации кризиса. Законы Лициния—Секста от 367—366 гг. до н. э. в этом отношении были такими же, как инициативы Гая Гракха, энергичные реставрационные законы Суллы. Это был водопад единичных мер в различных областях, позже такие же меры характеризовали диктатуру Цезаря и не менее важные по своему значению распоряжения Августа.

Имея в виду эти традиции, полным анахронизмом является ожидание сформулированной политической программы от оптиматов, популяров и отдельных римских политиков. Характерным признаком римской политики в этот период было как раз то, что за высокопарными словами скрывались конкретные цели. Короче говоря, кто занимался политикой, произносил громкие слова: одни якобы защищали права народа, другие оберегали авторитет сената. На самом же деле они все «боролись только за свою власть» (Саллюстий. «Катилина»).

Политика Рима I века до н. э. все больше и больше становилась вопросом власти. Изменения в структурах сами по себе не объясняли упадка Римской республики. Только благодаря сосредоточению власти внутри правящего слоя и мобилизации войсковой клиентелы и *плебса*, влияние отдельных лиц распространялось на все большие группы людей. Возобновляющиеся политические конвульсии привели в конце концов к хаотическому состоянию императорской эпохи, после того как республика распалась в результате радикализации борьбы отдельных групп. Отречься от власти представители олигархии не умели, их нужно было уничтожить политическими и психологическими методами.

История ранней и классической Римской республики, с одной стороны, знает целый ряд героизированных политиков и военных, с другой же, все эти люди были полностью интегрированы в общество и государство. Даже для такого особенно важного периода времени, как I Пуническая война, античные источники не называют ни одной личности, которая определяла бы римскую политику, а скорее создают впечатление коллективного руководства. Когда Катон Старший в своем историческом труде «Древнейшая история» не называет имен действующих лиц, а обозначает их, например, «консул», то это, видимо, уже более поздний симптом.

Очевидно, Катон уже почувствовал, что в лице его крупного политического противника Сципиона Африканского начинается новый процесс, который в конечном итоге приведет к абсолютизации отдельных личностей. Именно Сципион Африканский открывает ряд «выдающихся индивидуальностей», которые, по Гегелю, характеризовали позднюю фазу Римской республики. «Их несчастье состоит в том, что они не смогли сохранить нравственное начало, потому что то, что они делали, являлось преступлением и было направлено против сущего. Даже самые благородные из них — Гракхи — не только сами подвергались неспра-

ведливости, но и были вовлечены в общий разврат и несправедливость. Но то, что эти индивиды делали и хотели, имело высшее оправдание и приносило победу» («Лекции по философии истории». Штутгарт, 1961).

Сципион Африканский, молодой представитель знатного римского рода, во время II Пунической войны вместо обыкновенной чиновничьей карьеры выбрал военное поприще, поднялся до главнокомандующего, взял на себя политическое и военное руководство, достиг потрясающих успехов и, наконец, разгромил самого Ганнибала. Его личность соответствовала старым римским представлениям об удаче и была окружена харизматической аурой. Как избранный, одаренный счастьем человек, он открыл целый список имен, в котором за ним следовали Сулла и Цезарь, люди, имеющие те же убеждения и те же самооценки.

Нет необходимости подробно характеризовать здесь выдающихся римских политиков II и I вв. до н. э., тех людей, которые внесли личный вклад в руководство римской политикой. Достаточно упомянуть самых выдающихся. Ни в коем случае не идеализированного «освободителя» Греции Тита Квинция Фламинина, крайне стилизованного в античных источниках Сципиона Эмилиана, победителя Карфагена и Нуманции, Тиберия Гракха, открывшего эру реформистских начинаний и смут, его брата Гая, о котором Моммзен однажды сказал: «Этот величайший из политических преступников является также и человеком, возродившим свою страну» («Римская история», т. II. Берлин, 1903).

Список политически одаренных личностей этого века очень длинный. К уже названным именам нужно добавить военного реформатора и военачальника Мария, который явно не преуспел в политическом секторе, а также в 100 г., затем идут имена бескомпромиссного, всеми силами стремящегося к власти Сатурнина и Главция и та-

ких людей, как народный трибун Марк Ливий Друз. Наконец, следует упомянуть имя самого Суллы.

После поражения союзнической войны 91—89 гг. до н. э., в которой Рим вынужден был устранить *хронические недоразумения* со своими италийскими союзниками и уравнять в гражданско-правовом отношении свою власть, Сулла стал доминирующей фигурой римской политики. В 80-х гг. I в. до н.э. именно от него исходят политические импульсы и решающие инициативы. Достойным упоминания парадоксом является тот факт, что именно этот решительный борец против римской олигархии последовательно и беззастенчиво использовал в качестве инструмента власти общественный организм войсковой клиентелы, созданный Марием против законного, с точки зрения государственного права, но выдержанного в популистских традициях Мария правительства Рима.

Благодаря рискованному, но вынужденному компромиссу с Митридатом VI Понтийским Сулла смог успешно закончить гражданскую войну и после массового уничтожения своих противников в проскрипциях, еще на одну ступень поднявших систему политического террора, достиг неограниченной власти диктатора и в этом качестве попытался провести реставрацию традиционной политической системы. Серией отдельных законов он стремился снова укрепить власть сенаторской аристократии и оградить администрацию и юрисдикцию от посягательств цензоров и народных трибунов. Какими бы прогрессивными ни казались многие из бесчисленных единичных мер, по существу своему Сулла оставался в плену римских традиций. Было бы иллюзией предположить, что традиционные законодательные средства могли быть достаточными для преодоления всеобщего кризиса.

Последний шанс правящей олигархии был упущен не потому, что она не сконцентрировала свои усилия на реформах Суллы по преобразованию правящего слоя и его главенствующего положения в администрации и полити-

ке, а потому, что не было обеспечено постоянное и достаточное укрепление системы. Консолидация общества и государства не могла быть достигнута одними законодательными актами и организационными преобразованиями. Могло помочь только долгосрочное функционирование власти, долгосрочная ответственность и отождествление ведущих политиков с реорганизацией системы. Учитывая это, разрыв со старыми традиционными республиканскими обычаями был неизбежен, но Сулла не был к этому готов. Реставрация при Сулле по праву относится к одной из немногочисленных и едва ли превзойденных по своей систематике реставраций мировой истории. Она так быстро потерпела неудачу, потому что последовательно противостояла давно возникшим политическим процессам, возводила в абсолют интересы одного общественного и политического слоя и тем самым бросала вызов широкому фронту противодействующих сил.

Недостатки реставрации Суллы проявились уже в 70-е гг., когда молодой Помпей мобилизовал большую клиентелу своего отца и с ее помощью стал одним из видных соратников Суллы в Италии, когда Лепид готовил новый поход на Рим, когда старые противники, такие, как Серторий, годами управляли Испанией и когда, наконец, в конце семидесятых годов восстание Спартака потрясло всю Италию и одновременно доказало, что тяжелые общественные недостатки не были устранены.

Исходя из первоисточников 63 г. до н. э., год консульства Цицерона, год заговора катилинариев, а также год рождения Октавиана, стал эпохальным для римской истории. Даже если не принимать во внимание речи Цицерона и не переоценивать достижения Рима за эти месяцы, этот год представляет увертюру того «ускоренного процесса», который привел к кризису и упадку Римской республики и к ее долгой агонии в 60—44 гг. до н. э. В лице Красса, Цезаря, Катона и Цицерона уже в 63 г. до н. э. столкнулись друг с другом протагонисты радикального

крыла Римской политики, по одну сторону были динамичные бескомпромиссные и честолюбивые реалисты, по другую — косные, по рукам связанные собственной идеологией, разные по своему потенциалу защитники старых аристократических традиций. Неурядицы этого года еще раз обнажили кризисные симптомы того времени, те симптомы, которые придали процессу брожения ожесточение и силу: долги большей части населения и правящего слоя, возрастающее недовольство старых марианцев и их потомков, нищета ветеранов Суллы, поразительно большое число потерпевших крушение в политике и социально неинтегрированных молодых аристократов и многое другое.

В 63 г. до н. э. решающим фактором оставалось только беспрекословное повиновение войск, которые собрал вокруг себя Помпей во время своей запоздалой, но успешной борьбы со средиземноморскими пиратами и во время борьбы с Митридатом VI и покорения Римского Востока. Как когда-то Сулла, Помпей был теперь в состоянии задействовать преданное ему и материально от него зависящее войско и весь военный потенциал Малой Азии и Сирии против Рима. Этот молодой человек, окрыленный мифами об Александре Великом, один из блестящих организаторов, распоряжался Римом и полностью подчинил себе римский сенат.

Когда Помпей, носивший прозвище «Великий», главнокомандующий по милости Суллы, обладающий полной властью в войне против пиратов и Митридата, после своего возвращения из Малой Азии и роспуска войска столкнулся с мелочной политикой сената, он быстро приступил к перегруппировке политических сил Рима и к эскалации внутренних разногласий. Так как Помпей один был слишком слаб, он в 60 г. до н. э. заключил с Крассом и Цезарем так называемый I триумвират.

Это были очень разные люди, объединившиеся для совместных действий, но они являлись одновременно и тремя типичными представителями римского правящего

сложения поздней республики. Марк Лициний Красс еще при Сулле проявил себя, как способный и добросовестный военачальник, однако потом он скандальным образом извлек материальную выгоду от проскрипций. Быстро стал одним из богатейших людей города и вкладывал свои огромные средства в политику и в новые инвестиции. Он участвовал во всех планах и заговорах в качестве влиятельного кредитора и открыто признавал себя сторонником тезиса: кто хочет быть первым в Риме, должен иметь столько денег, чтобы быть в состоянии набрать на них войско.

Но насколько Красс был удачлив во всех сферах деятельности, настолько он был неудачлив в политике. Он не смог достичь неоспоримого главенствующего положения в государстве, и союз с Цезарем и Помпеем был для него единственным выходом для достижения какого-то влияния. Но будучи честолюбивым соперником Цезаря и Помпея, он не мог довольствоваться экономическими и внутриполитическими успехами. Он тоже жаждал славы великого полководца и поэтому возложил на себя власть над Востоком, чтобы это дало ему возможность развязать рискованный поход против парфян. Этот поход кончился катастрофой при Карре в 53 г. до н. э. Это неудачное сражение, в котором он погиб, десятилетиями довлело над событиями на восточной границе Римского государства. Последствиями этого урона для римской политики пришлось заняться Цезарю, Антонию и Августу.

Гай Юлий Цезарь был самой выдающейся личностью среди триумвиров. Высокообразованный беспощадный молодой политик в этот момент не мог соревноваться с Помпеем или Крассом. У него не было ни престижа Помпея, ни такой большой клиентелы, ни финансовых возможностей и многочисленных политических связей Красса. Но Цезарь, тем не менее, добился консульства в 59 г. до н. э., и поэтому триумвиры могли надеяться осуществить свои намерения с помощью его законного поло-

жения высшего магистрата. Их договоренность «ничего не предпринимать в политике, что повредит одному из трех», конечно выполнялась не всегда. Они тоже не вырабатывали никакой долгосрочной программы, но подготовили конкретные законопроекты и решения, которые, кроме специальных целей, должны были укрепить ведущее положение трех политиков.

Эти инициативы могли иметь успех только при нейтрализации сенатской оппозиции, и как раз образование триумвирата послужило сигналом к ее активизации. Но объединенные сильные политики прекратили противоречия внутри сенатской олигархии. Из Катона Младшего, приверженца старой республики, вырос бескомпромиссный, подчас излишне суровый, но морально безупречный политик высокого ранга и большого авторитета, сознательно обостряющий противостояние. В политике триумвирата было новшеством то, что триумвиры решили собрать себе клиентелу из разных слоев населения не только для достижения краткосрочных целей, но и для того, чтобы на этой основе диктовать все важнейшие политические решения. Катон сразу заметил в этом опасность для республики.

Несмотря на ожесточенное сопротивление сенатской аристократии, триумвирам удалось достичь своей цели. Самую большую выгоду извлек из этого Цезарь, который уже исчерпал возможности своего наместничества в Галлии. Он смог ослабить критику в свой адрес благодаря своим впечатляющим военным успехам. В Галлии он прежде всего обеспечил себе повиновение войска, а также средства, которые позволили ему стать по власти равным Помпею.

Было бы ошибочным отождествлять римскую политику 50-х и начала 40-х гг. до н. э. с развитием личных отношений между Цезарем и Помпеем. Более того, после гибели Красса началась поляризация политических сил, потому что «испорченность» клиентелы уже давно достигла

предела, когда их *патрон* мог пользоваться поддержкой только в том случае, если сохранял свой политический престиж при всех обстоятельствах и любыми средствами. Так как Помпей в 50-е гг. возложил на себя новую власть и новую ответственность и наконец стал в 52 г. до н. э.

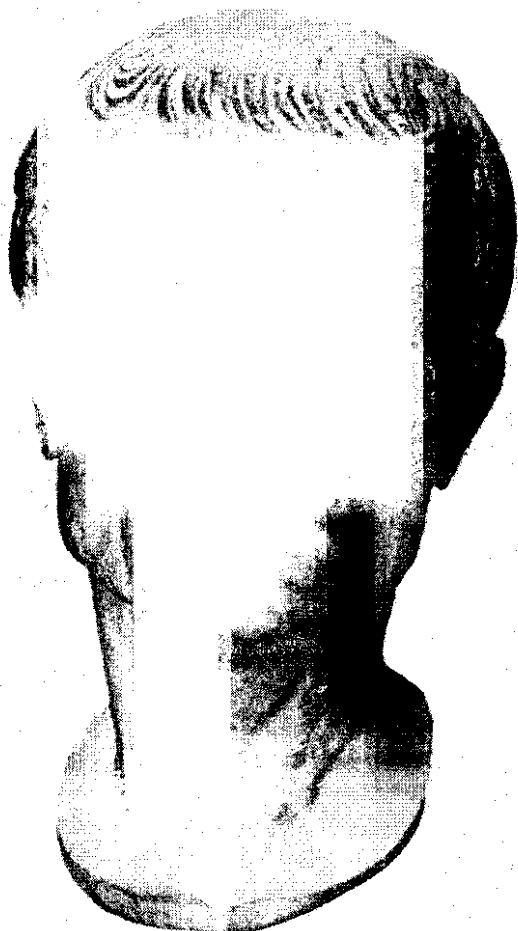

Рис. 1. Цезарь. Портрет, Пиза

единственным консулом (обычно их было по два), он разрушил все конституционные структуры и, казалось, давно сделал выводы по поводу критического положения республики. Фактически его организационные и конституционные модели открывали путь принципату Августа. Например, он управлял своими провинциями через легатов, сам же никогда там не был.

Однако Помпей не решался нарушить рамки законности. Он всегда хотел, чтобы его просили, и наконец стал исполнителем воли сенатского большинства. В конфликтных случаях он уступал, потому что в отличие от Цезаря интересы государства для него были превыше всего. Помпей потерпел неудачу из-за внутренних противоречий между его политическими убеждениями и претензиями на положение первого человека в государстве. Такая ситуация не могла интегрироваться в старые структуры республики.

У Цезаря не было сомнений Помпея. Начиная со времени своего консульства в 59 г. до н. э., он приступил к беззастенчивому созданию собственной власти, причем свое личное *достоинство* он возвел в абсолют. Обструкция противников побудила его к новым атакам на дух и букву старой конституции, пока он не установил пожизненную диктаторскую власть. Сначала он возродил традиции популяров и мобилизовал клиентелу Мария. Но скоро стал лидером всех общественных движений в Риме, Италии и провинциях. Несмотря на то, что его семья принадлежала к старейшей патрицианской аристократии, Цезарь нуждался в новых силах в сенате, в честолюбивых всадниках, в активных членах городских администраций Италии, даже в способных жителях провинций и, наконец, в клиентеле.

Помпей был способнейшим организатором и администратором. Он доказал это своими преобразованиями на римском Востоке после окончания войны с пиратами и с Митридатом VI Понтийским. У Цезаря же на переднем

плане всегда стояли персоналии. Будь то во время похода в Галлию, на западе империи, в гражданской войне против Помпея и сил старой республики в 49—46 гг. до н. э. или во внутренней политике: сила и власть Цезаря основывались на личных связях и гораздо меньше на государственных институтах. Благодаря личным связям он создавал новые союзы, себя же ставил в них на первое место, не обращая внимания на реакцию старых сил. Поэтому приверженцы старой системы клеймили его, как тирана, и призывали к его убийству.

После апофеоза Цезаря, сделанного Т. Моммзеном, который называл диктатора демократическим монархом, но одновременно дистанцировался от любого современного «цезаризма», и после идеализации Цезаря Матиасом Гельцером стало неизбежным снова попытаться критически оценить личность Цезаря. За Цезарем категорически не признавали качеств государственного деятеля, у него не видели никакой политической и социальной программы, а также концепции той «мировой монархии», о которой так много было сказано. Снова и снова односторонне освещались нравственные недостатки его личности, спешка и противоречивость его реформ, короче, вообще не признавалось «величие» Цезаря.

Однозначно односторонний взгляд на личность Цезаря, в течение 15 лет не дававшего передохнуть всему римскому миру и уже два века удерживавшего за собой одно из первых мест в европейской истории, одинаково проблематичен, как и прежний апофеоз. Никаких сомнений не вызывает его колоссальная энергия, гениальность полководца, широта натуры и большой ум политика, но не вызывает сомнения и тот факт, что римское общество и римское государство не могли принять личную власть в форме диктатуры. Не диктаторское решение Цезаря предопределило приход диктатуры, а его крах повлиял на будущие процессы принципата, Август позже попытался

отчасти воспользоваться синтезом модели Цезаря и Помпея.

У Теодора Моммзена в его идеализированном изображении Цезаря есть фраза: «Если у столь гармонической личности есть единственная черта, которая может называться характерной, то это та, что этой личности чужда всякая идеология и фантазия» («Римская история». Т. III. Берлин, 1904, с. 462). Эта фраза может привести к неправильным выводам, если отождествлять понимание идеологии у Моммзена с современным ее пониманием. На первый взгляд, Цезарь рассматривал политику как вопрос власти. Он часто пренебрегал нормами конституции и традициями, презирал бездеятельный сенат, ограниченных политических противников и даже полностью коррумпированный народ, в интересах которого он якобы действовал. С другой же стороны, он был вынужден оправдывать свои действия как во время своего первого консульства, так и во время наместничества в Галлии и, разумеется, во время гражданской войны. Изображения на монетах прославляют его победы. Он был первым римским политиком, который еще при жизни разрешил выбить свое крайне реалистическое изображение на монетах. Блестящий оратор, он умел выставить в выгодном свете свои взгляды на политическое положение и на военную необходимость. Великий застройщик Рима, он сумел создать в репрезентативных формах монументальное отражение своей власти.

«Достоинство» было для Цезаря ключевым понятием, идентичным врожденным аристократическим претензиям. Так как в Риме каждый «достойный» отличался своими трудами в интересах общества, то в соответствии с ними он был достоин уважения. После своих успехов в Галлии Цезарь был одержим значимостью собственной личности. Цезарь и Август были ведущими римскими политиками, которые владели литературным мастерством,

а также мастерством сознательного влияния на общественное мнение. Естественно, «Записки о Галльской войне» Цезаря не идут ни в какое сравнение с совершенно другой традицией и другим жанром «Автобиографии» Августа. Однако вряд ли можно спорить с тем, что в обоих случаях присутствует сознательная стилизация происходящего, сознательный акцент на политические и военные заслуги действующих политиков. В обоих случаях подвергалось влиянию общественное мнение современников, в обоих случаях они вызвали резкую критику в настоящее время.

«Галльская война» показывает, насколько умело Цезарь уловил элементы позднеереспубликанской идеологии римского правящего слоя и как ловко он манипулировал такими понятиями, как *«империя, дружба, обычаи и достоинство»*, когда шла речь о его собственных интересах. Кульминационным пунктом его влияния на общественное мнение являются попытки оправдаться в начале гражданской войны 49 г. до н. э., когда он, с одной стороны, утверждал, что покинул свою провинцию не со злым умыслом, а для того, чтобы защитить себя от оскорблений врагов, восстановить трибунам их прежнее *«достоинство»* и освободить угнетенный небольшой группой народ. С другой же стороны, он написал в одном письме, что не хочет подражать Сулле, а новым способом побеждать должна стать жалость и широта натуры. Часто восхваляемое *милосердие Цезаря* вошло в поговорку, и это тоже доказывает признание его превосходства, силы и подчинение его личности.

Если эти сознательно распространяемые Цезарем идеологии и не объединялись в одну систему, то все равно они были эффективными. Они привели к такой реакции, которую диктатор вряд ли предполагал. Естественно, его *милосердие* было не только идеологией, но засвидетельствованным фактом, который вынужден был признать и сам Цицерон. Но это милосердие часто было опасным,

потому что помилованные противники не думали о примирении с единовластием диктатора, которому они были обязаны жизнью. Они ненавидели его еще сильнее.

В 46—44 гг. до н. э. римской общественности и сенату был брошен вызов преувеличенными и массивными почестями диктатору, а особенно прославлению его в религиозных культах и во всех сферах религиозного почитания. Чем сильнее Цезарь абсолютизировал свою личность, тем шире становился фронт противодействия, который теперь полностью сконцентрировался на его устранении. Цезарь умел завоевывать расположение людей и производить на них впечатление. Ему не хватило времени и терпения для полной интеграции всех политических группировок в новую политическую систему. Не доставало ему и готовности к компромиссу и уважения к еще сильным традициям и к достоинству своих противников.

Кроме клиентелы, верности войска и, конечно, идеологии, нужна была также и материальная база для долгосрочной единоличной власти в рамках поздней Римской республики, ему не нужно было учиться у Красса: его вряд ли можно было превзойти по вложению финансовых средств. Он полностью растратил свое состояние необходимыми вложениями в политическую карьеру. Но во время похода в Галлию он исправил это положение. Десятки сенаторов зависели от него материально, влиятельные политики были подкуплены, не долго думая, к концу похода в Галлию он удвоил жалование войскам. К этому нужно прибавить большие расходы на строительство, игры и подарки римскому народу. В использовании подобных методов Цезарь не был одинок. Помпей вел себя точно так же. Галльская война предоставила Цезарю те же возможности, какие позже предоставила Октавиану египетская война.

**Восхождение
Октавиана к
единоличной власти**

В «Жизни двенадцати Цезарей», которая послужила началом сборника биографий *принцев* из дома Юлиев-Клавдиев, «четырех императоров» и Флавиев, Светоний так описывает события в римском сенате в мартовские иды 44 г. до н. э.: «Он (Цезарь) сел и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: «Это уже насилие!» — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла. Цезарь хватается Каску за руку, прокалывает его грифелем, пытается вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, что-бы пристойней упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустив не крик даже, а стон, — хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: «И ты, дитя мое!» («Жизнь двенадцати Цезарей». М., 1964, с. 32).

По именам известна лишь небольшая часть, примерно 20 из 60 противников Цезаря, вступивших в заговор против диктатора. Самыми известными являются Марк Юний Брут и Гай Кассий, они явились непосредственными убийцами Цезаря, к тому же у них были предшественники — убийцы афинского тирана Аристогентон и Гармодий (514 г. до н. э.). Благодаря участию Брута, это событие приобретает философский и даже театральный оттенок. Так как Брут сам признавал свое родство с классическими римскими тираноубийцами Луцием Брутом и Сервилием Агалою, он, следуя семейным традициям, считал своим долгом убить тирана и более того, был одержим этой мыслью.

«С мужеством мужчин и разумом детей», — как говорил Цицерон, — убийцы Цезаря устранили «тирана». На-

дев меховые колпаки вольноотпущенных рабов, они пошли на форум на Капитолий и в первые же часы после убийства убедились, что их деяние не получило ожидаемого резонанса. Было нелепо считать, что убийство диктатора восстановит старые институты аристократического государства, поможет приходу к власти олигархии, распустит клиентелу Цезаря и его политических сторонников, а также оттеснит тех, кто отождествлял себя с его системой. Старые республиканские речи больше не возбуждали. *Городской плебс* Рима был уже давно коррумпирован и не встал под знамена затертых олигархических лозунгов.

Так как основные сторонники Цезаря, его коллега по консульству Марк Антоний, командир конницы Лепид, единственный располагавший войском, секретарь Цезаря Бальб и консул 43 г. до н. э. Гиртий не смогли объединиться для немедленного отмщения, римский сенат 17 марта 44 г. до н. э. принял странное компромиссное решение: все планы Цезаря по государственному устройству, даже те, которые он еще не начал осуществлять, были одобрены и объявлены законными, убийцам же Цезаря была объявлена амнистия. На тот момент такие решения воспрепятствовали вспышке гражданской войны и обеспечили дальнейшее функционирование всех государственных органов, однако политическое решение вопроса было всего лишь отложено.

Это дало о себе знать уже через три дня, когда ветераны Цезаря устремились в Рим на похороны диктатора, когда Марк Антоний в своей большой речи напомнил о деяниях и «благodeяниях» покойного. Возбужденная этой речью толпа завладела телом Цезаря и сожгла его на форуме, причем тысячи бросали в огонь свое оружие и драгоценности. Это спонтанное выражение чувств показало, какой силой обладал покойный. Вскоре на его долю выпали божественные почести. После этого стихийного взрыва стало ясно, что политика компромиссов, на которую рассчитывали убийцы Цезаря, потерпела крах.

Положение сторонников Цезаря было сложным прежде всего потому, что вопрос о политическом преемнике Цезаря при его жизни оставался открытым. Точка зрения Антония не была однозначной, а после мартовских ид, как консул, он был представителем законности высочайшего ранга. После многочисленных пристрастных клеветнических кампаний, которые много лет велись против Антония, сейчас вряд ли возможно нарисовать истинный портрет человека, легкомысленно проявившего столько слабостей. Если даже такой добросовестный историк, как Матиас Гельцер, увидел в нем «смесь дамского угодника и стремящегося к власти насильника», то можно понять, как трудно освободиться от старых клише.

Тридцативосьмилетний Марк Антоний происходил из уважаемой римской аристократической семьи. Он был внуком и тезкой выдающегося оратора и старшим сыном того Антония Кретика, который отличился в борьбе с пиратами. После бурной юности и последующего командования кавалерией на Востоке он в 54 г. до н. э. перешел в распоряжение Цезаря. Отличился как штабной офицер в Галлии, завоевал доверие диктатора и постепенно делал карьеру. Непосредственно перед началом гражданской войны между Цезарем и Помпеем Марк Антоний в 49 г. до н. э. в качестве народного трибуна представлял интересы Цезаря в сенате. В последующие годы, когда возобновились походы Цезаря, он был его уполномоченным в Италии, правда не всегда удачливым, что привело к натянутым отношениям. Один Цезарь относился к нему снисходительно и не обращал внимания на его бурную личную жизнь, он никогда не забывал, что в 48 г. до н. э. в решающем сражении при Фарсале Антоний блестяще разгромил Помпея. Антоний всегда оставался его доверенным лицом и во время войны с парфянами занимал в Риме ключевое положение.

Энергичный, приветливый, прямодушный командир, он пользовался любовью войска и населения. Даже мно-

гие представители правящего слоя не обращали внимания на все обвинения против него и видели в нем меньшее зло. Вплоть до гибели он оставался превосходным солдатом, человеком неслыханной энергии и бурных страстей. Однако, несмотря на свой политический опыт, он был человеком полностью лишенным политического чутья, и не умел предугадывать реакцию на свои порой вызывающие действия. В конце концов, он был побежден не опытным полководцем, а осторожным политиком, который беспардонно использовал все слабости Антония, Октавианом.

Сам Октавиан никогда не использовал этого имени. Оно было ему дано противниками, чтобы подчеркнуть происхождение. Однако имя за ним закрепилось и осталось в соединении с более поздним «Август» до 27 г. до н. э. Сначала его звали Гай Октавий. Он родился 23 сентября 63 г. до н. э. в Риме, а вырос в расположенном к югу от Рима маленьком городке Велитры. Еще долго после этого показывали скромное жилище, где он играл ребенком. Из «Жизни Августа» Светония явствует, что будущий принцепс в своей автобиографии сообщает только то, что он происходит из древней богатой семьи всаднического сословия. Его отец первым поднялся до должности сенатора. Дед Октавиана был банкиром и нажил значительное состояние, отец же сделал карьеру исключительно потому, что женился на Атрии, племяннице Цезаря.

Покровительство Цезаря распространялось даже на внучатых племянников, что оказалось кстати, когда умер отец Октавиана, а сам диктатор не имел потомства по мужской линии. Уже в 48 г. до н. э. Октавиан был выбран *понтификом*, спустя два года принял участие в африканском триумфе Цезаря, а в 45 г. до н. э. он некоторое время был с Цезарем в Испании. В сентябре того же года Цезарь сделал его своим наследником и усыновил в своем завещании. Это событие произошло без ведома Октавия, так как он в это время вместе со своими друзьями Марком Вип-

санием Агриппой и Квинтом Сальвидиеном Руфом занимался в Аполлонии подготовкой к предстоящей войне с парфянами. Тогда же молодой Гай Октавий становится патрицием. Какими бы примечательными ни были эти отличия и привилегии, девятнадцатилетний Октавиан не проявил к тому времени никаких особых качеств и не имел достойных упоминания достижений. Понятно, что сначала его недооценивали.

Самостоятельное вступление Октавиана в политику заслуживает более подробного изучения, потому что в его первых решениях и действиях прослеживается тот стиль, который в будущем будет определять его целенаправленное стремление к власти и осторожные взвешенные действия. За редким исключением Октавиан никогда не действовал спонтанно, под влиянием эмоций. Он всегда трезво анализировал положение дел, заранее просчитывал возможные варианты и последствия своих действий, никогда не колебался в решении пойти на компромисс, если он ему был выгоден на настоящий момент.

Поэтому, когда он услышал об убийстве Цезаря, то отклонил предложение дружественных ему военных стать во главе расквартированных в Македонии войск, готовых к войне с парфянами, и двинуться с ними на Рим. Однако он отправился в Италию и остановился недалеко от Брундизия. Только там он узнал о содержании завещания Цезаря, а также получил письма матери и отчима, которые не советовали ему принимать наследство из-за хаотического состояния и непредсказуемого политического положения. Но Октавиан не стал нервничать по этому поводу. С замечательным самообладанием и осторожностью успешно продвигался вперед. Он не сомневался, что в полном объеме примет наследство Цезаря, а пока завязывал контакты с его доверенными лицами, прежде всего с Бальбом, а также и с другими влиятельными политиками, такими, как Цицерон, которого он быстро привлек на свою сторону.

Даже новое имя, которое теперь носил Октавиан — Гай Юлий Цезарь — являлось уже программой. Ведь по нормам римской аристократической морали для него было нравственным долгом отомстить убийцам Цезаря. Впрочем, Октавиан не был единственным, кто демонстративно выражал преданность политически известному отцу: Секст Помпей, сын Помпея Великого, поступал точно так же. Он был на пять лет старше Октавиана и считался грозным флотоводцем и противником. Октавиану предстояло прежде всего стать признанным наследником Цезаря в Италии и Риме. Последнюю волю диктатора следовало использовать для того, чтобы добиться признания и узаконить свое положение. К тому же необходимо было избегать необдуманных шагов, завоевать общественное мнение и последовательно создавать опору собственной власти.

Октавиану удалось это осуществить, несмотря на некоторые превратности судьбы. Это удалось потому, что Октавиан после возвращения в Италию мог располагать военной кассой Цезаря и деньгами от налогов провинции *Азия*. Эти средства вместе с собственным капиталом и капиталом своих друзей он вложил для привлечения на свою сторону приверженцев и ветеранов. Воздвижение личного базиса власти удалось осуществить не в последнюю очередь потому, что Луций Корнелий Бальб и Гай Оппий — «серые кардиналы Цезаря» (А. Альфольди) — предоставили себя в его распоряжение, они были опытными защитниками интересов Цезаря и знали все *тайны* его правления. К тому же Октавиан мог положиться на поддержку верных друзей, прежде всего Марка Агриппы, Сильвидиена Руфа, к которым вскоре примкнул Меценат, представитель древнего этрусского рода.

Одной из составляющих успеха продвижения Октавиана в италийское силовое поле 44 г. до н. э. являлось его постоянное и последовательное влияние на общественное мнение, что выходило за рамки обычных методов рим-

ких политиков. Именно потому, что у него сначала не было политического опыта, славы полководца, законного правового базиса, никакого государственного поручения, он был вынужден сделать ставку на ту область, в которой превосходил всех сторонников Цезаря, а именно, говоря современным языком, на идеологию.

В отличие от Цицерона, который к этому времени еще раз вернулся в политику и остался в плену своих прежних представлений о *согласии всех сословий* и «о едином корабле для всех *порядочных людей*» и был фактически идеологом без власти, Октавиан никогда не надеялся только на воздействие пропаганды и идеологии, а постоянно учитывал решающее значение военного потенциала. Своим успехом он был обязан убедительной стилизации политики. Он всегда оправдывал свои действия различными государственными актами и убедительными формулировками, которые довольно часто скрывали истинное положение вещей. Это особенно ярко проявилось в начале его деятельности.

Как бы осмотрительно ни действовал Октавиан, его приход к власти мог осуществиться только за счет Антония. В начале мая 44 г. до н. э. он прибыл в Рим, и первый разговор с Антонием показал, что с этой стороны ему не следует ждать никакой поддержки. Хотя консул подсмеивался над молодым человеком, не имеющим никакой должности и всем обязанным своему имени, хотя он и чинил ему препятствия и с недоверием следил за каждым шагом, наследник Цезаря упорно добивался выдачи ему состояния своего покойного отца. До этого он начал выплачивать из собственных средств ветеранам и римскому народу то, что им обещал Цезарь. Совершенно очевидно, что благодарность получателей этого щедрого последнего благодеяния Цезаря пошла на пользу его наследнику.

Апогеем начинаний Октавиана была организация *игр в честь побед Цезаря* с 20 по 30 июля 44 г. до н. э. Для

чувствования памяти Цезаря он не пожалел никаких средств. Игры вылились в мощную политическую демонстрацию, к тому же в это время в небе появилась большая комета, та звезда Юлия, которая, казалось, подтвердила, что покойный диктатор был приобщен к сонму богов. Разумеется, этот знак венчал изображения Цезаря на монетах.

Для современников события, происходившие в Римской республике в течение года после убийства Цезаря, были непонятными. Ситуация характеризовалась многочисленными краткосрочными проектами, дезориентирующими разъяснениями, благовидными предложениями, разочарованиями. Кроме того, нерешительность, оппортунизм и перергруппировки ведущих политиков и военных усугубляли положение. Не нужно и говорить, что ситуация быстро менялась. С одной стороны, скрывшиеся из Рима убийцы Цезаря готовили на Востоке базу для теперь уже неизбежной гражданской войны, с другой же, обострились до конфликта отношения Антония с сенатом. Октавиан сначала стал на сторону сената, потому что только он мог легализовать его узурпированную власть. В стремлении Октавиана узаконить свое положение угадывается политический стиль Цезаря. В этом и состояла основная черта будущей политики Августа.

Легализация положения была нужна Октавиану прежде всего потому, что он осенью 44 г. до н. э. начал систематический и совершенно открытый подкуп ветеранов и армии. Вместе со своими близкими друзьями, а также с бывшими центурионами и солдатами Цезаря Октавиан отправился в колонию ветеранов в Кампанье. Он вез с собой повозки с деньгами и снаряжением. Там начал широкую вербовку войск. Он не мог сослаться на поручение государства или на служебные обязанности, он мог указать только на исторический пример Помпея.

Октавиан раздавал деньги направо и налево. В течение нескольких недель он обналичил необходимые сред-

ства и теперь мог выплатить каждому ветерану и солдату по 500 денариев, что было больше, чем прежнее жалование римского легионера за два года службы. В будущем в случае удачного исхода он пообещал увеличить сумму в 10 раз. Таким образом, Октавиан за короткий срок собрал многочисленное войско.

Стоящие у власти римские политики были вынуждены тоже привлекать союзников с помощью большого жалования и вознаграждений, а кроме того, укреплять личные связи. Антоний, Брут и Кассий, а также командиры крупных войсковых подразделений ни в чем не уступали остальным. Совершенно очевидно, что такое поведение подрывало дисциплину легионов и должно было привести к тяжелым последствиям во всех сферах власти.

В неменьшей опасности находились целостность и боевая готовность римской армии из-за гражданской войны, в которой легионы должны были сражаться против бывших товарищей по оружию. Поэтому центурионы, имеющие тесный контакт со своими подчиненными и представляющие общие интересы и традиции, пытались избежать сражений такого рода.

Осенью 44 г. до н. э. Цицерон снова добился влияния в римском сенате. Примечательно, что великий оратор и писатель, однако неудавшийся политик, долго и тщетно старался сохранить независимость от Помпея и Цезаря. Теперь же он открыл карты и в этот раз остался верным своей линии до конца. Слабость римского сената подтверждал тот факт, что в этот момент такой человек, как Цицерон, смог взять на себя руководство сенатом. Это был человек, живущий иллюзиями, и по преимуществу теоретик. Он никогда не проявлял политической широты взглядов, никакого чутья в отношении реалий власти, не выработал ни одной военной или политической концепции. С точки зрения риторики его 14 речей «Филиппики» против Антония, которые сравнивались с классическими речами Демосфена против Филиппа II Македонского, без-

условно впечатляют. Однако эти страстные слова не достигли цели.

«Мутинская война», которая длилась с декабря апрель 43 г. до н. э., давала римскому сенату последний шанс защитить свою власть в Италии. Когда Децим Брут Антонию в Мутине, сенаторы смогли вздохнуть свободно. Но уверенность, что с Антонием покончено, появилась только тогда, когда войска Октавиана стали на стороне сената. Особенно Цицерон вынашивал планы разбить Антония с помощью Октавиана. В конце концов, он добился, чтобы тот был принят в сенат, получил власть пропретора, а также привилегию занимать все должности в магистратуре за десять лет до предписанного возраст цензу. Этим самым была полностью узаконена власть Октавиана. Он вместе с консулами 43 г. до н. э. Гирцием и Пансой, также вместе с Децимом Брутом продолжительное время вел борьбу с Антонием. Однако эта странная коалиция распалась так же быстро, как и была созданная. Поляризация старых политических группировок союзников Цезаря и его противников достигла высшей точки.

Это не в последнюю очередь произошло из-за радикального изменения военного положения на Востоке империи. Антоний в 44 г. до н. э. полностью лишился возможности маневра убийц Цезаря. Когда их группа известила Цицерона в июне 44 г. до н. э., он понял, как она написала, что они потерпели поражение, а их дело отмечено полным отсутствием плана и концепции. «Никакого плана, никакого смысла, никакого порядка», — писал он в знаменитом письме к Аттику. Зимой 44—43 г. до н. э. Брут подчинил себе провинцию Македония, Кассий — Сирию, и даже дислоцированные в Египте легионы встали под его знамена. Таким образом, почти вся восточная часть империи попала под власть противников Цезаря. Такое развитие событий неизбежно должно было привести к объединению приверженцев Цезаря на запа-

де, хотя Цицерон питал на этот счет большие иллюзии. Лепид, наместник *Нарбоннской Галлии и Ближней Испании*, Мунаций Планк, наместник *Галлии Коматы*, и Азиний Поллион, наместник *Испании дальней*, объединились с Антонием, Октавиан уже раньше отказался воевать против их войск.

События начали быстро развиваться, когда 400 центурионов из группы войск Октавиана потребовали от римского сената консульства для своего полководца, а для солдат обещанного вознаграждения и, получив отказ, двинулись маршем на Рим. Во главе 8 легионов Октавиан выступил против города. Под давлением этой демонстрации силы он 19 августа 43 г. до н. э. был избран консулом вместе с Квинтом Педием, внучатым племянником Цезаря. Позже Педий отменил амнистию убийцам Цезаря, а Антония и Лепида объявил вне закона. С властью сената в Риме было покончено.

Так как убийцы Цезаря располагали приблизительно 20 легионами и день за днем получали новое пополнение, командующие войсками на Западе вынуждены были поступиться своим эгоизмом и взаимной неприязнью. Только сообща они могли преодолеть большое военное противостояние. Их войско в ноябре 43 г. до н. э. стало лагерем в районе Банонии, и там произошло объединение Антония, Лепида и Октавиана. Эти трое решили создать общее управление с разделением обязанностей — «2-й триумвират». В качестве триумвиров, по установлению государства, они взяли на себя власть, которую и узаконили в ноябре 43 г. до н. э. законом Тиция. Таким образом, вместе с Т. Моммзеном можно говорить об «узаконенном произволе».

Продолжительность исполнения обязанностей была сначала ограничена пятью годами, то есть до 31 декабря 38 г. до н. э., этим была обеспечена продолжительность срока полномочий по аналогии с властью Помпея, Цезаря и Красса, с другой же стороны, сохранялись последние

проблемски республиканской конституционной традиции. Свою власть по регионам они распределили так: Антоний получил *Цизальпинскую Галлию* и *Галлию Комату*, Лепид — *Нарбоннскую Галлию* вместе с испанскими провинциями, Октавиан — *Африку* и большие острова. Самой же Италией они управляли совместно. Определяющим фактором при всех последующих договоренностях являлось то, что каждый триумвир обладал правом набора войска и расселения ветеранов. Только после долгого и тяжелого процесса совместная власть перешла в руки одного-единственного триумвира.

Раздел провинций показывает, что Антоний сохранил все стратегические преимущества в Северной Италии и в Галлии, в то время как Октавиану остались самые ненадежные регионы. Большие острова находились в районе оперативных действий постоянно растущего флота Секста Помпея, которого триумвиры чисто формально лишили полномочий, но фактически вывести его из игры не могли. Однако для них приоритетным было устранение войск Цезаря, которые атаковали Антония и Октавиана силами 40 легионов. Лепид же мог обеспечить свою власть только 3 легионами. Из этого следовало, что триумвиры были готовы пойти на любой риск. На их взгляд доверие, милосердие, снисходительность, то есть политика Цезаря, себя не оправдали; они делали ставку только на грубую силу и профилактический террор.

Так, они по примеру Суллы составили сначала длившийся в тайне проскрипционный список, в который входили 300 сенаторов и 2 000 всадников, в большинстве своем противники Цезаря, и новые враги триумвиров и их политики, а также те, кто слишком бросался в глаза своим богатством. Эти проскрипции преследовали двойную цель: заранее вывести из игры любую возможную оппозицию перед предстоящей решающей борьбой и обеспечить огромные средства для вооружения и снабжения полка.

Именно потому, что новая гражданская война была так непопулярна, и каждая сторона боялась предательства и перевербовки, никто не скупился на обещания и деньги. Нужные суммы для расселения десятка тысяч ветеранов нельзя было получить только с помощью объявлений вне закона, физического уничтожения и конфискации имущества большей части правящего слоя. Таким образом, триумвиры были вынуждены пообещать на будущее своим солдатам расселение в восемнадцать богатейших городов Италии, таких, как Капуя, Беневент, Регий, Арминий и др. Так как от противников больше ничего нельзя было получить, приходилось приниматься за своих собственных граждан, завладеть их собственностью, а потом перераспределить.

Подвергшиеся проскрипциям были вне закона, за их поимку или донос назначались большие вознаграждения. Рабам, выдавшим своих проскрибированных хозяев, обещалась свобода и то гражданское состояние, которое имели их господа, доносчикам обещалась анонимность при выплате вознаграждения. Для того, чтобы схватить видных противников, пока они не смогли скрыться, быстро формировали специальные отряды. Бедствие было так велико, что на этот раз проскрипциям подверглись тысячи римских семей. Насилие и бесчеловечность были чудовищными. В отличие от времен Суллы, находящиеся под угрозой люди оказывались в безопасности, если могли пробыть на Сицилию, в Грецию или на корабли Секста Помпея.

Самой знаменитой жертвой проскрипций стал Цицерон, которого его преследователи настигли при бегстве 7 декабря 43 г. до н. э. недалеко от Кайеты. Цицерон запретил своим сопровождающим оказывать сопротивление: потом высунул голову из носилок и подставил ее под смертельный удар. Его отрубленную голову и руки выставили на ораторской трибуне римского форума, где он так часто блистал. Это было одно из многих отвратительных дея-

ний тех дней. Октавиан запятнал себя смертью Цицерона и не достоин оправдания за соучастие в ужасном злодействе. Этот факт не могут изменить античные свидетельства о том, что Октавиан якобы сопротивлялся убийству. Столь же мало в этом преуспели и современные попытки его оправдать.

Еще зимой 43—42 гг. до н. э. Антоний и Октавиан возглавили выступление своих союзников против убийц Цезаря. Они продвинулись от предмостного укрепления между Аполлонией и Диррахием до Халкидского полуострова. Решающее сражение решили дать в окрестностях Амфиполиса и Филипп. Однако исход этого сражения был не ясен, так как для войск Брута и Кассия было затребовано значительное подкрепление восточных римских провинций. Из городов Малой Азии, например, собрали все налоги за десять лет вперед. Из храмов, городов и частных владений было похищено имущество стоимостью в тысячи талантов, были призваны вспомогательные войска, а также беглецы из Рима и добровольцы, среди которых находился и Гораций.

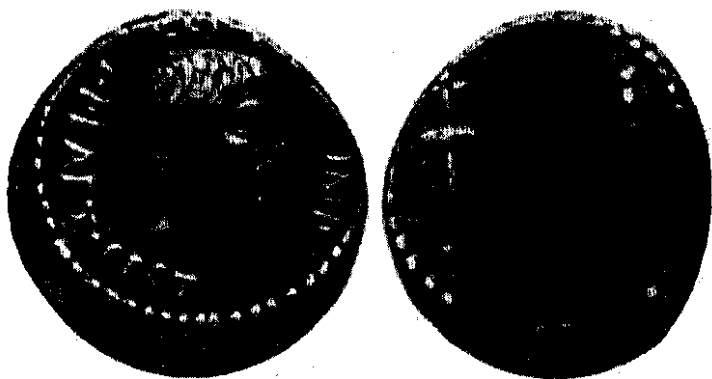

Рис. 2. Брут. Изображение на монете. Обратная сторона: мартовские Иды, кинжалы, колпак вольноотпущенника

Когда сильные восточные войсковые соединения под прикрытием флота осенью 42 г. до н. э. подошли к Филиппам, Антоний был вынужден предпринять атаку. Ждать он не мог, потому что снабжение тыла триумвиров становилось все труднее из-за большой отдаленности и опасных дорог. Как раз в решающие дни заболел Октавиан, и Антоний фактически командовал один, но сторонники Цезаря воодушевились зажигательными словами «месть за Цезаря», словами, которые были убедительнее, чем абстрактные призывы противной стороны.

В обоих ожесточенных сражениях в октябре и ноябре 42 г. до н. э. войска Брута и Кассия были наголову разбиты. Убийцы Цезаря и другие скомпрометировавшие себя аристократы предпочли добровольную смерть, остальные войска капитулировали, только часть войск смогло пробиться к морю. После Филипп дело убийц Цезаря в политическом и военном отношении было окончательно проиграно. Если мы хотим определить место и время падения старой римской аристократической республики, то они именно здесь, в этом сражении осенью 42 г. до н. э., а не в жалком конце власти римского сената 19 августа 43 г. до н. э. когда Октавиан силой добился консульства.

Впрочем, очень проблематично отождествлять падение республики с исходом сражения. Показательно, что даже Брут и Кассий в последней стадии войны были вынуждены использовать методы Цезаря. Они узурпировали власть в провинциях, присвоили казенные деньги, имения, короче говоря, предприняли те же меры, против которых выступали когда-то. Они так же открыто демонстрировали личную власть, их изображения так же появлялись на монетах; кинжалы и колпаки вольноотпущенников, символы убийства тирана в мартовские иды, убедительно свидетельствовали об их власти.

Классическая Римская республика в действительности «пала» не из-за отдельных событий, а в результате дли-

тельного процесса. Пафос противников Цезаря был ложным потому, что структуры римского общества, экономики, политики и государства уже давно необратимо изменились. Во времена Кассия и Брута старая республика стала уже идолом.

«Римская республика», как государственная и общественная формация, для отдельных римских граждан ассоциировалась с республиканской «свободой» и была наполнена антимонархическим содержанием, а также сознанием непосредственного участия в решающих событиях, сознанием правовой защиты и полной личной свободы. Еще для апостола Павла фраза «я римский гражданин» содержала последний отблеск правового привилегированного положения, а именно права на справедливый судебный процесс. Античность не знает такого государства, в котором отдельный гражданин был бы так эффективно защищен от злоупотреблений государственной власти, как в классической римской республике. И эта гражданская свобода ускорила возникновение политических идей нового времени. Она была отражена в пафосе начала Французской революции и первой фазе образования Соединенных Штатов. Она навсегда стала основной частью политических традиций Европы.

После победы при Филиппах Антоний являлся главным лицом в римской политике. Его власть и пост достигли кульминационной точки. Антоний был вынужден заключить с Октавианом предварительный договор для решения насущнейших проблем. Для себя он избрал другое поле деятельности на востоке империи, где возникла необходимость в системной реорганизации римского господства. К тому же Антонию нужно было обязательно добыть там деньги для жалования своим легионам, для обеспечения ветеранов, а также для вознаграждения своим младшим офицерам и приверженцам. Как бы ни была тяжела эта задача, как бы ни были серьезны

конфликты с соперничающими партнерами, его поджидала удача.

Совсем по-другому складывались обстоятельства для Октавиана: на его долю выпало обеспечение ветеранов в Италии и борьба против Секста Помпея, пиратство которого становилось все более обременительным. Речь шла о том, чтобы за короткий срок предоставить приблизительно ста тысячам бывших легионеров Цезаря небольшие крестьянские хозяйства, которые можно было получить только путем жесточайшей экспроприации. Совершенно очевидно, что эта задача вызвала ненависть, зависть, недоверие и обвинения как жертв, так и конкурирующих получателей.

Для опасной борьбы с Секстом Помпеем у Октавиана не было никаких предпосылок. Сам он не обладал опытом в ведении войны на море, она являлась фактической прерогативой противников Цезаря. Октавиан должен был основательно подготовить войну на море против Секста Помпея и против морских вооруженных сил противников Цезаря, построить собственный флот и к тому же подвергать себя большой опасности. Кроме того, он не мог действовать по своему усмотрению, потому что приверженцы Антония пристально следили за каждым его шагом. Антоний незримо присутствовал в Италии, благодаря многочисленным ветеранам, младшим командирам и союзникам.

Антоний умел соединять самоотверженный труд с удовольствиями. Зимой 42—41 гг. до н. э. он был еще в Греции, там прежде всего устроил себе чествования в Афинах, выдавал себя за приверженца греческой цивилизации и быстро завоевал популярность приветливостью и широтой натуры. В феврале 41 г. до н. э. он через Вифинию отправился в Эфес, где был принят как новый Дионис — полное глубокого смысла отождествление склонного к оргиям и всяким излишествах сангвиника. После

того, как Антоний провел некоторое время в Эфесе, он с большим успехом посетил регионы Малой Азии и Сирии.

При оценке деятельности Антония на Востоке нужно избегать тех крайностей, которые имеются в античных со-общениях и в современных специальных исследованиях. Из античных источников следует, что в те годы Антоний, где бы он ни был, проводил свою жизнь в бесконечных празднествах. Он общался с актерами, танцорами и музыкантами, художниками и философами, вызывая восхищение тех, кто извлекал из этого пользу. Само собой разумеется, государства и города Востока оказывали все мыслимые и немыслимые почести могущественному римлянину. Антоний почитался как спаситель, благодетель и новый Дионис.

Однако это не мешало Антонию накладывать большие контрибуции. Города провинции Азия, например, которые еще до убийства Цезаря крайне истощились, должны были выплатить в течение двух лет налоги за девять лет вперед, причем эта сумма являлась уступкой, так как сначала Антоний потребовал гораздо более крупных взносов. Несмотря на эти крайности, из которых одни обуславливали другие, и которые упорно подчеркивают античные источники, было бы абсурдно видеть в Антонии только бонвивана, распутника и кровопийцу.

С другой стороны, в новых специальных исследованиях делаются попытки привести в систему все административные решения Антония и одновременно осмыслить его общую политическую концепцию на Востоке. Однако Антоний не был прирожденным администратором, как Помпей, но был прежде всего цезарианцем, потому что он, как сам диктатор, делал ставку на личность, а не на государственные институты, опираясь на сильных, преданных ему людей и на тех, кто пользовался его доверием. Позже он поддерживал могущественных вассальных царей, с помощью которых укрепил собственное поло-

жение на Востоке. Блестяще оправдали его доверие Архелай Каппадокийский, Аминт Галацкий-Писидийский-Ликаонийский, Полемон *Понтийский* и Малой Армении, а также Ирод Великий *Иудейский*. К кругу этих выдающихся личностей вне всяких сомнений принадлежит и женщина, от которой он зависел и сам, — Клеопатра, царица Египта.

Клеопатра VII, которая во времена Цезаря при поддержке римских легионов была назначена правительницей Александрии, после убийства диктатора, отца ее сына Цезариона, оказалась в весьма тяжелом положении, когда Кассий добился успехов в Сирии, а убийцы Цезаря овладели всем Востоком. Чтобы сохранить свое положение, она попыталась лавировать и поэтому была вынуждена оправдываться перед Антонием, когда тот вызвал царицу в Тарс в Киликии. 28-летняя Клеопатра была вне всяких сомнений информирована об образе жизни и амбициях Антония. Благодаря своему уму и утонченности она быстро пленила триумвира. С самого начала стала его равноправной партнершей. В сопровождении флейт и лютен она появилась в Тарсе перед новым Дионисом, как новая Афродита, на богато разукрашенной ладье под пурпурными парусами и с серебряными веслами.

С самого начала пересеклись рациональные и иррациональные мотивы и связи, страстная любовь двух людей, желание египетской царицы удержать и расширить собственную власть, намерение Антония сделать Египет базой для своей политики на Востоке. Очевидно, что больший выигрыш от договоренностей в Тарсе получила Клеопатра. Антоний не только утвердил ее в качестве царицы, но по настоянию Клеопатры казнил ее сестру Арсиною, а при реорганизации Сирии и Палестины египетские интересы были полностью соблюдены. Когда Антоний зимой 41—40 г. до н. э. блаженствовал в Египте, в Сирию вторглись парфяне, а в Италии разра-

зилась новая гражданская война. Казалось, что повторились события времен египетских авантюр Цезаря зимой 48—47 г. до н. э.

Если рассматривать восточную политику Антония в целом, нужно учитывать, что в 40—39 и в 38—37 гг. до н. э. из-за конфликтов в Италии у него были связаны руки. Как будет подробно описано далее, его приверженцы в Италии и Октавиан втянули его в быстро растущие неурядицы, со всех сторон к нему взывали о помощи, и таким образом, он сначала не мог сконцентрироваться исключительно на обороне от парфян и на стабилизации своей власти. К тому же сначала его силы были слишком слабы, чтобы отразить парфян, которые под предводительством принца Пакора и римского эмигранта Квинта Лабиена глубоко проникли на территорию Сирии и Малой Азии. Даже большие города Апамея и Антиохия попали в руки парфян. Как и во времена Митридата VI, римское господство в Малой Азии рухнуло, как карточный домик. Удержались только немногие очаги сопротивления среди бурного потока парфянской конницы.

События изменились радикальным образом, когда в 39 г. до н. э. Вентидий Басс, поднявшийся от погонщика мулов до командующего группой войск и бывший одним из способнейших офицеров Антония, организовал мощное контрнаступление из провинции Азия и отбросил парфян за Евфрат. Лабиен был убит при бегстве, Сирия освобождена, а в феврале 38 г. до н. э. был побежден и убит Пакор. Вентидию Бассу предназначался триумф, ошибка при Каррах теперь, по крайней мере частично, была исправлена, но одновременно снова возникла угроза со стороны парфян. Антоний из-за новых осложнений на Западе только зимой 37—36 г. до н. э. начал подготовку давно планируемой войны с парфянами.

Первым шагом стала полная реорганизация администрации на востоке Империи. До нее в этом регионе было

пять римских провинций, теперь осталось только три: Азия, Вифиния и Сирия. В Киликии упразднили административную провинцию, Кипр отдала Клеопатре, *Понт* отделили от Вифинии. В результате всех этих преобразований в первую очередь выиграла Клеопатра, а также уже упомянутые дружественные Антонию цари. К Египту, кроме Кипра, отошла часть Киликии на побережье Сирии и часть Халкиды, где было ценное сырье: асфальт из Мертвого моря и бальзамовые рощи Иерихона. Любовную связь с Клеопатрой Антоний открыто подтвердил, признав своими детьми двух близнецов, которых ему родила царица три года тому назад. Им были даны звучные имена Александр Гелиос и Клеопатра Селена.

Если непредвзято взглянуть на принципы и содержание преобразований, то им нельзя отказать во внутренней последовательности и фактических преимуществах. Эти преобразования были предназначены для консолидации власти, а также для того, чтобы заполучить сильных партнеров для Рима вообще и для Антония в частности. Однако эти преобразования и не в последнюю очередь тесные личные отношения Антония и Клеопатры вызвали недовольство в Риме и расценивались как предательство римских интересов, что позже привело к пропагандистской войне между Октавианом и Антонием.

Только в начале 36 г. до н. э. Антоний смог закончить последние приготовления к войне с парфянами. В отличие от Красса, который 18 лет тому назад запланировал наступление вдоль Евфрата и подвергся там нападениям парфянской конницы и лучников, он держал в боевой готовности свои войска в Армении, оттуда напал на Мидию Атропатену, при Фрааспе его наступление остановили. С приближением зимы Антоний был вынужден начать отступление через Армению при непрекращающихся атаках парфян. От своих измученных союзников он требовал непомерных усилий. Однако в отличие от Красса был все-

гда хозяином положения и привел в Сирию дисциплинированное войско.

Потери римского войска, которое к началу наступления насчитывало 16 легионов, около 10 000 галльских и испанских кавалеристов, и большого контингента из союзных городов, по современным исследованиям, составляли приблизительно 37 % от всех участников. Политические и военные результаты равнялись нулю. В известном смысле неудачу этого наступления можно объяснить предательством армянского царя Артавазда, который с сильными кавалерийскими соединениями перешел на сторону парфян. К счастью для Антония Клеопатра еще зимой отправила в Сирию большое количество продовольствия и снаряжения, благодаря чему кризис был приостановлен.

В 35 г. до н. э. Антоний действовал против бежавшего в Малую Азию Секста Помпея, а в 34 г. до н. э. предпринял поход против Артавазда. В Армении вспыхнула ожесточенная борьба, которую фанатически продолжил после пленения отца его сын. Римские войска разграбили города и храмы и заняли большую часть страны. Римские легионы остались в армянских гарнизонах. Для дипломатического обеспечения нового положения маленький Александр Гелиос был помолвлен с Иопатой, единственной дочерью царя Мидии.

По случаю своей победы над Арменией Антоний решил устроить себе пышный триумф. Римский консул 34 г. до н. э. распорядился отпраздновать его не в Риме, а в Александрии, таким образом, он превратил триумф в своего рода преклонение перед Клеопатрой. Несколько дней спустя на центральной площади Александрии Клеопатру провозгласили «царицей царик», а Цезариона — «царем царей». После официального обожествления Цезаря Октавианом в 42 г. до н. э. он присоединил к своему имени титул «сын божественного», и таким образом сын Цезаря

и Клеопатры был демонстративно противопоставлен приемному сыну Цезаря Октавиану.

В царский ранг произвели также детей Клеопатры и Антония. Александр Гелиос был интронизирован как правитель Армении, Мидии и земель по ту сторону Евфрата, его сестра-близнец Клеопатра Селена получила Кирены, родившийся в 36 г. до н. э. Птолемей Филадельф — Киликию, Финикию и сирийские земли до Евфрата. Новые монеты, выпущенные в большом количестве, свидетельствуют о событиях 34 г. до н. э. Они прославляют успех Антония впечатляющей надписью «побежденная Армения», чествуют Клеопатру, как «новую Изиду». Антоний, казалось, все глубже погружается в эллинистически-восточный мир, все больше становится безвольным орудием в руках египетской царицы. Он растранижает римские территории, пренебрегает римскими интересами и бросает вызов римским традициям.

По иному развивались события в Италии и на западе империи. Там обострились отношения между сторонниками Антония и Октавиана. Раздоры быстро росли из-за того, что брат Антония, Луций Антоний, бывший консулом 41 г. до н. э., жена Антония Фульвия и его уполномоченный в Италии Маний не упускали возможностей увеличивать и без того большое недовольство Октавианом. Очень легко было вызвать недовольство ветеранов Антония, которые с нетерпением ждали обещанных земель и были хронически недоверчивы. Защитники Антония зашли так далеко, что решили отстаивать интересы убийц Цезаря и экспроприированных лиц. Следствием явилось начало новой гражданской войны, но на этот раз между союзниками триумвиров.

Хотя войска Антония далеко превосходили войска Октавиана и к тому же находились под началом таких опытных полководцев, как Вентидий Басс, Азиний Поллион и Мунаций Планк, они выдвинулись нерешительно и нео-

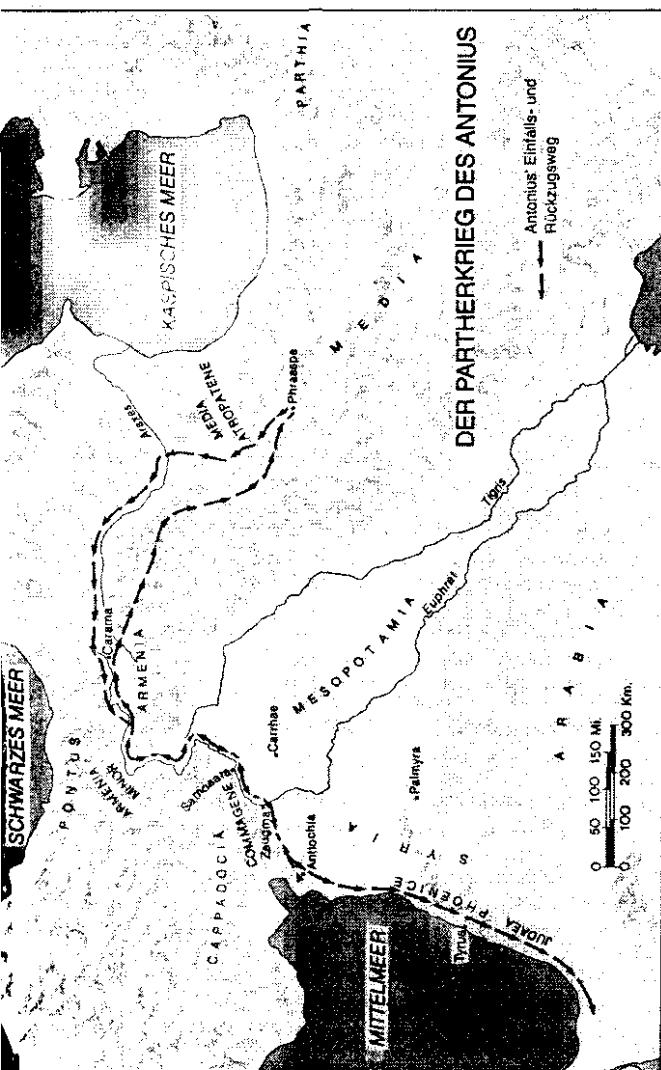

Рис. 3. Парфянская война Антония

хотно. Это прежде всего объясняется тем, что сам Антоний не занял достаточно определенной позиции в отношении происходящего. Когда в послании к Манию он писал, что начнет войну только в том случае, если будет оскорблено его собственное достоинство, то это было слишком расплывчато, чтобы служить указанием к действию. Таким образом, Октавиан, Агриппа и Сальвидиен Руф смогли не только помешать действиям сторонников Антония, но и блокировать Луция Антония вместе с большими войсковыми соединениями в Перузии. В конце февраля 40 г. до н. э. Луций Антоний был вынужден капитулировать, другие войска сторонников Антония, которые слишком поздно предприняли попытки перейти в наступление, были вытеснены из центральной части полуострова. Октавиан одержал блестящую победу.

По римским военным законам судьба всех взятых в плен при Перузии была в руках Октавиана, и он не замедлил примерно их наказать. Противники Цезаря, бежавшие в Перузию, среди которых было немало сенаторов и всадников, а также весь городской совет Перузии были казнены. Просящих о пощаде Октавиан посылал на смерть с циничными словами *«ты должен умереть»*. Саму Перузию отдали, как это было принято, на разграбление войскам и разрушение, однако некоторые граждане смогли уйти и вместе с ними брат Антония, его офицеры и солдаты и его жена Фульвия, которая во время перузийской войны предпринимала безуспешные попытки сместить Луция Антония. В античных источниках она предстает как яростная подстрекательница. Октавиан разрешил ей вместе с Мунацием Планком отплыть в Афины, чтобы она сообщила Антонию об исходе борьбы.

В первом браке Фульвия, участница перузийской войны, была замужем за знаменитым народным трибуном и врагом Цицерона Публием Клодием, затем за полководцем Цезаря Курионом Младшим, который погиб в

49 г. до н. э. в Афинах, а в третьем браке — за Антонием. В лице этой женщины в первый раз появляется римская аристократка, подвергшая себя непосредственной опасности, действуя в интересах мужа. Она преодолела все существующие в Риме ограничения и положила начало процессу, который очень часто недооценивают.

Как жены римских плебеев, так и жены аристократов сначала были полностью ограничены семейными обязанностями и во всех отношениях зависели от мужа, хотя их уважали как хозяйек дома и управительниц всем домашним хозяйством. Но в римском частном праве не могло быть и речи о равноправии женщин. Содержание и формы жизни «молчаливых римских женщин», как их по праву называли, известны не столько по литературе, сколько по эпитафиям. Например, эпитафия Амимоны, жены некоего Марка, гласит: «Она была самой лучшей и самой красивой, пряла шерсть, была благочестивой, скромной, доброй, чистой и домовитой». Эпитафия Постумии Матронеллы: «Несравненная супруга, хорошая мать, благочестивая бабушка, скромная, работающая, энергичная, внимательная, чуткая, принадлежавшая только одному мужчине, настоящая матрона по усердию и верности». Это были типичные женские качества, которые римляне идеализировали.

В то время как обусловленное римской экспансией многолетнее отсутствие римских мужчин довольно часто упоминается, нигде нет речи о том, какое тяжелое бремя ложилось на плечи римских женщин во время этого отсутствия. Очень редко уделяется внимание ущемлению их личных прав. Характерным является тот факт, что даже такой человек, как Цицерон, свою дочь Туллию, которую он очень любил, выдал замуж без ее согласия. Естественно, что римские женщины никогда не были представлены в сенате или на народных собраниях

и что они никогда не могли оказывать непосредственного политического влияния.

Тем не менее нужно отметить, что в эпоху поздней Римской республики начинается процесс, который с некоторыми оговорками можно назвать процессом эмансипации женщин римского правящего слоя. Общественные и экономические изменения привели к новым нормам брака, к так называемому браку без власти мужа над женой, когда муж не мог единолично управлять имуществом жены.

Кроме того, в правящем слое Рима преобладали политические браки. Цезарь для этих целей использовал свою дочь, Октавиан — свою сестру. За распадом политических союзов следовали разводы и заключение новых политических браков. Одновременно увеличивалось политическое влияние женщин на деятельность их мужей. Например, из переписки Цицерона видно, какое впечатление произвело на него то, что жены убийц Цезаря летом 44 г. до н. э. принимали участие в совещаниях своих мужей и делали это совершенно открыто.

Примером увеличивающегося влияния женщин правящего слоя на римскую политику являются три знаменитые римлянки поздней Республики: Корнелия, Клодия и Фульвия. Корнелия, мать Гракхов — первая выдающаяся женщина римской истории. Женщины древних времен, такие, как похищенные сабинянки, Лукреция, Ветурия, мать Кориолана и другие женщины, упомянутые в старинных преданиях, были всего лишь пассивными героинями. Корнелия же отличалась политическим чутьем и пониманием целей своих сыновей. Особенно ее влияние распространялось на младшего сына, однако не выходило за рамки традиционных семейных норм. Именно потому, что она не нарушала этих норм, ее уважали, идеализировали и даже воздвигли ей статую.

Клодия известна по переписке и речам Цицерона и по

знаменитым стихотворениям Катутла к Лесбии. Эта женщина, будучи богатой вдовой, добилась полной независимости и играла ведущую роль в общественной жизни. В моральном и сексуальном смысле пользовалась большой свободой, за что была облита грязью Цицероном с помощью всех средств ораторского искусства в его речи в защиту Целия.

Фульвия, жена Антония, приобрела известность благодаря гражданской войне. Если даже учесть, что ее образ в античных источниках был чрезмерно демонизирован, нельзя не признать, что Фульвия преданно поддерживала политику мужа и разделяла его интересы. Так, она находилась в Брундизии, когда Антоний приветствовал возвращающиеся из Македонии войска и когда были казнены бунтовщики. Тревожной зимой 44—43 гг. до н. э. она в Риме представляла интересы Антония. Позже, вполне вероятно что несправедливо, ее имя было связано с проскрипциями и с осквернением трупа Цицерона. Она решительно отказалась вступить перед мужем за богатых дам города Рима, когда триумвир обложил их имущество чрезвычайно высокими налогами.

В течение первых двух лет пребывания Антония на Востоке, она фактически управляла Италией. Из-за этого стала жертвой непристойных анекдотов и всяких поношений даже со стороны осаждающих Перузию. Жена триумвира впервые использовала те возможности, которые позже будут предоставлены женщинам из *дома принцепса*. Она проложила путь Ливии и двум Агриппинам, из которых старшая даже жила в военных лагерях, что для того было неслыханным скандалом. Не стоит удивляться, что после Фульвии Антоний считал Клеопатру равной себе по положению.

После окончания перузийской войны конфликты в Италии не были устранены. Они обострились еще больше, когда Секст Помпей и Домиций Агенобарб, команду-

ющий флотом убийц Цезаря, решили действовать совместно с Антонием. Открытый конфликт начался, когда объединившиеся эскадры Антония и Агенобарба приблизились к Брундизию, а их туда не пропустили. Антоний начал осаду города, занял на берегу предмостное укрепление и подал Сексту Помпею сигнал к штурму. Гарнизон Октавиана на Сардинии был застигнут врасплох, захвачен город Тоуриой. Казалось, что новая гражданская война вспыхнула по всему фронту, но на этот раз сторонники олигархии воевали вместе с Антонием против Октавиана.

Но триумвиры слишком поспешно сделали ставку на свои легионы. Офицеры и солдаты, связанные традициями и личным знакомством, совсем не думали доводить разногласия между своими командирами до вооруженного конфликта. После встреч делегаций двух триумвиров в начале октября 40 г. до н. э. был достигнут компромисс в так называемом брундизийском договоре. Он стал возможным не в последнюю очередь потому, что тем временем в Греции умерла Фульвия, а Антоний отказался от услуг Мания.

В Брундизии триумвиры договорились произвести некоторые изменения. Линия раздела, которая проходила на уровне Скодры в Далмации и фактически совпадала с границей провинций *Македония* и *Иллирия*, должна была разграничить в будущем сферу власти Антония и Октавиана. Лепиду отошли североафриканские провинции. Как и раньше, Антоний мог набирать войска в Италии, Октавиан в конце концов согласился амнистировать тех сторонников олигархов, которые боролись против него на стороне Луция Антония. К тому же пришли к соглашению о назначении консулов на следующий год и о заключении политического брака: Октавия, сестра Октавиана, овдовевшая после смерти своего мужа Гая Марцелла, вышла замуж за Антония. Войска и население с энтузиазмом приветствовали эти меры по избежанию гражданс-

кой войны. Четвертая эклога Вергилия посвящена этому событию. Это известное стихотворение приветствует начало века в рождении ребенка, что в христианской интерпретации приобрело пророческий смысл.

Соглашение в Брундивии создало существенные предпосылки для наступления мира в Италии. Однако триумвиры забыли про Секста Помпея. Сын Помпея Великого после убийства Цезаря стал опорой всех недовольных и гонимых. Он был не только прибежищем для проскрибированных и всех противников триумвиров, но также для батраков, крестьян и рабов. Когда по закону *Педия* он стал опальным, когда ему удалось построить флот, состоящий из сотни кораблей, когда он создал опорные пункты на Сицилии, Сардинии и Корсике и когда его морская блокада и набеги на прибрежные города возымели действие, к нему толпами бежали рабы. В Риме решили принять строгие меры против такой угрозы стране. Не менее опасным было бегство к Сексту Помпею сельского населения.

Когда в конце 40 г. до н. э. в самом Риме дело дошло до открытой демонстрации за «сына Нептуна», как называл себя Помпей, триумвиры были вынуждены уступить по всем позициям. В так называемом Мизенском договоре от февраля 39 г. до н. э. Секст Помпей не только добился признания своего положения, прав и власти, но и прав своих сторонников. Бежавшие к нему рабы получили свободу. Помпей не считал себя смутьяном и предводителем рабов. Однако сам, будучи в опале, не отталкивал бежавших к нему рабов, использовал их и этим самым довел триумвират до края пропасти.

Октавиан никогда не простил те поражения и унижения, которые ему пришлось претерпеть от Секста Помпея. Даже более поздние свидетельства об Августе скрывают объем уступок, на которые он вынужден был пойти. Примечательно, что именно Октавиан, у которого в Мизенах не было иного выбора, чем согласиться с требова-

ниями Помпея о свободе для рабов, позже превратился в гаранта имущественных отношений и хвастался, что возвратил рабов их хозяевам. Характерным для Октавиана является и то, что он считал Секста Помпея и его сторонников преступниками, а их дело незаконным. Даже позже он называл то столкновение «войной рабов».

За ту высокую цену, которая почти равнялась капитуляции триумвиров, Секст Помпей в Мизене пообещал сдать занятые им предмостные сооружения в Италии, не мешать плаванию судов у итальянских берегов, гарантировать обеспечение столицы хлебом и больше не принимать беглых рабов. Соглашение скрепила помолвка дочери Секста Помпея с Марком Марцеллом, племянником Октавиана. В Риме ликовали по поводу этих договоренностей, бурно приветствовали Антония и Октавиана при их возвращении и считали, что теперь гражданская война, наконец, закончена. Однако и на этот раз эти большие надежды не сбылись. Очень скоро возникли новые инциденты, Секст Помпей возобновил каперскую войну, Октавиан в 38 г. до н. э. попросил Антония о новой встрече в Брундизии, которая, правда, не состоялась, и в этом же году отважился на новое нападение на Сицилию, которое закончилось большой катастрофой. Однако Октавиан был непоколебим. Он отозвал Марка Агриппу, бывшего до сих пор наместником в Галлии, решил на переход со своими подразделениями через Рейн и переселил убитых в район Кельна. С другой стороны, он провел в 37 г. до н. э. встречу с Антонием в Таренте. Антоний предоставил ему для борьбы с Секстом Помпеем 120 боевых кораблей в обмен на обещание получить от Октавиана четыре легиона для предстоящей борьбы с парфянами. Октавиан этого обещания не выполнил. Новое согласие между Антонием и Октавианом произошло прежде всего благодаря посредничеству Октавии.

Марк Агриппа был не только блестящим организатором

ром и полководцем, но и одним из немногих римлян, владевших знаниями во всех областях техники и инженерных наук, включая оснащение флота. К тому же он был способнейшим адмиралом своего времени. Он сразу же приступил к строительству новых флотилий, куда были включены и корабли Антония. Таким образом, в 36 г. до н. э. началось массированное наступление на Сицилию, с запада в нем принял участие и Лепид. Но морские бои и сухопутные операции протекали с переменным успехом. Октавиан едва избежал плена, его участие в этой войне было несколько неудачным. Решающим морским сражением у Навлоха 3 сентября 36 г. до н. э. руководил Агриппа, одержав блестящую победу. Секст Помпей смог уйти с небольшим количеством кораблей и в конце концов погиб в Малой Азии в бою против Антония. Эти события на Сицилии завершились драматическим эпилогом, когда Лепид начал подстрекать оставшиеся без руководителя войска Секста Помпея к мятежу против Октавиана, чем вызвал новый кризис. Только стойкость Октавиана свела на нет эти последние усилия Лепида, который отныне был лишен всех политических и военных должностей, но до самой своей смерти в 12 г. до н. э. оставался *верховным жрецом*.

Для Октавиана устранение Лепида и Помпея стало решающим переломным событием. Теперь его власть в Италии и на всем западе империи была неоспоримой. К нему полностью перешли все политические и военные инициативы. Перед концом гражданской войны он выдвинул лозунги, к которым общественное мнение отнеслось с большим доверием, чем раньше. Чествования, которые устроили в Риме Октавиану, были, правда, довольно скромными, но знаменательными, так как несли в себе ростки будущего принципата и его идеологии. Октавиан довольствовался так называемым малым триумфом — *овацией* и получением *неприкосновенности* народного трибуна. В

его честь была воздвигнута арка, а также установлена золотая статуя, надпись на которой гласила, что на суше и на море был восстановлен мир. Мир Августа, ставший одной из центральных идеологических формулировок принципата, впервые появился на свет. То же относится и к связи Октавиана с традициями народных трибунов, власть которых он позже присвоил. Огромное значение победы на Сицилии подчеркивалось еще и тем, что было решено впредь праздновать юбилей битвы при Навлохе. Октавиан удостоился права носить лавровый венок, а Агриппа получил вновь учрежденное отличие — ростральный венок. Он представлял собой массивную, украшенную носовыми частями кораблей корону, изображением которой часто повторяется на монетах.

По мнению Октавиана, победа над Секстом Помпеем служила интересам всей Италии. Он отождествлял личные интересы и укрепление своей власти с интересами всей страны. По крайней мере он начал процесс этого отождествления, значительно укрепивший его позиции. По этой же причине лично возглавил походы в Иллирию в 35—33 гг. до н. э. В 35 г. до н. э. области, расположенные к югу и юго-востоку от Альп, стали центром наступления. Войска дошли до Эмоны (Любляна), покорили якудов и племена, живущие в районе Капелских гор, то есть приблизительно в 80 км восточнее Фьюмы. Особенно тяжелые сражения произошли за якудскую столицу Метул, расположенную к югу от верхнего течения реки Кульпа. В самый критический момент наступления Октавиан был ранен, город же взят штурмом и сожжен. Потом римские войска продвинулись до Сисции, расположенной в устье реки Кульпа. Этот город тоже был взят и стал опорным пунктом римлян на северо-востоке Итальянского полуострова. Зимой 35—34 гг. до н. э. в нем было расположено более двух легионов.

В 34 г. до н. э. центр тяжести войны переместился в

Далмацию, район, ограниченный реками Крка и Цетина, то есть южнее Динарских Альп. В этом походе Октавиан снова был ранен. Осенью он вернулся в Рим, а его легаты продвинули наступление дальше на юго-восток до северной части Монтенегро, то есть почти до согласованной Октавианом и Антонием временной границы на уровне города Скодра. В феврале 33 г. до н. э. после взятия изголодавшейся Сеговии сражения в Далмации были завершены. Октавиан получил от далматинцев заложников, контрибуцию и штандарт, который потерял Габиний в 48 г. до н. э.

Так как одновременно проводились почти безуспешные меры против салассаров в долине Дора Балтея, радиус военных операций 35—33 гг. до н. э. расширился от Савои до Монтенегро. Как и во времена, когда Цезарь являлся проконсулом в Галлии, римская общественность была засыпана дюжинами до сих пор неизвестных ей названий завоеванных племен. Но названия племен у Цезаря, как правило, совпадали с названиями больших групп населения, Октавиан же давал названия, не имеющие ничего общего с названиями оккупированной страны.

Когда современники Октавиана думали, что поход 35 г. до н. э. означал преддверие новой экспедиции против Британии, то они ошибались так же, как и некоторые современные исследователи, связывающие военные операции в *Иллирии* с запланированным в духе Цезаря походом против Дакии. Для Октавиана было характерно, что он не планировал и не думал в духе Цезаря, а довольствовался разрешением близлежащих неотложных задач и прежде всего одной, которая его занимала больше всего — систематической организацией когерентности империи. Тот, кто стремился к территориальному объединению Италии с регионами Дуная и Балкан, считал крайне необходимым обеспечить коммуникационные линии между ними и прочно укрепить римское господство в *Иллирии*, важнейшей

опоре этих связей. «Империя связывала восток и запад и не важно, проходила ли граница вдоль Эльбы или вдоль Рейна» (Р. Сим).

Римской общественности были ближе другие соображения. Конечно, иллирийские походы Октавиана привели к общему знаменателю его ярко выраженной «италийскую» политику. Они согласовывались с программой стабилизации обстановки в Италии и являлись необходимой мерой для защиты северной и северо-восточной границ, а также для расширения римского господства в непосредственной близости от Апеннинского полуострова. Эти походы дали Октавиану желанный шанс снова выступить в качестве заступника и поборника жизненных интересов Италии, тогда как Антоний в это время застрял в Армянском плоскогорье и не смог разбить парфян, не в последнюю очередь из-за Клеопатры все больше и больше увязал в обычаях эллинистического востока.

С другой стороны, иллирийские походы позволили Октавиану применить свое стотысячное войско, поднять его боевую готовность, не подвергаясь при этом большому риску. Из Иллирии можно было быстро вернуться в Италию или в случае необходимости выступить против Антония. Принимая во внимание эти соображения, нужно признать, что иллирийский театр военных действий был выбран так же продуманно, как и десятилетие спустя испанский.

Многочисленными административными и политическими мерами Октавиан произвел сильное впечатление на римско-италийскую общественность и устранил недостатки в различных областях римской внутренней политики. Что бы Октавиан ни делал, он всегда выдавал себя за гаранта безопасности и порядка Италии: укрепил традиционную римскую религию, изгнав магов и астрологов, с помощью Марка Агриппы строил бытовые здания, обеспечил водоснабжение Рима, построив *водопровод Юлия* и восстано-

вив *водопровод Мария*, он простил задолженности по налогам и арендной плате, вернул приблизительно 30 000 рабов их владельцам, принял энергичные меры против деклассированных элементов, которые мешали сухопутному сообщению во многих областях Италии. Он смог доказать значимость своих походов и своей политики. Ярким примером этого служит восстановление *портика Октавиев* и колоннады, которая раньше прославляла предков Октавиана. Там он выставил *штандарты* побежденных далматинцев. Обычай возвращения штандартов превратился в центральный элемент августовской идеологии, когда приблизительно через десять лет Август вернул знамена, которые Антоний не смог отбить у парфян в битве при Каррах. После этого Августа восхваляли как человека, восстановившего римскую боевую славу. Это событие было отражено на монетах и на панцире примпортской статуи Августа.

Уже в 33 г. до н. э., когда Октавиан во второй раз получил должность консула, серьезно осложнились отношения с Антонием. Всеми возможными средствами обе стороны стремились унижить противника, повлиять на общественное мнение и подстрекать своих сторонников к новым столкновениям. Антоний упрекал Октавиана за то, что тот устранил Лепида, обделил его ветеранов при расселении в Италии, препятствовал притоку новобранцев из Италии на Восток. Октавиан в свою очередь упрекал Антония в разбазаривании римской собственности, в злоупотреблениях и в отказе посылать в Рим часть добычи. Они обменивались личными оскорблениями, где затрагивалась Клеопатра, не говоря уж о взаимных упреках, претензиях и обвинениях, которые градом сыпались во время этой ожесточенной пропагандистской войны. Антагонистическая политика, которую вели Антоний и Октавиан в течение 10 лет, должна была рано или поздно привести к разрыву, что и случилось.

Антоний уже давно настолько приспособился к эллинистическим нормам жизни, что римский элемент в его власти почти полностью исчез. Его связь с Клеопатрой привела к образованию новой династии, которая все больше отдалялась от римских традиций. Таким образом, римские войска превратились в инструмент династической власти на Востоке. Успехами этих войск и их трофеями пользовалась Александрия, а не Рим. Триумфы, торжественные заседания проходили не на Тибре, а на Ниле.

Октавиан тем временем одну за другой обрубил все связи Антония в Италии и нейтрализовал своих соперников и противников. Одновременно он укреплял свою власть, неустанно влиял на общественное мнение. Демонстративно подчеркнутая *преданность* убитому приемному отцу была так же полезна для интеграции, как и элементы демонстративно «итальянской политики» в конфликте с Секстом Помпеем и в годы после Навлоха. Столкнулись друг с другом эллинистическо-восточная политика Антония и традиционно-итальянская политика Октавиана.

Октавиан извлек выгоду из вызывающего поведения Антония на Востоке. В Риме были недовольны стилем его управления и особенно отношениями с Клеопатрой. Для римского политика, видящего, как подвергается серьезной угрозе господство Рима и сводятся на нет результаты продолжительного римского присутствия на Востоке, Антоний является предателем. Человек же с улицы считал, что триумvir был околдован и приворожен «*пагубным чудовищем*» Клеопатрой.

Эскалация конфликта в 32 г. до н. э. произошла по двум причинам. Во-первых, стали консулами Гай Созий и Гней Домиций Агенобарб, активные сторонники Антония, которые, будучи высшими должностными лицами римского государства, оказали решительное сопротивление Октавиану. Во-вторых, время исполнения обязаннос-

тей триумвиров истекало 31.12.33 г. до н. э. и тем самым ставилась под вопрос законность их власти. Вопрос об ограничении срока власти триумвиров остается спорным, зато бесспорным является тот факт, что Антоний и Октавиан по аналогии с событиями 37 г. до н. э. продолжили исполнение своих обязанностей и сохранили свою *власть*. Между тем Октавиан сразу заметил конституционно-правовую спорность положения, потому что заранее обдумывал способ легализации узурпации власти и потому что постоянно сталкивался с противоречиями между конституционными нормами и реальной действительностью.

После первого обмена ударами в сенате между Сезием и Октавианом оба консула отправились к Антонию в Эфес. За ними за короткое время последовали не менее 300 сенаторов из 1 000, причем не только сторонники Антония и последние цезарианцы, но и приверженцы олигархических традиций. Казалось, что повторилось положение 49—48 г. до н. э., когда консулы и большая часть сената покинули город и отправились в Фессалоники к Помпею. Прибытие консулов и сенаторов подняло престиж Антония, с другой стороны, его приверженцы стали неоднородными и их интересы трудно было привести к общему знаменателю. Парадоксально, что человек, одержавший победу над Брутом и Кассием при Филиппах и тем фактически ликвидировавший республику, превратившийся в эллинистически-восточного автократа, теперь стал надеждой и прибежищем последних республиканских сил.

Однако Антоний не воспользовался предоставившимся ему шансом. У него была возможность отослать Клеопатру и сделать себя защитником законного римского правительства. Однако все увещевания сторонников о том, какой вред ему наносит присутствие Клеопатры, остались тщетными; Антоний и Клеопатра не обратили никакого внимания на настроения на Западе. Более того, они дава-

ли все больше поводов для нападков. В Самосе, куда весной 32 г. до н. э. была переведена штаб-квартира Антония, устроили пышные празднества в честь нового Диониса. Когда Антоний и Клеопатра в мае прибыли в Афины, египетскую царицу приняли там с почетом как новую Изиду.

Афины напомнили Антонию об Октавии, с которой он здесь останавливался несколько лет тому назад. Теперь он решил окончательно порвать с ней, послал письмо о разводе и приказал покинуть его дом. Это было тяжким оскорблением для Октавиана. Оно привело к разрыву личных отношений и вызвало новую бурю негодования против Антония. В Риме опорочивание Клеопатры достигло высшей точки. Сомнительно, что соответствует действительности слух, что Клеопатра в суде употребляла слова: «...однажды на Капитолии я также справедливо буду осуществлять правосудие». Главное, что этому слуху поверили.

Летом 32 г. до н. э. с обеих сторон началась форсированная подготовка к войне, всеми способами собирались средства для предстоящей решающей борьбы. Антоний выпустил «динарии легионов» с изображением штандартов отдельных легионов. Динарии изготавливались тысячами. Это была массовая эмиссия монет с облегченным весом. Их часто находят в границах империи и в Германии. В Италии поборы достигли таких размеров, что дело дошло до открытых восстаний, которые были жестоко подавлены. Свободные граждане должны были отдавать на вооружение четверть своих доходов, а вольноотпущенники — восьмую часть от всего состояния. Все это безжалостно изымалось войсками Октавиана.

Предстоящая война не пользовалась популярностью. Население не смирилось безропотно с неизбежностью столкновения. Поэтому для Октавиана было важно привлечь на свою сторону Рим, Италию и весь Запад империи. Для

достижения этой цели он без зазрения совести использовал любые средства. Незаконно завладел завещанием Антония, которое хранилось у весталок, и ознакомил с его содержанием сенат и народное собрание. Когда услышали, что Антоний в своей последней воле подтверждал отцовство Цезаря для Цезариона и завещал своим детям от Клеопатры огромное состояние, а кроме того, в случае, если он умрет в Риме, распорядился перенести его тело в Александрию и похоронить рядом с Клеопатрой, всем стало ясно, что римлянин Антоний уже давно стал александрийцем и подневольным Клеопатры. Впечатление от этих разоблачений было столь сильным, что Октавиану удалось отстранить Антония от должности триумвира и консула 31 г. до н. э.

Одновременно Октавиан демонстрировал свою тесную связь с Римом. Теперь он занялся воздвижением мавзолея для себя и своей семьи. Центральная часть этого мавзолея сохранилась до наших дней. Мавзолей показывал каждому, приверженцем каких традиций он себя считал. Однако жители Италии и провинций привлекались на сторону Октавиана и другими средствами. Он распорядился по всей Италии, Галлии, Испании, *Африке*, на Сицилии и Сардинии давать клятву верности, формулировку которой можно реконструировать по более поздней клятве Калигуле: «Я буду врагом тем, кого посчитаю врагами Гая Юлия, сына Цезаря, и если кто угрожает или будет угрожать его благополучию, я буду преследовать его силой оружия на суше и на море, пока он не будет наказан. Я буду ставить благополучие Гая Юлия Цезаря выше, чем свое собственное и моих детей и буду приравнивать к врагам на войне тех, кто испытывает к нему враждебные чувства».

В новых исследованиях клятва 32 г. до н. э. оценивается очень противоречиво. Однако безразлично, выдержана ли она в духе традиционной клятвы клисентелы или в духе

присяги «полководцу» поздней Римской республики в духе клятвы римского сената и народа Цезарю, она спланировала вокруг Октавиана население всего Запада и давала ему широкую базу для предстоящей борьбы. Война была объявлена, характерно, что Клеопатре, очевидно в начале ноября 32 г. до н. э., в архаической форме римского фециального права: Октавиан у храма Беллоны метнул окровавленное копье в сторону «вражеской» страны.

Для истории возникновения принципата Августа 32 г. до н. э. имеет такое же значение, как эпохальный 27 г. до н. э. Более старое исследование, которое для того года допускает чрезвычайное командование Октавиана, как Теодор Моммзен, или говорит о его «государственном перевороте», как Иоганес Крумайер, акцентирует это значение. В этом году произошел окончательный разрыв с Антонием. Октавиан подорвал тогда общий базис триумвирата, взял инициативу на себя и монополизировал римско-италийскую традицию, несмотря на то, что консулы и значительная часть сената находились в лагере Антония. В то время как Октавиан активно влиял на общественное мнение, что закончилось образованием *итальянского союза*, который фактически превратил всю Италию в его клиентелу, Антоний, можно сказать, не отреагировал на эти умелые политические действия. Его высказывания и лозунги были туманными и отвлеченными. Политически Антоний проиграл раньше, чем началось вооруженное столкновение.

Своими сухопутными и морскими силами Антоний закрывал восточное побережье Эпира и Пелопоннес. Штаб-квартиру перевел в Патры на берегу Коринфского залива. Он не мог и мечтать о вторжении в Италию, и каким бы на первый взгляд ни было его преимущество в числе и вооружении, у Октавиана были маневренные корабли и способнейшие адмиралы, которые приобрели ценный опыт в ожесточенной борьбе с Секстом Помпеем. Для Антония

же, великого кавалерийского полководца, море было чужой стихией.

Детали военных передвижений 31 г. до н. э. известны только в общих контурах. После взятия Корфу соединения Октавиана высадились у Торины в Эпире и перешли в наступление у бухты Амбракия, где в это время стоял флот Антония. После того, как в первом же морском сражении Агриппа разбил одного из флотоводцев Антония, пехота и морские силы Октавиана начали блокаду противника. Очень скоро легионы Антония стали страдать от недостатка продовольствия, следствием чего было повальное дезертирство.

2 сентября 31 г. до н. э. произошло решающее сражение у Акция. Как выяснилось, быстрые либурны Агриппы и Октавиана, тип кораблей с 1—3 рядами весел, по всем статьям превосходили высокие дредноуты Антония и Клеопатры с их 8—10 рядами весел. Клеопатре и Антонию оставалось только идти на прорыв. Правда, их не смогли догнать, но это бегство решило судьбу флота Антония, а также и сухопутных войск, которые через несколько дней капитулировали.

Рональд Сим прав, называя битву у Акция «жалкой аферой». Но эта битва была решающей, и вполне понятно, что сторонники принципата придали ей почти мифическое значение. Они говорили о победе Аполлона над Дионисом, Италии над Египтом, о триумфе Запада над Востоком. Эта точка зрения вряд ли сыграла какую-то роль в событиях сентябрьского дня в Амбракийском заливе.

Антоний бежал в Акий, потом на мыс Тайнарон на юге Пелопоннеса, оттуда в Киренаику и, наконец, вслед за Клеопатрой в Египет. Когда Корнелий Галл со своими легионами начал наступление против Египта с запада, а сам Октавиан — со стороны Сирии, его дело было окончательно проиграно. Правда, «старый кавалерист» одержал свою последнюю победу у ворот Александрии, одна-

ко на следующий день его войска обратились в бегство. Антоний покончил жизнь самоубийством, а 1 августа 30 г. до н. э. войска Октавиана вошли в Александрию.

Когда после встречи с Октавианом Клеопатра поняла, что для нее и ее детей нет никакой надежды и что ей предстояло быть обесчещенной в триумфе Октавиана, она приняла решение. Гораций в последней строфе 37 оды своей первой книги так описывает это событие:

Вдвойне отважна, — так умереть решив,
Не допустила, чтоб ладья врагов
Венца лишенную царицу
Мчала рабой на триумф их гордый.

(«Античная лирика». М., 1968, с. 289.
Пер. С. Шервинского)

Она умерла от укуса змеи, аспиды, которая считалась священным животным египетского бога солнца Аммона Ра. Так как по египетским представлениям тот, кто умер от укуса этой змеи, возносился на небо, династия Птолемеев закончила свое существование этим великолепным жестом. В падение династии были вовлечены и дети Клеопатры. Александра Гелиоса и Клеопатру Селену провели в римском триумфе Октавиана, и только судьба дочери прослеживается дальше: она в конце концов стала мавританской царицей. Ее брат-близнец погиб насильственной смертью так же, как и Птолемей Филадельф и Цезарион, сын Цезаря.

После гибели Антония и Клеопатры Октавиану предстояло реорганизовать управление восточными провинциями и прежде всего принять важные решения по поводу отношений с парфянами. После того, как начинания Октавиана подвергались многолетней резкой критике, можно было ожидать полной смены политического курса. Но это ограничилось только Египтом, там события развива-

пись не совсем обычно: страна была включена в состав Римской империи, однако Октавиан не установил там обычного правления сената. Напротив, он сам назначил префекта из сословия всадников. Друг Октавиана Корнелий Галл стал первым префектом Египта и одновременно командующим стоящими там тремя легионами. Римским же сенаторам был запрещен въезд в страну; Октавиан очень хорошо знал потенциал Египта и не хотел подвергать себя риску. Тем не менее в последующие столетия этот регион не раз становился базой опасных узурпаций. Благодаря полновластным полномочиям, которые взял на себя Октавиан, он получил огромные сокровища и денежные средства, как движимое, так и недвижимое имущество, не говоря уж о собственности царицы. Добыча была так велика, что Октавиан по-царски вознаграждал не только своих полководцев, солдат, друзей, сторонников и помощников, но был в состоянии оказать финансовую поддержку владельцам отданных ветеранам земельных участков в Италии. Нельзя недооценивать значение этих действий: египетская добыча была использована для стабилизации общественного порядка в Италии. Граждане Рима и Италии, совершенно обедневшие в гражданской войне, в первый раз почувствовали облегчение, что помогло им смириться с властью Октавиана.

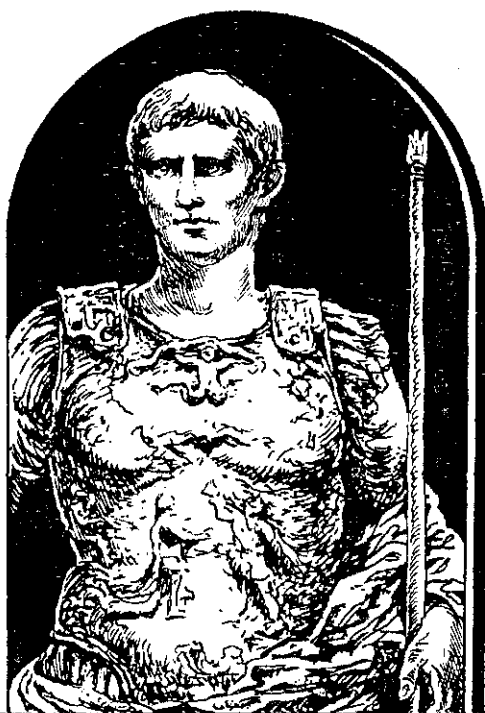
При реорганизации египетских восточных областей само собой разумелось, что распоряжения Антония в пользу Клеопатры и ее детей отменяются. Тем удивительнее кажутся решения Октавиана в других странах. Не только три восточные провинции, но и те клиентельные цари, которые поддерживали Антония, сохранили свое положение, прежде всего Ирод Великий, переметнувшийся вовремя на другую сторону. Сохранили свое положение Архелай, Аминт и Полемон, несмотря на то, что уже давно дискредитировали себя как бездарные креатуры Антония.

Еще большим был контраст между ожиданиями и фактическими мерами Октавиана в политике с парфянами. После катастрофы у Карр и Фраата и неудачного наступления Красса и Антония многие сторонники Октавиана, который к тому времени располагал 70 легионами, ждали от него последовательной политики экспансии и надеялись, что он, наконец, повергнет парфянское царство. У Вергилия, Горация и Проперция можно найти немало высказываний, которые подтверждают эти надежды и предположения. Но Октавиан не был Цезарем. Он избегал непредвиденных осложнений, имел другие приоритеты и не стал менять *ситуацию* вокруг парфянского царства.

Летом 29 г. до н. э. после неторопливого похода на Сирию, Малую Азию и Грецию Октавиан вернулся в Италию. Это событие ознаменовалось большой эмиссией монет. На легенде монет были лозунги, знаменовавшие конец гражданской войны и новое урегулирование на Востоке: «*Завоеванный Египет*» и «*Возвращенная Азия*». Между 13 и 15 августа 29 г. до н. э. Октавиан отпраздновал пышный триумф по поводу своей победы над далматами, за Акций и Египет. Были демонстративно закрыты двери храма Януса, новый общественный порядок объявлялся царством свободы, были воздвигнуты новые строения, например, храм Божественного Юлия.

Очень быстро обнаружилось, что основные интересы Октавиана были сосредоточены на укреплении и легализации своего положения. Так, в 28 г. до н. э. он вместе с Марком Агриппой провел первый *ценз* и *избрание сената* — «чистку сената» от политических противников. Одновременно были назначены новые патриции и сенаторы, себя он назначил самым главным сенатором — *принцепсом сената*. Чрезвычайные полномочия триумвирата аннулировали; многие признаки указывают на то, что Октавиан был готов в какой-то мере уважать республиканские нормы и что систематические нововведения еще впереди. Они произошли в январе 27 г. до н. э.

Принципат Августа

Предварительные замечания

Греческий историк Кассий Дион, который в начале III в. н. э. написал «Римскую историю», поместил в описании событий 29 г. до н. э. две большие речи. Следуя традиционному историографическому образцу, они должны были выявить те альтернативы, которые были у Октавиана после поражения Антония. Программные установки вложены там в уста ближайших соратников Октавиана Агриппы и Мецената и являются фикцией. Однако они проливают свет на те события, которые тогда, более двух веков назад, произошли или могли произойти. Агриппа занимал «республиканскую» позицию, а Меценат — «монархическую».

Важнее, чем сами речи, является реакция Октавиана. Кассий Дион пишет, что Октавиан прислушивался к советам Мецената, но не сразу осуществлял все его предложения, потому что боялся неудачи при резком изменении общественных отношений. Некоторые изменения он проводил сразу, другие откладывал на более поздний срок и оставлял про запас, те, которые могли помочь ему в будущем, потому что считал, что со временем наступит их час.

Кассий Дион уловил особенности развития и структуру принципата Августа. Вопреки сохранившимся до сегодняшнего дня представлениям о целостности августовской эпохи и о монархической власти наподобие «кайзе-

ра» или «монарха», Август с самого начала представлял себе эволюционный характер установления своей власти. Августовский принципат нельзя отождествлять с резкими, дискретными мерами по утверждению новой системы, но также нельзя говорить об обширной политической программе с единой административной организацией, с большими военными планами и с введением компактной идеологии, как нового мировоззрения. Принципат Августа вырос из утверждения, легализации и укрепления власти новой системы в процессе долгого диалектического развития.

В общем прагматическом смысле под диалектикой понимается сознательный опыт и понимание исторических сил, противодействий и противоречий, по Гегелю это состоящий из тез и антитез процесс, который в конечном результате приводит к историческому синтезу. Даже в настоящее время для историков не потеряла значения фраза Гегеля о диалектическом моменте: «Понимать и воспринимать диалектическое крайне важно. Оно вообще есть принцип всякого движения, всякой жизни в реальной действительности. Диалектическое является также душой всего по-настоящему научного познания» («Философские штудии 3». Франкфурт, 1968, с. 352).

Уже с самого начала августовскому принципату не хватало той систематики, когерентности и сплоченности, которые предполагают понимание эпохи в целом. Наоборот, речь идет о скачкообразном изменении традиционных структур во всех областях политики и администрации, в незначительных военных операциях, на месте которых устанавливался римский законопорядок. Речь идет о проникновении в идеологический сектор идеологических элементов, идеологем, которые постепенно сомкнулись в одну идеологическую систему — систему принципата.

Характерный эволюционный ход августовского прин-

ципата нужно понимать, отчасти как болезненную реакцию на диктатуру Цезаря и ее крах, а также как постоянное стремление к законному обеспечению власти. В отличие от диктатуры Суллы и Цезаря, а также от более позднего закрепления власти *принцепса*, которое известно из закона о власти *Веспасиана* 69 г. н. э., Август избегал окончательных решений. Его принципат сначала являлся лишь переходной стадией на пути к окончательной институализации системы.

Можно сделать вывод, что принципат даже там осуществлял преемственность, где в действительности преобладала дискретность. Преемственность сохранялась особенно в обществе и экономике, где позднереспубликанские структуры еще не претерпели сильных изменений. По представлениям Августа преемственность должна была преобладать в понятиях о ценностях, нравах, образе жизни и религии, хотя остается открытым вопрос, было ли это вообще возможно.

Наряду со сферами, где осуществлялась действительная или желаемая преемственность, выделились другие сферы, в которых преобладала дискретность. Вокруг старых общественных связей в семье образовались теперь новые рамки, где господствовал *принцепс* и все сводилось к нему. Когда *принцепс* становится отцом и патроном для всех, прекращают существование те структуры, которые до этого предполагали плюрализм. Монополизация *принцепсом* большой политической клиентелы означала деполитизацию всех остальных старых клиентел.

Деполитизация старых органов и институтов является характерной чертой принципата. Правда, сенат и народное собрание вряд ли могли осуществить многие из своих политических прав еще во времена поздней Республики, но окончательное лишение их политической власти произошло только при Августе, хотя еще оставались многие привилегии, суверенные права и формальности.

Дискретность диктовала также и дальнейшее развитие в военной сфере. Постепенная монополизация верховного главнокомандования всеми сухопутными и морскими силами и создание отношений между огромною семьей *принцепса*, *домом принцепса* и постоянными военными соединениями являлись характерными элементами укрепления власти.

Дискретность проявлялась в новом положении *дома принцепса*. Правда, уже во времена поздней республики было заметно растущее политическое влияние женщин, но это был небольшой пролог тех явлений, который принес с собой принципат Августа. Не нужно и говорить о скандальной хронике той эпохи и о политическом влиянии отдельных женщин. Новая политическая система, прежде всего в вопросе о наследовании, была обременена напряженными отношениями между членами семьи *принцепса*. И даже здесь был введен новый элемент, который надолго определил особенности принципата.

В предпоследней главе своей биографии Августа Светоний упоминает, что один сенатор после смерти Августа предложил назвать весь период от дня его рождения до смерти «веком Августа» и занести это определение в *римский государственный календарь*. Однако Светоний продолжает, что в принятых почестях мера все-таки была соблюдена. То, что сначала смутило римский сенат в 14 г. н. э., позже стало действительностью. *Век Августа* долго служил определением эпохи, означающим персонализацию происходящего.

На самом деле противоречивое, напряженное развитие было абстрактно систематизировано и рассматривалось односторонне. Потом же делался упор на эволюционные, диалектические черты эпохи.

Легализация власти и создание политической системы

Основные черты внутриполитического развития и государственно-правовое обеспечение принципата

Легализация и укрепление власти были теми двумя константами, которые определяли политику Октавиана. Описанные ранее этапы деятельности триумвира, предводителя войны против Египта и, наконец, *принцепса*, показали, что легализация власти не происходила резко, но являлась результатом долгого процесса. Однако Октавиан не был свободен в своих действиях. Он уважал «республиканскую» традицию и для легализации своих полномочий сознательно выбрал соответствующие конституции элементы, которые согласовывались с принятыми нормами поздней Республики.

При оценке конституционно-правовых решений Октавиана нужно исходить из фактического развития республиканского гражданского права во время кризисов поздней Республики. Старые принципы классической республики — годичный срок, коллегиальность каждой должности — неоднократно нарушались назначением промагистратов для руководства администрацией, долгосрочной властью, а также передачей компетенций ле-

гатам. Октавиан сознательно избегал таких дискредитировавших его решений, например, занятие должности *единственным консулом* (Помпей в 52 г. до н. э.) или *пожизненного диктаторства*. Вместо этого он год за годом избирался консулом, как это делал Марий, и довольствовался ограниченной сроком властью, которая походила на *власть* I и II триумвиратов. Эта ограниченная по времени форма маскировала стремление Октавиана к пожизненной власти.

После возвращения из Египта Октавиан разными способами ускорял решение этого вопроса с помощью материальной зависимости, идеологического влияния, а также демонстративными актами в «республиканском» стиле. С одной стороны, ряд постановлений сената 30—26 гг. до н. э. прославлял успехи Октавиана. Был даже издан декрет о жертвоприношениях и молитвах за его благополучие. Таким образом была подготовлена почва как для его религиозного почитания в Риме, Италии и на латинском запа-

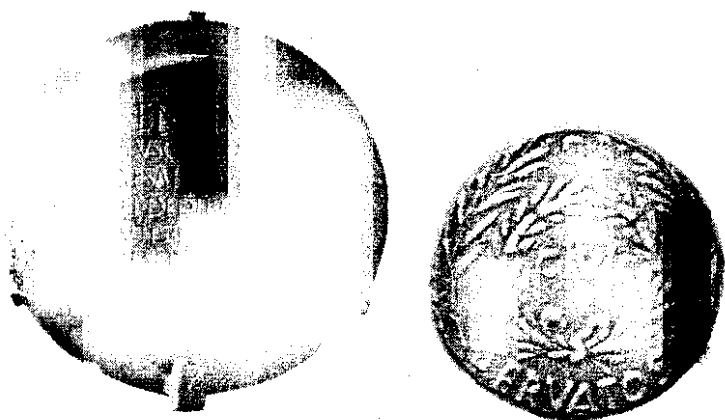

Рис. 4. Щит за доблесть, лавровый венок, гражданский венец

де, так и для распространения идеологии принципата. Эти разнообразные акты, хотя и более сдержанные, чем чествования Цезаря в последние годы его жизни, подтверждали, что подавляющая часть сенаторов была готова признать новые властные отношения. С другой стороны, Октавиан в конце 28 г. до н. э. своим эдиктом отменил все противоправные меры, которые он ввел во время гражданской войны, пользуясь властью триумвира. Этим он внес значительный вклад в восстановление гражданского мира и во взаимопонимание с жертвами внутренних раздоров.

События 13 и 16 января 27 г. до н. э. свидетельствуют о предусмотрительной инсценировке, которая, конечно же, была неслучайна. 13 января Октавиан сложил с себя свои особые полномочия и вернул сенату управление провинциями, войском и администрацией. В этот момент формально восстановилась Римская республика. Но сенат уже давно был не в состоянии справиться с комплексными проблемами Империи без Октавиана, его сторонников, его войска и, не в последнюю очередь, без его финансовых средств. Сенат находился во власти общественного мнения, для которого каждое нововведение, не исходящее от победителя Акция и Александрии, человека, выдававшего себя за гаранта свободы, мира и традиций, были равносильны развязыванию новой гражданской войны. Еще больше, чем повторения диктатуры Цезаря, римская общественность после двух десятилетий гражданской войны боялась продолжения хаоса, который должен был наступить, если сенаторская аристократия попытается действовать без Октавиана.

На стремление сенаторов сохранить и дальше управление государством Октавиан ответил взятием на себя ответственности за опасные и еще не полностью освоенные регионы Империи. Долгосрочная *проконсульская власть* Октавиана над Испанией, Сирией и Галлией охватывала

стратегически важные регионы римского владычества. Кроме того, он взял на себя главнокомандование большой частью римского войска. Проконсульская власть и год за годом продлеваемый консулат были государственно-правовой основой нововведений Октавиана. 16 января римский сенат выразил ему благодарность небывалыми почестями, которые легли в основу будущей идеологии принципата. «За мои заслуги я постановлением сената был назван Августом, и косяки дверей моего дома были украшены лавром, а на моей двери был прибит гражданский венец, и в курии Юлия водружен щит, который мне дал сенат и римский народ за мое мужество, милосердие, справедливость и благочестие, как гласит надпись на этом щите. С этого времени я превзошел всех по положению, но что касается должностной власти, у меня ее не более, чем у других, которые были моими коллегами по магистратуре». Так сам Август интерпретировал эти почести в своей автобиографии.

События 13 января 27 г. до н. э. понимались современниками, как «восстановление общества» (Т. Моммзен), как восстановление основанных на законе государственных отношений. Античная формулировка *восстановленная республика* не имеет ничего общего с современным типологическим понятием «республики». Альтернатива республика—монархия здесь не адекватна. Глубинная противоположность традиционной республики и принципата была постепенно осознана после укрепления новой системы. События января 27 г. до н. э., наоборот, представляются компромиссом, на который пошел Август и стоящие за ним силы, имея в виду традиционный государственный рас­порядок.

Проконсульская власть, важнейший государственно-правовой базис Августа, была потеряна не навсегда, а только на определенные промежутки времени: в 27 г. до н. э. на 10 лет, в 18 и 13 гг. до н. э. на 5, в 8 г. до н. э. опять

на 10 лет. Только преемник Августа Тиберий получил в 14 г. н. э. пожизненную *проконсульскую власть* при принятии принципата. То, что Август в 27 г. до н. э. занял должность консула, было воспринято, как само собой разумеющееся. Никто не мог предположить, что он в будущем вплоть до 23 г. до н. э. год за годом будет избираться на эту должность. Если судить поверхностно, то легко недооценить государственно-правовые возможности Августа. Его выдержанность была очевидной, и именно она послужила предпосылкой для чрезмерных почестей.

Но обладатель такого высокого положения, по свидетельству Кассия Диона, просто был обязан взять на себя заботу обо всей республике. Положение не только разрешало ему, но и обязывало активно заниматься государственно-правовыми вопросами. Но вначале только узурпированная ответственность за государство в целом теперь была в основе легализирована.

Из сообщения Августа ясно, какое большое значение он придавал решениям сената о воздании ему почестей. Диалектика достижений и почестей была конструктивной для его положения. Если часть имени Цезаря — «сын бога» — не указывала на его собственные заслуги, то новое имя *Август* наоборот. Оно было таким же признанием необыкновенных заслуг перед государством, как лавры, гражданский венец и золотой щит с «основными добродетелями» властелина. Уже здесь проявляется то, что новая политическая система не определялась только государственно-правовыми категориями, но нуждалась в более широких перспективах. Уже тогда Август был окружен сакральной аурой.

Какими бы значительными ни являлись события января 27 г. до н. э., ошибочно было бы думать, что внутри римского государства раз и навсегда создались консолидирующие отношения. Хотя Август сразу же отпра-

вился в свою испанскую провинцию, чтобы возглавить там борьбу против северо-западных племен, в Риме произошел ряд сбоев в новой политической системе. Усилились раздоры с политическими противниками, к этому вскоре добавились столкновения между ведущими представителями августовской клиентелы после того, как в 24 г. до н. э. племянник и зять Августа Марцелл выдвинулся на первый план в ущерб Агриппе. Положение быстро обострилось, когда стал вопрос о компетенциях Августа в провинциях, в 23 г. до н. э. был раскрыт заговор Фанния Цепиона и Теренция Варрона Мурены, и сам Август опасно заболел.

С помощью новых компромиссов Август приостановил этот тяжелый кризис. Он сложил с себя полномочия консула. Между тем сложенные полномочия и права законодательной инициативы заменились новыми: это была расширенная трибунская власть — годовичная, и *постоянная трибунская власть*, так называемая большая или неограниченная *проконсульская власть*, которая распространялась на всю Империю. Если до сих пор Август обладал отдельными элементами *трибунской власти*, то теперь ему была доверена полная трибунская власть с правом собирать заседания сената и устанавливать их повестку дня. В то время, как был заключен тесный союз с римским народом и все время подчеркивались права *плебса*, *большая проконсульская власть* получила неограниченные полномочия в провинциях, эти полномочия не прекращались даже в священных границах города Рима.

Споры о наследовании, которые открыто велись во время болезни Августа, прекратились, когда в 23 г. до н. э. умер Марцелл, а Агриппа женился на дочери Августа Юлии. Возможно, в этом же году, но не позже 18 г. до н. э. он получил особую неограниченную *власть* над своими многочисленными провинциями. Этим он фактически был воз-

вышел до звания «соправителя» Августа, но остался, как и раньше, у него в подчинении.

Политика Августа после 23 г. до н. э. гораздо больше, чем до 27 г. до н. э., характеризовалась его усилиями, направленными на полное согласие с сенатом и особенно на усмирение внутривластической оппозиции новой системе. В 22 г. до н. э. провинции *Кипр* и *Нарбоннская Галлия* были возвращены сенату, а в 21 и в 19 гг. до н. э. был отпразднован триумф двум проконсулам провинции Африка.

Тем не менее в самом Риме между 23 и 19 гг. до н. э. сохранялось беспокойное положение. Голод, эпидемии, а также целый ряд беспорядков будоражили общественность; с большим трудом достигнутый компромисс и общественное согласие, казалось, снова были под вопросом. *Принцепс* уговаривали установить диктатуру, а после печального опыта Цезаря этого как раз ни в коем случае нельзя было делать. Август понял, что его попытки стабилизации потерпели поражение по всем направлениям. «Диктаторскую власть народ предлагал неотступно, но он на коленях, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял всех его от этого избавить». Так описал Светоний эту душераздирающую сцену («Жизнь двенадцати Цезарей». М., 1964, с. 56).

Но и этот кризис, отголоски которого ощущались еще долго, в конце концов был преодолен. В 19 и 18 гг. до н. э. положение Августа вновь укрепилось. Важнейшими этапами этого процесса консолидации были возложение консульской власти, обширные законодательные инициативы 18 г. до н. э., «чистка» сената в этом же году и не в последнюю очередь сотрудничество с Агриппой. Опять был разыгран новый, на этот раз религиозный государственный акт, который зримо для всех должен был отметить начало новой эпохи: большие секулярные игры 17 г. до н. э.

После этого внутреннее положение стабилизировалось настолько, что Август и Агриппа смогли надолго покинуть Рим. Агриппа между 17 и 13 гг. до н. э. инспектировал восточные провинции, а Август находился в Галлии между 16 и 13 гг. до н. э., там он начал интенсивную реорганизацию пограничной зоны и административного управления. Так как в 15 г. до н. э. пасынки Августа Тиберий и Друз успешно осуществили руководство альпийским походом, а подрастающие внуки, сыновья Агриппы и дочери Августа Юлии подавали надежды, система казалась прочной, как никогда раньше. Избрание Августа 6 марта 12 г. до н. э. *верховным жрецом* гражданами всей Италии расценили как демонстрацию всеобщего *согласия*.

После смерти Агриппы в том же году последовал ряд смертей, потрясших Августа лично: в 11 г. до н. э. умерла его сестра Октавия, в 9 г. до н. э. умер горячо любимый Друз Старший, в 8 г. до н. э. умерли Меценат и Гораций. Август не хотел подвергать себя ни малейшему риску, поэтому он заставил свою дочь Юлию, вдову Агриппы, заключить новый брак с Тиберием, который должен был развестись со своей женой Агриппиной. На короткое время Тиберий стал вторым человеком в государстве, в 6 г. до н. э. ему на пять лет была дана *трибунская власть*, а может быть, и *проконсульская власть*. Однако, когда Тиберию стали явно предпочитаться усыновленные Августом сыновья Агриппы и Юлии, дело дошло до разрыва. Высокоодаренный полководец и пасынок Августа и зять Августа отправился на Родос.

Это ускорило возвышение сыновей Агриппы. В 5 г. до н. э. старший из них — Гай Цезарь был торжественно принят в сенат, а также назначен консулом на 1 г. н. э. Всадники обозначили его первым в цензорском списке, а три года спустя этих же почестей удостоился его брат Луций Цезарь, кроме того, в империи в его честь было выпущено большое количество монет. Во 2 г. до н. э. были

устроены большие празднества в честь Августа, так как он уже в течение четверти века определял римскую политику. 5 февраля этого же года он получил титул *отца отечества*, который впредь носили все римские *принцепсы*. 1 августа был торжественно открыт храм Марса-Мстителя и форум Августа.

2 г. до н. э. принес не только новую славу Августу, но и первую из тех катастроф в ближайшем окружении, которые омрачили последние годы его жизни. Положение *отца отечества* налагало обязанности: Августу не суждено было насладиться спокойной старостью. Как раз в последние годы жизни он пережил ряд разочарований, неудач и катастроф, как в собственной семье, так и во внутренней и внешней политике.

В последние годы его жизни на первый план выдвинулись такие люди, как Кассий Север и Т. Лабиен, которые в своих речах и памфлетах унижали Августа и его ближайшее окружение, бушевали против тирана и прославляли свободу. Но опаснее, чем единичные взрывы оппозиционных настроений, были неурядицы в самом *окружении принцепса*. Амбиции и склоки претендовавших на наследие лиц, к которым примыкала группа честолюбивых и недовольных представителей правящего слоя, создавали напряженную обстановку.

С изгнанием во 2 г. до н. э. дочери Августа Юлии на маленький остров Пандатерия началась цепь тяжелых неудач для принципата. Август публично обвинил ее в сексуальной распущенности и нарушении супружеской верности, одновременно под подозрение в заговоре попало ближайшее окружение Юлии, к которому принадлежал Юл Антоний и многие другие представители известных семей римского правящего слоя. Во 2 г. н. э. в Массилии умер Луций Цезарь, двумя годами позже его брат Гай Цезарь, получивший тяжелое ранение во время большой, но не особенно удачной военной кампании на Востоке.

Создается впечатление, что после смерти своего любимого внука и приемного сына Гая Цезаря в 4 г. н. э. Август окончательно пал духом. Правда, он еще раз провел упорядочение своего наследования, но под градом несчастий и катастроф, заполнивших его последние годы, окончательно потерял самообладание. Периоды глубокого отчаяния, когда он даже хотел покончить с собой, чередовались с приступами бурной деятельности. Как раз в эти годы сильно увеличилось влияние Ливии.

После невероятно больших посмертных почестей обоим приемным сыновьям Август в 4 г. н. э. усыновил Тиберия. Тиберий никогда не был ему симпатичен, обойтись без него теперь было нельзя. В последующие годы Тиберий стал важнейшей опорой системы и поднялся до роли, которую раньше играл Агриппа. Однако одновременно с Тиберием Август усыновил младшего сына Юлии Агриппу Постума. Тиберий со своей стороны был обязан усыновить Германика, сына своего покойного брата Друза. Таким образом укрепились вершина политической системы, но с другой стороны, этим была заложена основа для соперничества и напряженных отношений, которые существенно угрожали целостности *дома принцепса*. Это касалось не только отношений между Тиберием и Агриппой Постумом, но и отношений между Тиберием и Германиком, равно как и между Германиком и сыном Тиберия Друзом.

Агриппа Постум первым стал центром сосредоточения оппозиционных сил, поэтому в 6 г. н. э. он был удален из Рима, а потом сослан на остров Планазия. В 8 г. н. э. та же судьба постигла Юлию Младшую, муж которой Эмилий Павел готовил заговор против Августа. В случае с Юлией Младшей были выдвинуты также обвинения в аморальном поведении и нарушении супружеской верности. В связи с этими событиями в Томи был выслан и Овидий. Август столь серьезно воспринял исходящую от этих кру-

гов угрозу для системы, что издал распоряжение в случае его смерти устранить Агриппу Постума и Семпрония Гракха, любовника Юлии Старшей.

Если учесть, что в Риме постоянно возобновлялись беспорядки, причиной которых были экономические трудности и предвыборная борьба, что в 6 г. н. э. значительный ущерб нанес большой пожар, что иллирийское восстание 6—9 гг. н. э. было с трудом подавлено, а в 9 г. н. э. произошло поражение Вара в Тевтонском лесу и римское влияние в Армении в эти годы значительно уменьшилось, то можно воссоздать реалистическую картину этого времени поражений и удручающих новостей. Но основной пробой прочности системы была предстоящая тщательная подготовка смены трона, которая последовала в 14 г. н. э.

Формирование общества

Август не разрушил радикальными мерами общественную структуру поздней республики, но и не оставил ее без изменений. Он не являлся ставленником определенного социального слоя и не понимал значения различных традиционных групп римского общества. Решающим для политики Августа была готовность людей и группировок признать новую систему принципата и лояльно и конструктивно с ней сотрудничать. Кто был к этому готов, мог надеяться на материальные преимущества и повышение своего общественного престижа, кто отказывался, надолго терял политическое влияние. Как отдельные люди, так и целые группы были постоянно задействованы в интересах системы. Рука об руку шли усмирение и интеграция. Но было бы ошибочным думать, что осуществлялась какая-то программа. Даже здесь проявлялся продолжительный процесс развития, который по своим результатам производит более цельное впечатление, чем это осознавалось современниками. Был совершенно очевиден реставраторский характер формирования нового общества империи.

Чтобы осуществить компетентное руководство империей и армией, Август был вынужден обновить римскую аристократию, патрициат и привлечь сенат на службу новой системе. Общественный престиж патрициата был поднят путем признания его привилегий, назначения новых

патрициев и не в последнюю очередь благодаря брачной политике, которая тесно связала его дом со старыми высшими аристократическими кругами. Но гораздо труднее оказались отношения с сенаторами. Это сословие было корпоративно сплочено, а новая система не могла отказаться от традиционных сенатских институтов. Август прекрасно сознавал общественное положение сенаторского сословия. Разросшаяся до тысячи человек сенаторская корпорация многократно подвергалась «чисткам» по политическим критериям и в конце концов была ограничена до шестисот членов, которые могли распоряжаться минимальным состоянием в 1 миллион сестерциев.

Экономическое положение этого сословия не было подорвано, зато политическое влияние сильно ослаблено. По-настоящему самостоятельная политика сената не могла проводиться уже потому, что консолидация и институализация принципата была возможна только за счет сената. Очень скоро стало очевидно, что сенат полностью лишился власти, уже не могло идти никакой речи о совместной власти сената и *принцепса*, которую Теодор Моммзен определил как «диархию». Однако отношения между *принцепсом* и сенатом еще долго оставались трудным диалектическим процессом: сенат мог в любую минуту превратиться в базу внутренней оппозиции или в безвольный инструмент политики *принцепса*. Сначала из его недр появились опаснейшие противники нового порядка, но из него же выросли надежные или по крайней мере приспособившиеся сотрудники новой политической системы.

Основополагающим фактором этого развития было то, что состав сената августовской эпохи изменился. Однако его реорганизация не произошла мгновенно, как при Сулле, а проводилась посредством неоднократных «чисток» и подвергалась постоянному контролю. Власть старого нобилитета была уничтожена уже в эпоху триумвиров. В сенат в большом количестве приходили богатые, компе-

тентные люди из правящих кругов провинций и вольных городов. Число этих «новых людей» быстро превысило число старых *нобилей*. У этих новых людей не было и в помине принципиальных «республиканских» чувств; представители этой группы больше всего были заинтересованы в укреплении своего общественного положения и в увеличении престижа. И то и другое им давала благосклонность принцепса.

Компетенции сената в политическом секторе были сильно урезаны, но в сфере юрисдикции ему были поручены новые задачи. Довольно редкие случаи обвинения в государственной измене имели гораздо меньшее значение, чем введенные *Кальвизианским решением сената* от 4 г. н. э. процессы против взяточников. Так называемый сенаторский суд при Августе был только в зачаточном состоянии, но в будущем приобрел большое значение. Увеличение юридических компетенций сената нельзя рассматривать изолированно. Со времени установления принципата и одновременно с интенсификацией римской администрации *принцепс* был перегружен апелляциями, просьбами о юридическом разрешении сложных дел, обращениями о помиловании и т. д. Они занимали значительную часть его времени, поэтому разгрузка была совершенно необходима. Так же, как не было самостоятельной политики сената, не было и автономной сенаторской юрисдикции. Во всех важных решениях сената *принцепс* принимал прямое или косвенное участие. Его компетенция позволяла ему вмешаться в любое слушание дела. К тому же сенат умышленно старался ориентироваться на мнение *принцепса* и в соответствии с ним принимать решение.

Политизированное со времен Гракхов сословие всадников, то есть активный слой купцов, сборщиков налогов, банкиров, предпринимателей, крупных землевладельцев из итальянских городов, больше всех получило выго-

ду от принципата. Август реорганизовал и это сословие. Были восстановлены военные соединения шести кавалерийских полков (*турмы*) и 18 кавалерийских центурий, то есть было реорганизовано ядро этого сословия, которое при случае выступало с собственными решениями. В остальном же всадникам не хватало постоянных корпоративных органов, каким был сенат для первого сословия. Для всадников также было установлено минимальное состояние в 400 000 сестерциев, а назначение в сословие всадников производил сам *принцепс*.

Гораздо важнее особенностей всаднической карьеры было то, что принципат использовал в государственных целях их организаторские способности, хозяйственный и финансовый опыт. Как и среди вольноотпущенников, в этом сословии было много сделавших карьеру людей, которые смогли подняться на службе у *принцепса* до высоких должностей в администрации, армии, вплоть до высокого положения *префекта Египта* или *префекта анноны* (чиновник, отвечающий за снабжение Рима зерном). Эти должности намного превышали влияние обыкновенного сенатора. Но по римским традициям было невозможно, чтобы всадник стал *принцепсом*.

Еще во времена классической и поздней Республики Рим всегда предоставлял привилегии представителям местных правящих слоев и старался привлечь их на свою сторону, и наоборот, представители этих слоев, богатые и средние землевладельцы, купцы, судовладельцы, торговцы, банкиры, владельцы больших ремесленных производств извлекали выгоду из экономических и материальных возможностей империи и с большей готовностью приняли принципат, чем представители старого римского правящего слоя.

Члены городских советов своей деятельностью и честолюбием определяли общественную и экономическую жизнь тысяч городов империи. Их деятельность на благо

городских общин сделала возможной урбанизацию колоний и свободных городов. От них исходили многочисленные пожертвования, которые делали городскую жизнь не только сносной, но и приятной и притягательной, от них поступали средства на строительство театров и амфитеатров, храмов, изображений богов, рынков, водопроводов, ванн, арок и статуй. Представители этого сословия довольно часто поднимались до всадников, многие достигали высокого военного положения, а некоторые даже сенаторского. Через несколько поколений в эти же сословия вошли и потомки богатых вольноотпущенников. Это происходило не в последнюю очередь потому, что города не могли обойтись без общественной и финансовой активности этих трудолюбивых людей. Время широкого развития муниципальной аристократии наступило уже после Августа, но еще при нем были созданы предпосылки для укрепления этого социального слоя.

Сенаторское, всадническое сословия, несмотря на их взаимосвязь, нельзя рассматривать, как единый верхний слой империи. Сенаторы и всадники постоянно были связаны с Римом, фактически они достигли своего положения благодаря *принцепсу*, он их возвышал, он же ниспровергал, а *муниципальная аристократия* сама принимала решения без участия принцепса. Впрочем, между представителями этого сословия тоже было много конфликтов и противоречий, которые определяли жизнь той эпохи. Представители старого патрициата, семьи которых восходили еще ко временам ранней республики, с презрением относились к прочим сенаторам. Они заносчиво противопоставляли себя таким выдвигенцам новой системы, как Марк Агриппа, фамильное имя которого было Випсаний. Оно было таким безродным и деклассированным, что он даже сам его часто опускал, например, в надписи Пантеона.

Впрочем, принадлежность к сословию, занимаемая

должность или влияние уже давно никого не защищали. Меценат остался всадником, однако был одним из выдающихся представителей руководящей верхушки. Всаднические префекты обладали большей властью, чем прежние консулы. Скоро и подающие надежды вольноотпущенники из прислуги *принцепса* стали пользоваться все большим влиянием на государственные дела. Не менее важными были изменения внутри правящего слоя. Еще при Цезаре началось возвышение тех социальных групп, которые Рональд Сим назвал «колониальной элитой». Началось и возвышение тех римских семей, которые добились богатства и общественного престижа в колониях и свободных городах и проявили способности в выполнении других задач. Это была та группа, которая позже в лице Траяна выдвинула своего собственного первого *принцепса*. Однако в процессе возвышения этого социального слоя не обошлось без острых конфликтов и трений; даже в самом Риме этот процесс проходил не совсем гладко.

При Августе так же, как и сенат, были деполитизированы и свободные римские граждане. Правда, еще оставались традиционные формы народных собраний и в комициях проходили выборы магистратов. Однако влияние на выборы *принцепса* было значительным. Начиная с 19 г. до н. э. он, имея специальную консульскую власть, уравнивал свои полномочия с полномочиями прежнего руководителя выборами. Он мог утверждать или отклонять кандидатуры на отдельные посты и сам влиять на выборы прямыми рекомендациями. Кто выдвигался на должность как *кандидат Цезаря*, как правило, избирался. Введение в 5 г. н. э. сложного выборного процесса, так называемой *дестинации*, привело к тому, что народные собрания стали обладать только одобряющими функциями.

Сопrotивление подобному ущемлению их функций ни к чему не привело; их подкупали играми и раздачей хлеба и денег. Совершенно ошибочно и анахронично сравнивать

плебс при принципате с уверенными в себе свободными гражданами эпохи сословной борьбы и реформ Гракха. Теперь они, как правило, выдвигали материальные требования, но никак не политические.

То, что формирование общества при Августе носило в принципе реставрационный характер, показывает его отношение к рабам и вольноотпущенникам. Отношение Августа к рабам полностью соответствовало традиционным нормам. Он мог обращаться со своими рабами, как строго, так и мягко, но признавал права рабовладельцев даже тогда, когда они ему самому казались чрезмерными, как в случае с пресловутым Ведием Поллионом, который отдавал своих рабов на съедение муренам, однако эту бесчеловечность не следует обобщать. Политически с вопросом о рабах Август столкнулся уже раньше. Как было упомянуто ранее, Секст Помпей пообещал свободу всем бежавшим и сражавшимся вместе с ним рабам, и это было закреплено в так называемом Мизенском договоре 39 г. до н. э. Однако в 25 главе своей автобиографии Август следующим образом подводит итог этой борьбы: «Я освободил море от пиратов. В этой войне я пленил около 30 000 беглых рабов, которые взялись за оружие против государства, и наложил штраф на их владельцев».

Разграничение вольноотпущенников и рабов носило тоже реставрационный характер. В пресловутом *Силанианском решении сената* от 10 г. н. э. говорилось, что в случае убийства рабовладельца подвергались казни все рабы, находившиеся под одной крышей со своим господином и не пришедшие ему на помощь. Это решение сената исполнялось еще при Нероне. В остальном же при Августе было только одно большое восстание рабов в 19 г. до н. э. в Испании, когда взятый в рабство кантабриец убил своего покупателя и призывал к свободе других рабов. Восстание было подавлено Агриппой собственными силами. Стабилизация системы продолжалась.

В Риме с самого начала с рабами были тесно связаны вольноотпущенники, которые создали для Августа большие проблемы. Трения между *свободнорожденными* гражданами и вольноотпущенниками были еще во времена классической Республики. Причина заключалась в том, что вольноотпущенники самим актом о возвращении свободы автоматически попадали под юрисдикцию римского гражданского права. В течение II и I вв. до н. э. число вольноотпущенников из-за прироста рабов сильно выросло. По современным оценкам их число и число их потомков в отдельных районах к концу республики составляло 75 % от *свободнорожденных*.

Такое развитие событий вынудило Августа прибегнуть к рестрикционному законодательству. *Закон Фуфия Каниния* (2 г. до н. э.) постановлял, что свободный завещатель по завещанию мог отпустить на свободу с полным правом римского гражданства только определенный процент рабов. *Закон Элия Сенция* (4 г. н. э.) постановлял, что свободные собственники могли освобождать рабов только по достижении 20 лет, раб же должен быть старше 30. Отпущенные на свободу рабы оставались свободными, но пользовались только латинским, а не полным римским гражданским правом. Их называли *элианские латины*. Одновременно закон Элия Сенция определял, что рабы, подвергшиеся тяжким телесным наказаниям, в будущем не могли пользоваться полным римским гражданским правом.

Какой бы недвусмысленной была тенденция этих законов, ограничивающих массовое освобождение рабов молодыми собственниками, успех их был не велик. Хотя точное соотношение рабов и вольноотпущенников в отдельных районах империи неизвестно, по современным оценкам, число вольноотпущенников было значительно выше, чем это думали раньше. Наиболее точным является подсчет П. А. Бранта, который показывает, что в Ита-

нии во времена Августа при 7,5 миллионах жителей было не менее 3 миллионов рабов, значительное число которых были потенциальными вольноотпущенниками.

Участие вольноотпущенников и рабов во всех экономических сферах деятельности не ограничивалось. Но никто и не думал упразднить державшееся на рабах хозяйство крупных землевладельцев и помочь развитию свободного мелкого крестьянства. Однако сдерживать экономический и общественный взлет вольноотпущенников было невозможно. Они часто обладали высокими профессиональными качествами и к тому же отличались инициативой, в отличие от Августа позже *принцепсы* искали себе сотрудников именно из этой группы людей, которые подобно всадникам добивались огромного влияния и извлекали пользу из новой системы.

При большом числе вольноотпущенников, среди которых по литературе известны Теренций, Публий Сир и Федр, известно, что сам институт рабства не отвергался, но и никто не призывал к восстанию против своих хозяев. Вольноотпущенники внутри римского общества чувствовали себя привилегированной группой как в политическом, так и в правовом смысле, но никогда не считали себя классом в современном понимании этого слова. После того, что оставили позади ступень рабов, они знали только одну задачу — по возможности быстрее добиться для себя и своей семьи общественной и гражданской интеграции. Новая политическая система принципата, как никакая раньше, представляла для этого большие возможности.

Если в среде муниципальной аристократии существовали большие отличия в материальном, экономическом и социальном положении, то неоднородность населения провинций была в несколько раз больше. Например, во многих городах Малой Азии в эпоху принципата социальная иерархия существовала не между свободными и рабами, а между свободными полноправными римскими граждана-

ми отдельных городов (*полисов*) и тоже свободными малоземельными крестьянами и деревенскими жителями. Причем, эта разница усугублялась еще и тем, что среди них находились и люди разного этнического происхождения. Во всяком случае, традиционная римско-италийская структура общества не соответствовала структуре общества в провинциях. Там более характерным был региональный, чрезвычайно разнообразный состав населения.

В то время, как доля рабов в общем населении Италии была относительно высокой, в западных провинциях империи их было много только в старых провинциях Испания и Галлия и преимущественно в городах и на испанских рудниках. В дунайских провинциях, наоборот, преобладало свободное среднее и мелкое крестьянство. В Малой Азии к уже упомянутым разграничениям, как важные социальные и экономические ячейки, добавлялись еще территории храмов с храмовыми рабами и рабами анатолийских богов. Эта особая форма не имела никаких аналогий на Западе.

Чрезвычайно малой была доля рабов в общем населении Сирии и в селах сирийско-арабского пограничья, жители которых являлись преимущественно свободными. В Египте ситуация в Александрии с ее постоянными трениями между греками, иудеями и местным населением отличалась от ситуации в городах и поселках внутренней части страны. Доля рабов в Александрии была более 10 % от общего числа населения, а в сельской местности, по свидетельствам папирусов, она не превышала 1 %. С точки зрения частного права большая часть египетского населения находилась на привилегированном положении. Фактически же люди жили за чертой бедности, тогда как греки Александрии были гораздо более состоятельными.

В многочисленных городах Северной Африки привилегированным слоем считались землевладельцы. Там была характерной большая концентрация крупных земле-

владений. Ко времени Нерона шесть крупных землевладельцев владели половиной страны. Примечательно, что на этих латифундиях работали не рабы, а свободные мелкие арендаторы и колонны.

Этот беглый обзор дает понять, что общественная структура в римских провинциях не определялась только социальной и правовой поляризацией рабовладелец — раб и не поляризацией римлянин — провинциал, но действовали традиционные разграничения между различными группами свободных граждан, что определяло политический климат империи. При этом нужно отметить, что общественные, административные и политические структуры на Западе и на Востоке строились на разной основе.

На Западе, особенно в галльских *pagae*, на больших территориях жили племена, управляемые местной аристократией. Было бы ошибочно переносить на эту почву компактную систему итальянских городов. Вместо этого Рим сохранил так называемые галло-романские *общины*, привлек на свою сторону влиятельный слой крупных землевладельцев, интегрировал его и превратил в привилегированный слой империи, не в последнюю очередь благодаря предоставлению латинского права или полного римского гражданского права.

Время старых *укрепленных* кельтских поселений закончилось. Даже в Галлии и Испании осуществился переход к крупным городским поселениям на равнинах или там, где соображения защиты имели лишь второстепенное значение. Старое *укрепленное* место Бибракт со своими высокими крепостными сооружениями закончило существование, вместо него появился город Августа Августодунум (Аутун). Вместо знаменитой горной крепости Герговия, которую с таким трудом завоевал Цезарь, возник город Августонементум. Функции Новиодунума взял на себя город Августа Свессионум. Подобных примеров в Галлии было больше, чем достаточно.

Восточная часть империи, которую Август получил после Акция и взятия Александрии, была разграбленной страной, где царил голод, а городская казна истощилась непрерывной чередой контрибуций во время гражданских войн. Распределение зерна и прощение долгов возымели лишь краткосрочный эффект. Для экономического возрождения нужно было прежде всего создать стабильные отношения. То есть Август и здесь не мог не думать о коренных общественных и экономических преобразованиях. Он опирался на старый правящий слой городов, создал городские советы с пожизненно избранными членами и сделал все для укрепления их положения.

Города были важнейшими ячейками администрации, над ними выстроилась целая система региональных религиозных объединений и союзов. Как и в Малой Азии, это произошло также и в Греции. Однако сотни греческих городов Востока не были пассивными исполнителями приказов и полезными органами управления империи. Они быстро забросали Августа своими собственными проблемами и досаждали ему все новыми юридическими, религиозными и административными спорами и мелкими вопросами. Из надписей и литературных источников известен неслыханный размах дипломатической активности, которую, начиная с Августа, проявляли все римские *принцепсы*, как во время путешествий, так и во время военных действий. Шла ли речь о восстановлении храма, об обновлениях или подтверждениях привилегий, об ограничении права убежища, о пограничных спорах между *полисами*, о выяснении личного правового *статуса*, всегда обращались к *принцепсу*, и не только многочисленные партии, но и наместники, которые избегали принимать собственные решения. Поэтому *принцепс* дорого заплатил за крайне необходимую для империи функцию городов греческого Востока.

Огромное количество мер, инициатив и отдельных ре-

шений, принятых Августом в течение десятилетий в отношении сословий и социальных групп, привело в конце концов к образованию консистентной общественной системы. Конечно, современное понятие социальной политики вряд ли применимо к Августу, однако отдельные акты вписываются в общую концепцию широких общественных преобразований империи. Сословия и общественные группы в Риме, Италии и провинциях не были пассивными объектами политики Августа; в большинстве случаев интересы отдельных лиц и групп полностью совпадали с намерениями *принцепса*. Именно этим объясняется тот факт, что политика Августа была успешной, а преобразования общества долговечны.

Некоторые общественно-политические меры Августа наталкивались на сопротивление. Они долгое время проводились при возрастающем беспокойстве и раздражении представителей правящего слоя и богатых групп населения. И здесь Август попытался призвать на помощь давно известные средства. Он напомнил о римских традициях и утверждал: «Новыми законами, которые были изданы по моему распоряжению, я восстановил образцовые обычаи предков. В наш век эти обычаи были под угрозой исчезновения. Я же со своей стороны во многом дал достойные примеры потомкам» («*Деяния Божественного Августа*»).

В I в. до н. э. безбрачие, бездетные браки и большое число разводов были очень распространены в среде римского правящего слоя. Август предпринимал активные, но бесплодные меры против этого. В 18 г. до н. э., то есть на пороге *нового века*, он издал целый ряд законов: закон против роскоши, закон, сурово карающий за супружескую измену и закон, регулирующий браки среди представителей сословий. Последний в 9 г. н. э. был дополнен более широкими брачными законами. Содержание отдельных законов точно восстановить нельзя, но в ан-

тичности они интерпретировались, как цельный комплекс.

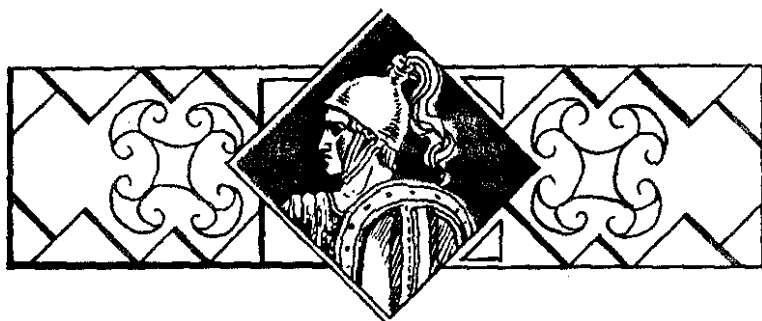
Заключение браков и количество детей строго регламентировалось. Например, мужчины от 25 до 60 лет, а женщины с 20 до 50 лет должны были обязательно вступить в брак. Это означало ничто иное, как обязанность заключать повторный брак при его окончании после смерти одного из супругов или после развода. Но все же разрешался определенный промежуток времени. Одновременно были введены запреты на брак. Представителям сенаторских семей запрещалось вступать в брак с вольноотпущенниками и актерами, а римским гражданам — с проститутками и нарушительницами супружеской верности и прочими дискредитировавшими себя женщинами.

Привилегии, с одной стороны, и значительные штрафы, с другой, должны были способствовать деторождению. Тот, кто имел троих детей и более, обладал *правом троих детей* и был защищен от всех законодательных мер. Этого человека предпочитали при замещении должностей, а позже поощряли и другим способом. Например, мать троих и более детей после смерти супруга освобождалась от опеки. Законоположения о *праве трех детей* в основе своей имели политические причины, однако вскоре они стали нарушаться. Парадоксально, что этот закон не относился ни к Августу, ни к Ливии.

По этим законам тяжелее всего наказывались холостяки и бездетные из богатых слоев населения. Их наследственное право сильно ущемлялось, причем выгоду из этого извлекала государственная казна. Ограничение завещательных прав для отдельных лиц, а также наложение штрафа на тех, кто не соответствовал нормам закона, было подкреплено еще и вознаграждением доносчикам, без активного содействия которых был невозможен тщательный контроль.

Есть немного римских законов, которые бы так бесце-

ремонно вмешивались в частную жизнь имущих слоев населения, как это делали законы Августа о браке. Конечно, они поощряли не только многодетные семьи правящего слоя, но их определения касались также и многих семей вольноотпущенников. Речь шла о возвращении к старым нормам, попытке действовать против опасных тенденций общественного развития в духе распространенной тогда речи цензора 131 г. до н. э. Квинта Метелла Македонского. Однако эти меры никогда не были популярными. С помощью законодательства и вознаграждения *доносчиков* нельзя было обратить вспять изменившиеся общественные нормы. Ограничение личной свободы воспринималось плохо, и его не могли оправдать никакие разумные доводы. На деле заключались часто фиктивные браки и предпринимались всяческие попытки обойти закон. Атмосфера общественной жизни долго оставалась отравленной, как показывают непрерывные усилия в этой области. Социальной политикой Август перегнул палку и вызвал большое сопротивление.

Реорганизация администрации и войска

Основным достижением римской политики при Августе было не только распространение римского господства, но и постепенное придание ему институционного характера. Поэтому особое значение приобрели процессы развития в администрации и войске. Представления о внезапной абсолютной смене системы ложны и анахроничны. Гораздо более характерными являются наслоения и переплетения компетенций и влияний, то есть сферы деятельности сената и принцепса, бесчисленные попытки нововведений, которым было суждено осуществиться только значительно позже. Полная систематизация администрации империи во 2 столетии н. э. завершилась уже при Адриане и Антонине Пие.

Принятое после 27 г. до н. э. разделение провинций, из которых одни подчинялись *принцепсу*, а другие сенату, послужило исходной точкой для структурирования администрации. В то время, как Испания, Галлия и Сирия, кроме Египта, были переданы Августу, как провинции в прежнем смысле слова, римский сенат нес ответственность за десять провинций. Самыми важными были *Азия* и *Африка*, которыми в качестве наместников управляли консулы; *Сицилия*, *Сардиния*, *Бетика*, *Македония*, *Ахайя*, *Далмация*, *Крит*, *Киренаика*, *Вифиния* и *Понт* управлялись преторами. Уже это указывало на то, что разделение военной власти было проведено односторонне. Но нужно

учитывать, что в 27 г. до н. э. Август еще не обладал военной монополией, а пятью-шестью легионами командовали сенаторские наместники. Дальнейшее развитие событий произошло за счет сената. Североафриканский легион был последним, которым располагал сенат вплоть до Калигулы.

Наряду с большими или мелкими провинциями, была еще и другая категория административных единиц, которыми управляли префекты или прокураторы из всаднического сословия. К ним принадлежали некоторые районы в Альпах Озерных, но также и имеющая исторические и религиозные традиции *Иудея*, которая в 6 г. н. э. была преобразована в примыкающее к Сирии прокураторство.

Разница между провинциями принцепса и сенаторскими провинциями не означала, что при принципате у сената была автономная сфера управления, где исключались влияние и вмешательство *принцепса*. Это подтверждает целый ряд надписей, особенно знаменитый Киренский эдикт. Позже, во времена Траяна миссия Плиния Младшего в Вифинию и *Понт* является примером подобного вмешательства *принцепса* в сферу сенаторского управления. К тому же следует принимать во внимание, что через создание собственного финансового и имущественного управления, через прокураторов, которые подчинялись лично ему, *принцепс* получал полную информацию обо всех административных и политических событиях в сенаторских провинциях.

При оценке принципиальных проблем и основных изменений в структуре управления империей, более важных, чем местные особенности административных мер, нужно иметь в виду следующее: в области преобразований управления Рима, Италии и провинций общее развитие диктовалось не только желанием *принцепса*. Совершенно ошибочно считать, что *принцепс* взял на себя все секторы администрации и за короткое время сосредоточил в своих

руках все управление. Принятие новых управленческих задач не было в интересах Августа, потому что они, как правило, связывались с большими финансовыми расходами. Беглый взгляд на фактически взятые задачи может это доказать.

Уже первое поручение — гарантировать обеспечение столицы хлебом — указывает на те последствия, которые могли возникнуть при выполнении таких обязанностей. Когда в 22 г. до н. э. из-за хронически плохого обеспечения зерном в Риме произошли беспорядки, Август должен был не только ликвидировать кризис в снабжении, что ему относительно быстро удалось сделать, благодаря вложению собственных средств, но также был вынужден взять на себя *заботу об обеспечении хлебом* и реорганизовать весь административный отдел. Для этого были назначены сначала два, а позже четыре префекта из бывших преторов, пользовавшихся большим авторитетом. Это было необходимо для бесперебойного ежемесячного распределения бесплатного зерна среди почти 200 000 получателей этого социального пособия.

Но для контроля за этим поручением ничего не было сделано. Не менее важным являлось обеспечение бесперебойного подвоза зерна в Рим, невзирая на всевозможные ущелья, неурожай, задержку в транспортировке, непогоду и многое другое. Для этого было недостаточно назначить одного руководителя *обеспечением зерном*, высшего должностного лица из всаднического сословия. Нужно было еще построить в Риме и Остии гавани, большие хлебные амбары, подготовить транспорт, без потерь собирать на Сицилии и в Египте урожай, складировать, загружать, обеспечивать бесперебойный подвоз и делать необходимые запасы.

Современные попытки интерпретации этих мер, социальное и экономическое значение которых трудно переоценить, часто не охватывают всю проблему в целом. Ко-

нечно правильно, что забота о продовольствии связывалась с *принцепсом*, а не с абстрактным «римским государством». Но так же правильно и то, что знаменитое «хлеба и зрелищ», бесплатная раздача зерна и великолепные игры были той ценой, которую принцепс платил за деполитизацию свободных римских граждан, особенно городского плебса — римского пролетариата. Только нужно понимать, что причины бесплатной раздачи зерна были гораздо глубже, они крылись в острой нехватке рабочих мест, которая наблюдалась в Риме еще со II в. до н. э. и которая оставалась постоянной величиной для производственных отношений и при принципате Августа. Сам Август в своей автобиографии особо подчеркивает значение этого обстоятельства для обеспечения зерном в 22 г. до н. э. Он свидетельствует, что для преодоления этого кризиса народ и сенат предложили ему полномочия диктатора и пожизненное, ежегодно продлеваемое консульство, и что он отказался от этих чрезвычайных полномочий.

Другие поручения, которые взял на себя *принцепс*, касались заботы о храмах, общественных зданиях и о недвижимом имуществе. Кроме того, он взял на себя водоснабжение столицы, укрепление русла и берегов Тибра, организацию постоянной пожарной команды и обеспечение ветеранов.

Забота о храмах и общественных зданиях, а также управление государственной земельной собственностью находятся в тесной связи с политически обусловленной и идеологически важной программой строительства, которую осуществлял Август. В своей автобиографии он хвастается большим числом проведенных и финансируемых им строительных работ. Из этих длинных перечислений особенно показательной является фраза, где он говорит, что в 28 г. до н. э., то есть накануне государственно-правовой легализации его положения, он восстановил в Риме 82 храма. Само собой разумеется, что такое системати-

ческое обновление разрушающихся римских храмов, которое еще раз демонстрировало *благочестие* Августа, являлось лишь элементом массированного влияния на римскую общественность в этот трудный период после окончания гражданской войны. Эти действия, как и другие параллельные архитектурные меры, имели смысл только в том случае, если бы и в будущем гарантировалась забота о храмах, общественных сооружениях и государственной земельной собственности. *Кураторы храмов и общественных сооружений*, комиссия, образованная из сенаторов, взяли на себя эту задачу.

Введенные в 11 г. до н. э. *кураторы воды* ведали водоснабжением столицы. К концу правления Августа впервые появились *кураторы берегов и русла Тибра*. Они должны были следить за укреплением берегов и русла. Строительство и приведение в исправность мощных водопроводов с их монументальными акведуками, длинные арки которых тянулись через весь Лаций, чтобы поставлять в столицу чистую родниковую воду, стало *почетной обязанностью* римских аристократов. По современным оценкам, в Рим ежедневно поставлялся приблизительно 1 миллиард литров воды. Расход воды для терм, городских вилл и жилищных сооружений был огромным.

Об этом тоже Август упоминает в своей автобиографии. Он сообщает, что восстановил водопроводы, в которых от старости появились большие повреждения, и что он удвоил мощность *водопровода Мария*, подведя к нему новый источник. Большой вклад Агриппы в эту отрасль, наоборот, не упомянут. *Кураторы водопроводов*, из которых при Нерве самым известным был Фронтин, автор книги «*О водопроводах города Рима*», были особо уважаемой и ответственной группой людей, обладающих высокой технической квалификацией.

Так же было и с *кураторами берегов и русла Тибра*. Тот, кто сегодня смотрит на хорошо укрепленное русло

Тибра, едва ли может представить, что в античности эта река часто выходила из берегов и затапливала часть города. И для этого была создана специальная комиссия, которая, правда, не всегда справлялась со своими обязанностями. Другой постоянной угрозой для жителей столицы были пожары, которые быстро распространялись из-за тесноты построек. Эта сфера деятельности была поручена в 22 г. до н. э. политику высшего ранга Марку Эгнацию Руфу, который не принадлежал к представителям августовской системы. В должности эдила он организовал пожарные команды и этим быстро завоевал популярность. Уже в 21 г. до н. э. Эгнаций Руф получил должность претора, однако потерпел поражение, когда два года спустя решил баллотироваться на должность консула. По обвинению в заговоре против Августа он был приговорен к смерти вместе со своими сообщниками.

Это событие наглядно показывает, как стало опасно желание превзойти Августа в организаторских и административных вопросах. Значение защитных мер против пожаров вполне понятно. Окончательное упорядочение этих мер произошло в 6 г. н. э. Тогда был создан отряд стражей — примечательно, что из *вольноотпущенников*, — численностью в 7 000 человек, которые были разделены на семь когорт. Каждая из них отвечала за два из четырнадцати районов Рима. Команда была строго организована, *префект*, который ею командовал, являлся одним из самых высокопоставленных всаднических чиновников. Так как в соответствии со старыми традициями в Риме не было войск, эта военизированная пожарная команда приобретала все большее полицейское и военное значение. Этот факт подтверждает то, что при Тиберии *префект* пожарников Макрон со своим отрядом сыграл ключевую роль в свержении преторианского префекта Сеяна.

Основной центр тяжести управленческих инициатив Августа находился в Риме, нервном центре империи. Го-

раздо скромнее были меры в Италии. Есть немногочисленные указания на инициативы Августа в пользу колоний ветеранов, на строительство водопроводов в Венафре и Ноле. В остальном же функционировала хорошо отлаженная администрация итальянских городов. Только в двух сферах местные интересы были подчинены другим целям: один раз при строительстве шоссейных дорог, а другой — при создании системы государственной почты и коммуникаций.

В 27 г. до н. э. Август проявил особую активность в строительстве шоссейных дорог. Он пишет: «Во время моего седьмого консульства я обновил *дорогу Фламиния* от Рима до Аримина, а также все мосты, кроме Мульвианского и Минуцинского. «Эпоха Августа была отмечена кроме этого восстановлением таких больших дорог, как *дорога Аппия*, *Латинская дорога* и *дорога Солярия*. Заново была проложена *дорога Юлия Августа*, которая вела от Плаценции в Прованс. К 13—12 гг. до н. э. были установлены дорожные камни, указывающие расстояние в милях, так как галло-германская граница превратилась в центр военной активности, а также потому, что в регионах Верхней Италии и *Нарбоннской Галлии* была необходимая мощная инфраструктура.

Из замечания Светония известно, что Август хотел заставить участвовать в восстановлении больших шоссейных дорог и других представителей правящего слоя, которые удостоились триумфа и поэтому располагали значительной частью добычи. Но эта попытка не удалась. В 20 г. до н. э. он взял на себя ответственность и за улицы Рима. Бывшие преторы, *кураторы улиц*, осуществляли это поручение под его личным наблюдением. По-другому сложились обстоятельства в создании *государственной почты*. Для этого сначала привлекались юноши из итальянских городов, которые по эстафете передавали военные сведения. Потом при Августе вдоль шоссейных дорог по-

ставили повозки и упряжных животных, чтобы перевозить курьеров на большие расстояния. Это новое решение принесло большие преимущества, потому что курьеры всегда были под рукой для передачи срочных письменных донесений наместников, высших административных чиновников или командующих войсками. Вполне приемлемо предположение современных исследователей, что уже при Августе был введен пост специального *почтового префекта*.

Систематическая реорганизация Августом войска и администрации *Римской Империи* требовала прежде всего реорганизации налоговой системы и существенного вмешательства государства, когда дорогостоящие мероприятия нуждались в финансовом обеспечении. Огромные суммы вкладывались в усиление администрации, строительство, обеспечение войска и ветеранов. Какими бы значительными ни были субсидии из собственного состояния Августа, их явно не хватало для долгосрочного финансирования.

С другой стороны, введение новых налогов было непопулярным. Оно стало еще менее популярным, когда с 167 г. до н. э. в Италии был введен регулярный сбор налогов, потому что все государственные доходы от трофеев не покрывали издержек государства. Освобождение от налогов считалось важнейшей привилегией римского гражданина, по меньшей мере во времена поздней республики. Единственным исключением был введенный в 357 г. до н. э. налог на освобождение раба, который составлял 5 % от его стоимости. Этот налог сохранился и при принцепате. Во времена республики сбор его был отдан в аренду корпорации сборщиков налогов.

Август ввел следующие налоги: однопроцентный налог на проданный товар, полупроцентный на проданную с аукциона земельную собственность, четырехпроцентный налог за продажу раба, пятипроцентный на наследство,

от которого, однако, освобождались близкие родственники, налогом также не облагалось *небольшое наследство*. Поскольку не было специального государственного аппарата для взимания этих налогов, сначала привлекались частные сборщики, потом для этого были назначены прокураторы с соответствующим вспомогательным персоналом.

Наблюдаемое переплетение имперских и сенаторских компетенций особенно заметно по центральной государственной кассе. Сохранила существование важнейшая государственная касса — *казна Сатурна*. Она была в ведении сената и управлялась двумя преторами. Функции этой центральной кассы были, однако, сильно урезаны. В ней хранились только отчисления от некоторых провинций, общие отчисления и излишние капиталы. Основная часть имеющихся в распоряжении империи денег была под надзором созданной Августом новой кассы. Все большее значение приобретала касса личных доходов и средств *принцепса* с многочисленными филиалами в провинциях для инкассирования денег от налогов, процентов за просроченные долги, выручки от конфискованного имущества и других поступлений. Однако эта касса была систематически организована только при Клавдии.

Важнейшей для принцепса кассой была учрежденная Августом в 6 г. н. э. *военная казна*, которая была предназначена для жалования и содержания римской армии. Первоначальным капиталом для нее послужили ассигнованные Августом 170 миллионов сестерциев. Позднее в нее стали поступать доходы от налогов на проданные товары и на наследство, что гарантировало постоянный приток денег.

Описанные меры показывают, что административные реформы Августа опирались на традиционные республиканские формы, что они исходили из конкретной ситуации, потребностей и задач, для разрешения которых Ав-

густ не мог отказаться от сотрудничества сената и от старых институтов, таких, например, как институт откупщиков. Однако при Августе появляются *кураторы, прокураторы и префекты*, а потом и специальные порученцы и функционеры *принцепса*.

Создание *военной казны* затронуло те сферы, которые по признанию самого Августа являлись центром тяжести его политики: войско, как главная опора его власти, жалование армии и обеспечение ветеранов, как первичная задача всей его администрации. Автобиография Августа начинается словами: «В девятнадцатилетнем возрасте я принял решение сформировать войско на собственные средства...» В первой же фразе этого большого повествования названы три фактора, которые являлись приоритетными для создания и утверждения власти: войско, собственные соображения и вложенные финансовые средства. Если под собственными соображениями понимать разумную оценку ситуации и вытекающие из нее личные решения, то войско и расходы находятся с ними в причинной связи. Только имеющиеся в распоряжении Октавиана денежные средства сделали возможным создание позже легализованного собственного войска, которое в свою очередь добывало в гражданских войнах новые средства, состоявшие из доходов от проскрипций, военных трофеев, прежде всего египетских. Значение всего этого комплекса едва ли можно переоценить. Обеспечение ветеранов являлось первым большим достижением внутренней политики, которое Август превозносит в своей автобиографии.

Формирование войска проводилось не резко, а поэтапно, причем часть прежних принципов диаметрально изменилась. После победы над Антонием и Клеопатрой Август имел в распоряжении не менее 70 легионов, которым он не мог платить постоянное жалование. Поэтому армию сократили до 28 легионов, включающих 5 500 пе-

хотинцев и 120 всадников, но этот штатный состав был недостаточным.

Продолжительность службы в легионах была от 20 до 25 лет. Потом ветераны после почетной демобилизации наделялись небольшими земельными участками, причем Август мог похвастаться, что он первым возместил убытки прежним владельцам конфискованной для ветеранов собственности. С 13 г. до н. э. демобилизованные солдаты получали вместо этих крохотных имений 3 000 динариев, что предоставляло им большую свободу в выборе их местожительства и профессии. В Римско-германском музее Кёльна на надгробном камне некоего Публиция отражено, какого богатства и уважения могли достичь в пограничных провинциях бывшие легионеры.

В тесной связи с социальными и экономическими проблемами обеспечения ветеранов находится августовская колонизация. Она является частью начатого еще при Цезаре процесса, значение которого часто недооценивается. В него включились три различные группы: во-первых, городской *плебс* и вольноотпущенники столицы, они были потенциалом для таких колоний, как Коринф, Димы и Буфрот; во-вторых, экспроприированные во время гражданской войны италики и, в-третьих, ветераны. Деятельность Августа сосредоточилась прежде всего на двух последних группах.

В своей автобиографии Август хвалится, что он основал ветеранские колонии в *Африке*, на Сицилии, в Македонии, в обеих Испаниях, в *Ахайе*, *Азии*, Сирии, *Нарбоннской Галлии* и Пизидии, он сообщает о 28 колониях в самой Италии, которые были созданы по его распоряжению и явно процветали. Эти вновь созданные колонии служили не только для ликвидации или избежания притока населения из низших слоев в столицу и не только для обеспечения экспроприированных италиков и ветеранов, но и, как во времена классической Республики, для обеспече-

ния римского господства. Это же относится и к целому ряду колоний Цезаря на побережье *Пропонтиды* и Черного моря, а также к ряду ветеранских колоний, с помощью которых Август обезопасил мавританское побережье. Одновременно отдельные из этих новых колоний давали сильный экономический стимул, и Патры не менее, чем удобно расположенная Александрия в Троаде.

Горячие точки августовской пограничной политики требовали концентрации войск прежде всего на Рейне и Дунае, а также и в других еще не окончательно усмирённых провинциях, особенно в Испании и Сирии. Таким образом, большая часть римского войска стояла в пограничной зоне, а Италия была практически демилитаризована. Со времен Августа возникли большие военные лагеря, например, у Ксанта, Майнца или Виндиша. Это были большие укрепления, вмещающие более 10 000 солдат, которые в будущем тоже должны были дать сильный экономический импульс.

Эти лагеря одновременно являлись важнейшими рынками сбыта, они стимулировали сельскохозяйственное и ремесленное производство окружающих областей и содействовали созданию инфраструктуры. В этой связи не нужно ограничиваться только воспоминаниями об известных тростниковых хижинах перед лагерными валами, о кварталах с их лавками, маленькими мастерскими, трактирами и проститутками, но нужно вспомнить и о больших легионерских кирпичных заводах, об использовании полезных ископаемых, о местной обработке глины для статуэток, античном предтече современного фарфора.

Как свидетельствуют археологические раскопки выгребных ям и курганов таких лагерей, особенно в хорошо исследованной Виндониссе, туда попадали продукты дальнего импорта: в большом количестве вино и масло, знаменитый рыбный соус из Испании или устрицы с Северного моря. Для экономики Италии дислокация армии на

границах империи являлась очень выгодной. Так как античный сухопутный транспорт был всегда нерентабельным, а возможности речного судоходства ограничены, целый ряд мест выработки продукции продвинулся ближе к рынкам сбыта во избежание высоких транспортных расходов. Таким образом, от новых рынков сбыта выигрывало теперь не только керамическое производство из Арrezzo, но и галльские мастерские, такие, как Ла Гроффенк или Лезу и другие удобно расположенные центры производства.

Другое направление приняли дальнейшие мероприятия Августа по реорганизации армии. Это касается особенно образования преторианской гвардии. Еще полководцы поздней Республики располагали особо квалифицированной гвардией, во всех походах ее сопровождал командир, которому они были безгранично преданы. Август реорганизовал собственную гвардию после 27 г. до н. э. Новые когорты этих элитных солдат, при всего лишь шестнадцатилетней службе получали тройное жалование легионера. Их гарнизоны небольшими подразделениями сначала стояли вне стен Рима. Только в 23 г. н. э. они были сконцентрированы в преторианском лагере на Виминале и с тех пор стали важнейшей военной поддержкой принципата.

Осторожную сдержанность Август проявил и при создании 12 *городских когорт*. Мощные подразделения из 500 человек были образованы в 5 г. н. э. для предотвращения беспорядков. Эти когорты были подразделены на маленькие отряды, чтобы не бросаться в глаза. Подобно преторианцам в Риме было размещено только три когорты.

История Римской республики учит, что Рим своими военными успехами был обязан систематической мобилизации военного потенциала союзников. Их количество в походах равнялось количеству самих римлян. Даже в

гражданских войнах поздней Республики были задействованы войска союзников, клиентельных царей Малой Азии и Сирии. Вопреки старой традиции, начиная с Августа, стали вырисовываться новые решения этой проблемы. Нужно учесть, что контингент союзников сражался в рамках римского войска под командованием своих военачальников, поэтому гораздо целесообразнее было набрать пехотные и кавалерийские соединения из рекрутированных свободных жителей провинций, но под руководством римского командования. Так были образованы когорты и алы численностью по 500 и 1 000 человек.

Эти вспомогательные солдаты служили 25 лет, после демобилизации получали полное римское гражданство, их жены тоже. Едва ли можно переоценить военные, политические и социальные результаты подобных мер. Фактически был удвоен военный потенциал империи и вспомогательные формирования так же превратились в инструмент интеграции, как и романизация. Особое положение среди вспомогательных групп занимала германская личная охрана Августа, которая состояла преимущественно из батавов и убиев. *Германская охрана*, беззаветно преданная Августу и его дому, образовала потом разделенные на декурии когорты в составе 500 человек. Это соединение было позже расформировано Гальбой и удивительно, что именно по причине его ярко выраженной преданности и тесной связи с домом первого *принцепса*.

Правосудие

Начиная с закона Семпрония Гая Гракха (122 г. до н. э.) и реформы суда, проведенной Суллой, в Риме образовалась своеобразная система судов присяжных, которая Августом была лишь расширена и оставалась основополагающей для ранней эпохи императоров. Эти суды рассматривали только определенные преступления, например, *убийство, отравление, угрозу общественной безопасности, подделки завещания, нарушение неприкосновенности жилища, подкупы на выборах, взятки в провинциях, хищение государственного имущества, государственные преступления, оскорбление величества, прелюбодеяния.*

Следствие велось судебными магистрами, то есть преторами, которые тесно взаимодействовали со скамьей присяжных, насчитывающей, как правило, 75 членов. Так как совместное заседание этого *совета* присяжных решало исход процесса, жалобщики и обвиняемые имели право отклонить определенное число присяжных, которые выбирались по жребию из списка.

Основные слабые точки и проблемы подобного судебного расследования заключались в том, что римское правосудие не имело такого органа, который хотя бы отдаленно можно было сравнить с современной прокуратурой. Так как в Риме по закону двенадцати таблиц требовалось личное присутствие потерпевшего, а в случае его убийства — его родственников, на суде имел право выступать

любой свободный и неопороченный римский гражданин. Это привело к тому, что успешное обвинение вознаграждалось довольно дорогими подношениями; при уголовных преступлениях, связанных с конфискацией имущества, в случае успешного исхода жалобщик получал определенную часть этого имущества.

Такая система подталкивала к злоупотреблениям, ее бессовестное использование было не только полем деятельности криминальных элементов, но также местом сведения счетов с личными и, не в последнюю очередь, с политическими врагами. Многие крупные уголовные процессы в Риме проходили по политическим обвинениям. На таких процессах определенную защиту для обвиняемого представлял тот факт, что его положение на процессе было относительно сильным (он располагал в полтора раза большим временем для речи, чем тот, кто его обвинял). Были случаи процессов за клевету, когда выдвигались ложные обвинения.

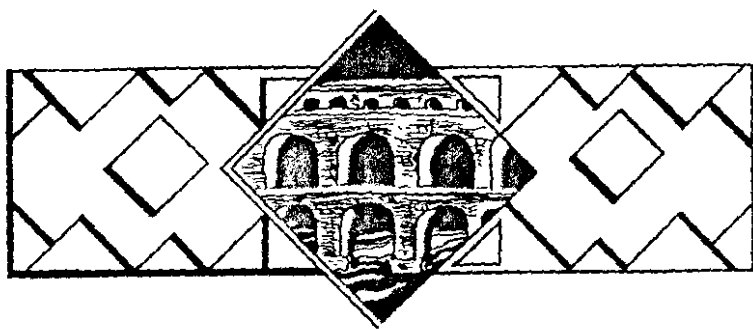
Во время самого суда председательствующий следил за соблюдением положенной процедуры; присяжные принимали участие молча и в конце голосовали «виновен» или «невиновен». При этом большое значение придавалось единогласным решениям, а при большом числе воздержавшихся назначалось новое слушание. Процесс проходил при активном участии сторон, выступали адвокаты, приглашались свидетели, могли проводиться перекрестные допросы. Так как слушание обычно было открытым, оно, как, правило, проходило в атмосфере крайнего возбуждения и никто не скупился на риторические эффекты. Мера наказания определялась соответствующим для данного случая законом. При этом во времена поздней Республики смертный приговор представителям высшего слоя не выносился, им предоставлялась возможность бежать или отправляться в ссылку. Казни подвергались рабы и преступники из низших слоев, то есть различные нака-

зания выносились в соответствии со статусом обвиняемого. Эта практика в конце концов закончилась разделением на «более почтенных» и «более ничтожных».

Август расширил судебное следствие, и оно стало постоянным органом римского уголовного судопроизводства, сохранившись до III века н. э., несмотря на его явную неэффективность: быстрых решений не бывало, хронические проволочки стали нормой. Например, суд по преступлениям при Септима Севере отложил более 3 000 незаконченных дел. Эта неудовлетворительная ситуация сохранилась только потому, что со времен Августа имелись другие возможности «чрезвычайного правосудия», которые быстро приводили к цели. Речь прежде всего идет о полицейской юрисдикции, которую имели в Риме городские префекты, префекты охраны и командиры полицейских формирований. В Италии суд чинили преторианские префекты и при определенных обстоятельствах те офицеры, которые командовали рассеянными по стране военными постами. Среди обладателей чрезвычайных юридических полномочий самым важным и уважаемым был безусловно городской префект. Этот учрежденный Августом пост занимал, как правило, оправдавший себя на деле консуляр, пользующийся полным доверием *принцепса*. Его совет состоял из сенаторов и квалифицированных сотрудников, его суд специализировался не на отдельных преступлениях, поэтому процесс слушаний был гибче и быстрее. Следствием этого явилось то, что чрезвычайный уголовный суд начал все больше и больше вытеснять «обычное» судебное следствие, а сфера компетенций полицейского суда постоянно расширялась. С его помощью прежде всего были уничтожены бандитские формирования в Италии и криминальные элементы в столице.

При Августе и во времена раннего принципата не было речи о расширении юридических компетенций *принцепса*. Это произошло потому, что Август очень скоро начал пе-

редавать все поступающее к апелляции на рассмотрение консуляров, которые исполняли эти обязанности в течение года. Это был путь от незначительного вмешательства *принцепса* до полного формирования «императорского права», которое достигло расцвета между правлениями Адриана и Севера.

Экономическая структура

Михаил Ростовцев, один из лучших знатоков «Общества и экономики Римской империи» (Лейпциг, 1931), убедительно подчеркивал, что Август не проводил никакой специальной экономической политики. Август действовал в традициях Римской республики, воздерживаясь от прямого государственного вмешательства в экономику. Когда гораздо позже, к началу IV века н. э., в фазе консолидации и реставрации империи в так называемом эдикте Диоклетиана о предельных ценах нашла свое выражение диаметрально противоположная политика, отчетливо проявился разрыв с традициями августовского принципата.

Конечно, и при Августе изменения политической системы оказывали существенное влияние на экономику. Современная категория власти «рамочных условий» наилучшим образом характеризует этот процесс. Конец гражданских войн, гарантия жизни, собственности и социальной структуры, безопасность, определенная налоговая справедливость в провинциях — все это вместе после долгих лет прескрипций, волнений, экспроприаций, грабежей и контрибуций благотворно действовало на высвобождение экономической энергии. К этому нужно добавить создание стабильной системы римской денежной эмиссии, строительство больших шоссейных дорог и гаваней, безопасность морского судоходства, важного средства для международной торговли. Из поздних античных источ-

ников известно, что при Августе из Египта в Рим ежегодно экспортировалось около 150 000 тонн зерна.

Не менее важными были уже упомянутые экономические результаты дислокации римских легионов и вспомогательных формирований на границах империи. Пролетающее в Галлии производство глиняных изделий, базирующееся на мелких предприятиях свободной рабочей силы, только за два десятилетия изготовило более миллиона сосудов. Если при принципате дело не дошло до создания «крупной промышленности», то причина, конечно, не в 2,5 %-й внутренней пошлине, существовавшей между большими провинциями, а скорее в условиях рынка, в конкуренции многочисленных мелких и средних производителей, и не в последнюю очередь, в огромных ценах на транспортировку, которые делали нерентабельной дешевую продукцию массового производства.

Кроме основной связи экономических структур поздней Республики, признаком экономической формации империи при Августе была также связь региональных экономических уровней. Как справедливо подчеркивает Елена Штаерман, империя в этот период была не единой, нивелированной социоэкономической формацией, а «конгломератом» различных стилей хозяйствования и способов производства. Кроме городов с дифференцированным разделением труда и с вековыми торговыми отношениями, охватывавшими почти все побережье Черного моря, как, например, старые греческие города Малой Азии, производство которых было нацелено на отдаленные рынки сбыта, были и другие города, обеспечивавшие только внутреннюю часть страны, от сельскохозяйственного производства которой они в свою очередь зависели. Кроме регионов с пропорциональными отношениями между ремесленным и сельскохозяйственным производством, как в Галлии и дунайских провинциях, в Малой Азии, например, были деревенские общины и имения, ориентирован-

ные преимущественно на натуральное хозяйство. В пограничных и горных районах частично сохранялись формы домашнего хозяйства и кочевничества.

Август не пытался устранить эту разницу, переориентировать производство региональных экономических пространств, согласовать и скоординировать государственные целевые установки. Дефициту конкретных экономических мер противостоит максимум принятия военных, политических и социальных решений. Совершенно очевидно, что кроме описанных взаимосвязей воздействия крупного строительства в столице, к этому относится и воздействие колонизации, постоянного формирования верхней прослойки и усиление городских ячеек империи.

Реорганизация денежной эмиссии, которая ощутимо повлияла на экономическую структуру, являлась особенностью новой политической системы. До этого чеканкой монет ведала комиссия из трех членов, должность которых была нижней ступенью сенаторской карьеры. Кроме монетных дворов города Рима, монеты выпускало войско в зависимости от потребностей определенного театра военных действий. К тому же Рим из-за ограниченных технических возможностей не мог и думать о том, чтобы воспрепятствовать чеканке монет в городах греческого Востока. Динарий был признан везде основной валютой и, как и раньше, пополнялся региональной и местной разменной монетой.

Даже Август не смог полностью изменить эту систему. Даже он держался за существующие традиции. Вскоре после 30 г. до н. э. сначала в Азии, а потом и в Риме, и Испании по его распоряжению была изготовлена серия монет из благородных металлов, изображения и надписи на которых, само собой разумеется, зависели от его желания. В 15 г. до н. э. в Лугдуне был основан монетный двор *принцепса*. Концентрация крупных военных формирований вызвала там, а также и в Сирии соответствующую

щее оживление денежной эмиссии. В самом Риме были привлечены корпорации монетных мастеров, которые сначала чеканили только медные деньги. Их серии монет, выпущенные между 18 и 2 гг. до н. э., имели на реверсе большие буквы (SC — *senatus consulto*), которые были окружены именем и званием ответственного мастера. По мнению Моммзена и других историков, в этом изображении отражался суверенитет римского сената, другими словами, что даже в вопросе чеканки монет существовала «диархия» между *принцепсом* и сенатом.

На самом деле это мало что говорило о действительных масштабах контроля *принцепса* над чеканкой медной монеты. Во всяком случае из изображений и надписей следует, что монетные мастера сначала имели большую свободу действий, позже влияние Августа значительно возросло, и на монетах перестали появляться имена мастеров. Так как изображения на монетах представляли политиков высшего ранга, неудивительно, что Август после небольшого периода взял в свои руки и эту сферу деятельности. Для римского сената не было даже возможности самостоятельного оформления монет.

Пограничная и внешняя политика

Традиционный персоналистически-односторонний взгляд долго предопределял прежде всего область внешней политики, общее развитие которой основывалось на личных решениях, планах, программах и концепциях Августа. Именно здесь последовательно проявлялась когерентность единого процесса. Одни только споры о том, шла ли речь об «империалистической» или оборонительной политике укрепления мира, указывают на все трудности, вытекающие из этих предпосылок. Именно этот сектор августовской политики требует принять во внимание внутривполитическое развитие и перемены в *доме принцепса*, без которых нельзя понять многие перемены во внешней политике. Как бы ни напрашивалась хронологическая трактовка событий, лучше всего сначала рассмотреть процессы на отдельных отрезках границы и не затрагивать принципиальные вопросы.

Как уже было сказано, римская общественность после поражения Антония и Клеопатры в 30 г. до н. э. ожидала объявления новой парфянской войны. Находящиеся на Востоке и Западе войсковые соединения позволяли легко осуществить эту операцию и объединиться в борьбе против общего врага. Но проведение такого опасного мероприятия Август решил отложить на более поздний срок. Для него приоритетными были внутривполитические вопросы. Он тогда форсировал укрепление и легализацию собствен-

ной власти, закрыл двери храма Януса и распространил лозунги мира.

В остальном, при Августе, Рим извлек выгоды из слабости Парфянского царства. Власть Фраата IV (37—2 гг. до н. э.) была подорвана непрекращающимися восстаниями дворянства, династическими раздорами и другими восстаниями, обусловленными региональными интересами. Так как Парфянское царство не обладало тогда достойным упоминания регулярным войском, оно было неспособно вести агрессивную политику против Рима. Только в Армении, горной стране, которая занимала северо-восток современной Турции, часть современной республики Армения, Азербайджан и северо-запад Ирана, тлея конфликт из-за того, что обе стороны хотели сохранить власть над этим регионом.

Однако в политике Августа в отношении Армении и Парфянского царства отсутствовала ключевая общая концепция. Он реагировал от случая к случаю и отвечал на провокации по собственному почину при благоприятной политической конъюнктуре. Для восточной политики Августа характерно то, что она преуспела в двух серьезных компромиссах. Первый произошел в 20 г. до н. э., когда Август находился в Сирии, и Фраат IV уступил давлению военной демонстрации силы. Сам Август сформулировал этот результат так: «Я заставил парфян вернуть трофеи и штандарты трех римских армий и покорно просить о дружбе римского народа». Возвращение римских штандартов и пленных праздновалось с пафосом. Успех прославлялся на изображениях на статуе Августа в Примапорте, на изображениях и надписях на монетах, на большом римском памятнике победы. Вплоть до IV в. на играх воздавали хвалу этому событию. В пропагандистском плане все это безусловно было шедевром, но не имело ничего общего с наступательными планами Цезаря.

Это же относится и ко второму компромиссу. Раздо-

ры после смерти Фраата IV Август хотел использовать для новой интервенции на Восток. В 1 г. до н. э. внук и приемный сын Августа Гай Цезарь, который фактически был назначен преемником принципата, отправился на Восток во главе штаба тщательно отобранных советников и экспертов, чтобы провести обширную реорганизацию и расширить римское влияние. На одном из островов Евфрата состоялась встреча между Фраатом V и Гаем Цезарем, которой был признан *status quo*. Только на этот раз провалилась попытка посадить в Армении римского вассального царя; в горной стране разразились новые волнения. Тяжелое ранение Гая Цезаря у Аргагира и его смерть в маленьком ликийском портовом городке (4 г. н. э.) превратили всю эту акцию в катастрофу.

Политика Августа в отношении парфян наглядно характеризует стиль и особенности его пограничной и внешней политики. Не было и речи о рискованных действиях в духе Красса, Цезаря или Антония. Август, наоборот, понимал, что результаты дорогостоящей демонстрации силы и интервенции могут быть скромными, что мобилизация больших военных соединений и участие самого *принцепса* возможно себя не оправдают. Ожидания широких кругов общества не оправдались, но Август сумел сохранить лицо и подать в выгодном свете скромные результаты компромиссов так, что в Риме с ним согласились. Противоречия между идеологией и реальностью станут заметны лишь позже.

Многие названия, приведенные Августом в своей автобиографии в качестве успешного итога его достижений на Востоке, отражают тот высокий престиж, который привлек внимание по ту сторону Дона, на Кавказе и в Индии. Но ни дипломатические успехи, ни водворение эфемерных клиентельных царей и установление дружеских отношений с дальними народами не могли перекрыть тот

факт, что Великое Парфянское царство сохранило свое положение, а Армения снова погрузилась в анархию.

Во многих землях Малой Азии и по соседству с ней Август ввел систему клиентельных царей. Пример Боспорского царства на северном берегу Черного моря показывает, как решительно римская сторона защищала такую зависимость. Когда там после смерти дружественного Риму вассала Азандра возникли волнения, в которых последнюю роль играла вдова царя Динамида, Рим подтвердил свое влияние, несмотря на бурную смену политических группировок. Даже Полемон, *понтийский* царь, вынужден был охранять римские интересы и в конце концов просить Агриппу содействовать сохранению гарантированного римского порядка.

К соблюдению интересов таких монархов римляне относились прохладно, как в случае с Галацией, которая после смерти способного и надежного клиентельного царя Аминта в 25 г. до н. э. была без долгих раздумий превращена в римскую провинцию и в будущем являлась римским бастионом во внутренней части Малой Азии. Ее столицей стала Анкира.

В арабском регионе начались попытки аннексии сабейских и гимнаритских племен, богатство которых основывалось на торговле с Индией и Эфиопией. Нет сомнений, Рим хотел непосредственно контролировать торговлю пряностями, благородными металлами, драгоценными камнями и шелком, и это был один из случаев, когда действия Рима могут соответствовать современному понятию империализма. В 25 г. до н. э. префект Египта Элий Галл с пятидесятитысячной армией, подкрепленной иудейскими и иудейскими вспомогательными группами, начал наступление. Стоящее наготове недалеко от Суэца войско было направлено через Красное море в Левку Кому у Акры и проникло через восточный район современной Саудовс-

кой Аравии на юг. Во время этого похода численность войска сократилась из-за цинги и других болезней.

Плохо вооруженные арабы были побеждены и город Мариба осажден. Только из-за нехватки воды осаду пришлось быстро снять, и римский экспедиционный корпус двинулся снова в набатейскую Аравию. Вину за неудачу этой экспедиции свалили на набатейских союзников. Но, невзирая на этот неприятный конфуз, римская активность в этом регионе не прекратилась. Как и в случае с большой восточной экспедицией Гая Цезаря в 1 г. до н. э., римские военные соединения дошли до залива Акаба, а римская флотилия время от времени крейсировала перед Акабой. Монеты указывают на римское влияние в этом регионе. Как и следовало ожидать, Рим извлек выгоду из роста торговли в этих областях.

Оживленная деятельность царил и на юге Египта. Уже первый префект Гай Корнелий Галл, друг Августа и Вергилия, выступил с войсками на восток и напал на эфиопов. Позже непомерное тщеславие и клевета послужили причиной его падения. В арабской экспедиции Элия Галла эфиопы, воспользовавшись слабостью римского гарнизона, ворвались в Египет и разграбили Сиену, Елефантину и Филы. В ответ в 24—23 г. до н. э. префект Гай Петроний провел контрнаступление и смог захватить северную столицу эфиопского царства Напату. Правда, такое положение долго сохраняться не могло, однако теперь пограничная зона к югу от Сиены была занята, что в будущем обезопасило римскую границу.

Римская зона влияния в Северной Африке при Августе была реорганизована, старая провинция *Африка* вместе с Нумидией объединились в одну большую провинцию. В Мавритании в 25 г. до н. э. клиентельным князем стал Юба, сын последнего нумидийского царя, его задачей было следить за гетульскими кочевниками на юге страны. Вообще на юге прекратились все столкновения с соседними

племенами, граничащими с римской зоной влияния. Кульминационными пунктами римского вмешательства были изгнание Гермы, столицы герамантов, Луцием Корнелием Бальбом (21—20 гг. до н. э.) и покорение гетулов и мусуламов Коссом Корнелием Лентулом в 6 г. н. э. В римской Северной Африке непрерывно проводились административные мероприятия, систематические обмеры земли и образование многочисленных ветеранских колоний.

На севере и северо-востоке Испании еще в 38 г. до н. э. разразились сражения. Племена кантабров, астурийцев и гиллеков оказывали ожесточенное сопротивление попыткам римлян покорить их. Поэтому в 30 г. до н. э. на Пиринейском полуострове появился Тит Статилий Тавр с легионами, которые дали сражение при Акции, а в 27 г. до н. э. там появился и сам Август. Военные действия, в которых участвовало 7 легионов, безусловно принесли принципату новые лавры и послужили его военной легитимизации. Однако результаты, которые получил сам Август, были скромными, а победные торжества преждевременными. До полной оккупации Северной Испании предстоял еще долгий кровопролитный путь; только в 19 г. до н. э. Агриппа закончил эту войну.

Иначе развивались события на юге, в Андалузии. Интенсивно романизированная провинция *Бетика* в 15 г. до н. э. была возвращена сенату. Из ее правящего слоя вышел целый ряд авторитетных представителей латинской литературы — оба Сенеки, Лукан, Марциал, — а также много политиков и военных, а Траян и Адриан были *принципами* испанского происхождения.

На римском Западе обнаружилась очевидная разница между ожиданиями римско-италийского населения и возможностями августовской политики. Со времен походов Ария за Рейн и за Ла-Манш Германия и Британия постоянно находились в поле зрения римлян, и было естественно ожидать от Октавиана продолжения и расшире-

ния наступательных действий Цезаря. Только в Галлии оставалась насущная задача институционно закрепить римское господство и усилить администрацию. Если власть Цезаря в Галлии опиралась на преданных ему людей, то Август постепенно создавал сферы компетенции римских чиновников. Институты римского господства были учреждены только им. К этому же относится создание инфраструктуры, более тесная связь Галлии с Италией и безопасность ее границ. Показательно, что римские легионы в Галлии при Цезаре и в последующий период дислоцировались прежде всего внутри страны, а рейнская граница охранялась сначала небольшими постами. Но все же германское предполье находилось под постоянным наблюдением римлян, в 38 г. до н. э., например, Агриппа переселил убиев в кельнский регион.

Если в 30-х и 20-х гг. до н. э. имелись планы и концепции по созданию пограничных зон против Германии, то они с большой долей вероятности исходили от Агриппы. Быстро последовавшее создание рейнской зоны, планомерная организация снабжения, закладка дорог, каналов, дамб, крепостей, подготовка флота и боевые действия, короче, уверенное распоряжение всеми техническими средствами высокоразвитого римского военного аппарата, инженерными и саперными средствами — все это носит печать его индивидуальности и большого профессионализма.

Возможно, так называемое поражение Лоллия в 16 г. до н. э. послужило началом новой римской активности. Для Августа было особенно неприятно, что уже через четыре года после его назойливой пропаганды по поводу возвращения парфянами римских штандартов именно в его собственной галльской провинции снова были потеряны римские штандарты, когда сигамбры уничтожили там 5-й легион. Как и раньше, Август снова оказался под нажимом военной легализации, к тому же только

что был патетически отпразднован новый «счастливый иск». Ему повезло, что он в лице своих подросших приемных сыновей Тиберия и Друза имел в своем распоряжении не только честолюбивых, но и одаренных в ратном деле молодых представителей его системы, успехи которых шли на пользу его дому и ему самому. Нужно сказать, что античные свидетельства о событиях в галло-германском регионе более подробны, чем свидетельства о других отрезках границы. Поэтому они будут детально обсуждены здесь.

Начиная со времени установления римского господства в Галлии, стало необходимым обезопасить прямые коммуникационные линии с Италией и тем самым обеспечить непосредственный контроль над альпийским регионом. Сначала римская власть укоренилась по бокам альпийской дуги. Если Август сам между 35 и 33 гг. до н. э. укрепил позиции в Далмации и Паннонии, то Варрон Мурена в 25 г. до н. э. подал дурной пример своим обращением с салассами на Сен-Бернарском перевале. Сопротивление салассов было сломлено непрерывным жестоким террором, и в Августе Претории (Аоста) было положено одно из важнейших римских горных укреплений. Еще в 16 г. до н. э. в Альпах начались военные действия, когда римские войска под командованием Публия Силия Нервы, испытанного в войнах против кантабров специалиста по ведению боевых действий в горах, заняли долины между озерами Комо и Гарда.

Поход, продолжавшийся одно лето (15 г. до н. э.), закончился успехом: были покорены альпийские племена и занято северное альпийское предполье. Когда Друз член Бреннер продвигался на север, второй клин войска под командованием легата, миновав перевал Юлия, перешел через долину Рейнских Альп, одновременно продвинулась вперед другая группа римских войск под командованием Тиберия, она прошла от исходного района на Лангском

плато на восток. Пройдя через Везонтион, район Виндониссы, она последовала к Боденскому озеру. Возможно, остатки недавно обнаруженного лагеря в Дангштеттене связаны с этими военными передвижениями. С одного острова, скорее всего Майнау, войско переправилось через озеро, обнаружило дунайские источники, а 1 августа одержало внушительную победу.

Войска веерообразно продвигались с востока на юг в альпийское предполье. Римская власть укрепила свои позиции с помощью регулярного переселения, рекрутирования, постоянного военного присутствия, строительства сети дорог и основания римских поселений. В районе Аугсбурга возник винделикский Форум Августа, основанная еще в 44 г. до н. э. колония Раурика получила теперь дополнительное название Августа (Аугст). В старом Комбодуне кельтские поселения были преобразованы в римские. Они скоро стали важным рынком и перевалочным пунктом. Сколь много лично Август вложил в пропагандистскую оценку достижений 15 г. до н. э., подтверждает тот факт, что Гораций в своей оде 4,4 и 4,14 бурно их прославляет, а грандиозный *Тропеум Августум*, большой памятник победы в Ла Турби в Монако своей импозантной архитектурной формой и перечислением названий покоренных племен напоминает об этом событии.

Так была исправлена ошибка 16 года до н. э. Гораций на свой манер оценил итог августовской пограничной политики:

Удивленно взирает усмиренный кантабр,
Мидянин, индус, беглый скиф
На тебя, защиту владыки Рима.
Несущий свои воды Нил принадлежит тебе,
Волны Истра и стремительное течение Тигра,
И огромное море, полное чудовищ,
Бушует далеко от берегов Британии.

Нивы галла, не боящегося смерти,
Большая страна непокорной Испании,
Воинственные сикамбры
Складывают перед тобой оружие.

(Гораций. «Песни», IV, 14, 41)

В 16—13 гг. до н. э. в Галлии Август лично следил за созданием администрации и за военной организацией по-

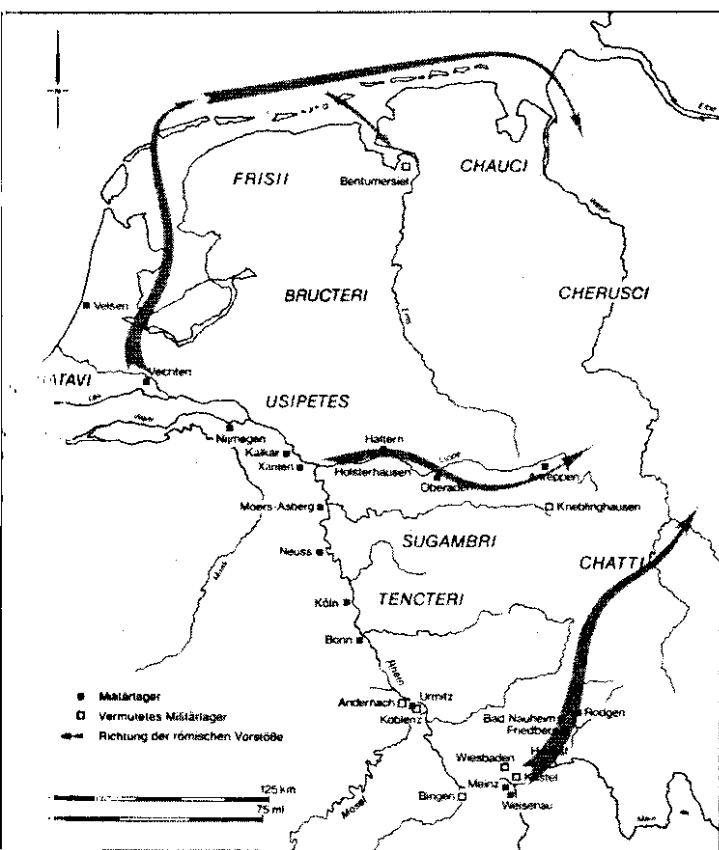

Рис. 5. Римский поход в Германию

границной зоны. Тогда римские легионы были размещены на Рейне; в Веттере у Ксанта и в Майнце были созданы базы для будущих наступлений, построены и укреплены коммуникации. С 12 г. до н. э. Друз, обладая неограниченной властью, командовал рейнской армией. В том же году в Лугдуне он установил большой алтарь, посвященный Риму и Августу, это был центр культа Августа для всей Галлии, вскоре построили подобный алтарь в Кёльне для германских областей. На всей прирейнской долине продолжались строительные работы. Между Ниймегеном и Цюрихом был построен ряд крепостей, укреплена рейнская дорога, проложен канал от Рейна к Северному морю, что позволило применить римский флот для покорения племен побережья Северного моря как сухопутными, так и морскими силами.

В 12 г. до н. э. Друз выступил с флотом против сигамбров и узипетов. Тогда были покорены фризы и, благодаря их поддержке, войска достигли устья Везера. Римские потери на границах продолжали сохраняться, поэтому римское войско в следующем году прошло из Веттера вдоль реки Липпе до Везера. О военных действиях в 10 г. до н. э. известно только то, что они были направлены против сигамбров и хаттов. До сих пор центр тяжести римских походов находился на севере, в районе между рекой Липпе и Северным морем, теперь они вторглись в район Веттера, где во Фридебурге уже была построена крепость.

Римское наступление достигло своей кульминационной точки в 9 г. до н. э. На период этого года известны только названия племен, с которыми соприкоснулись римляне, но, изучая доисторические пути сообщения и археологические раскопки и следы поселений, события можно восстановить приблизительно так: через Веттер и долину Лан римские колонны дошли сначала до устья реки Липпе. Оттуда они свернули в направлении Хамельна, переправились через Везер, продвинулись до Магдебургской

бухты и достигли берегов Эльбы, которая в этом месте имела ширину приблизительно 240 м.

Долгий наступательный марш прошел не без тяжелых сражений. После хаттов, которые на этот раз снова были разбиты, не менее ожесточенно сражались свевы и маркоманны, тогда как херуски отошли за Эльбу. Обратный путь войска Друза лежал между Тюрингским лесом и Гарцем. Войско уже прошло реку Заале, когда Друз в середине августа упал с лошади и сломал бедро. Его брат Тиберий совершил стремительный кавалерийский марш на Север, чтобы принять командование армией. Друз умер вскоре после этого. Но даже его смерть не смогла ослабить римское господство над правобережными прирейнскими районами. В 8 и 7 гг. до н. э. Тиберий еще больше укрепил римское влияние тем, что переселил часть сикимбров и свевов. После того, как он отправился в добровольную ссылку в 6 г. до н. э. на Родос, наступила некоторая стагнация.

В это время стал активно действовать Луций Домиций Агенобарб. Хотя деятельность этого легата лишь отрывочно освещена в античных источниках, точно известно, что он переселил гермундуров в населенную маркоманами область к югу от Майна, и что в походе на Дунай перешел верховье Эльбы. С 4 г. н. э. военными действиями вновь руководил Тиберий. После непрерывных ширококомасштабных походов этого года германские племена были полностью изнурены и приведены в беспокорность, некоторые вынуждены переселиться. В 4 г. н. э. римское войско в первый раз отважилось перезимовать в северном течении реки Липпе. В 5 г. н. э. римский флот достиг района Склад, поэтому остатки кимбрских племен были рассеяны по своей прежней родине. С огромным изумлением римляне наблюдали, что именно потомки того племени, которое так долго вызывало страх, просят о дружбе.

На Эльбе флот встретился с возвращающимися сухопутными войсками; наступил новый кульминационный пункт римского наступления. Даже делегации живущих восточнее Эльбы семнонов признали римское господство. В Кёльне по примеру Лугдуна был воздвигнут алтарь. Крепости охраняли правобережье Рейна, где римские чиновники уже чинили правосудие. Одновременно Тиберий развернул мощное наступление против царства Марбода, которое занимало области боев, шлезиев и мегренов, то есть земли в верхнем течении реки Майна.

В 6 г. н. э. Гай Сенеций Сатурний с шестью легионами выдвинулся с исходных позиций на Рейне на Восток, а Тиберий тем временем с такими же силами прошел от Карнунта на север. Объединение обеих войск было уже близко, разгром основных сил Марбода казался предерженным, когда в тылу фронта поднялось восстание далматинских дезидиатов и паннонийских бревков, которое быстро распространилось по всей Иллирии и угрожало Македонии и даже Италии. С Марбодом был заключен поспешный мир, дунайская армия и все имеющиеся в распоряжении войска переброшены в Иллирию. Нельзя было даже и думать о продолжении наступления на Германию, наоборот, Рим должен был быть счастлив уже тем, что хотя бы там было спокойно. Однако едва закончились тяжелые сражения в Далмации и Паннонии в 9 г. н. э., в Рим пришло сообщение о катастрофе в Тевтонском лесу.

Публий Квинктилий Вар в 7 г. н. э. принял командование германским войском. Римский офицерский корпус позже бросил ему упрек, что он увлекся административными функциями и забросил военные. Подробности его гибели в 9 г. н. э. и выдающиеся достижения Арминия живы в памяти до сих пор. Также известно, что место сражения до сегодняшнего дня остается одним из темных мест римско-германской топографии. Но решающим было не само событие, а его последствия: уничтожение трех

легионов, шести когорт и трех ал, потеря всех римских крепостей между Рейном и Везером, отказ от границы по Везеру.

После следующих друг за другом катастроф паннонско-далматинского восстания и сражения Вара нечего было и мечтать о контрнаступлении на Германию, так как военные возможности были исчерпаны. Последние людские резервы бросили на Рейн, где командование снова принял Тиберий. Восемь легионов, треть военных сил всей империи, оставались на Рейне, чтобы приостановить кризис. Под командованием Тиберия и Германика в последние пять лет жизни Августа были предприняты отдельные походы для разрешения вооруженных конфликтов в правобережных районах Рейна, однако понадобились новые стимулы для возобновления наступления.

Обзор достижений германской политики Августа показывает, что она не определялась разнообразными планами, решениями, требованиями или отказом от задуманного. Походы Друза, Домиция Агенобарба, а позже Тиберия в 5 г. н. э. всегда имели задачу вооруженной разведки. Не догма определенных речных границ, а стремление к заселению, к политической и военной власти определяло цели военных операций. Рассматривая это в целом, можно констатировать эскалацию римского вмешательства и расширение радиуса военных действий. Реакции на германское неповиновение, «карательные акции», разведывательные и завоевательные походы втягивали римских полководцев во все более крупные войсковые операции. Все шло удачно, пока в результате поражения Вара римские легионы не были отброшены на свои исходные рейнские позиции.

Как уже подчеркивалось, Август в большей мере, чем раньше, был вынужден влиять на общественное мнение, имитировать политику и вдалбливать в головы подданных результаты своих достижений. Даже компромисс с

парфянским царством был ловко превращен в абсолютный успех Августа. Разница между реальностью и идеологией роковым образом проявилась на германском театре военных действий.

В начале 15 г. до н. э. успехи Тиберия и Друза были подчеркнуто превознесены до небес, чтобы несколько приглушить впечатление от провалов в предыдущем году. В 9 г. до н. э. в духе традиционных представлений отмечался поход на до сих пор не завоеванные земли на далеком горизонте известного римлянам мира. Пафос римской победной идеологии, с которым был прославлен Друз после его смерти в 9 г. до н. э., мешал трезвому взгляду на фактически достигнутые результаты. Это привело к ошибочной оценке ситуации, которую характеризуют события, происшедшие с Варом. Только его поражение открыло глаза ответственным лицам и сделало очевидным их самообман. Противоречие между реальностью и идеологией позже еще раз проявится на германской границе.

Для обширного дунайско-балканского пространства Иллирия и Македония являлись важнейшими базами для римского продвижения. Как уже было сказано, в 35—33 гг. до н. э. Октавиан лично руководил наступательными операциями в Иллирии и взял Сисцию. Между 13 и 9 гг. до н. э. римская экспансия была продолжена Агриппой и Тиберием. Тогда покорили юго-западные племена Паннонии между реками Сава, Драу и Дунай. Но как плохо было консолидировано римское господство в горных районах этого региона, показало паннонско-далматийское восстание в 6—9 гг. н. э. При взаимодействии подошедших из Мезии войск и помощи фракийского вассального царя Реметелакса Тиберию удалось усмирить около 200 000 восставших. Долше всех продержались восставшие в ущелистом природном укреплении около Сараево и Банья Лука, а также группы под командованием Батона, они почетно капитулировали последними.

На нижнем Дунае после 30 г. до н. э. Марк Луциний Красс, наместник Македонии, отразил вторжение бастарнов. Македонцы удостоились звания государств-клиентов, а римские войска снова были вынуждены отражать нападения даков и сарматов на Мезию и Фракию. Между 13 и 11 гг. до н. э. Пизоном было подавлено крупное восстание фракийцев. Благодаря надписям известны успешные переправы через Дунай римских наместников и многочисленные акции по переселению. Если верить автобиографии Августа, что римское влияние распространилось на даков, бастарнов, сарматов и скифов, то это в первую очередь заслуга Гнея Корнелия Лентула, который установил относительную стабильность и укрепил римское влияние на нижнем Дунае.

Взгляд на развитие событий на отдельных участках показывает, что внешняя политика Августа не основывалась на больших проектах, далеко идущих планах и стратегических догмах. Дистанцирование от наступлений Цезаря на Восток и в Британию так же очевидно, как и крах подобных попыток экспансии в Аравии и Германии. На Балканском полуострове, в Малой Азии и Мавритании Август довольствовался непрямым управлением регионами клиентельными царями, метод, который часто делал необходимым прямое римское вмешательство с последующим включением в империю.

Процесс покорения Альп и укрепление римского господства в Галлии и Испании шел иначе, чем расширение римского господства в Иллирии и на Балканском полуострове. Здесь довольно часто проводились военные операции скромных размеров, неудачи которых не представляли угрозы для новой политической системы.

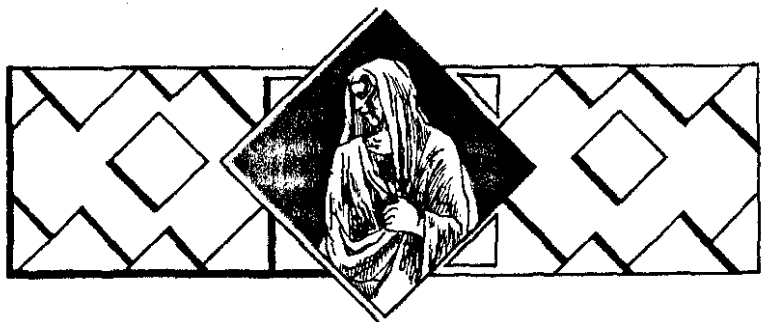
Какими бы ограниченными на первый взгляд ни казались результаты этой военной политики, решения и меры, принимавшиеся в отдельных частях империи в течение этого большого промежутка времени, находились в пря-

мом взаимодействии друг с другом и привели к созданию такой когерентности и целостности империи, которых раньше никогда не было. В результате медленного процесса покорения, как в Иллирии или Испании, или в результате смены успехов и неудач, как в Аравии и Германии, в конце концов консолидировалась та великая империя, которая по масштабам античности охватывала большую часть цивилизованного мира. То, что до Августа было всего лишь слабыми попытками, теперь превратилось в цельную от десятилетия к десятилетию укрепляющуюся эффективную администрацию. Для всей империи этот результат был важнее, чем удаchi или неудачи отдельных широкомасштабных походов.

При всем этом нужно учитывать, что сам Август не был блестящим полководцем типа Цезаря. После сражений в Испании он больше не участвовал в больших военных операциях, тогда как его приемный отец бесстрашно подвергал себя опасностям в целом ряде решающих сражений. Вместо этого Август поручал ведение операций другим людям, однако ревниво следил за монополизацией военного престижа. В будущем этот престиж был связан только с самим Августом, с представителями его дома или по крайней мере с надежными представителями его системы. Постепенная монополизация высшей военной власти шла рука об руку с монополизацией идеологии победы.

Это не совпадение, но отличительная черта августовской системы, когда диалектический характер внутривнутриполитического генезиса принципата соответствовал подобному же процессу в области внешней политики. Развитие определялось не радикальными общими решениями, а взаимодействием антагонистических процессов, в которых были задействованы различные силы. Здесь тоже процесс и результат кажутся более консистентными и едиными, чем это было на самом деле. К тому же события послед-

них лет жизни Августа вряд ли можно приукрасить: в Парфянском царстве престол занял независимый от Рима Артабан III, который превратился в опасного противника на Ближнем Востоке. В Армении царил хаос и смута, о римском влиянии говорили только фантазеры. В Иллирии и Паннонии едва были устранены последствия многолетних войн, а на Рейне еще жили воспоминания о поражении Вара. Кроме того, очень быстро выяснилось, что немало римских легионов совсем не слепо повиновались своим командирам, что к армии, важнейшему инструменту новой системы, предъявлялись чрезмерные требования, и она стала ненадежной не в последнюю очередь из-за комплектования за счет недовольных элементов. Как бы мало надежд ни оправдал в области внутренней политики и идеологии назначенный Августом наследником Тиберий, лучшего выбора у Августа не было.

Культура в эпоху правления Августа

Ореол, окружающий августовскую эпоху вплоть до наших дней, связан не только со свершениями и успехами внутренней и внешней политики, но и с ярко выраженным расцветом литературы и искусства. Большое число классических имен латинской поэзии и прозы относится к эпохе Августа, изобилие произведений искусства и зодчества связаны с его принципатом. Идеальное представление об этом времени основано не в последнюю очередь на воздействии классических авторов и произведений искусства.

В последние десятилетия современные исследования усиленно пытаются определить степень взаимозависимости политики и культуры именно в данный отрезок времени. Благодаря этому были устранены многие недоразумения. С одной стороны, было бы ошибочно рассматривать литературу и искусство эпохи Августа исключительно как заказные, приспособленческие явления, как носителей определенной идеологии. С другой — было бы также ошибочно отрицать экзистенциальную связь между новой политической системой Августа и тематикой произведений поэтов, писателей и художников.

Естественно, Август извлек выгоду из того, что римское искусство в течение I в. до н. э. достигло своего зенита. Век гражданских войн видел также и мастерство языка и стиля, отмеченные индивидуальностью поэзию и ис-

куство; «исполинскими индивидуальностями» были также великие застройщики и заказчики произведений искусства этой эпохи. Соревнование с греческими образцами принесло свои плоды почти во всех областях искусства. Духовные и художественные течения, однако, были столь разными и противоречивыми, чтобы их можно привести к общему знаменателю.

Поэтому августовская культура не является однородной. Конечно, в искусстве, а особенно в литературе, есть много свидетельств, которые подтверждают, что августовская политика соответствовала распространенным убеждениям и представлениям населения Италии. Но именно поэзия эпохи свидетельствует о противоречиях между целевыми установками и ожиданиями новой системы. Краткий обзор поможет это уяснить и одновременно на нескольких примерах показать уровень произведений той эпохи.

Нельзя не учитывать, что Август сам занимался литературой, его стремление к беспристрастному изложению в большой степени было связано с самокритикой. Кроме автобиографии, от его собственных литературных опусов мало что сохранилось. Свою трагедию «Аякс» он собственноручно уничтожил; от его эпиграмм, истории сицилийской войны, памфлетов против Брута и его речей сохранились только отдельные фрагменты. Несколько лет тому назад на Кёльнском папирусе были обнаружены его речи и память о Марке Агриппе. Однако более важным является тот факт, что Август обладал литературным вкусом и содействовал даже бывшим политическим противникам.

Вергилий (70—19 гг. до н. э.) в возрасте тридцати лет видел, как имение его родителей под Мантуей было экспроприировано триумвирами в процессе расселения ветеранов, но испытал также и то, что Август обеспечил его существование, и он сохранил ему за это благодарность на всю жизнь. События этого времени описаны Вергили-

ем в 40 г. до н. э. в «Буколиках», пасторальных стихотворениях, действие которых происходит, по примеру Феокрита, среди идеальных пейзажей. Они превозносят простую, связанную с природой жизнь, утешают несчастных влюбленных, но выражают также стремление к миру и маленькому скромному счастью. В жалобе изгнанного от своих очага и земли Мелибея видна горечь экспроприированного человека:

Мы же уходим — одни к истомленным жаждою афрам,
К скифам другие; дойдем, пожалуй до быстрого Окса
И до британнов самих, от мира всего отделенных.
Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полею, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали!
Груши теперь, Молибей, прививай, рассаживай лозы!
Козы вперед! Вперед — когда-то счастливое стадо!
Не полюбуюсь теперь из увитой листвою пещеры,
Как повисаете вы вдалеке на круче тернистой,
Песен не буду я петь, вас не буду пасти, — без меня вам
Дрок зацветший щипать и ветлу горьковатую, козы!

(«Буколики». I, 64.
Пер. С. Шервинского)

В появившейся через десять лет дидактической поэме «Георгики» Вергилий описывает земледелие, виноградарство, садоводство, скотоводство и пчеловодство, как основы культуры. Поэтическое овладение таким предметом ему полностью удалось, сам материал связан с грандиозными перспективами, которые достигают апогея в своем роде гимне Италии. В «Энеиде» Вергилий связал историческое предназначение Рима с историей Трои и образом Энея. Описание приключений и битв, трагической любви

к Дидоне, новых споров богов и людей объединяют мифы с историей и воскрешают в памяти действительные события, такие, как морское сражение при Акции, а в героическом обзоре шестой книги вновь прославляется Август:

Вот он, этот человек, которым ты восхищаешься:
Цезарь Август, потомок богов. Золотой век
Воцарится повсюду в Лации, где нивами
Правит Сатурн. Над гарамантами и индами
Распространяет он свое царство. Земля лежит по ту
сторону наших звезд,
По ту сторону ежегодного вращения солнца, где Атлант,
неба

Носитель, на плечах вращает сверкающий свод.
Его появления с трепетом ждут каспийские царства
И страна меотов, предупрежденная богами;
И в страхе содрогаются семь притоков Нила.

(VI, 97)

У Горация (65—8 гг. до н. э.) связь с современными событиями еще теснее, чем у Вергилия. Всего лишь сын вольноотпущенника, он смог получить в Риме и в Афинах превосходное образование. Увлечся идеями республиканцев, сражался при Филиппах в качестве трибуна против триумвира, тем не менее был принят в окружение Мecenата. Тот его щедро поддерживал и их связывали дружеские отношения, хотя Гораций всегда настаивал на своей независимости и даже отказался стать секретарем Августа и прославлять деяния Агриппы. Между тем он оценивал падение старых нравов и римской морали так же, как и Август, и поэтому призывал к возрождению традиционных римских ценностей и к заботе о старой религии.

В его энергичных, уверенных, часто торжественных стихах соединились решительные убеждения с отточенной формой выражения и великолепным ритмом. Горация

ций написал не только знаменитые оды Риму, но и про-
никновенный «Юбилейный гимн», который на праздни-
ствах 17 г. до н. э. попеременно исполнял хор юношей и
девушек:

Феб и ты, царица лесов Диана,
Вы, кого мы чтим и кого мы чтили,
Светочи небес, снизойдите к просьбам
В день сей священный —

В день, когда завет повелел Сивиллы
Хору чистых дев и подростков юных
Воспевать богов, под покровом коих
Град семихолмный.

Ты, о солнце, ты, что даешь и прячешь
День, иным и тем же рождаюсь снова,
О, не знай вовек ничего славнее
Города Рима!

Ты, что в срок рожать помогаешь женам,
Будь защитой им, Илифия, кроткой
Хочешь ли себя называть Люциной
Иль Генитальей.

О, умножь наш род, помоги указами,
Что издал сенат идущим замуж,
Дай успех законам, поднять сулящим
Деторождение!

Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной!

(Гораций. «Юбилейный гимн».
Пер. Н. Гинцбурга)

Но творчество Горация не исчерпывалось подобной

государственной лирикой. Для него также характерно передавать философские взгляды Эпикура в форме картин и призывов. Он все время доводит до сознания читателя бренность человеческой жизни, относительный характер богатства и власти, советует довольствоваться скромным неприхотливым счастьем, использовать день и час, наслаждаться радостями жизни в маленьком личном мире.

За мудрость духа! Круто придется ли —
Невозмутимость выкажи, счастье ли
Сверкнет — смири восторгов бурю,
Ибо ты смертен, о друг мой Деллий:

Рабом ли скорби ты проскучаешь век,
Рабом ли неги с кубком фалернского,
В траве под небом полулежа,
Вкусишь ты, празднуя, дни блаженства.

Зачем, скажи мне, тополь серебряный,
Сплетаясь ветвями с мощной сосной, зовет
Под сень прохладную и воды
Перебегают в ручье нагорном?

Вина подать нам! Нежный бальзам сюда!
Рассыпать розы, краткие прелестью,
Пока дела, годы и нити
Черные Парок не возбраняют.

А там усадьбу — домик с угожьями,
Где плещут волны желтые Тибра, — все,
Что ты скупал, копил годами,
Неотвратимый наследник примет.

Будь ты потомком древнего Инака,
Будь богатеем, будь простолудином,
Будь нищим без гроша и крова,
Ты обречен преисподней — Орку.

Вращайся, урна! Рано ли, поздно ли,
Но рок свершится, жребии выпадут,
И увлечет ладья Харона
Нас в безвозвратную мглу изгнания.

(Гораций. «Квинту Деллию».
Пер. Я. Голосовкера)

Несмотря на личную и художническую самобытность, Вергилий и Гораций являлись представителями той поэзии, которая совпадала с представлениями Августа и с критериями новой политической системы. Одновременный расцвет римской элегии свидетельствует о том, что были и совсем другие принципиальные позиции. Стихи Тибулла, Проперция и Овидия свидетельствуют, что августовская культура пропиталась социальной напряженностью, которая стала для Овидия судьбой.

Тибулл (54?—19 гг. до н. э.), выходец из всаднического сословия и поддерживающий тесные отношения с независимым политиком Мессалой Корвином, никогда не упоминал Августа в своих произведениях. Правда, и у него значительное место занимает мир старой римской религии, ее ритуалов, молитв, поэтому тематика его стихов не могла не понравиться господам положения. Тибулл хотел посвятить жизнь в маленьком поместье любви и музам. Он решительно не принимал безудержную спешку своего времени, корыстолюбие и, конечно, войну. В его изящных любовных элегиях перемежались настроения и чувства. Он мог так же беззаветно предаваться мечтам о своей любимой Деллии, как и разочарованию и ревности.

Проперций (47—15 гг. до н. э.), как и Гораций, принадлежал к кругу Мecenата и в стихах при случае упоминал своих современников. В четвертой книге элегий он скорее всего пошел навстречу ожиданиям Августа, прославляя в ней истоки римского культа и августовский Рим. Однако более подробно воспевать деяния Августа он не стал. Лю-

Основные элегии Проперция отличаются сочетанием личных переживаний с образами и содержанием мифов. Несмотря на мудреные выражения, они выказывают не менее сильную страсть, чем у Тибулла. Но своими метаниями между удовлетворением и разочарованием, а также по крайности чувств Проперций ближе скорее Катуллу.

Симптоматично, что часто непонятные стихи Проперция едва ли можно удовлетворительно перевести в стихотворной форме. Но даже современный перевод характерной для него композиции показывает, что у него, как и у всех элегистов того времени, были иные приоритеты, чем августовская реставрация:

Кинфия, рада теперь ты, конечно, отмене закона:
Долго ведь плакали мы после издания его, —
Как бы он нас не развел. Но, впрочем, Юпитеру даже
Любящих не разлучить против желания их.
Правда, Цезарь велик, но величие Цезаря в битвах:
Покорены племена, но непокорна любовь.
С плеч себе голову снять, поверь, я скорее позволил,
Нежели ради жены факел любви погасить.
Или, женившись, пройти у твоей затворенной двери
И об измене своей горькие слезы мне лить.
Ах, какие тогда нагнала б тебе сны моя флейта,
Более скорбная, чем звук похоронной трубы!
Есть ли мне смысл нарождать детей для отчих триумфов?
Кровь моя ни одного воина не народит.
Вот если б я воевал в защиту и честь моей милой, —
Мал показался бы мне Кастора конь-великан.
Этим-то имя мое и снискало громкую славу,
Славу, какая дошла до борисфенских снегов.
Только тебя я люблю, люби меня, Кинфия, так же:
Будет мне эта любовь даже потомства милей.

(Пер. Л. Остроумова)

Овидий (43 г. до н. э.—17—18 г. н. э.) был характерным представителем нового поколения. Этот образован-

ный, независимый человек писал легко и свободно, проявляя талант и поэтическое мастерство. Его литературное наследие больше, чем у всех остальных поэтов той эпохи. К его великим шедеврам принадлежат «Метаморфозы» и «Фасты». В «Метаморфозах» он искусно изложил античные мифы о превращениях, а в «Фастах» в соответствии с римским государственным календарем представил все праздники, памятные дни и обычаи для первых шести месяцев года. Но не только эти произведения быстро принесли ему широкую известность. Он написал также «Любовные элегии», элегантную и прелестную вариацию на тему любовной лирики, не менее удачные шуточно-поучительные элегии «О косметических средствах для женского лица», «Искусство любви» и «Лекарства от любви».

В этих оригинальных стихах Овидий старается передать остроумный, но отнюдь не пошлый стиль игривых, кокетливых флиртов римской *золотой молодежи*. Будучи замечательным наблюдателем и знатоком психологических моментов, в остроумной форме и с изысканной виртуозностью изображает любовную игру партнеров. Несомненно, он хотел сохранить отстраненный, объективный взгляд на любовь и избегал описания любовных отношений в стиле Катулла. Но его иногда даже фривольные стихи не соответствовали строгому и крайне чопорному миру представлений престарелых Августа и Ливии, атмосфере сословной политики и законодательству о нравах.

Уже само существование элегиков и их идеалов, а также их поклонников и читателей бросало вызов *принцепсу*. В конце концов, Овидий оставил сенаторскую карьеру и перестал заниматься политической деятельностью так же, как и всадник Тибулл и вышедший из зажиточной семьи Проперций. Если Август сначала и не выказал своего отворачивания к «Искусству любви», то события вокруг Юлии

Младшей в 8 г. до н. э. предоставили ему возможность снести счеты: Овидий был сослан в Томы (Констанца), что нанесло ему тяжелый удар. Как бы Овидий ни оплакивал свою участь в «Тристиях» и «Письмах с Черного моря», как бы страстно ни умолял в своих просьбах о хотя бы некотором смягчении приговора, Август остался глух к раболепным словам. Однако помешать распространению произведений Овидия он не пытался.

Что касается прозы, то здесь особого внимания заслуживают исторические труды августовской эпохи, особенно Тита Ливия, который родился в Падуе в 59 г. до н. э. (ум. в 17 г. н. э.). В отличие от Саллюстия (ум. в 35 г. до н. э.), историка кризиса Римской республики, и тех авторов, которые, как Азиний Поллион, с большой объективностью отобразили эру гражданских войн, Ливий сознательно уклонился от написания современной ему истории и обратился к традиционным формам римской анналистики, представив весь процесс римской истории.

Программа и понимание истории отражены в *предисловии* к произведению Ливия: «Создам ли я нечто стоящее труда, если опишу деяния народа римского от первых начал города, того твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, ибо вижу — затея это и старая, и не необычная, коль скоро все новые писатели верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти неискусную древность в умении писать. Но как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постарался увековечить подвиги первенствующего на земле народа и, если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешеньем мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных — ведь надо углубиться в минувшее более, чем на семьсот лет, ведь государство, начав с самого малого, так распрослось, что страдает уже от своей громадности; к тому

же рассказ о первоначальных и близких к ним временам, не сомневаюсь, доставит немного удовольствия большинству читателей — они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа уже могущественного истребляли сами себя; я же, напротив, и в том буду искать награды за свой труд, что, хоть на время — пока всеми мыслями устремлюсь туда, к старине, — отвлекусь от зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение, и освобожусь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. Рассказы о событиях, предшествующих основанию Города и еще более ранних, приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности прощительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. Но подобным рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамлении величественного целого; здесь и для себя, и для государ-

ства ты найдешь чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы». (Ливий Т. «История Рима от основания города». М., 1989, с. 9).

Ливий полностью следует древнеримским традициям. Благодаря ему оживают легенды о римских царях и героях Римской республики, образы Камилла, Цинцинната, Мения Агриппы и многих других. Не имеет смысла упрекать Ливия в том, что он не занимался критикой исторических источников, как это делается сейчас, не старался любой ценой быть оригинальным, что ему не хватало политического опыта, и он не разбирался в военных вопросах и, наконец, что недостаточно проблематизировал свой материал. Эти аспекты у Ливия отсутствуют. Для него основными были традиционные этические и моральные принципы подхода к истории и, прежде всего, осознание тождественности религии и политики. Прошлое Рима для Ливия было достойно подражания, в первую очередь, за свою религию. Она была основополагающей, как для характера и добродетели каждого отдельного человека, так и для норм права и политики всего римского народа.

С большой силой убеждения Ливий противопоставлял просветленное, гармоничное прошлое настоящему, которое характеризуется терзаниями, развитием крайнего насилия, роскошью и алчностью, падением нравов и произволом, пренебрежением к старой религии. Ливий испытывал чувство глубокого разочарования, когда начал писать 142 книги своей истории «От основания Рима», охватывавших период с IX века до н. э.

Бесполезно рассуждать о содержании и достоинствах утерянных исторических книг Ливия. Совершенно очевидно, что его произведение было созвучно усилиям Августа, но удивительно, что он не рисует в безнадежно мрачных тонах настоящее и будущее. Когда он подчеркивает большое значение *согласия* граждан, прославляет власть,

благоразумие и самоограничение, идеализирует *обычаи предков*, напоминает о значении традиционной религии, он действует в интересах новой системы. Не в меньшей степени это относится к той непрерывности и целостности римской истории, которая, по мнению Ливия, полностью соответствует формуле «*возрожденная республика*».

Конец гражданских войн и новая систематизация римского господства при Августе способствовали возникновению целого ряда произведений различного литературного жанра, которые описывают более ранние события или подводят итоги, руководствуясь современными им знаниями. Значительным добавлением к книгам Ливия служит исторический труд Помпея Трога, который происходил из знатной галльской семьи. Он написал 44 книги, в настоящее время утерянные, но их содержание пересказывается у Юстина (III в. н. э.) в «*Истории Филипп*», важнейшем дополнении к Ливию, потому что он внешнюю историю Рима понимает во всемирно-исторической концепции, структурно воспринимает как следствие развития мировых империй, воплотившихся в Римской империи августовской эпохи.

При ретроспективном взгляде на целый ряд классических латинских авторов кажется, что они являлись идеальными «подготовителями» августовского принципата. Самыми известными подобными связи были у Цицерона. У него встречаются некоторые формулировки и оценки, которые позже оказались свойственными августовской идеологии. При этом не нужно забывать, что цicerоновский *принцепс* выполняет узко ограниченные функции в рамках законной традиционной *Республики*, и что сам Цицерон глубоко ошибался по поводу истинных намерений Октавиана.

Как широки были реставрационные тенденции в области морали, философии и религии, на которых строилась духовная ориентация, законодательство о нравах и регио-

нальная политика Августа, мы узнаем из энциклопедического, к сожалению, сохранившегося только в отрывках и мало известного сегодня произведения Марка Теренция Варрона (116—27 гг. до н. э.). Его состоящий из 41 книги труд *«Древние сказания о делах человеческих и божественных»* посвящен Цезарю. Варрон подробно рассказывает о частных, государственных и религиозных древностях Рима. Вплоть до Августина эта книга оставалась арсеналом античных знаний, которые были оценены по стоическим критериям. Августовские поэты, особенно Овидий, почерпнули большую часть сведений у Варрона. Гораздо скромнее вклад появившихся в 37 г. до н. э. трех книг *«О сельском хозяйстве»* — специальное сельскохозяйственное произведение в форме диалогов. От других языковедческих и литературоведческих книг Варрона, от его сатир, исторических диалогов остались только фрагменты, остальные произведения известны только по названиям.

Судьбу, подобную историческим трудам Помпея Троги, имело также большое философско-антикварное собрание сочинений вольноотпущенника Марка Веррия Флакка о значении слов. Это был составленный по алфавиту толковый словарь, который давал не только точное описание значений слов, но и разъяснял архаические значения многих старых римских обычаев и нравов. Авторитет создателя *«О значении слов»* был так велик, что Август назначил его воспитателем своих приемных сыновей, Гая и Луция Цезарей.

Инвентаризация и научная систематизация, — кроме глубоко конкретных практических военных и политических целей, — были задачами, которые поставил себе Марк Антонин при разработке большой карты мира с важными пояснениями. Эта карта содержала большое количество сведений о расстояниях и прочих данных, позже использованных в географических трудах. Большое значение,

прежде всего в Средневековье и в эпоху Ренессанса, приобрели те 10 книг «*Об архитектуре*», которые Витрувий посвятил Августу. В них великий практик собрал все знания своего времени о планировке городов, об архитектуре, возведении общественных и частных зданий в различных местностях, о водопроводах, часах и изготовлении станков.

Подобные тенденции к систематизации просматриваются также в некоторых греческих произведениях той эпохи. Для греков времен Полибия (род. около 200 г. до н. э.) было неоспоримо всемирно-историческое значение Рима. Именно благодаря Полибию восхождение Рима к мировому господству отождествлялось с формированием единого исторического процесса всей *Ойкумены*. Однако при всем восхищении римской конституцией и римским могуществом у него, как и позже у греческого философа-стоика Посидония из Апамен (135—51 гг. до н. э.), который продолжил его труд, встречаются критические замечания по поводу римского «падения нравов», и эта концепция полностью соответствовала взглядам римских политиков.

Насущным потребностям в систематизации старых изолированных исторических сведений соответствовала во времена Цезаря деятельность Диодора из сицилийского Агириона. Его «Историческая библиотека» охватывает древние предания и являет собой сплав греческой, сицилийской и римской истории. Правда, в совокупности это произведение с научной точки зрения не совсем соответствует взыскательным критериям: многие обвиняли его в некритической компиляции.

Издавна выдающиеся греческие авторы окружали римских полководцев, сопровождали их в походах, давали советы и прославляли их деяния, например, Посидоний и Феофан Митиленский, воспевшие подвиги Помпея. Поэтому греческие литераторы были вовлечены в гражданс-

ние войны и попали в щекотливое положение, когда Октавиан для борьбы с Антонием призвал на помощь италийские традиции. Только после победы над Антонием и Клеопатрой стала преобладать интеграционная политика для всего греческого. Вскоре после этого в Риме поселились Дионисий Галикарнасский, Страбон, Тимаген, Кривогор и многие другие знаменитые греческие писатели, которые, хотя и родились на родине, но часто создавали произведения, приносящие дополнительный блеск культуре новой политической системы.

При этом показательно, что классические формы греческой литературы — эпос, трагедия, комедия — больше не появлялись. В августовскую эпоху вместо них на греческом языке появились исторические, географические произведения, поэзия малых форм, которую можно причислить к придворной поэзии. Сомнительно, изучали ли представители знатных римских семей 20 книг «Римской археологии» греческого ратора Дионисия Галикарнасского, как надеялся их автор. Скорее это эффектное по стилю произведение соответствовало потребностям грекоязычных жителей, черпавших в нем сведения о мало известных им римских традициях перед I Пунической войной.

Описанные выше характерные черты были свойственны и для утерянных произведений ратора, историка и этнографа Тимагена Александрийского, а также для монументальной географии Страбона (род. в 64—63 г. до н. э.). Как и у Полибия, эта география была предназначена для практических потребностей правящего слоя (не случайно, что Страбон был тесно связан с Элием Галлом, вторым префектом Египта, и сопровождал его в походах). Та же тенденция просматривается в мировой истории в 144 книгах, которую написал советник и дипломат царя Ирода Николай Дамасский, человек, пользовавшийся особой сим-

патией Августа и написавший его биографию, которая опиралась на факты из автобиографии самого Августа.

Было бы ошибкой считать греческих авторов августовской эпохи только приспособившимися усердными посредниками августовской культурной политики. Ритор Тимаген, например, дошел почти до разрыва с Августом и примкнул к клиентеле независимого Азиния Поллиона; другие авторы были вовлечены в конфликты *дома принцепса*, когда Тиберий, Гай Цезарь, а позже Германик находились на Востоке. Однако гораздо важнее подобных отношений является тот факт, что греческие авторы принимали реальность укрепившейся империи. Этим самым они вступали на тот путь, который во II в. н. э. привел Диона из Прузы, Элия Аристида, и прежде всего Плутарха, к историческому синтезу греческой и латинской культур.

Труды греческих авторов августовской эпохи были столь значительными, что их воздействие не уступало воздействию латинских поэтов и прозаиков. Эти произведения, независимо от времени их написания и больших отличий между самими авторами, вкуче с сохранившимися памятниками августовской литературы и искусства создавали представление о внутренней целостности этой эпохи и о классичности ее произведений высокого художественного уровня. С другой стороны, они стали центральным фактором европейской духовной истории, как это доказывает даже беглый взгляд на ее культурные ценности. «Ангельски чистый Вергилий», как называл его Гете, соответствовал не только христианским оценкам, как и Августин. Для Данте он был примером для подражания и постоянным спутником. Европейский эпос Ариосто, Тассо, Мильтона и Клопштока не мыслим без Вергилия. Поэтические новолатинские произведения не лишены его влияния равным образом, как и поэзия Ронсара и Гесснера.

Шиллер перевел главу о Дидоне из «Энеиды». Как сам Вергилий долго находился под влиянием Гомера, так и он нашел в XX в. своих почитателей в лице Т. Геккера, Р. А. Шредера, Т. Манна, Т. С. Эллиота, Р. Борхадта и Г. Броха.

Такое же воздействие оказал и Гораций, который быстро превратился в автора, изучаемого в школах. Его влияние было велико еще в каролингскую эпоху, его изречения записывались. Оды Горация являются истоком лирики гуманистов, для французской классики он стал как стилистическим, так и нравственным идеалом. Немецкая классика тоже высоко оценила его творчество. Произведения Горация переводили Виланд и Клопшток, а Гердер их интерпретировал. Даже Ницше и Брехт находилась под влиянием Горация.

Тибулл долго находился в забвении, пока его снова не открыли гуманисты. Он тоже нашел своих почитателей: Руссо, поэты Геттингенской группы: Мерики, Леопарди и Кирдуччи. Такая же судьба постигла и стихи Проперция, которые вернул из забвения только Петрарка. Его произведения очаровали Гете и Эзру Поунда. А вот Овидий всегда оставался известным. Его произведения обнаружены во многих монастырях. Сублимированная рождественская служба навеяна *«Искусством любви»*, а большой гимн честь церковного года следует примеру *«Фаст»*. Любовная лирика Овидия вдохновляла миннезингеров, трубадунов и поэтов барокко. XX в. снова открыл его в качестве примера поэта в изгнании.

В прозе с августовскими поэтами может конкурировать только Ливий. Его произведения быстро распространились в различных изданиях. В средние века он был мало популярен, но в эпоху гуманизма снова достиг канонического уровня. Этому способствовал Макиавелли, который в своих *«Рассуждениях о первой декаде Ливия»* обра-

щается к нему, а также Данте, назвавший его тем, «кто никогда не ошибается». В Европе веками представления об истории Римской республики соответствуют историческому полотну Ливия. Однако с развитием «критики источников», начиная с Нибура, установилось некоторое дистанцированное отношение, которое не могли преодолеть ни Штифтер, ни старания современных исследователей Ливия.

В I в. до н. э. значительно возросли политические функции римского искусства. Реалистические бюсты римских аристократов демонстрировали семейные традиции и утверждали представителей древних родов в их общественном ранге. Большие дома римских ведущих политиков поражали воображение общественности своей воистину величественной архитектурой, а изображения и надписи на монетах служили инструментом политической пропаганды. Подобно латинскому языку, который в том веке достиг своего совершенства, вводя при этом новые элементы политической фразеологии, возросло и политическое содержание римского искусства. При этом нельзя не учитывать, что здания и памятники Рима производили впечатление на гораздо больший круг людей, чем безупречные литературные произведения.

Однако было бы несправедливо измерять исключительно в политических масштабах все произведения искусства, в каждом искать идеологическую подоплеку, все постройки августовской эпохи считать только результатом августовской «строительной политики» или влияния политической ситуации. Нужно сознавать, что многие виды искусства, например, настенная живопись, ваяние, бытовые постройки, на которые не действовал или действовал частично знаменитый «дух эпохи», носили черты местных традиций, не говоря уж о самобытности различных жанровых стилей.

Упор на этот факт важен потому, что дальше не будет речи ни о систематической антикварной инвентаризации августовского искусства, ни об оценке важнейших шедевров. В первую очередь следует показать взаимосвязь между искусством, политикой и идеологией августовской эпохи

Рис. 6. Август. Бюст. Рим

на таких примерах, где очевидно личное влияние Августа или по крайней мере вероятно. Это влияние вне всяких сомнений прослеживается, с одной стороны, в удивительной стилизации изображений Августа, а с другой — в концепции и смысловом содержании основных августовских построек и, наконец, в типологии и оформлении монет.

До сегодняшнего дня сохранилось около 250 изображений Августа, своеобразный рекорд количества изображений *принцепса*. Но многочисленные, в большинстве своем мраморные, изображения не отражают процесса изменений оригинала. По новым археологическим данным (П. Цанкер), они сводятся к нескольким основным типам: самые ранние изображения Октавиана до 30 г. до н. э., которые совмещают в себе элементы изображений греческих правителей и индивидуальные черты молодого Октавиана. Появившийся около 27 г. до н. э. «тип головы» присутствует почти на двух третях сохранившихся портретов Августа. На них по всем канонам классического греческого искусства в идеализированной форме отражены величие и достоинство в соответствии с эстетикой Поликлета, но при сохранении характерных черт оригинала. Известная статуя Августа в панцире из Примапорты является самым известным примером этого типа портрета. Наконец, существует так называемый побочный тип, как на бюсте с венком из дубовых листьев в Капитолийском музее. На нем сильнее проступают индивидуальные черты.

Безжалостный веризм, который отличал римские портреты во времена Цезаря, сознательно отвергнут, портрет *принцепса* сильно стилизован. Изображения молодого человека уже носят черты ранней зрелости, серьезности и честолюбия, которые предвосхитили изображения более позднего Августа. Несмотря на эту тенденцию, отсутствует монотонность автоматических копий: статуя в Примапор-

те изображает сугубо невоенного человека волевым полководцем, победоносным, уверенным в себе императором, другая же статуя, изображающая Августа во время жертвоприношений, являет собой достойный почитания образ римского благочестия.

Бюсты и статуи представителей *дома принцепса* уже при Августе получили широкое распространение по всей империи. Впечатляющее скульптурное отображение *обычаев и деяний предков* особенно ярко представлено в мраморной статуе в полный рост неизвестного римского аристократа вместе со своими предками. Эта статуя сейчас находится во дворце Консерватории. Она тоже принадлежит к августовской эпохе.

Более полувековое политическое влияние Августа и огромные средства, доставшиеся ему после аннексии Египта, позволили ему стать одним из величайших строителей истории. Не случайно, что именно этой деятельности он отводит большое место в своей автобиографии, многочисленные упоминания о больших зданиях, реставрациях и улучшениях говорят сами за себя. Много раз Август подчеркивает, что он обновил или достроил старые монументальные здания, не называя их своим именем. Несмотря на большой личный вклад, Август хотел казаться скромным, сдержанным, отвергающим всякие почести *принцепсом*.

Сначала даже здесь Октавиан принял эстафету от Цезаря, прежде всего закончил начатое Цезарем строительство *курии Юлия* и торжественно открыл ее в 29 г. до н. э. вместе с храмом Божественного Юлия. Параллельно он построил на Палатине (мы упоминаем только крупные постройки) храмы Аполлона, Дианы и Благочестия. Комплекс на Палатине, кроме храмов, включает колоннады, греческую и латинскую библиотеку, а также жилой дом самого Августа с удивительно хорошо сохра-

нившейся настенной росписью, которая только в последние десятилетия была освобождена от позднейших наслоений. Демонстративное отождествление Октавиана с Аполлоном не было совпадением. После Акция Аполлон стал богом победы, молодости и успеха, а также мудрости и мира, новым личным божеством Августа, которое теперь рассматривалось, как идея старого, а ныне политизированного бога.

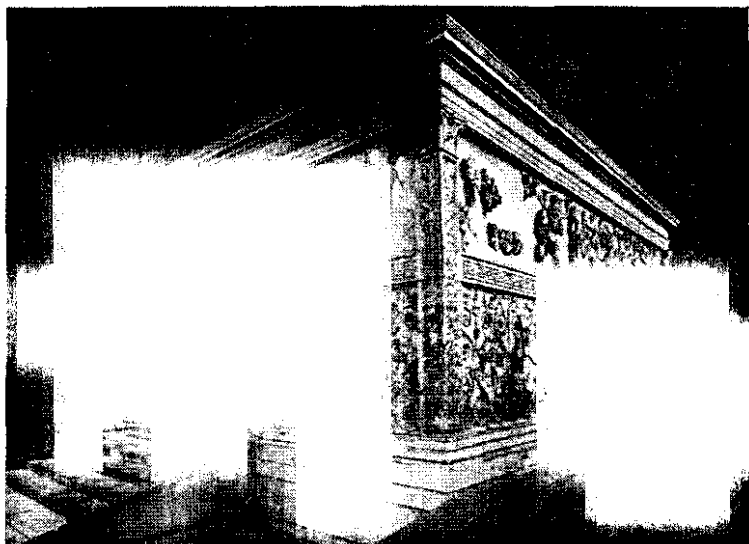

Рис. 7. Алтарь Мира Августа. Рим

Когда строительство на Палатине было закончено, Август воздвиг в северной части Марсова Поля другое величественное здание, кроме всего прочего имевшее и политическое значение. После длительной пропаганды, дискредитировавшей Антония и Клеопатру, как представителей восточных традиций и норм, постройка монументального мавзолея стала символом тесной связи дома Юлиев с самим Римом. Давно разграбленный, разрушенный мо-

мент, имеющий когда-то на нескольких этажах склепы для Августа, его семьи, а также для Марцелла и Агриппы, и в котором хоронили всех римских *принцепсов* вплоть до Нервы, производит глубочайшее впечатление, такое же, как и раньше производил на современников. Позже у его входа и на опорах высекли «*Деяния Божественного Августа*», фундаментальное повествование о достижениях первого *принцепса*. Могильный холм высотой около 45 метров и диаметром в 87 метров превосходит по размерам надгробные памятники римских аристократов. Глубокая символика, заложенная в нем, стала очевидной совсем недавно, когда была обнаружена долго не обращавшая на себя внимание связь мавзолея с двумя другими важными сооружениями той эпохи — с *алтарем Мира* и *солярием Августа*.

Точная хронология многих августовских построек или начала или окончательно не выяснена. Но дата *алтаря Августа* известна точно. Римский сенат постановил на-

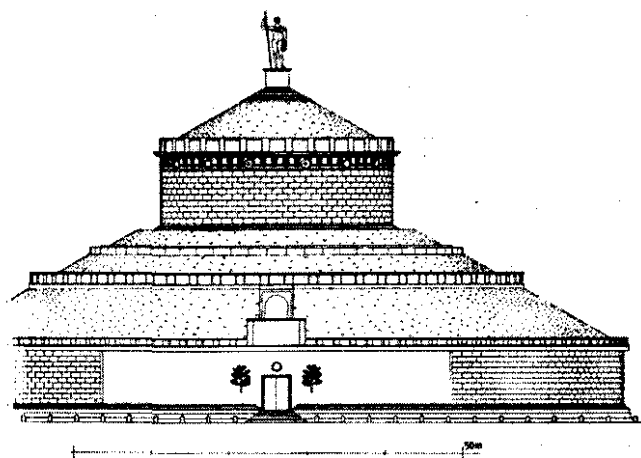

Рис. 8. Мавзолей Августа. Рим. Реконструкция

чать строительство 4 июля 13 г. до н. э. после возвращения Августа из Испании и Галлии, а 30 января 9 г. до н. э., в день рождения Ливии он был торжественно открыт. По сравнению с большими алтарями эллинистической эпохи, такими, как Пергамонский алтарь размером 36 × 34 м, размеры римского алтаря Мира выглядят очень скромно. Его окружность составляет 11 × 10 м, само строение покоится на подиуме высотой 1,30 м. С исторической точки зрения его архитектурные особенности значат гораздо меньше, чем тематика изречений украшавшего его барельефа.

Внешние стены алтаря Мира украшены искусно расположенными орнаментами из выющихся растений, классической меандрической полосой, а также процессией из двух групп. К этой процессии мы еще вернемся. В отличие от смыкающихся колонн длинных стен, поля рядом с двумя дверями сооружения украшены отдельными рельефными композициями, которые расположены как бы изолированно, но вместе дополняют друг друга: на фронтальной части изображено жертвоприношение Энея в Лавинии, а также близнецы Ромул и Рем, то есть центральные элементы римских мифов и традиций, на задней стороне находится символическое изображение Рима, покоящееся на оружии, и украшенная всеми атрибутами мира и благополучия Италия.

Из всех декоративных элементов алтаря мира Августа зрителя больше всего поражает процессия жертвоприношений. Она понуждает его делать попытки идентификации изображенных людей, а также впечатляет целостностью и реалистичностью этой композиции. Изображение процессии *принцепса* и его родственников, всего *дома принцепса*, магистратов, жрецов и исполнителей жертвоприношения не нужно воспринимать, как отражение конкретного исторического события. Вне всякого сомнения это

выражение широко распространенной династической пропаганды в пользу *дома принцепса*, а также выражение того *благочестия* Августа, которому был обязан *алтарь Мира*. Характерно, что из всех изображенных людей с полной определенностью можно узнать только Августа.

Рис. 9. Италия. Рельеф Алтаря Мира

Подобно стилизации изображений Августа, для художественного оформления этого сооружения характерна связь и взаимопроникновение римско-италийских и греческих форм и традиций. Совершенно очевидно, что процессия *алтаря Мира* является подражанием панафинской процессии Парфенона, а общее архитектурное решение «цитирует» афинский алтарь двенадцати богам. Специфическим для августовского монумента является также объединение исторических реалий с элементами мифов и абстракций, обращает на себя внимание взаимопроникновение, как в малом, так и в большом, структурных и декоративных элементов. Мы видим здесь общее явление августовского искусства, которое барельефы и вьющиеся растения алтаря Мира характеризуют не меньше, чем сцены на драгоценных серебряных сосудах той эпохи.

Связь исторической реальности и идеальной программы, которую демонстрирует эта жемчужина августовской идеологии мира, современники почувствовали и в другом отношении. Когда строительство закончилось, была «усмирена» Испания, позор поражения Лоллия в 16 г. до н. э. был смыт, Альпы перешли под контроль римлян, внутри Империи и в самом Риме 10 лет спустя после тяжелого кризиса 23 года до н. э. наконец воцарилась, по всей видимости, длительная стабилизация. Как и полтора десятилетия тому назад, римские граждане и сенат имели все основания торжественно приветствовать *алтарь Мира Августа*. Однако когда он был закончен и художники работали над его аллегорическим барельефом, изображающим идею мира, в Германии развернулись крупные наступательные операции. Катастрофы и испытания для всей августовской системы и для ее идеологии, которые повлекли за собой события в Германии, не были предусмотрены при торжественном открытии *алтаря Мира*.

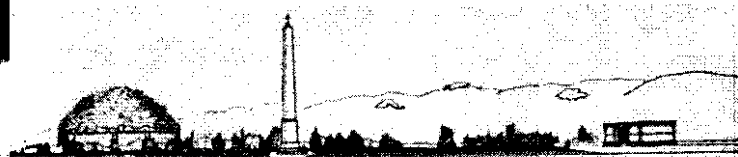

Рис. 10. Мавзолейный обелиск Алтаря Мира.
Реконструкция

Примерно в 90 метрах от *алтаря Мира Августа* был воздвигнут 30-метровый обелиск, который во время строительства алтаря доставили из Египта в Рим ценой невероятных усилий. Он олицетворял аннексию Египта в 30 г. до н. э., но, неся на себе шар, служил одновременно отбрасывателем тени для огромных солнечных часов и календаря, линии которых имели длину около 400 м. По оценке его исследователя Е. Бухнера, это были самые большие часы и самый большой календарь всех времен. Новые археологические исследования показали, что сооружения *солярия*, часов и *алтаря Мира* было приурочено к дню зачатия и рождения Августа: «Какая символика! В день рождения императора ... тень с утра до вечера движется вдоль прямой, как стрела приблизительно в 150 м, линии равноденствия прямо до середины *алтаря Мира*; это как бы проводит прямую линию от рождения этого человека к *миру* и демонстрирует, что он рожден для мира. Тут тень отбрасывает шар, и он является как бы небесным и земным шаром, символом власти над миром, который теперь покорен. Шар установлен на обелиске, памятнике победы над Египтом (и Марком Антонием). На линии вращения Козерога, линии зачатия императора, начинает всходить солнце. Таким образом, с Августа — и это зримо демонстрирует *солярий* и *алтарь Мира* — начинается новый день и новый год: новая эра, а именно эра мира со всеми его достижениями — изобилием, богат-

ством и счастьем. Это сооружение является своего рода гороскопом нового повелителя, огромным своим размером указывающим на космическую связь» (Бухнер Е. «Солнечные часы Августа». Майнц, 1982).

Третий комплекс, форум Августа, подобно сооружениям на Палатине, *алтарю Мира*, мавзолею и *солярию* Августа, подтверждает политическую функцию августовского искусства. Тридцатиметровая пожарная стена защищала густонаселенный квартал Субура от частых пожаров. Она окружает площадь в 90 × 125 м, на которой находится пятнадцатиметровый храм Марса—Мстителя, по его бокам расположены колонные залы около 100 метров в длину и 13 м в ширину. В этих колонных залах помещена целая галерея статуй, на одной стороне выдающихся представителей дома Юлиев от Энея до Цезаря, а на другой — великих людей Рима от Ромула до конца Республики.

В отличие от *Римского Форума*, большого общественного центра римских граждан, форум Августа имеет единую концепцию и задуман, как монументальное, репрезентативное обрамление официальных зданий римского государства. Здесь сенат решал вопросы войны и мира, здесь встречали иноземных государей, здесь приносили жертвы римские чиновники перед отъездом в свои провинции, здесь вносились в военные списки достигшие совершеннолетия представители древних римских семей. Но реставрация и связь римской и юлиевской традиций последовательно и систематически сводилась к самому Августу. От Энея и Ромула, Венеры и Марса, Фортуны и Ромы, и от многих других статуй и изображений, украшающих храм и портики, соединительные линии ведут к Августу, который на законченном во 2 г. до н. э. форуме был изображен, как триумфатор, на квадриге, и к тому же был достоин высокого звания *отца отечества*.

В области архитектуры и скульптуры Август начал с

выполнения традиционных обязанностей, актов демонстративного благочестия и с многочисленных реставрационных работ, которые служили ему для легитимизации собственной власти. Восстановление храмов и святынь, расширение и обновление общественных зданий, систематическое оживление традиций, обычаев и достижений предков служило интересам укрепления новой политической системы. Чем сильнее она укреплялась, тем больше проявлялись элементы специфически августовской программы.

При этом типично, что стилизация и аллегория, с одной стороны, и систематизация установления взаимосвя-

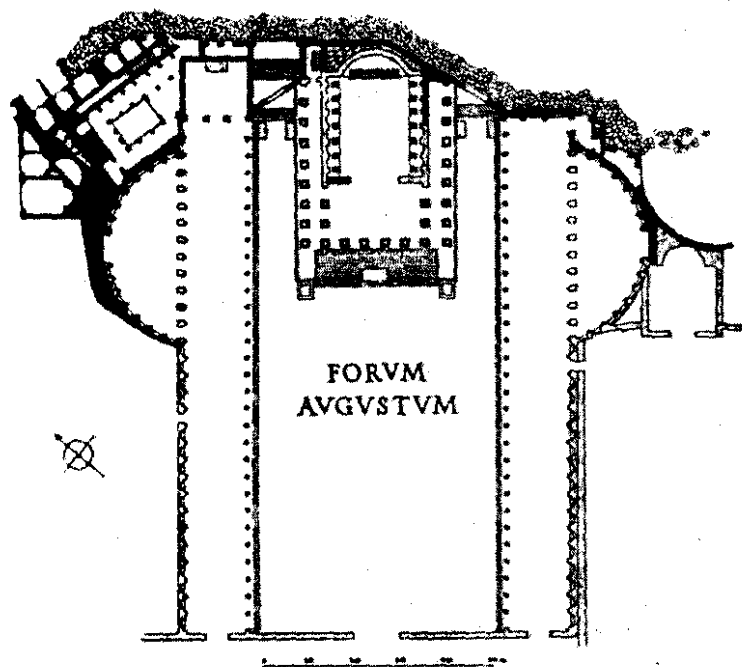

Рис. 11. Форум Августа. Рим. Горизонтальная проекция

зей с другой, приобретали все большее значение. Сознательно стилизовался не только портрет *принцепса*, но и сообщения об исторических и военных достижениях, например, чрезвычайно незначительный компромисс с парфянами в 20 г. до н. э. был торжественно отмечен, как триумф. Причем Август в оригинальной манере выставлял на всеобщее обозрение свои достижения еще и тем, что рядом с ним размещались *фасты* — перечень всех римских консулов и триумфаторов от самого начала до Августа.

Характерной также представляется тенденция к объединению искусства и политики. Отождествление Октавиана сначала с Цезарем, а потом с Аполлоном, связь некоторых умерших с домом Юлиев в его мавзолее, включение *принцепса* в государственные жертвоприношения на *алтаре Мира*, его связь с часом, днем и временем в солярии, наконец, его включение в исторический процесс на памятниках форума Августа, а также в *фастах* — все это свидетельствует о сознательном стремлении к созданию когерентности общих процессов, которые были неразрывно связаны с Августом. Речь шла не об отдельном памятнике, не об отдельном символе или аллегории, а обо всей *совокупности* этих явлений.

Конечно, строительная деятельность Августа не исчерпывалась сооружениями, имеющими определенные политические, репрезентативные и идеологические целевые установки. Сам Август и другие ведущие представители системы, прежде всего М. Агриппа, многие годы проявляли активную деятельность в области бытового и инженерного строительства. Были сооружены амфитеатр Статилия Тавра, театр Марцелла на 13 500 мест, театр Бальба или *морское сражение Августа*. Все эти комплексы значительно повышали уровень жизни населения столицы, по крайней мере, в римском понимании. Политика Авгу-

ста предусматривала постоянное массированное влияние на общественное мнение, а также удовлетворение элементарных материальных интересов. Одна идеология не могла гарантировать успех.

Августовская чеканка монет поражает разнообразием видов и размерами отдельных эмиссий, которые, как современные стандартные серии, имели различные изображения и часто в огромных количествах доходили до дислоцированных на границах империи войск. Никогда раньше римские монеты не выпускались в таком разнообразии и количестве, как при Августе, поэтому нет ничего удивительного, что к автобиографии Августа приложен пумизматический комментарий. В фиксации титулов и в выборе изображений и надписей на реверсе монет не менее отчетливо, чем в стилизации и помпезности портретов Августа, проявляется официальное самовыражение его власти.

Монеты прославляют триумфы и достижения в аллегорической форме. Победы над участниками гражданской войны крайне стилизованы: изображение Виктории, которая в венке и с пальмовой ветвью возвышается над носом корабля, символизирует победу при Акции, крокодил с надписью «*побежденный Египет*» олицетворяет победу над Антонием и Клеопатрой. Встречаются также и пропагандистские стилизации, прежде всего возвращение парфянами штандартов в 20 г. до н. э., которое было выбито на многочисленных монетах и с различными вариантами надписей и изображений.

Большое место на августовских монетах занимают также изображения репрезентативных зданий, храмов, триумфальных арок и квадриг. Памятники императорской архитектуры воздействовали не только прямо, как отдельные постройки, но и опосредованно благодаря их изображениям на монетах. Алтарь РOME и Августу в Лугдунае

(Лион), украшавший реверс медной серии монет, с их помощью был знаком каждому жителю римского Запада.

Изображения и надписи на августовских монетах распространяли основные лозунги и идеологемы новой власти. Изображение Мира с *кадуцеем*, жезлом Меркурия, на серебряной монете 29 г. до н. э. олицетворяло для всех счастье и благосостояние и стилизовало Августа, как гаранта свободы римского народа. Короче говоря, едва ли можно переоценить значение монет для распространения августовской идеологии. Постоянное повторение стилизованных и помпезных портретов *принцепса* она использовала для создания у потомков устойчивого впечатления о целостности и вечности новой политической системы.

Религиозное развитие

Религиозное развитие *Римской империи* при Августе можно понять только, если учитывать особенности римской религии и возрождение этой религии в эпоху гражданских войн. Но с другой стороны, нужно учитывать и личное отношение Августа к религии, его интерес к религиозным традициям и их сознательную реставрацию для пользы его новой политической системе. Даже новые формы так называемого культа императора, которые со времени Августа начали распространяться по всей территории римской сферы влияния, нельзя понять без учета их предпосылок.

Всеми признано, что римская религия при своем возникновении была специфической формой земледельческой религии, которая скоро превратилась в общую религию государства. В строго установленных ритуалах она признавала и почитала те силы, которые могли оказать влияние на жизнь земледельца. Отношения с этими силами, а потом с богами, глубоко укоренились и повсеместно соблюдались. Молитвами и жертвоприношениями устанавливалось согласие с богами, которые выражали свою волю и предупреждение определенными знамениями. Точное следование воле богов имело по римским понятиям жизненное значение не только для одного человека, но и для всего государства.

Первоначально для римской религии было характер-

но, что в ней не каждый отдельный человек искал контакта с богами, а этот контакт устанавливался для всей семьи *отцом семейства*, а для *государства* — жрецами и весталками. Поэтому даже возросшие религиозные функции были привилегией правящего слоя, сначала патрициев, а позже нобилитета. Принадлежность к древнему жречеству значительно усиливала авторитет представителей аристократии. Но это не мешало тому, что в Риме, во всяком случае при его возникновении еще со времен Энея, существовала религиозная критика, и именно *правлящий* слой выработал значительную часть философских течений, таких, как скептицизм, рационализм или материализм Эпикура и Лукреция.

Явное противоречие между рационалистическими философскими убеждениями и сознательным насаждением религиозных традиций и культовых действий из политических соображений особенно ярко проявлялось у Цезаря. Для него событием первостепенной важности было его избрание в 63 г. до н. э. *верховным жрецом*. Цезарь даже не остановился перед тем, чтобы возвести свое происхождение от Энея и даже Венеры, раз это было необходимо для поднятия престижа его рода, *рода Юлиев*, и для обоснования его особого положения в обществе.

Политика и религия в Риме были всегда тесно связаны друг с другом. При этом римская религия по своей политеистической структуре долгое время не допускала чужих культов и форм почитания, но была абсолютно толерантна. От латинов, этрусков, греков из Малой Азии и Сирии Рим заимствовал новых богов, а со 2 г. до н. э. даже восточные культы с вакхическими формами выражения, которые больше прельщали широкие круги населения, чем традиционные римские культы. Соприкосновение с эллинистическим миром принесло Риму контакты с эллинистическим культом владык и с возданием божественных почестей римским политикам, особенно на-

местникам, которые проявили себя заступниками греческих интересов. В римско-италийском регионе эти обычаи сначала не укоренились. Попытка Цезаря шире распространить почести своей собственной персоне привели, наоборот, к его краху. Его официальное причисление к богам, его освящение в 42 г. до н. э. и введение культа *божественного Юлия* превзошли все границы.

Едва ли можно переоценить воздействие на религиозное сознание десятков тысяч римских семей горя, глубоких потрясений, материальных потерь, которые повлекло за собой десятилетие гражданских войн. Глубокая депрессия и смутное сознание вины охватили широкие круги населения, преобладало убеждение, что ты больше не живешь в любимой богами стране, приходили мысли эмигрировать. Первопричина всех бед и несчастий того времени виделась в пренебрежении богами и религиозными обязанностями. Эта мысль звучит у Ливия и Горация.

Крайне пессимистическая ода 3, 6 Горация, написанная в 29 г. до н. э., отражает эти настроения и убеждения:

О, Римлянин, ты будешь платить за грехи отцов,
Пока не будет восстановлен храм богам,
Пока разрушающиеся святыни
Со своими статуями не возродятся из пепла.
Твоим будет царство, если ты склонишься перед богами!
Горе и стенания принесло
Стране Гесперид пренебрежение богами.

Понятно, что это чувство отчаяния и вины после окончания гражданских войн уступило место пафосу благоприности, надежды и счастья, когда Октавиан, казалось, вырвал корень всех зол. Позже в своей автобиографии он написал: «Я по разрешению сената восстановил в городе Rome восемьдесят два храма богам, когда я в шестой раз был консулом (28 г. до н. э.), и не пропустил ни одного, который должен был быть восстановлен».

Нельзя удивляться тому, что Август таким способом оправдал ожидания общественного мнения. Это было тесное соединение религии и политики, положившее начало процессу его восхождения к власти. Еще при Цезаре Октавиан был принят в авторитетную коллегия *жрецов*; во время гражданской войны и после он последовательно избирался в большие древние жреческие коллегии и наконец получил столько жреческих должностей, сколько до сих пор не получал ни один римлянин. Кульминационным пунктом и актом лояльности и благодарного доверия всей Италии было избрание Августа в 12 г. до н. э. *верховным жрецом*. Демонстративное уважение Августа к религии доказывает тот факт, что он оставил за своим прежним врагом Лепидом до самой его смерти эту должность. Потом Август мог сказать о себе: «Я был *верховным жрецом*, авгуром, членом коллегии 25 по жертвоприношениям, членом коллегии 7 по устройству религиозных пиршеств, *арвальным братом*, членом жреческой коллегии *титиев*, *фециалом*» («*Res gestae divi Augusti*»).

Для религиозного обоснования принципата 12 г. до н. э. был эпохальным. Тогда часть дома Августа на Палатине отвели для сакральных целей, там был воздвигнут алтарь и святилище Весты, культ которой взяла на себя Ливия. Таким образом, жилище *принцепса* и его семьи было связано с религиозными функциями. К тому же к этому времени в Риме и в Италии усилилось культовое почитание Августа.

Соединение политических актов с демонстрацией всех атрибутов культа началось еще при организации Августом грандиозных игр в честь побед Цезаря в 44 г. до н. э. Объявление войны Клеопатре, которое он, как *фециал*, 12 лет спустя сделал при соблюдении архаического ритуала, многократное закрытие храма Януса и, наконец, секулярные игры 17 г. до н. э. являются демонстрацией того сти-

ния, которому Август остался верен до конца жизни. Август не был полностью свободен в своих действиях. Октавиан сначала был связан прибавлением к своему имени титула «сын Божественного» и признанием его Божественным Юлием, что непосредственно вело к Марсу-Мстителю. Смуты гражданских войн вынудили его проводить ярко выраженную традиционную линию, с которой было связано усиленное почитание Аполлона, что исключало почитание восточных богов в римско-италийском регионе. Описание Вергилием морского сражения при Акции является примером такого противостояния. Если Веста, Фортуна и такие абстракции, как *Мир* и *Согласие*, особенно почитались Августом, то это было так же естественно, как и тесная связь специфической августовской идеологии победы с Венерой-Победительницей Цезаря и дома Юлиев.

Даже в области религии для Августа характерна диалектика между достижениями и возданием почестей. При этом к его почитанию насильственно не принуждали ни отдельные люди, ни корпорации, ни города и провинции. Нельзя обойти вниманием тот факт, что после окончания гражданских войн, особенно на многострадальном греческом Востоке, появилась готовность почитать, как богов, тех политиков, которые прекратили хаос и обеспечили безопасность существования. В первой эклоге Вергилий вложил в уста Титира следующие слова:

О, Молибей, нам бог спокойствие это доставил —
Ибо он (Октавиан) бог для меня, и навек, — алтарь его
Кровью будет поить ягненок из наших овчарен.

(«Буколики». М., 1971.
Пер. С. Шервинского)

Как в Риме, так и в Италии и западных провинциях

горожане, семьи, профессиональные объединения и органы городской администрации оказывали Августу религиозные почести. Благодарность и приверженность Августу и его дому была неотделима от выражения политической лояльности в религиозной форме. При этом Август проявлял показную сдержанность: он был связан традиционными формами религиозного почитания и не осмелился на революционный шаг. Он умел прежде всего уважать региональные особенности и одновременно привлекать к себе различные социальные слои.

В Риме Август лично принимал участие в многочисленных культовых поклонениях изображениям Цезаря, но сам дистанцировался от такого обожествления. Он намеренно не участвовал в посвященных Цезарю культовых поклонениях *Юпитеру-Юлию* в 44 г. до н. э. Он сделал это так же демонстративно, как и в случае с пожизненной диктатурой. При жизни у Августа не было ни собственного храма, ни собственного жреца. Не было также совместного с Ромой поклонения, как это было принято в провинциях. И Август только разрешил, чтобы его гений, обожествленный дух, присущий каждому человеку и придающий ему жизненные силы, а особенно отцу семейства, почитался в домах вместе с их собственным гением, этим он добился того, чтобы его почитали, но в рамках традиционного культа низших слоев населения Рима.

В связи с разделением города Рима на 265 городских *кварталов* на перекрестках были поставлены часовни для духов-хранителей (ларов). Август лично проследил за достойным оформлением этого очень древнего культа, пожертвовав статуэтки ларов для отдельных *кварталов*. Примерно между 14 и 7 г. до н. э. вместе с поклонением ларам началось поклонение *гению Августа*. Август сделал еще один шаг вперед, когда юноши его семьи в праздничных процессиях городских кварталов несли статуэтки ге

ниев и ларов, что как бы демонстрировало тесную связь дома принцепса со всеми районами столицы. Здесь четко прослеживается постоянное преумножение религиозного почитания Августа, хотя и осуществляемое в пристойных формах. Михаил Ростовцев так характеризовал этот факт: «Где народ находил возможность следовать своим религиозным побуждениям, там рядом с предметом своего поклонения он наталкивался на изображение Августа. В почитании государства, в почитании богов как публично, так и дома, даже на могилах — везде был Август» («Август» // Римские сообщения. 1923/24).

Во-первых, основным для Рима является тот факт, что Августу еще при жизни воздавались божественные почести, он был, если хотите, «обожественен», но *сакральное* признание его богом произошло только после смерти (Х. Генце). Это было необходимо потому, что в августовском Риме был еще не преодолен разрыв между божественным и человеческим. Во-вторых, при жизни Августа почести давались не напрямую ему лично, а через посредство божества или его манов (духов покойных).

В городах и провинциях империи религиозные действия происходили в разных формах и с разной интенсивностью. Очевидная разница была между Востоком и Западом. В Италии и западной части империи быстро установились институционно узаконенные формы почитания, хотя там потребность в демонстративном проявлении политической лояльности после клятвы верности в 32 г. до н. э. была значительно меньше, чем в восточной части империи. Кроме представителей местного правящего слоя, к этому культу были приобщены в качестве *августальных севи́ров* богатые вольноотпущенники, которые частично оплачивали расходы, требовавшиеся для периодического культового поклонения. При организации этих поклонений использовались или дополнялись старые обряды, как это известно из сборника «Главы меркуриа-

лов и августалов» из Нолы и «Главы геркуланцев и августалов» из Тибура.

Несколько фраз известной надписи из старой колонии Нарбонна наглядно демонстрируют особенности и организацию подобных местных культов: «В консульство Тита Статилия Тавра и Луция Кассия Лонгина (2 в. н. э.) 22 сентября божеству Августа нарбоннским плебсом был дан обет, который должен сохраниться навеки. Колония Юлий Патерна Нарбон Марций (официальное название колонии Нарбонна) обязуется вечно желать счастья и благословения императору Цезарю, сыну бога Августу, отцу отечества, 34-кратному обладателю трибунской власти, верховному жрецу, его супруге, детям и его семье, кроме того, сенату и римскому народу, колонам и жителям (это были строго разграниченные категории свободных граждан колонии), а также обязуется вечно почитать его божественность. Нарбоннский народ на форуме в Нарбонне воздвиг алтарь. В нем ежегодно 23 сентября в день, когда родился на благо всей земли повелитель, три римских всадника из плебса и три вольноотпущенника приносят жертвы, и они должны пожертвовать в этот день из собственных средств колонам и жителям ладан и вино во имя божественного Августа. Также 1 января они должны предоставить в распоряжение колонов и жителей ладан. Также 7 января, в день, когда он получил власть над всей землей, они должны пожертвовать ладан и вино, и каждый должен принести жертвенное животное...».

Подобный регламент должен был существовать и в других колониях и городах римского Запада. Он свидетельствовал о готовности средних и высших слоев, народа городов страны воздавать религиозные почести принцепсу и его дому в строго определенных формах, которые однако никогда не достигли размеров и интенсивности почитания на Востоке.

В греческих регионах, как и на всем эллинистичес-

ком Востоке, почитание Августа было неразрывно связано с традиционными представлениями греко-эллинистического культа владык. Этот культ уже в самих своих истоках заключал те два элемента, которые характеризовали более позднюю римскую форму: признание необычных, выходящих за все рамки достижений, которые для самих почитателей имели экзистенциальное значение и идентификацию с системой, представляемой удостоенным почестей человеком. Это произошло с Лисандром, который первым удостоился божественных почестей в Греции, со спартанским адмиралом, которого старый правящий слой Самоса после 405 г. до н. э. вознес на небеса за то, что он вернул им их состояние и власть. Это относится также к греческим царям и к Титу Квинцию Фламинину, «освободителю Греции» и первому римлянину, которому греки к началу II в. до н. э. оказали божественные почести. Позже они их воздавали также и некоторым наместникам.

Представление о «всеобщем благодетеле» на эллинистическом Востоке уже в III в. до н. э. были связаны с греческими царями; Цезаря тоже там приветствовали, как «благодетеля» и «спасителя». Это же относится и к Августу, которого считали гарантом мира, и культовое почитание которого связывалось с почитанием греческих царей, потому что он представлял настоящую власть в отличие от краткосрочно действующих наместников.

Городские и провинциальные органы скоро стали соспешиваться в восторженном религиозном поклонении Августу, основную направленность которого лучше всего характеризует решение провинциального совета провинции Азия в 9 г. до н. э., который по предложению проконсула Павла Фабия Максима постановил считать день рождения *принцепса* началом календарного года для всех городов провинции Азия. Эта почать явно связана с одновременными событиями в *солярии Августа*.

«Предложение прокуратора было принято, так как провидение, которое устраивает нашу жизнь и которое в своей заботе и усердии увенчало наше существование наивысшим украшением, которое представляет из себя Август, во благо людей наделенный всеми человеческими добродетелями. Он является для нас и наших потомков спасителем, закончившим войну, и так как появление Цезаря превзошло все надежды прошлых времен, потому что он превосходит не только всех живущих благодетелей человечества, но и у будущих отнял всякую надежду его превзойти, день рождения бога для мира было первым исходящим от него дружеским посланием» (Диттенберг. «Сборник надписей восточных греков»).

Муниципальные культы засвидетельствованы археологическими и литературными данными, а также надписями: основание всех храмов, алтарей, колоннад, культовых коллегий свидетельствует о широком распространении культа Августа; при этом города были совершенно свободны в выборе соответствующих решений. Поэтому они, не долго думая, ввели культы *принцепса*, как бога, и свое поклонение не ограничило только этим. Вряд ли есть другое доказательство, которое бы больше свидетельствовало о значении *дома принцепса*, чем тот факт, что члены его семьи тоже были причислены к богам.

На провинциальном уровне общее представительство провинции *койон* или *собрание*, как правило, испрашивало согласия *принцепса* на предназначенные ему почести. С проблемой установления провинциального культа Октавиан столкнулся в провинциях Вифиния и Азия в 30 г. до н. э. после победы при Акции и взятия Александрии. Он отнесся к этому сдержанно и разрешил только римским гражданам провинций *Вифиния* и *Азия* установить культ РOME и божественному Юлию (в Никеае и Эфесе), а peregrинам культ РOME и Октавиану (Августу) в Никомедии и Пергамоне. После ожесточенной кампании по диск-

редитации «нового Диониса» Антония и Клеопатры VII во время заключительной фазы гражданской войны, было невозможно, да и несвоевременно заходить слишком далеко. Успех давал ему на это право.

Тем не менее «провинциальный культ» или культ императора быстро распространился по провинциям. Кипр, Крит, Галатия, Сирия, возможно и Македония на востоке последовали примеру Малой Азии. В 12 г. до н. э. этот культ был установлен Друзом Старшим в Лионе для галльских провинций, в 15 г. н. э. в Тарраконе для *Ближней Испании*, а в 49 г. н. э. в Камулодуне для Британии. Только при Веспасиане к этому процессу подключились *Нарбоннская Галлия, Бетика, Лузитания и Африка*.

Если смотреть на общее развитие, то можно заметить, что для особенностей новой системы не менее типичны процессы в области конституции и внешней политики. Август еще раз пресек чрезмерные почести, с другой стороны, следуя существующей традиции, он разрешил допустимые крайности. Мастерство стилизации проявилось в накоплении старых элементов и во взаимопроникновении старых и новых культов. Оно проявилось и в дифференциации форм почитания, которая предусматривала не только региональные особенности, но и разные социальные группы и их различный уровень сознания.

Формы почитания императора были разнообразными. Крайние проявления культа в провинциях распространялись среди романизированного верхнего слоя населения, а в Риме среди рабов, вольноотпущенников и городского *плебса*. В провинциях Август почитался вместе с абстрактной *Ромой*, в Риме его культ был как бы дополнительным, так как его дух-заступник почитался вместе с традиционными домашними духами. Если там культ императора был связан с огромной империей, то здесь наблюдалось соединение *дома принцепса* с городскими кварталами Рима. Середину между этими двумя полюсами занимали инициативы муници-

пальной аристократии и августалий, которые связывали личный и местный престиж с усердием и лояльностью общественных лидеров. Именно *августалии* довольно часто объединялись с коллегиями, в которых был большой процент вольноотпущенников.

Рис. 12. Цезарь и Август.
Изображения на монетах

Сам Август, несмотря на все божественные почести, считал себя смертным человеком, однако человеком с единственными в своем роде достижениями, и поэтому обладающим исключительным авторитетом. Полного и беспрекословного признания себя богом первым начал требовать Калигула (37—41 г. н. э.). Труднее оценить степень религиозности самого Августа. Было бы наивно видеть в нем глубоко верующего приверженца архаической римской религии или убежденного религиозного реставратора, но и моральная дискредитация гениального «лицемера» (Л. Дойбнер) была бы неуместной. Во всяком случае, оценка его личности поддается философскому осмыслению. К нему можно применить широко распространенное среди римского высшего слоя мнение, которое встречается у Варрона, Цицерона и даже у Овидия: «Полезно, что есть боги, а так как это полезно, мы должны верить, что они есть» (*«Искусство любви»*). Видимо, важнее всего понять, что всю сферу религии он в первую очередь рассматривал, как политический прагматик и преимущественно рационально. Это была манера поведения, которая так же мало исключала религиозные реминесценции, как и участие в ритуалах, жертвоприношениях и религиозных государственных актах.

Идеология и конституция

Так как дальше речь пойдет об идеологии, необходимо сделать некоторые замечания. Само собой разумеется, что августовская идеология не имеет ничего общего с общепринятыми марксистскими определениями, которые исходили либо из права на распоряжение средствами производства, либо из приоритета классовых интересов. В основе августовской идеологии лежали политические, правовые и религиозные элементы. В первую очередь речь идет о преднамеренном влиянии на сознание, о легитимации, внедрении и укреплении власти Августа и его политической системы. Для этого применялись традиционные политические и общественные понятия и формулировки, последовательно и верно была монополизирована и призвана на помощь традиция римского *государства*.

В отличие от современной идеологии, августовская идеология не исходила из общей системной концепции, широкого мировоззрения или комплексной партийной либо правительственной программы. Она строилась на многообразных отдельных формах, элементах и идеях, на легитимации и оправдании своих действий, на традиционных элементах. Все это может быть определено, как идеологемы, носители идеологических высказываний и содержания. Подобная основная структура существовала и для государственного и конституционного права. Эта относительная открытость и явные недостатки в когерентности

идеологии принципата позволили тем не менее преемникам Августа применить эту идеологию к изменившимся внутренним и внешним обстоятельствам, развить ее и расставить новые акценты.

Если посмотреть на важнейшие акценты, то можно увидеть, что идеология играла ключевую роль уже в фазе завоевания Октавианом единоличной власти. Сначала Октавиан выдвигал зажигательный лозунг «мечь за Цезаря» и демонстративно проявлял свое почтение к убитому, и позже обожествленному приемному отцу. Одновременно он представил себя гражданам, как уже было сказано, *гарантом свободы*. Этим самым он присвоил формулировки, которыми в сороковые годы пользовались самые различные стороны. Почитания убитому отцу требовал также Секст Помпей, сын противника Цезаря Помпея Великого, а свобода была первоочередным лозунгом убийц Цезаря, которые своим политическим символом избрали киниюшон вольноотпущенника.

В следующей фазе, прежде всего в борьбе с Секстом Помпеем и Антонием, Октавиан предстал, как уже было сказано, хранителем интересов Италии, поборником италийско-римских традиций, защитником существующего строя, прав собственности и имущественных отношений, поборником порядка и права. Следующее массированное применение идеологических средств произошло в промежутке между 30 и 27 г. до н. э., то есть тогда, когда непосредственно предстояла государственно-правовая легитимация новой системы. На это время приходится демонстративное сложение Октавианом особых полномочий, которые он получил в эпоху гражданской войны, и не менее демонстративная религиозная реставрация.

Тогда в первую очередь усиленно прокламировался лозунг *мира*; тогда началось прославление *мира Августа*, которое привело к столь успешным результатам. Разумеется, Август прекратил гражданские войны, разумеется,

десятилетиями подвергающиеся грабежу страны приветствовали это событие, и даже смирившиеся противники признали этот факт. Но при этом *мире Августа* шло укрепление положения правителя, который опирался в первую очередь на свое войско; шло также укрепление власти тех группировок, которым была выгодна новая система. И этот *мир Августа* был также «кровавым миром», как говорит Тацит в своих «*Анналах*». Подумаем о жертвах оппозиции, о положении в приграничных зонах, об аннексиях и террористических актах. Например, очень цинично выглядит, когда Август в автобиографии, отмечая свои якобы мирные акции между Адриатическим и Этрусским морями, говорит, что он ни один народ несправедливо не вовлек в войну, когда постановил расширить границы, что простил чужие племена, действовавшие в интересах собственной безопасности, и что он хотел их сохранить, а не уничтожить. Конечно, это поведение полностью соответствует принципам римской традиции, однако нет никаких поводов для подобных высказываний об установлении такого мира, который совершенно открыто служил интересам великой державы.

Подобное же значение и проблематику имеет утверждение о *восстановлении республики*, формулировка, которая первоначально означала восстановление государственного строя. Применяя конституционно-правовые понятия «республика» и «монархия», современные исследователи долго не могли прийти к правильному пониманию римского государственного строя. В отличие от современного понятия государства, для римлян *республика* означала не голую, трудно уловимую абстракцию, а совокупность общих общественных интересов римских граждан, совместное существование в конкретном смысле этого слова. То, что политическое устройство этого совместного существования определялось аристократами, считалось само собой разумеющимся. Август и здесь имитировал преемствен-

ность, которой на самом деле не было, а якобы восстановление *республики* свелось к *абсурду*, потому что даже при этом применялись те идеологемы и почести, которые непомерно возвышали Августа.

Лучший аналитик римского принципата Андреас Альфельд так оценил почести, упомянутые в 34 главе автобиографии Августа: «Новое, смягченное республиканско-конституционными формами выражения установление чести Августа, по его собственному пониманию, было подтверждено тремя почетными знаками: золотым щитом, надпись на котором сообщала о его пригодности к управлению государством, подтвержденной сенатом; исключительно высокой наградой — гражданским венком спасителя, который ему в соответствии с обычаями предков, как отцу отечества, преподнесли римские граждане; лавровыми деревьями, олицетворявшими сакральный авторитет, дающий ему право на имя Август» («Два лавровых дерева Августа». Бонн, 1973).

Фактически названные почести, так называемый *щит предков*, гражданский венок, как символ спасителя отечества, сакральные деревья многие годы вдалбливались в сознание граждан империи на монетах наравне с успехами в дипломатической и военной деятельности. Август, конечно, следовал традиционным нормам римского патрицианского слоя, которому было свойственно выставлять напоказ свои достижения и любым способом повышать свой престиж. Абсолютно новыми в методах Августа были интенсивность и непрерывность влияния на сознание масс с помощью идеологии и фактической монополии власти, которой обладал *принцепс*.

Новым был также идеологический охват всех слоев. С помощью демонстрации военных успехов и элементов идеологии победы, а также с помощью императорских приговоров он воздействовал на армию, а с помощью воен-

ного трибуната и *отца отечества* — римский *плебс*. Вольноотпущенники, рабы и свободные бедняки привлекались посредством культа, а на правящие слои Рима и Италии воздействовала *власть принцепса*. Кроме того, существовали всеобъемлющие формулировки, делался акцент на *всеобщее согласие*, изображения и надписи на монетах прославляли *величие Империи*. Естественно, все эти многогранные составные части августовской идеологии не могут объяснить консолидацию власти. Требовалась еще и армия, постоянная опора власти, увеличивающаяся клиентела Августа, а также огромные материальные средства, которые он непрерывно вкладывал. Однако неизвестно, могло ли произойти преобразование традиционной формы государственного устройства в систему принципата без идеологического влияния.

Разумеется, было бы совершенно неверно считать содержание всей идеологии сплошной ложью. Ее успех основывался на том, что она соответствовала надеждам и желаниям широких масс и делала их согласными с системой. К тому же Август не обладал агитационным и пропагандистским инструментарием современных государств. Не было специальных «языковых форм» в стиле центральных средств массовой информации, но была сдержанная стилизация действительности, а именно Август был одним из величайших и удачливых стилистов власти. Уже современники осознавали противоречие между стилизацией власти и действительностью. Идеология является не только характерным рефлексом внутренней дживости власти, но также и ее характерной диалектикой.

Личность и политическая система

Цезарь и Август

В своих размышлениях «Об изучении истории» Якоб Буркхардт основательно обсуждает функцию и значение истории «великих индивидов». Он констатирует: «Во времена кризисов в великих индивидах кульминируется существующее и новое (революция), их сущность остается в мировой истории настоящим таинством; их отношение к своему времени является священным браком, возможным только в страшные времена, которые придают отдельным лицам величие в больших масштабах и сами испытывают необходимость в величии».

Буркхардт исходит из представления о телеологии истории. В ее рамках, по его мнению, великие люди воплощают в себе историческое развитие мира, совпадение общего и особенного. Они проявляют сверхчеловеческую силу, но одновременно остаются связанными со своим временем своими потребностями и необходимостью. По Буркхардту, время и великая личность находятся в таинственной, не всегда рационально объяснимой связи, которую можно определить только таинственным понятием.

Когда новейшая историческая наука называет историю эпоху именем отдельного человека, то, как правильно идет о трезвых предпосылках. Она чаще всего выводится от метаисторической связи и предполагает у

личности, отметившей эту эпоху, названную ее именем, полное и признанное обладание властью. Она предполагает также универсальное значение политических, военных, административных и духовно-религиозных решений, наконец, непрерывность новой системы и новых структур.

Если определять развитие событий августовской эпохи этими критериями, то они им полностью соответствуют. После десяти лет ожесточенной гражданской войны, которая охватила все Средиземноморье, Августу удалось установить свою долгосрочную, обеспеченную в правовом отношении власть. Из хаоса поздней Республики он создал новый государственный строй. Вопреки сопротивлению и противоборствующим силам, он сумел сделать так, что его видение политического развития и оценка происходящего, которые позже оформились в *«восстановленную республику»* и *«мир Августа»*, были признаны подавляющим большинством населения всей империи. Невзирая на все особенности конституционно-правовых, административных, юридических, общественных и военных мер, ясно одно, что Август добился полной когерентности империи и системно ее организовал.

Август не был великим полководцем, как Александр или Цезарь. Поэтому он по несчастливой случайности был назван «империалистом». Этот штамп так же односторонен, как и прежний апофеоз «князю мира». Значение Августа не в числе и объеме вновь созданных провинций, хотя он не однажды хвастался своими военными успехами. Его значение в институализации власти своего дома, а также в институализации римского господства над всем Средиземноморьем. Система и структуры, которые создал Август в течение долгого диалектического процесса, просуществовали века.

Сравнение Цезаря с Августом может лучше всего выявить, с одной стороны, связь между личностью и поли-

гической системой, а с другой, своеобразие августовского принципата. Личность и политические структуры неотделимы, как у Цезаря, так и у Августа. Возвышение Цезаря самого начала отмечалось чрезвычайной динамикой, постоянным риском поставить на карту все, даже собственную жизнь. У Октавиана этого не было и в помине. Стремление Цезаря к власти и ее утверждение, его руководящие кадры, жизнеспособность и ум, радикальность требований полностью подчинили противников. Но при этом было бы ошибочно предполагать, что у него имелась сформулированная политическая программа или консистентная государственная концепция. Цезарь прежде всего опирался на личности, а не на институты. Однако диктатор сыпал весь римский мир своими законами, решениями, мерами, основанием колоний, реформой календаря, крупным строительством; его спешка была непревзойденной. Те пятнадцать лет, которые несли отпечаток его деятельности, прошли под знаменами войны, причем этот человек так же мало боялся рукопашного боя, как и опасного для него помилования ожесточенных противников, хотя должен был понимать, что они всегда будут его ненавидеть.

Когда Цезарь начинал свою карьеру, он был тесно связан с популярными традициями сторонников Мария, хотя они принадлежали к одному из самых старинных аристократических родов. Из этой связи он никогда не делал тайны. Когда в возрасте 31 года он был квестором, то преуспел в похороны своей тетки Юлии, вдовы Мария, в демонстрацию старых марианцев. Однако в своем собственном отношении к власти ориентировался на Суллу, в котором, правда, думал, что тот не постиг политической азбуки, сложив с себя диктаторскую власть. В любом случае в отношении Суллы и Цезаря можно уверенно говорить о новом качестве и размахе римской диктатуры, если хотите, об интегральной диктатуре.

Цезарь и не думал скрывать или маскировать это положение. На надписях и монетах он всем и каждому дал понять о своем положении *пожизненного диктатора*. Он также допустил, что к концу жизни ему оказывались почести за почестями, превышающие человеческие и по римским понятиям приближающие его к богам. Во всем, что он делал и планировал, царила чрезмерность. При такой динамике насущные задачи отодвигались на задний план. Ни в Риме, ни в Италии не удалось полностью интегрировать в систему Цезаря старых противников, не удалось также окончательно организовать администрацию во вновь завоеванных районах Галлии. В упоении властью, которой Цезарь посвятил свою жизнь, наблюдалось много импровизаций. Было неясно, кто в случае катастрофы, которую диктатор должен был учитывать, займет его место, не был назначен наследник для принятия его огромной клиентелы. В случае смерти или болезни диктатора, казалось, заранее был запрограммирован хаос.

У Октавиана Августа полностью отсутствовали жизненная сила и динамичность Цезаря. Его любимым изречением было: «Спешим медленно». Он считал, что успешные действия требуют не только быстрого исполнения, но и тщательного размышления. В отличие от самоуверенной рискованной готовности Цезаря, у него преобладало постоянное взвешивание всех факторов и последствий. Различия между ними наиболее отчетливо проявились в военной сфере, где Август довольно часто использовал успехи других людей: убийц Цезаря разбил Антоний, а Секста Помпея и Антония — его друг и будущий пасынок Марк Агриппа. После двадцатых годов войны за него вели другие, сам же он довольствовался главным руководством.

Политическая неудача Цезаря, как следствие мощных наступлений внутренней оппозиции против диктатора и представителей военщины, нанесла Октавиану большую

травму. Поэтому он с самого начала был озабочен тем, чтобы добиться легализации своей власти, и эту легализацию публично задокументировал. Он постоянно заботился об узаконивании своего положения и именно поэтому навязчиво объявлял для себя обязательными республиканские нормы. Ранее упомянутые административные полномочия и государственно-правовые основы Августа дают понять, что он, видимо, пользовался традиционными компетенциями и властью, полагающейся по должности. Его власть ограничивалась сроком, и он демонстративно отвергал чрезвычайные полномочия. Если звание *пожизненный диктатор* Цезаря включало в себя всеобъемлющую компетенцию, то для Августа характерен сплав различных, временных по своей основе традиционных полномочий, продление которых никогда всерьез не ставилось под вопрос, и фактически это привело к тем же результатам, что и у Цезаря.

Октавиан, как и все видные цезарианцы, был глубоко убежден в том, что политика *милосердия* Цезаря по всем статьям потерпела неудачу, и он хладнокровно сделал выводы из этого факта. Нет никакого смысла отрицать или преуменьшать его ответственность за проскрипции 43 г. до н. э., когда тысячи людей были подвергнуты смерти. Так же нет никакого смысла оправдывать его фразу: «*Ты должен умереть*», которую он бросал просящим о пощаде противникам, и извинять его безжалостное поведение политическими требованиями его системы. Как бы ни были ограничены во многих отношениях способности Августа, он любой ценой стремился обеспечить преемственность и стабильность своей системы. Чтобы добиться прочности своего статуса, не останавливался ни перед какими жертвами. Он подчинил этой системе все личные интересы членов своей семьи и своих друзей.

Если при сравнении особенностей личности и достижений Августа и Цезаря многое говорит не в пользу Ав-

густа, все же есть одна сфера деятельности, в которой его превосходство очевидно. Это сфера организации власти, укрепления и создания когерентности империи, интенсификации администрации, здесь Август бесспорно достиг больших успехов. Здесь ему помогал тщательно взвешенный расчет: с одной стороны, сенат был сознательно вытеснен с ключевых позиций по управлению Римом и империей, с другой, Август всегда отдавал себе отчет в том, что он не мог отказаться от конструктивного сотрудничества сенаторов в администрации, армии и правосудии. Существование «сенаторских» и «императорских» группировок не случайно стало характеристикой августовского принципата.

Далее следует стилизация власти и стилизация действительности. Эти типичные для августовского принципата явления не объясняются «прожженными адвокатскими трюками» Августа и тем, что его считают «лицемером, мастером притворяться и лжецом». Август был превосходным стилистом своей новой политической системы, которая веками просуществовала по его замыслу. При этом очевидно несоответствие между стилизацией и политической реальностью, возникало немало конфликтов, ставящих под угрозу эту систему при преемниках Августа, именно из-за тех противоречий и полуправд принципата, которые его создатель успешно скрывал.

Августовский принципат не был только механической реставрацией или продолжением структур поздней Республики или диктатуры Цезаря, но не был также и монархической реорганизацией. В первую очередь он явился реакцией на полную абсолютизацию власти Цезаря, реакцией на его очевидную «интегральную» диктатуру. Принципат был создан на основе осторожного размышления, сознательного уважения к традициям и твердого намерения ни в коем случае не провоцировать. Отсюда исходит процесс стилизации и идеологии новой системы.

За этими формами и этим выражением стоит личность человека, характерные черты которого были имманентно описаны. Несмотря на все предубеждения, он отличался реализмом, настойчивостью и умеренностью, то есть настоящими римскими качествами. Если видеть в принципате Августа не только успех гениального политика и государственного деятеля или даже «князя мира», но и синтез многочисленных, часто скромных начинаний, достигнутых в результате долгого диалектического процесса, который привел к консолидации нового политического строя, тогда личность Августа незаменима.

Человек, который хотел считать себя спасителем всех римских граждан, гарантом свободы, творцом мира и наилучшей общественной и государственной системы, был не политическим мечтателем, а трезвым прагматиком. Он умел в переходный период принимать соответствующие решения, рассчитывать необходимое и возможное. Именно потому, что он не принимал общих принципиальных решений, мог отказаться от неоправдавших себя начинаний, умело реагировал на новую политическую ситуацию, успешно защищал и укреплял свою власть, он обеспечил себе длительный успех.

Август был одним из тех римских политиков, которые могли опираться не только на свои узаконенные государственно-правовые компетенции, но и на силу своего авторитета. Их значение понятно только в том случае, если учесть готовность римского общества еще в I в. до н. э. признавать прошлые и настоящие авторитеты. Эта готовность глубоко укоренилась благодаря традиционным святым кллентелы и римской семьи, вошедшему в плоть и кровь предрасположению к доверию. Поэтому *всеобщее согласие* с Октавианом, признание *авторитета Августа* и почести «*отцу отечества*» находились в тесной внутренней взаимосвязи.

Учитывая крупные государственные акты, выражение

преданности и регулярные празднества, в которых проявлялось признание неинституционной личной власти, нельзя однако забывать, что отклик на политику Августа в течение десятилетий его власти не всегда был однозначным. Как уже было сказано, чередой шли не только периоды надежд, одобрения, признания, но и разочарований, негодований, новых страхов и, наконец, безропотного смирения. Диалектика, определяющая политическую систему Августа, стала также его личной судьбой. Личность Августа вряд ли может заморозить, но успех политика и создание его новой системы отрицать нельзя.

**Римская республика
в I в. н.э.**

Консолидация принципата при Тибериусе (14—37 гг. н. э.)

Каким бы успешным, несмотря на все кризисы, ни являлось августовское решение проблем империи, новая политическая система имела свои слабости и опасные моменты, которые были имманентны ее конструкции. Элементарное противоречие между идеологией и конституционной действительностью могло быть преодолено *авторитетом принцепса*, но нельзя было надолго скрыть фактическую концентрацию власти в одних руках и тот факт, что принципат не являлся временным переходным решением проблемы, а был рассчитан на перманентность, хотя чуждая римским традициям форма деспотической власти старательно избегалась.

Август выдвигал отдельных верных помощников, таких, как Агриппа, или способных представителей своего рода: Тибериус, Гая и Луция Цезарей, чтобы не создалось впечатления, что новая политическая система держится только на нем. Но решительные шаги для окончательной конституализации системы еще только предстояли. Было необходимо связать отдельные компетенции и служебные полномочия со все еще ограниченным сроком и, следуя внутренней логике, превратить их в когерентную, неограниченную систему власти. В правовом отношении фактически нерешенный вопрос наследования требовал четкого

и приемлемого для всех решения, хотя и нерешенность этого вопроса тоже имела свои преимущества.

Проблема наследования, как и утверждение и институциональное закрепление принципата, кроме прочих внешних и внутренних трудностей, определяла историю Империи в течение I в. н. э. Сначала было неясно, останется ли спокойной армия, смирится ли новое поколение правящего слоя, не пережившее хаоса гражданских войн, с отведенной ему ролью внутри системы и как поведут себя провинции. Все это нельзя было гарантировать в том случае, если способности *принцепсов* исполнять свои обязанности не покажутся убедительными, если результаты их действий разочаруют и если возрастут трудности, которые создала система. Таким образом, тот *оптимальный статус*, который стремился создать для римского государства Август, оказался ненадежным.

Отсутствие однозначного порядка наследования еще раз выявило внутренние противоречия принципата. Цена была слишком высока, так как этот недостаток все время приводил к значительным трудностям и к длительным потрясениям. Неслучайно, что стабильность новой системы в течение I и II вв. н. э. была наибольшей тогда, когда вопрос о наследовании был отрегулирован. Человек, который так часто думал, что близок к смерти, пережил тех, кого он предназначал в наследники — своего племянника и пасынка Марцелла, умершего в 23 г. до н. э., своего великого адмирала, полководца, администратора и друга Марка Агриппу, первого настоящего *единомышленника*, умершего в 12 г. до н. э., своих внуков и приемных сынов — Луция и Гая Цезарей, умерших соответственно во 2 и 1 н. э. Остался только тот, кого долго обходили, его внук Тиберий (42 г. до н. э.).

Сын Ливии от первого брака, он по линии отца и матери принадлежал к древнему аристократическому роду Юлиев. По своему происхождению был типичным ари-

стократом и «республиканцем». Если верить Светонию, представители рода Клавдиев во времена Республики 28 раз были консулами, 5 раз диктаторами, 7 раз цензорами и в общей сложности получили 6 больших и 2 малых триумфа. Тиберий много раз отличился при Августе как способный офицер и полководец, начиная с войны с кантабрами в 25 г. до н. э. Важнейшими ступенями его карьеры были события в Армении в 20 г. до н. э., покорение альпийских племен в 15 г. до н. э., успехи в Паннонии и Германии.

В эту карьеру вмешался Август в 11 г. до н. э., когда заставил Тиберия развестись с женой и жениться на своей единственной дочери Юлии, которая после смерти Агриппы уже во второй раз осталась вдовой. К катастрофе толкали различные силы. Тиберий скоро понял, что его предназначили в качестве человека, державшего место для двух внуков Августа Луция и Гая Цезарей. К тому же добавилась неверность Юлии и ее непомерное честолюбие, раздражавшее Тиберия. В 6 г. до н. э. Тиберий, наконец, сделал выводы и как частное лицо отправился в добровольную ссылку на Родос, которая продолжалась восемь лет. Нет никаких сомнений, что эта ссылка является ключом для понимания последующего развития характера Тиберия.

После смерти Гая Цезаря в 4 г. н. э. Август, скрепя сердце, должен был примириться с усыновлением Тиберия. Однако он одновременно усыновил и Агриппу Постума, младшего сына Юлии от Марка Агриппы. Кроме того, заставил Тиберия усыновить Германика, старшего сына покойного брата Тиберия Друза. Все вместе взятые события 4 г. н. э. представляли окончательную преюдицию наследования Августа: фактически было заблаговременно обеспечено не одно, а два поколения. Созданная Августом политическая система, казалось, перманентно связывалась с домом Юлиев—Клавдиев. Р. Сайм пришел

к правильному выводу, что не 14, а 4 г. н. э. стал эпохальным годом для институализации принципата.

Характерным для августовского решения является тот факт, что с самого начала было использовано средство усыновления. Эта процедура издавна применялась в римском аристократическом обществе, когда речь шла о том, чтобы сохранить имя и власть древней семьи в случае отсутствия наследников по мужской линии. Усыновление Октавиана Цезарем давало дополнительное оправдание этого шага.

Последующие десять лет Тиберий в качестве главнокомандующего руководил подавлением далматско-паннонского восстания (6—9 г. н. э.) и успешными боевыми действиями в Германии. В возрасте 56 лет он вступил в наследство Августа как второй *принцепс*. Это была крайне неблагодарная задача для человека, в глубине души считавшего себя республиканским аристократом в старо-римских традициях, взять на себя бразды правления принципатом. Сейчас очень трудно вынести правильное суждение о человеке, который в течение 23 лет управлял Римской империей. Причина заключается в том, что высказываний Тиберия о самом себе, имеющих у Тацита, Светония и Кассия Диона, недостаточно для всесторонней оценки его личности и деяний. Античная историография о нем, как и высказывания названных авторов, выдержаны во враждебном *принцепсу* стиле. Панагерическое направление Веллея Патеркула не смогло преодолеть эти оценки.

Тиберий вне всякого сомнения был сложной противоречивой личностью, сущность которой не стала однозначной из-за современных попыток «защиты чести» и медицинских и психологических исследований. Он действовал инстинктивно и никогда не прилагал никаких усилий для завоевания авторитета и не пытался приспособиться к общественной необходимости. Его самосознание выросло за

счет целого ряда неоспоримых военных успехов и достижений, на него наложила глубокий отпечаток атмосфера походов и лагерной жизни. Но было бы ошибкой видеть в нем только непьющего слугаку, потому что Тиберий имел пристрастие к александрийской поэзии, мифологии и астрологии.

Какое бы положение он ни занимал, нельзя отказать ему в чувстве долга. Однако у него полностью отсутствовали так называемые дипломатические способности и хитрость тактика. Еще отъезд на Родос показал ему, что демонстративный отказ от общественной жизни Рима оказался малоубедительным, и что на каждом шагу его подстерегали ложные обвинения, подозрение и недоверие. Хотел он этого или нет, но был вовлечен в соперничество и уловки *дома принцепса* и тех политических группировок, которые планировали «на день вперед». Таким образом, в Тиберии росла подозрительность, он стал замкнутым, нерешительным, осторожным и скрытным во избежание новых трений и конфликтов.

Усыновление в 4 г. н. э. означало для Тиберия переход под власть Августа с точки зрения частного права, но оно одновременно было для него необходимым компромиссом. Тиберий, как опытный военный, знающий не понаслышке все основные фронты империи, безусловно явился подходящим человеком для того, чтобы обеспечить плавный переход власти, но к тому времени уже слишком старым, трезвым и критичным, дабы соответствовать приподнятому настроению начала новой эпохи. Для Т. Моммзена он был «обладателем власти, который, как никто другой, объединил в себе, с одной стороны, полное сознание своей власти, а с другой — ее пределов» («Римское государственное право». Лейпциг, 1987).

Тиберий никогда не обращал внимания на стилизацию своей личности, своего положения и действий. Когда его политика потерпела крах, внутренние раздоры и личные

конфликты привели к новым разочарованиям, из недоверчивости и ненависти выросли глубокое презрение к людям, горечь и смирение. *Принцепс*, удалившийся от повседневных дел, но осуществляющий пусть не прямую, но, по крайней мере, эффективную власть, вновь стал мишенью для подозрений и был даже обвинен в фантастических сексуальных гнусностях.

Начало правления Тиберия не дало повода даже враждебно настроенным авторам его дискредитировать. Уже в античности делались попытки оправдать или психологически объяснить негативные явления второй половины его правления. Классическим местом является конец 6-й книги «Анналов» Тацита: «Даже его характер временами был разным. Его репутация была безупречной, пока он жил при Августе как частное лицо или полководец; свои пороки он старался скрывать и притворялся добродетельным, пока были живы Друз и Германик. Плохие и хорошие качества были в нем и при жизни его матери. Если его жестокость и достойна проклятья, он все-таки умел скрывать свое настроение, пока любил и боялся Сеяна. Он погрузился в гнусности и разврат с тех пор, как, отбросив стыд и срам, начал следовать своей истинной природе». Естественно, характер Тиберия описан слишком схематично и одномерно, чтобы быть убедительным, к тому же в 14 г. н. э. Тиберий был не только усыновлен, но и получил *трибунскую власть* сроком на десять лет и стал проконсулом, соответствовавшим статусу Октавиана в 27 г. до н. э., можно было считать предполагаемым наследником Августа. В 13 г. н. э. *трибунская власть* Тиберия была продлена на пять или десять лет, и тогда же после панонского триумфа он получил *большую проконсульскую власть*, правда, на ограниченный срок.

В 14 г. н. э. важные государственные должности, а также должности наместников находились в руках сторонников и доверенных лиц Тиберия. Даже на краю мо-

гилы Август позаботился о том, чтобы Тиберию ничто не угрожало, особенно от членов его собственной династии. Усыновленный одновременно с ним Агриппа Постум в 7 г. н. э. был лишен наследства по причине своего «вырождения» и сослан на остров Планазия. По секретному приказу Августа он был казнен сразу после смерти последнего. Это было «*первое преступление нового принципата*», которое, возможно, и было целесообразным, но в любом случае выставляло в невыгодном свете начало правления Тиберия. Тиберий дистанцировался от этого превентивного политического убийства и не взял на себя ответственность за него, однако допустил, чтобы эти обстоятельства из соображений государственных интересов не выяснялись.

Прежде чем перейти к подробностям вступления Тиберия во власть, нужно упомянуть, что августовский принципат к моменту смерти его творца не был прочным, единственным институтом, он был создан Августом исключительно для себя. Если вспомнить об истории возникновения принципата и об *исключительности власти* Августа, то приход к власти Тиберия нельзя сравнить с автоматической сменой трона в более поздние времена.

Проблема, стоявшая перед Тиберием в 14 г. н. э., заключалась прежде всего в том, может ли вообще принципат быть продолжен в той форме, в какой существовал при Августе. Очевидно, Тиберий сначала отвечал на этот вопрос отрицательно. Он стремился к созданию коллективного руководства, как это было в 27 г. до н. э., но не смог на этом настоять. Парадокс заключался в том, что сенату такой проект показался не заслуживающим доверия, и он совсем не хотел делить ответственность и сотрудничать с *принцепсом*. Эта ситуация частично объясняет те неприятные события, которые Тацит так мастерски отразил в начале своих «Анналов». Не только у него, но и у Светония, Тиберий предстает, как *бессовестный*

ищедей. Явно ошибочная оценка сената прежде всего могла быть вызвана тем, что Тиберий на протяжении многих лет имел лишь спорадические отношения с этим органом.

Крах Тиберия, кроме всего прочего, можно объяснить тем, что ему была отвратительна псевдореспубликанская игра Августа. Его вступление в должность являлось удачной политической инсценировкой и одновременно активным отображением событий 27 г. до н. э. К тому же нужно отметить, что Тиберий никогда не занимался работой общественного мнения в стиле Августа.

Август умер 19 августа 14 г. н. э. в Ноле. Первое, о чем распорядился Тиберий из Нолы сразу же после его смерти, было всеобщее принесение присяги в Риме и в провинциях. Лица, занимающие ключевые посты в столице, консулы, *префект преторских когорт*, *префект продовольственного снабжения* без промедления принесли присягу Тиберию, за ними последовали сенат, всадники и римский народ. Тацит написал об этом знаменитейшую фразу:

«В Риме все бросились в объятья рабству: консулы, сенаторы, всадники. Именно самые авторитетные и были самыми лицемерными и продемонстрировали это очень быстро».

Так как Тиберий уже был главнокомандующим, то принятие к присяге войск могло показаться излишним, но здесь шла речь не просто о присяге, которую должен был принять Тиберий как наследник Августа, но о той, которая фактически означала переход от старой республиканской присяги к новому императорскому выражению верности. Нельзя не признать, что это приведение к присяге было важным предreshением вопроса о наследовании principata.

Тиберий дал распоряжение сенату созвать заседание на следующий день после прибытия похоронной процессии. На этом заседании должны были быть отданы последние почести Августу и обнародовано его завещание.

Когда Тиберий лично сопровождал траурный corteж, то речь шла не только о выражении скорби и отдании последних почестей, но также и о мере предосторожности во избежание инцидентов, подобных тем, что имели место на похоронах Цезаря. После прибытия в Рим Тиберий в особом эдикте увещевал римскую общественность не допускать эксцессов, подобных сожжению тела Цезаря на Форуме.

На упомянутом первом заседании сената, которое, видимо, состоялось в начале сентября 14 г. н. э., было оглашено завещание Августа, где он назначил своим основным наследником Тиберия и Ливию. Тиберий получил две трети, а Ливия одну треть наследства. Кроме того наследниками второй очереди были назначены внуки и правнуки Августа, потом в соответствии со старой аристократической традицией наследования как наследники третьей очереди шли родственники и друзья. Однако это было еще не все. Август включил в завещание также и римский народ, несколько *триб*, преторианцев, *городские когорты*, легионы и поименно названных старых соратников. Он использовал свою последнюю волю, чтобы привлечь сторонников и армию на сторону наследника, отвечавшего за выплату по завещанию. Сделал это также и для того, чтобы тот воспользовался благодарностью его старой свиты по примеру Октавиана, исполнившего завещание Цезаря.

Из всех отдельных пожеланий, содержащихся в завещании, самым большим сюрпризом, а для наследника тяжким бременем, было удочерение Ливии и ее возвышение в звание «*Юлия Августа*». Благодаря этому удочерению мать Тиберия Ливия стала принадлежать к дому Юлиев и была окружена ореолом *Божественного Юлия*. Ее положение упрочилось совершенно необычным способом, а и без того высокий престиж был преумножен за счет сына.

Вероятно, после оглашения завещания в римском сенате были прочитаны распоряжения Августа о похоронах и его автобиографии, а потом обсуждались последние почести. Все вопросы о наследовании принципата отложили на более позднее заседание, которое состоялось только после похорон. Это заседание от 17 сентября 14 г. н. э. имело для Тиберия не меньшее значение, чем заседание 13 января 27 г. до н. э. для Августа. Однако тщательная режиссура величайшего политического стилиста тогда устранила все трения, но на заседании 17 сентября 14 г. н. э. произошла неприятность, хотя сенат охотно и лояльно пошел навстречу Тиберию.

Трудности возникли из-за того, что Тиберий не питал никаких иллюзий по поводу сложности задачи и ответственности, возложенных на него. Это засвидетельствовано его двумя высказываниями на эту тему. Во-первых, он будто бы сказал, что уговаривающие его друзья не знают, что за изверг эта *власть*, а во-вторых, используя выражение Теренция, что он держит волка за уши. Трудности возникли также и потому, что Тиберию стало ясно: *власть принцепса* Августа была исключительной в своем роде, и сам он не может на ней настаивать. Именно поэтому Тиберий придавал значение формальному консенсусу сената, и именно этим объясняется его намерение вернуться к решению 27 г. до н. э.

Хотя Тацит, Светоний и Кассий Дион сообщают о ходе заседания сената 17 сентября 14 г. н. э., в деталях есть много спорного. По-видимому, сначала было вынесено решение об обожествлении Августа и его возвышении до звания *Божественного Августа*. По всей вероятности, потом консулы от имени сената передали Тиберию принципат. Полностью выяснить подробности этого заседания невозможно. Затем началась так называемая игра в «отказ», то есть Тиберий колебался и, наверно, соглашался взять на себя только часть полномочий принцепса. Изве-

стно, что в процессе этого заседания ему была оставлена *проконсульская и трибунская власть*, и что самое решающее, не на ограниченный срок, а на пожизненный. Так как ему был дан ряд особых полномочий, которые известны только по более поздней формулировке так называемого закона *Веспасиана о власти*, после долгих колебаний Тиберий взял в свои руки управление августовским принципатом. Он, правда, отклонил *титул императора*, а имя «Август», от которого отказался при обнародовании завещания, оставил только для официальных случаев.

Решающим событием 17 сентября 14 г. н. э. было обожествление Августа. *Процесс обожествления*, который подтверждался клятвой свидетелей под контролем сената, что означало официальное признание «вознесения на небо», был более поздним явлением истории римской религии. Обожествление *принцепса* сначала происходило спонтанно и в различных формах, но постепенно приобрело сакрально-правовое и государственное качество.

Покойный был продолжающей действовать политической властью. Титулы *Божественный Август* и *Божественный Август отец* санкционировали также власть наследника, а длинный ряд более поздних обожествлений вообще превратился в институт принципата. Не только разнообразные типы монет свидетельствуют об официальном культовом почитании основателя принципата, но многочисленные посмертно воздвигнутые статуи, иногда колоссальных размеров. Признание *обождествления Августа* его многочисленными почитателями не было свободно от истинной религиозности, как бы далеко ни было это понимание от современных религиозных понятий.

Стиль правления нового *принцепса* сначала характеризовался тесным сотрудничеством с сенатом. Светоний в 30-й главе биографии Тиберия констатирует, что сенат и должностные лица сохранили при Тиберии свое прежнее *величие и власть*, и добавляет, что не было такого дела,

малого или большого, о котором он бы не доложил сенату. Дальше он пересказывает ряд эпизодов и высказываний Тиберия, из которых и следует, что тот хотел быть в сенате только *первым среди равных* и подчинялся воле большинства и в любом случае намеревался править в полном согласии с сенатом.

Одно из немногих программных высказываний Тиберия свидетельствует о его стараниях: «Я не раз говорил и повторяю, отцы сенаторы, что добрый и благодетельный правитель, обязанный вам столь обширной и полной властью, должен всегда быть слугой сенату, порою всему народу, а подчас — и отдельным гражданам; мне не стыдно так говорить, потому что в вашем лице я имел и имею господ и добрых, и справедливых, и милостивых» (Светоний. «Жизнь двенадцати Цезарей. Тиберий». Гл. 29, с. 88. М., 1964).

Светоний в этой связи говорит о *видимости свободы*, но встает вопрос, было ли адекватно отношение Тиберия к сенату. Скорее всего это говорит о том, что Тиберий действительно сначала предпринимал серьезную попытку привлечь сенат к руководству политикой и подчинить себя ему. Это усиление связей с сенатом вероятнее всего потому, что Тиберий мог найти в нем противовес нарастающим трениям и катастрофам в *доме принцепса*. Тиберий отважился на политическую активизацию всего коллегийного органа, тогда как Август давал сенаторам лишь небольшие поручения.

Но эта попытка скоро потерпела фиаско. Причиной заключалась в самом *принцепсе*, который после многих человеческих и политических разочарований все больше покорялся судьбе. Хотя Тиберий проповедовал свободу мысли и свободного государства и демонстрировал свое равенство с сенатом, лишенная власти корпорация, которая уже давно внутренне смирилась с принципатом, была бо-
льше не способна к политической свободе действий, потому что

вопреки всем прекраснодушным заявлениям над ней висел дамоклов меч процессов об оскорблении величества.

Основой для этих процессов, оценка которых является ключевой для общего суждения о Тиберии, а также для развития принципата, была еще республиканская практика наказывать за деяния оскорбления величества, то есть за превышение власти чиновниками и за оскорбление всего народа. Другими словами, речь шла о том, что *величество защищалось*, и в зависимости от политической ситуации менялся круг *защищаемых* и привлеченных к ответственности. В 104—103 гг. до н. э., например, целью внесенного Аппулеем Сатурнином закона была *защита* римского народа; закон направлялся против неспособных полководцев. 24 года спустя в 80 г. до н. э. закон Корнелия Суллы, наоборот, защищал интересы римских высших должностных лиц, то есть представителей аристократии.

Август перенес это определение на личность *принцепса*. Со времени закона Юлия о величестве, хронология которого спорна, речь могла идти об оскорблении личности *принцепса* и членов его семьи. Именно из-за возвышения личности *принцепса* и членов его семьи увеличились трения, провокации и процессы.

Тиберий сначала выступил решительно против преследований за такие преступления. В пяти первых известных случаях 14—20 гг. н. э. он проявил большую сдержанность. Однако при этом был связан своими традиционными убеждениями, и в 15 г. н. э. на прямой вопрос претора, нужно ли наказывать за личное оскорбление *принцепса*, как при Августе за государственное преступление, он ответил, что закон должен быть применен.

В будущем, однако, эти законы применялись чаще, чем когда-либо раньше, особенно с 24 г. н. э. Здесь нужно отметить важный факт: точно известно, что Тиберий не добивался признания закона об оскорблении величе-

ства и не требовал его радикального применения. За оскорбление личности *принцепса* были осуждены только два человека, но с большой вероятностью оба не только за это. В других случаях Тиберий вопреки всем обвинениям в оскорблении его личности не стал применять законных мер.

С другой стороны, точно установлено, что общее число проведенных сенатом процессов в несколько раз превысило число таких процессов при Августе. Это произошло прежде всего потому, что понятие *оскорбления величества* являлось настолько неопределенным, что даже неблагоприятные действия, такие, как, например, продажа статуи Августа, были достаточны, чтобы подвергнуть опасности виновника. Положение осложнилось тем, что за доносы выплачивалось вознаграждение. После закона Юлия об оскорблении величества *доносчик* в случае успешного разрешения дела получал четверть имущества жертвы. Экспессы, которые происходили с этими доносами при Тиберии, можно объяснить тем, что в Риме отсутствовала прокуратура в современном понятии, и государство руководствовалось показаниями *доносчиков*.

Когда один несправедливо обвиненный в 24 г. н. э. лишил себя жизни, в сенате было внесено предложение, чтобы в таком случае *доносчик* не получал вознаграждения. Тиберий отклонил его на том основании, что в действующем законе ничто не может принципиально измениться. Это свидетельствует о том, что массирование процессов об оскорблении величества во второй половине правления Тиберия происходило иначе, чем до этого.

Бессмысленно оспаривать факт проведения почти 60 процессов об оскорблении величества, однако несправедливо и представление Тацита о непрекращающейся кровавой бойне. В какой-то степени понятно, что *принцепс*, ставший во второй половине своего правления более недоверчивым и подозрительным, допускал применение закона

против истинной или мнимой оппозиции; однако остается упрек, что он не принимал достаточно жестких мер против бесчинств *доносчиков*, и это не могут опровергнуть даже самые рьяные защитники Тиберия.

Современная историческая наука больше не считает, как Тацит, процессы по оскорблению величества эксцессами психологического тирана или бессмысленной яростью мизантропа, но характерным и последовательным выражением новой политической системы. Само санкционирование существования столь высокой по положению личности должно было неизбежно привести к применению закона о защите *величества*. Вряд ли можно было помешать злоупотреблять им, но даже абсолютно легальное его применение дискредитировало новую систему. Феномен процессов по оскорблению величества является признаком принуждения к лицемерию и неискренности, в которые были вовлечены как сам *принцепс*, так и представители правящего слоя.

Сам Тиберий, несмотря на личный опыт, в сфере идеологии делал акцент на непрерывность и сплоченность власти. Обожествление Августа, как уже было сказано, укрепило также и его положение. Тиберий не только воздвиг храм *Божественному Августу*, но связь его положения с положением Августа была отражена в большом количестве монет с лапидарной надписью «*Божественный Август отец*» и с его изображением в сияющей короне. На обратной стороне монет прославлялось *предвидение* Августа, которому наследник был обязан своим положением. С одной стороны, демонстративно отмечались достижения Августа, формировалось его почитание, подчеркивалась непрерывная связь, но этот упор на непрерывность не был только идеологемой. Он скорее соответствовал личному убеждению Тиберия, а также тому факту, что тот принимал, начиная с 4 г. н. э., участие во всех решениях Августа. Основные оценки внешней и пограничной

политики полностью совпадали с убеждениями Августа и Тиберия.

Тиберий тоже признавал нормы августовских «добродетелей правителя» — *мужество, милосердие, справедливость и благочестие*, — причем он, будучи правителем, не акцентировал внимания на своем проверенном в многочисленных походах мужестве. Наоборот, подчеркивал *милосердие и справедливость*, врожденные качества *принцепса* в мирное время, к которым он причислял *умеренность*, что часто изображается и на монетах. В этой добродетели определенно присутствуют элементы современной ему греческой философии, однако не следует слишком подчеркивать эту связь, так как *умеренность* соответствовала римским аристократическим жизненным нормам.

Не случайно, что этими ценностями был проложен путь к идеологии так называемой адоптивной империи, или гуманитарной империи, II в. н. э. Тогда независимо от личных качеств *милосердие, справедливость и умеренность* стали основными нормами каждого *принцепса*, нормами для институтов *принципата*, которые должны были облегчить его согласие.

Наряду с Агриппой Тиберий являлся гарантом стабильности августовской системы. Однако, несмотря на большой вклад в военную и внешнеполитическую консолидацию, во внутренней политике внутри *дома принцепса*, а также в отношениях с сенатом его имя связано с большими осложнениями для нового строя. Демонстративное почитание Тиберия к *согласию* и изображения *благоденствия Августа* на монетах показывают, что Тиберию было известно, что именно угрожало системе, но разрешить проблемы он все-таки не смог. Именно на этом участке стали особенно большими противоречия между идеологией и действительностью.

Безразличный к любой пропаганде и стилизации, к любым неоправданным затратам, Тиберий был одновре-

менно ярким противником эллинистического влияния, особенно в религиозной политике. Где только мог, он в отличие от Ливии отказывался от культового почитания своей персоны. Об этом свидетельствует его поведение в случае со спартанским городом Гифей. Этот город в 15 г. н. э. заявил Тиберию о своем намерении воздать Августу, Тиберию и Ливии божеские почести; ответ Тиберия сохранился в эпиграфике. Речь там шла о том, что он разрешил осуществить план города Гифея только в отношении Августа, а в отношении себя запретил, Ливии же разрешил действовать по собственному усмотрению. Наоборот, провинция *Азия* в 23 г. н. э. получила разрешение посвятить храм Тиберию, Ливии и сенату. Когда два года спустя провинция *Бетика* последовала примеру *Азии* и пожелала воздвигнуть храм в честь Тиберия и Ливии, Тиберий пресек эту попытку речью, которую передает Тацит в своих «*Анналах*» («*Анналы*», IV, 37). В ней находятся характерные для Тиберия фразы: «Я смертный человек. Человеческие обязанности я должен выполнять, и для меня достаточно занимать место принцепса. Это будет моим храмом в ваших сердцах».

Вся религиозная политика Тиберия определялась ярко выраженными консервативными чертами. В первые годы своего правления он целеустремленно продолжал претворять в жизнь реставрационные мероприятия Августа. Так, в 16 г. н. э. выслал из Италии астрологов и магов, хотя сам был склонен к астрологии, особенно после того, как исполнилось предсказание александрийского астролога Трасилла о его возвращении на родину, казавшееся на Родосе совершенно невероятным. В 19 г. н. э. были приняты решительные шаги против культа Изиды и против еврейства, после того, как дело дошло до волнений и нарушения общественного порядка. Преследование евреев началось из-за их возросшей активности, привлечения поразительно большого числа приверженцев, что спрово-

цировало вмешательство римских властей. В 19 г. н. э. в Сардинию были доставлены 4 000 еврейских вольноотпущенников, которых бросили на борьбу с сардинскими разбойниками. Остальных евреев заставили либо отречься от веры, либо покинуть Италию, но и в этом случае не удалось пресечь распространения еврейской религии в Риме и Италии.

Меры и стиль Тиберия по управлению империей и провинциями трудно привести к общему знаменателю. То, что Тиберий якобы сказал чересчур усердным наместникам, повышающим налоги: «У хорошего пастуха есть обычай стричь своих овец, а не сдирать с них шкуру» (Светоний. «Тиберий». 32, 2), вряд ли является преувеличением, потому что у Тиберия не было никаких сомнений по поводу того, что провинции способствовали благосостоянию Рима и Италии. Очевидно, что в этой области Тиберий ориентировался на традиционные нормы римской аристократии и, например, Августа. Может быть, что он, по крайней мере в начале своего правления, усиленно занимался вопросами этой сферы. Однако достоверно известно, что последнее десятилетие его правления характеризовалось затягиванием первоочередных решений, неуверенностью и отсутствием крупных инициатив.

Из всех наместников Тиберия самым знаменитым вне всяких сомнений является Понтий Пилат, чье имя известно даже из одной надписи из Цезареи. Но прежде всего он известен, как *префект Иудеи*. Понтий Пилат управлял Иудеей с 26 по 36 г. н. э., зимой 36—37 г. н. э. был заменен наместником Сирии Луцием Вителлием и отозван в Рим, потому что его обвинили в превышении власти в отношении самаритян. Согласно свидетельству церковной истории Евсевия, в Риме Понтия Пилата заставили покончить жизнь самоубийством. Хотя суд над Иисусом был связан ему иудеями, они позже клеймили врагом иудеев поверженного Пилата, хотя в христианских кругах уже

со II в. н. э. бытовало мнение о невиновности Пилата в смерти Иисуса. В эфиопской церкви, которая с этой точки зрения поступила последовательно, Пилата даже причислили к святым.

Другое особое положение среди наместников занимает Гай Поппей Сабин, который с 12 г. н. э. до своей смерти в 35 г. н. э. оставался наместником Мезии, в 15 г. н. э. ему были переданы также провинции *Македония* и *Ахая*. Таким образом, он долгое время был обладателем огромной власти над всеми римскими балканскими провинциями и, видимо, оправдал надежды и даже получил *знаки отличия триумфатора* за успешную борьбу против фракийских племен (25 г. н. э.).

Уже в этих двух названных случаях видна тенденция, которая характеризовала кадровую политику Тиберия в последней фазе его правления. Он отошел от норм сравнительно краткосрочного проконсульского наместничества, особенно в самых престижных провинциях *Африка* и *Азия*, а также и в других высоких управленческих постах. Наместники и чиновники часто многие годы оставались в своих провинциях: Луций Эллий Ламиа 9 лет был наместником Сирии, Луций Аррунций столько же лет управлял *Испанией*, причем в обоих случаях названные лица вообще не покидали Рим и управляли своими провинциями только номинально. С другой стороны, Марк Юний Силан на самом деле в течение 6 лет был наместником Африки, а Публий Петроний — Азии, Гай Силий командовал верхнегерманским войском с 14 по 21 гг. н. э., Гней Корнелий Лентул Гетулик командовал тем же войском с 29 г. н. э. еще дольше, но с катастрофическими последствиями для этих когда-то превосходных войск.

Уже в античности предполагались различные мотивы для такой практики, например, забота о благосостоянии провинций, которые выигрывали от долгого пребывания наместников; недостаток, с точки зрения *принцепса*, под

ходящих кандидатов и, наконец, страх Тиберия перед самостоятельными личными решениями, ошибочность которых могла отразиться на нем самом. Пожалуй, последнее объяснение кажется наиболее вероятным. В любом случае такой метод для многих сенаторов отрицательно сказывался на их карьере. Он ставил под угрозу постоянную подготовку и развитие профессиональных качеств римского правящего слоя.

Впрочем, администрация при Тиберии отличалась крайней экономичностью, которая препятствовала любой большой программе строительства. Исключение составляют только несколько храмов, свидетельствующих о *благожелательности*, а также строительство дорог военного назначения в Северной Африке, Испании, Галлии, Далмации и Мезии. Попытка Тиберия соблюдать экономность и пресечь всякую роскошь выражалась не только в репрессивных мерах. В 16 г. н. э. были вынесены решения сената в отношении роскошной одежды, запрещающие носить прозрачные шелковые одеяния, как это было принято раньше. Закон от 22 г. н. э. был направлен против роскошных пиров. Тиберий считал, что накопленная с помощью его экономии казна повлияет на оборот капитала и на денежный рынок.

В 3 г. н. э. в связи с государственными мерами против ростовщиков обнаружился значительный дефицит. Закон о ликвидации долгов привел тогда к принудительной продаже земельной собственности и к нарушению денежного обращения. Тогда вмешался сам Тиберий, передав различным банкам государственный капитал в 100 миллионов сестерциев с обязательством применить его для выдачи беспроцентных ссуд задолжавшим крестьянам. Эта мера действительно разорвала хронический *порочный круг* и saniровала денежный рынок.

А вот, чтобы добиться дешевой популярности с помощью проведения дополнительных игр, Тиберий не дал ни

гроша. В случае бедственного положения он был щедр, как немногие правители после него. При больших пожарах в столице, таких, как в 27 и 36 г. н. э., при выходе из берегов Тибра, тоже в 36 г. н. э., или при дороговизне зерна Тиберий потратил миллионы сестерциев. В подобных случаях провинции также ощущали его щедрость. В 17 г. н. э. большое землетрясение разрушило двенадцать больших городов, среди них Сарды. Они получили от Тиберия 10 миллионов сестерциев и освобождение от налогов на пять лет. Эта забота была отмечена выпуском монет с надписью «*Восстановленным городам Азии*».

Большие трудности принципата Тиберия росли со всех сторон. Во-первых, на Рейне и в Паннонии продолжались опасные беспорядки, возникшие сразу после смерти Августа. Они были направлены не лично против Тиберия, скорее явились последствием чрезмерных требований к римским легионам. В то время как восстания в Паннонии ценой значительных уступок были усмирены Друзом, сыном Тиберия, события на Рейне имели более тяжкие последствия. Правда, Германику тоже удалось в кровавой бойне подавить бунт восьми легионов ниже- и верхнегерманского войска, но командиру и штабным офицерам было ясно, что только новые военные действия могут отвлечь войска от хаотических событий.

Хотя уже была поздняя осень 14 г. н. э., Германик перешел через Рейн 12 000 человек нижегерманского войска, 26 когорт и 8 кавалерийских полков вспомогательной группы. Целью необычного для этого времени года похода была область марсов, племени, населявшего земли между реками Липпе и Рур. Марсы как раз отмечали праздник, когда вторглись войска и вырезали безоружных людей. Хижины были сожжены, а святилище Тамфаны сравняли с землей. Попытка возмущенных соседних племен бруктеров, тубантов и узипетов захватить в лесном ущелье Германика на обратном марше потерпела неудачу.

Как бы ни были ограничены наступательные операции этого года, они стали заключительной фазой римского наступления на северо-западную Германию. Психологические соображения и эмоциональные импульсы вызвали акцию, которая выходила за рамки намерений Тиберия, а также за рамки рекомендаций Августа держать империю внутри ее границ. Успех этой акции привел к наступлению до Эльбы с применением флота. Конечно, эти наступательные планы были вызваны не только рвением одного Германика, но также и многих офицеров, которые не могли смириться с отказом от правобережных рейнских областей после поражения Вара. Тиберий, видимо, сначала не одобрил такое развитие событий, так как оно не соответствовало его собственным намерениям. Однако, чувствуя признательность к Германику за его верность и усердие и вдвойне завися от настроения войска и населения в первые годы своего правления, он пустил события на самотек. Это политическое положение было истинным пунктом для быстро нарастающего конфликта между Тиберием и Германиком. Сначала Тиберий, по крайней мере, соблюдал приличия. По его инициативе в 15 г. н. э. вынес решение о триумфе для Германика. Его приемный сын был также удостоен различных государственных должностей.

В Германии римское наступление проходило по старым военным коммуникациям. В феврале 15 г. н. э. Германик во главе сильных военных соединений выступил против хаттов, захватил и разрушил их центральный город Маттий. Грабежи и поджоги вызвали сопротивление германских племен, и Арминий развернул активную деятельность по организации совместного отражения римских наступлений. Широкомасштабное летнее наступление 15 г. н. э., которое охватило большую часть северо-западной Германии до самой реки Эмс, встретило ожесточен-

ное сопротивление и привело к большим потерям в римском войске.

Операции 16 г. н. э. в общем были не более удачными. Правда, Германик добился военных успехов в жестоких сражениях на поле Идиставизо приблизительно в 3 км восточнее Порты Вестфалики и в долине ангривариев, которая находилась между рекой Лес и болотистой местностью Северного моря. Германик тогда воздвиг памятник победы, прославляющий покорение племен между Рейном и Эльбой, кроме того, он вернул потерянные во время сражения Вара орлы легионов. Однако римский флот, который перевозил назад от Северного моря до рейнской базы значительную часть римского войска, был рассеян ветром во время сильного осеннего шторма. Чтобы несколько смягчить резонанс этой катастрофы, Германик продвинул вперед по столь часто исхоженным магистралям имеющиеся в распоряжении войска. Его легат Силлий с войском приблизительно в 30 000 двинулся против хаттов, а Германик с еще большими силами — против марсов. Новыми грабежами и опустошениями он смог нанести урон противнику и убедить его в том, что власть Рима, несмотря на все потери, остается нерушимой.

Тиберия, наоборот, это не убедило. Трезво поразмыслив, *принципс* отозвал Германика и этим дал понять об окончательном переходе к оборонительным действиям в Германии. Тиберий не внял мольбам Германика. Он сослался на большие потери и дал новое указание: «Так как месть Рима свершилась, германские племена пусть теперь сами разбираются со своими собственными раздорами».

Таким образом, длящееся три десятилетия римское нападение на Германию было прекращено. «История тоже имеет, — как заметил по этому поводу Моммзен, — свои приливы и отливы; после высокого прилива римского мирового владычества наступил отлив». Главнокомандование на германском фронте было отменено. Эта новая

стратегическая концепция нашла свое выражение в разделении рейнского фронта на два оборонительных отряда: на верхне- и нижнегерманское войска, в образовании новых легионерских лагерей с выраженными оборонительными функциями (Страсбург и Виндиши) и, наконец, в планомерном создании рейнской военной зоны.

Если мы бросим взгляд на дальнейшее развитие событий, то нетрудно понять правоту Тиберия. Уже через три года были устранены опаснейшие противники Рима: Марбод был изгнан, а Арминий погиб в междоусобной борьбе. 26 мая 17 г. н. э. Германик получил блистательный триумф за победу над германцами. Было сделано все, чтобы почестями и праздниками ознаменовать окончание сражений, чтобы прекращение наступлений оценить, как окончательный успех и развеять плохое настроение молодого полководца. Одновременно Тиберий дал Германику новое важное задание, равноценное его прежнему положению, главнокомандование с неограниченной, распространяющейся на всех наместников командной властью, посредством которой он должен был уладить отношения в Каппадокии и Армении. Осенью 17 г. н. э. Германик отправился в путешествие на Восток.

Лучезарная внешность Германика, его покоряющая любезность, ореол положения и славы должны были найти живой отклик на Востоке. Нет сомнений в том, что он нашел правильный тон в общении с греками, но по римским понятиям нарушил старую традицию. Если позже и возник конфликт, то не из-за характера Германика, а скорее из-за конституции принцепата.

Кто следит за историей жизни Германика в эти годы, чувствует силу непрерывного потока событий. В том, что эти события привели к трагическому концу, нельзя винить одного Тиберия. Если даже он и отдал должность наместника в Сирии Гнею Пизону, аристократу лучших республиканских традиций, то это можно понять. В лице

этих столь различных людей, Пизона и Германика, столкнулись два понимания римской конституции и римской традиции. С истинной прозорливостью крупного историка Ранке увидел в их противостоянии неминуемое противоречие между законной властью и носителем монархической власти.

Германик, не торопясь, отправился к месту своего назначения через Афины и Византию. Там сразу же начались трения с Пизоном, которые еще больше обострились из-за соперничества двух дам, Агриппины, жены Германика, и Планцины, жены Пизона. Германик сначала занялся разрешением армянской проблемы. Он подчинился настроению армянского населения, которое опять было без правителя, и на большом коронационном собрании в Артаксате возвел на престол Зенона, сына *понтийского* царя, который получил имя Артаксий. Вторую часть своей миссии, а именно реорганизацию управления в Каппадокии и Коммагене, которые получили статус провинций, он порекомендовал легатам. Когда осенью он отправился в Сирию и там встретился с Пизоном, возобновились напряженные отношения.

Всю зиму Германик занимался гражданским управлением и военной организацией, и в это время начали приходить послания. Первое было от парфянского царя Артабана III, который, кроме всего прочего, предложил провести личную встречу, однако Германик от нее уклонился. В феврале 19 г. н. э. Германик отправился в Александрию. Папирусы сообщают о полуофициальном характере этого визита. С одной стороны, он прогуливался без охраны по египетской столице, облаченный в греческие одежды и с босыми ногами, что вызывало бурные овации. С другой стороны, когда повысились цены на зерно, он дал указание открыть государственные зернохранилища. Завоевать таким способом популярность было нетрудно.

Но Тиберий резко осудил поведение Германика, осо-

бенно в Египте. Германик отправился в путешествие по Нилу, осматривал колоссы Мемноса, пирамиды и каналы, а оттуда отправился в Сиену, к границе Римской империи. Прошло все лето, пока он снова не вернулся в Сирию. Там Пизон использовал отсутствие Германика, частично отменив его распоряжения и лишив постов его сторонников. Старая ссора разгорелась снова, и, наконец, Пизон решил покинуть провинцию.

Между тем Германик тяжело заболел. Тацитовская история болезни в подробностях рисует затхлую атмосферу колдовства и подозрительности, которая царил в покоях больного в Эпидафне. Германик был убежден, что его отравили. Но на суде это не было доказано. 10 октября 19 г. н. э. Германик скончался в возрасте 33 лет. Позже против Пизона в Риме был начат процесс, исход которого казался столь однозначным, что он покончил самоубийством, жена его была оправдана. Для Германика организовали грандиозные похороны. Упомянутая ранее «Гебанская рукопись» дословно передает содержание почетного декрета римского сената.

В личности Германика и в его окружении, прежде всего в Агриппине, в особо яркой форме проявляется в качестве сопутствующих явлений принципата феномен династии. Со всеми ее особыми правами и собственными законами придворной жизни она была неприемлема для римско-республиканского мышления, но крайне необходима для непрерывности нового государственного строя. Уже тогда она своими интригами и склоками обременяла этот институт.

Как широко мог использовать свою власть и положение член семьи *принцепса*, было вопросом личности, дисциплины и темперамента. Однако этот вопрос решил судьбу династии Юлиев—Клавдиев, и на него был дан ответ в семье Германика: среди его девяти детей мы находим только Гая, будущего *принцепса* Калигулу, и Юлию Агриппи-

ну, мать Нерона, а также его брата, будущего *принцепса* Клавдия. С этим именем связано полное изменение дома Юлиев—Клавдиев.

В первой фазе правления Тиберия провинциальные войска были новой реальностью, как потенциальный фактор власти, а Германик — как династический элемент. Во второй фазе это был *префект преторианской гвардии*, который обладал ключевой должностью в империи и в течение всей эпохи императоров использовал преимущества этого положения иногда скрыто, а иногда и открыто. Это развитие связано с именем Луция Элия Сеяна.

Выходец из всаднической семьи, Сеян уже к началу правления Тиберия вместе с отцом был *префектом преторианской гвардии*. Эту должность тогда, а позже снова, занимали одновременно два офицера. Первый раз Сеян проявил себя при подавлении паннонского бунта и вскоре завоевал безграничное доверие Тиберия. Когда после назначения отца *префектом Египта* он взял на себя единоличное командование гвардией, то начал планомерно укреплять свое положение. В 23 г. н. э. перевел расквартированную вне стен Рима гвардию в составе девяти городских когорт по 1 000 человек в закрытый лагерь на Виминале и благодаря этому фактически стал военным главнокомандующим Рима. Потом он обручил свою дочь с одним из сыновей будущего *принцепса* Клавдия.

Тиберий слепо доверял Сеяну, потому что тот однажды при обвале пещеры защитил своим телом Тиберия и был готов пожертвовать за него жизнью. Единственным, кто сразу разгадал Сеяна, был Друз, сын Тиберия. Однако наследника трона устранили с пути с помощью яда в 23 г. н. э. До этого Сеян склонил к супружеской измене жену Друза Ливиллу, а в 25 г. н. э. осмелился по всей форме попросить ее руки. Однако Тиберий в щадящей манере отказал.

Тогда Сеян выбрал другой путь для усиления своей

власти. Ему удалось уговорить Тиберия покинуть Рим. Тому уже давно опротивело пребывание в Риме с его конфликтами, интригами, кривотолками и трениями с членами семьи, двором и сенатом. В 27 г. н. э. *принцепс* переселился на Капри. Он стал островным князем, как его в насмешку называли, и так осталось навсегда. Все сообщение с Тиберием проходило через руки Сеяна, который теперь один управлял столицей.

Влияние Сеяна было безграничным. В Риме и в легионерских лагерях в его честь установили статуи, его день рождения объявили праздником, у его статуй приносились жертвы, его духу-покровителю молились, *фактически* ему воздавались культовые почести. После смерти Ливии в 29 г. н. э. для Сеяна не существовало больше никаких преград. Он добился изгнания Агриппины и ее сына Нерона, вместе с *принцепсом* в 31 г. н. э. получил консульство, хотя и не был сенатором и, наконец, проконсульскую власть. Втайне он планировал устранение *принцепса*, который один стоял теперь у него на пути.

Но Сеян перегнул палку, его планы были раскрыты. В последний раз Тиберий «собрал свою силу воли». Когда он посчитал, что Сеян обезврежен, то назначил *префекта курии* Маркона префектом преторианской гвардии, заменил стражу в Риме на внушающую доверие пожарную команду, одновременно обеспечил верность преторианцев, выдав по 1 000 динариев на человека, совершенно неожиданно выдвинул в сенате обвинение против Сеяна. Сенат его арестовал и в тот же день, 18 октября 31 г. н. э., распорядился казнить. Рим охватил кошмар. Толпа валила статуи, в течение трех дней измывалась над лежащим в пыли трупом, который в конце концов был сброшен в Тибр. Было вынесено решение воздвигнуть статую *свободы*, а день казни Сеяна объявить праздником.

Как свидетельствует Ювенал в своей X сатире, падение Сеяна глубоко потрясло современников. Следующие

стихи дают выразительную картину политической атмосферы раннеимператорского Рима:

Власть низвергает иных, возбуждая жестокую зависть
В людях; и почестей список, пространный и славный, их
топит.

Падают статуи вслед за канатом, который их тащит,
Даже колеса с иной колесницы срубает секира,
И неповинным коням нередко ломаются ноги.
Вот затрещали огни, и уже под мехами и горном
Голову плавят любимца народа: Сеян многомошный
Загрохотал; из лица, что вторым во всем мире считалось,
Делают кружки теперь, и тазы, и кастрюли, и блюда.
Дом свой лавром укрась, побелив быка покрупнее,
На Капитолий веди как жертву: там тащат Сеянов
Крючьями труп напоказ. Все довольны. «Вот губы, вот
рожа!»

Ну и Сеян! Никогда, если сколько-нибудь мне поверишь,
Я не любил его. Но от какого он пал преступления?
Кто же донес? И какие следы? И кто был свидетель??
«Вовсе не то: большое письмо пришло из Капрен,
Важное». — «Так, понимаю, все ясно. Но что же творится
С этой толпой?» «За счастьем бежит, как всегда, ненавидя
Падших. И той же толпой, когда бы Судьба улыбнулась
Этому туску, когда б Тиберия легкую старость
Кто придавил: — ею тотчас Сеян был бы Августом назван.
Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы
Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то
Все раздавал: легионы и власть, и ликторов связки,
Сдержан теперь, и о двух лишь вещах беспокожно
мечтает:

«Хлеба и зрелищ!» — «Грозит, наверное, многим уж
гибель».

«Да, без сомнения: ведь печь велика». — «Где жертвенник
Марса,
Встретился мне мой буттидий, совсем побледневший,
бедняга.

Как я боюсь, что Аякс побежденный примерно накажет

Нас за плохую защиту! Бежим поскорее, покуда
Труп на побережье лежит, и недруга Цезаря — пяткой!
Пусть только смотрят рабы, чтобы кто отказаться не
вздумал,
Не потащил, ухватив за шею, к суду господина», —
Вот как болтали и тайно шептались тогда о Сеяне.
Хочешь ли ты, как Сеян, быть приветствуем, так же быть
в силе,
Этих на кресла сажать курульные ради почета,
Тем войсковую команду давать, императорским зваться
Опекуном, пока сам пребывает на тесной Капрее
С кучкой халдеев?

(Ювенал. «Сатира X». М., 1957, с. 235—236.
Пер. Д. Недовича и Ф. Покровского)

Этот вопрос Ювенала имеет значение, потому что в нем, как и во всем стихотворении, чувствуется дистанцирование от общественной жизни. Прежнее римско-республиканское стремление к высшим должностям и *почестям* здесь ставится под вопрос, раз получение должностей зависит от благосклонности или неблагосклонности *принцепса*. Больше не имело смысла выделяться какой-то особой деятельностью, если можно так же быстро подняться, как и быстро упасть. То, что Буркхардт назвал «аполитичностью», уклонением от общественной и политической жизни, охватило тогда все круги населения Рима.

Так как понятие «общественная активность» сегодня носит преимущественно позитивную окраску, нужно заметить, что положение таких социальных продвиженцев, как Сеян, было чрезвычайно опасным. Чтобы свалить такого человека, не требовалось никаких доказательств вины, никаких улик, никаких свидетелей. Достаточно было большого многословного письма *принцепса* с Капри. Сеян

стал примером падения и превратностей судьбы любимчика *принцепса*.

После падения Сеяна безжалостно преследовались все, кто был посвящен в его планы, и многие из тех, кто его поддерживал, были казнены. Не щадили даже маленьких детей. Гибель Сеяна повлекла за собой ряд процессов, и они, как и процессы об оскорблении величества, определили атмосферу последних лет жизни Тиберия. Сам *принцепс*, как уже было сказано, жил с 27 г. н. э. на Капри, который ему нравился не только из-за своей красоты и мягкого климата, но и потому что остров было легко охранять, и там не было большой гавани. Тиберий имел там 12 вилл. С ним вместе жили консуляр Кокцей Нерва, дед будущего *принцепса*, всадник Курций Аттик, некоторое время Сеян, многочисленные греческие литераторы, а также астролог и философ Трассил.

Нет сомнений в том, что удалению Тиберия на Капри в большой степени способствовали напряженные отношения между ним, матерью и женой Германика Агриппиной. Отношение к Ливии резко ухудшилось еще при ее удочерении в завещании Августа, разногласия обострились, когда после тяжелой болезни Ливии в 22 г. н. э. сенат постановил воздать ей снова высокие почести, а Тиберий попытался воспрепятствовать присуждению ей титула *мать отечества*. Насколько неблагоприятными были отношения матери и сына, особенно выяснилось после смерти Ливии. Когда в возрасте 87 лет в 29 г. н. э. Ливия умерла, Тиберий не принял участия в похоронах, запретил все почести покойной, а прежде всего ее обожествление, и не выплатил завещанные ею большие суммы.

После смерти Германика в 19 г. н. э. Тиберий преследовал своей ненавистью его жену Агриппину. Долгое время Тиберий оставался при убеждении, которое выразил в стихе: «Если ты не можешь царствовать, доченька, то ты

думаешь, что с тобой поступили несправедливо». Но ненависть Агриппины к Тиберию дошла до истерики, когда он не разрешил ей снова выйти замуж, и Агриппина вообразила, что Тиберий покушается на ее жизнь и хочет отравить. Еще в 29 г. н. э. дело дошло до процесса против Агриппины и ее сыновей Нерона и Друза. О результатах этого процесса известно лишь то, что Агриппина была выслана на остров Пандатария, а ее сыновья были объявлены врагами государства; все трое нашли бесславный конец между 31 и 33 гг. н. э. Если позже Тиберий и свалил вину за уничтожение семьи Германика на Сеяна, это вызывает большие сомнения, во всяком случае Тиберия нельзя не обвинить в моральном соучастии в гибели своих родственников.

С тех пор правление второго *принцепса* не отличалось оптимизмом. Снова возродились доносы, интриги, вражда между представителями старой аристократии, все это привело к саморазрушению сенаторского сословия, а самого *принцепса* делало все более неуверенным и испытывающим отвращение ко всему. К этим дням относится характерная для душевного состояния старого *принцепса* фраза: «Что вам написать, почтеннейшие отцы сенаторы, или как писать, или о чем в настоящее время со всем не писать? Если я это знаю, пусть боги и богини нашлют на меня еще более тягостные страдания, нежели те, которые я каждый день ощущаю и которые влекут меня к гибели» (Тацит К. «Анналы». IV, 12. СПб., 1993, с. 149).

Если внутренняя политика Тиберия в конце концов оказалась в тупике, то пограничная политика производит совсем другое впечатление. На Западе империи только в Галлии в 21 г. н. э. было восстание под началом двух представителей галльской аристократии, треверов возглавлял Юлий Флор, а эдуев — Юлий Сакровир. Причиной послужило повышение налогов и *тяжкое* бремя, которое несли

галльские племена после вызванной Германиком катастрофы. Юлий Флор поднял племена *бельгийской Галлии*, а Юлий Сакровир — *средней Галлии*. Но ход этого восстания быстро показал, что времена Верцингеторика прошли и что массовый бунт галльских племен не имеет никаких надежд на успех.

Восставшие к тому же не смогли использовать момент внезапности, потому что андекавы, жившие по нижнему течению Луары, и туроны, жившие в области Тура, не дождались сигнала к общему выступлению и ринулись вперед и поэтому были быстро разбиты легатом, выступившим из Лугдуна с одной когортой и с отрядами нижнегерманского войска. Только после этого неудачного пролога Юлий Флор поднял знамя восстания у треверов, в районе реки Мозель были убиты римские купцы, и в начальной стадии восставшие добились по крайней мере локальных успехов. Однако вскоре обнаружилось, что рейнская армия смогла-таки осознать свою двойную функцию по защите как внутренних, так и внешних интересов: когда соединения верхне- и нижнегерманских легионов провели наступательные операции, восставшие быстро потерпели поражение. Флор бежал и был вынужден скрываться, обнаруженный в своем убежище, он покончил жизнь самоубийством.

Потом постоянным центром восстания стала земля эдуев вокруг Августодуна. Город был известен, как центр образования эдуев, он привлекал молодых галльских аристократов и сохранил функции одной из лучших школ Галлии вплоть до поздней античности. Там планы Сакровира были встречены с энтузиазмом, численность войска его сторонников разрослась приблизительно до 40 000 человек. В Риме циркулировали дикие слухи о новом большом восстании в Галлии, но Тиберий не растерялся и принял соответствующие контрмеры. После некоторых начальных трудностей легат верхнегерманского войска Гай

Силий сумел подавить галльское восстание. Сакровир покончил жизнь самоубийством.

Гораздо более значительными, чем эти битвы в Галлии, были волнения во Фракии. Интеграция Фракии в Римскую империю затруднялась тем, что страна имела мало отправных точек для романизации, кроме того, была труднодоступна по природным условиям. На побережье расположились старые эллинистические города, континентальные же районы были малодоступны из-за огромных лесов и знаменитых оленьих угодий. Так как только в маленьких городах и ярмарочных местах были предпосылки для силового проникновения, Август отказался от непосредственного римского правления и довольствовался тем, что оставил страну в статусе клиентельного царства, которым правил тогда заслуживающий доверия царь Реметелак. После его смерти (приблизительно в 14 г. н. э.) царство было разделено между его сыном Котисом, который получил земли южнее Балкан, и его братом Рескупорисом, получившим северные районы.

Вскоре после этого разделения произошли сильные волнения, потому что Рескупорис чувствовал себя, и совершенно справедливо, обделенным. Его банды нападали на территорию Котиса, а в 18 г. н. э. началась открытая война. Она велась самым жестоким образом. Рескупорис застал врасплох своего племянника во время попойки, а вскоре после того, как вмешался Рим, убил. Рим ответил ударом на удар. Римскому полководцу удалось заманить Рескупориса через границу и доставить его в Рим. Там он был лишен власти сенатом, депортирован в Александрию и в конце концов, очевидно после попытки к бегству, казнен.

Во Фракии начались действия по установлению нового порядка, однако они проводились в соответствии с мнением Августа о клиентельных государствах. Сын Рескупориса Ремиталк II получил царство своего отца, правда,

со значительным расширением в сторону юга. Царство Котиса было отдано его несовершеннолетнему сыну, но под опекой Трабеллена Руфа, которому было поручено гражданское управление этой страной. Но и это решение не принесло успеха, волнения продолжались, а в 25 г. н. э. в связи с ликвидацией фракийских войск снова разразилась война.

Очевидно, фракийцы тогда настаивали на своих старых правах, по которым им было положено самим выбирать военного предводителя и в интересах Рима бороться против своих непосредственных соседей. По всей вероятности речь шла о старых привилегиях, которые Рим давал некоторым клиентельным государствам и союзникам.

В результате широкомасштабного наступления Поплею Сабину удалось окружить восставших в горах и после осады вынудить их капитулировать. Подавление этого нового восстания в принципе соответствовало августовским решениям. Только в середине сороковых годов при Клавдии Фракия была преобразована в римскую провинцию.

Опаснее, чем фракийский бунт, были восстание Такфарината в *Африке*. Родом из мусульманского племени нумидийцев Такфаринат дезертировал из римского вспомогательного военного соединения и использовал знания, полученные в армии, для создания в Джебель Ауресе на юге Алжира дисциплинированной боеспособной армии, которая в 17 г. н. э. начала разбойнические набеги. Успех первых набегов был заразителен, на западе их примеру последовали мавры под предводительством Мазуппы. Вскоре это восстание поддержала большая часть тунисцев и алжирцев. Из Рима все это казалось не очень тревожным, так как римский наместник Марк Фурий Камилл выступил против банд Такфарината во главе расквартированного в провинции *Африка* легиона и большой группы вспомогательного контингента и одержал победу, кото-

рая была громко отпразднована. Камилл получил *знаки отличия триумфатора*, и в Риме решили на этом успокоиться.

Однако через четыре года, в 21 г. н. э. снова вспыхнуло восстание. Вскоре стало ясно, что Такфаринат сменил только тактику, но его воля к сопротивлению не была сломлена. Ему удалось втянуть полукочевые племена из районов, находившихся по ту сторону границы империи, таким образом, пограничное пространство между Сахарой и степями превратилось в широкую зону волнений, из которой постоянно производились набеги на земледельческие районы и прибрежные города. С римской стороны против Такфарината был направлен родственник Сеяна Квинт Юлий Блез. Он предпочел вести подвижную маневренную борьбу и пытался расколоть вражеский фронт и по отдельности разбить войска восставших. С помощью этой тактики он действительно добился некоторых успехов, войска провозгласили его *императором*, он стал последним римским полководцем, удостоившимся такой чести, не принадлежа к *дому принцепса*.

Но очень скоро выяснилось, что восстание Такфарината на этом не закончилось, а снова возобновилось и стало еще более опасным из-за подкрепления от гарамантов и из Мавритании, тем более, что оно охватило саму провинцию *Африка*. Восставшие осмелились осадить большой город и были отброшены римским контрнаступлением под командованием Публия Корнелия Долабеллы. Восстание закончилось в 24 г. н. э. и как раз в тот момент, когда Долабелла захватил большой палаточный лагерь восставших, находившийся к юго-востоку от Алжира, при этом нападении Такфаринат погиб. Как и в случае с Фракией, Тиберий мог превратить *Африку* в римскую провинцию, однако, следуя правилам Августа, он этого не совершил. Следующий важный организационный шаг сделал Калигула, когда подчинил стоящий в *Африке* легион императорскому легату.

На Востоке империи римско-парфянские отношения были снова закреплены Германиком на основе старых договоров от 20 г. до н. э. и 1 г. н. э. Принадлежащий по женской линии к династии Арсакидов Артабан III поддерживал до 35 г. н. э. дружественные отношения с Римом. Частично такая позиция парфянского царя объяснялась тем, что в те годы он должен был примириться с существованием нового восточно-парфянского царства и поэтому стремился интегрировать относительно независимые государства на западе, например, *Мидию Атропатену*. При этом он достиг немалых успехов. Когда в 35 г. н. э. умер армянский царь Артаксий, Артабан III вторгся в Армению, занял столицу Артаксату и посадил на армянский трон своего старшего сына Арсака. На каппадокийской границе произошли нападения и нарушения границы; видимо, Артабан III увлекся дальнейшими провокациями.

Тогда островной князь с Капри дал ему доказательства своих несокрушимых способностей. Тиберий передал армянское царство младшему брату царя, живущих на Кавказе иверов — Фарасману, и тем самым вынудил его к активным действиям. Фарасман захватил Артаксату и убил сына Артабана III. Таким образом, брат иверского царя Митридата получил армянский трон, а насколько эффективным было это вмешательство, парфяне узнали очень скоро. Когда появилось парфянское войско под командованием принца Орода, чтобы отомстить за убийство Арсака, оно было уничтожено вооруженными силами римских союзников при поддержке сарматов, аланов и представителей других племен.

Но это была одна из контрмер Тиберия. Одного за другим Рим повесил на шею Артабана III двух претендентов, один из которых Тиридат в 36 г. н. э. перешел через Евфрат и короновался в Ктесифоне, тогда как весь восток парфянского царства отпал от Артабана III. Большой угрозой для парфянского царства была группа войск, которую собрал Луций Вителлий, назначенный Тиберием легат Си-

рии и одновременно главнокомандующий войсками против парфян. Если даже Артабану III и удалось расправиться с Тиридатом, он все-таки правильно оценил силу римских войск и в феврале 37 г. н. э. уже при Калигуле согласился на встречу на Евфрате для того, чтобы признать *status quo*. Устранение этой опасности было одним из самых удивительных достижений Тиберия.

67-летний Тиберий, умерший 16 марта 37 г. н. э. в Мизенах, уже давно смирился с судьбой. Его последние годы омрачились разочарованиями и подозрительностью, что привело к мании преследования, так что можно понять радость римского населения по поводу долгожданного конца правления мизантропа. Однако последние мрачные годы этого человека не могут перечеркнуть того, что умерла типично римская личность. Официального *осуждения памяти* не последовало, покойного торжественно похоронили, но не возвысили до звания божественного. Гораздо серьезнее было воздействие литературного запрета, о котором уже говорилось. Великого скептика он никак же мало взволновал бы, как и крики римского *плебса*: «*Тиберия в Тибр!*»

Значение принципата Тиберия не исчерпывается ни постоянными хлопотами вокруг личности «второго», ни критикой Тацита, ни переоценкой, ни защитой чести. Оно может стать понятным, если исходить из феноменологии новой политической системы, которая объясняет этот принципат. Именно потому, что этот второй *принцепс* в основе своей был больше связан старыми аристократическими традициями, чем Август, именно потому, что он был в первую очередь военным, а не политиком, при его приходе четче проявились импликации новой системы.

Уже сама передача власти обнаружила слабый конституционно-правовой базис, на котором был воздвигнут принципат; в той же степени, как и восстания обнаружили ключевое положение больших войсковых соединений. И при Тиберии еще удавалось дисциплинировать войска и

справляться с бунтами, десятилетия спустя их уже нельзя было удержать, и они навязывали Риму своих кандидатов. При Тиберии обнаружилось прежде всего опасности важнейшего инструмента и оплота новой системы. Речь идет о большой семье *принцепса* или, по Тациту, о *доме принцепса*, который расшатывался непомерными амбициями женщин и нездоровым стремлением к власти назначенного наследника трона. Стало ясно, что небольшой круг женщин достиг большего влияния на римскую политику и общество, чем когда-либо раньше. Это проявилось в случае с Сеяном, когда должность командира гвардии открывала огромные возможности. Характерно, что эта большая угроза новой системе исходила не от представителей старой сенаторской аристократии, а от всадника, который добился такой высокой властной должности благодаря доверию *принцепса*.

Принципиально оборонительная пограничная политика Тиберия не была признаком слабости; демонстрация силы против парфян и подавление восстаний, наоборот, показали, что империя располагает армией, способной справиться с любыми опасностями. Просто Тиберий ясно сознавал, что военные возможности империи на границах достигли предела, и новые наступления нужны только там, где они были неизбежны.

Принципат Тиберия научил еще и следующему: он показал, как опасно пренебрегать общественным мнением Рима, с аристократическим высокомерием не обращать на него внимания и отказываться от планомерного влияния на него, как это успешно делал Август. Девиз Тиберия: «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались» (Светоний. «Тиберий», 59, 2) был для него фатальным. Государственная форма, которая могла держаться только на массивном применении идеологических средств, требовала для ее утверждения идеологического влияния на все социальные группы империи.

Римская Империя при Калигуле, Клавдии и Нероне (37—68 гг. н.э.)

Принципат Гая или Калигулы означал после Тиберия кризисную реакцию во всем. После старого человеконенавистника появился самовлюбленный, испорченный ранней популярностью молодой человек. За последним республиканским *принцепсом*, как его называли, последовал близкий к восточным формам монарх. Он уже раньше общался с эллинистическими восточными царями и принял духовное наследство Антиноя, с которым был в родстве по материнской линии. За трезвым, отвергающим культное почитание Тиберием, последовал отождествлявший себя с богами и требующий божественных почестей юноша. Правление этого «безрассудного, не знающего стыда злодея», как назвал его Фриц Тегер, можно было бы определить, как извращение, если бы Калигула не был представителем характеризующих принципат сил.

Своим возвышением двадцатипятилетний Гай был объявлен энергичной и осмотрительной организации префекта историканской гвардии Макрона, преемника Сеяна. Гая не знали, по крайней мере, солдаты рейнской армии как сына Германика. Там он получил прозвище Калигула из-за солдатских сапожек, которые носил. Из-за его болезни (он страдал приступами эпилепсии), умышленной сдержанности и приспособленчества ни Сеян, ни Тиберий не принимали его всерьез.

С другой стороны Тиберий, в отличие от Августа, не назначил наследника, а предоставил сенату сделать выбор между членами дома Юлиев. Тиберий завещал свою власть домовладыки Гаю и Тиберию Гемеллу. Гемелл, родной внук Тиберия, сын его сына Друза, был, конечно, ближе, но в отличие от Гая являлся несовершеннолетним.

Кандидатура Гая была довольно сомнительной. Как бывший квестор, он по *авторитету*, если вообще можно об этом говорить, не мог и близко равняться с Тиберием, кроме того, у него не было военного и административного опыта, римское население знало его только как сына Германика. Но почти через два десятилетия после смерти Германика от его большой клиентелы почти ничего не осталось. При своем вступлении во власть Гай опирался не на сенат, а на преторианского префекта Макрона. Он с самого начала решил использовать Макрона только как инструмент, в то время как сам Макрон надеялся занять то же положение, что Агриппа при Августе, а позже Бурр при Нероне.

Человек, который еще в 31 г. н. э. воспользовался падением Сеяна, справился с ситуацией, сложившейся после смерти Тиберия. Разослав послания к войскам, Макрон подготовил приход Гая к власти. Как только 16 марта 37 г. н. э. умер Тиберий, находившиеся в Мизенах преторианцы провозгласили Гая императором. Кроме войск, клятву верности новому претенденту на принципат принесло население Италии. Речь шла о клятве повиновения Гаю Цезарю Германику — таково было официальное имя нового *принцепса*. Позже Гай заставил приносить эту клятву ежегодно, чем превратил ее в формальность.

Гай вполне корректно сообщил сенату о своем провозглашении *принцепсом* и попросил сенат утвердить этот акт. С государственно-правовой точки зрения это было очень существенно. Не случайно, что Гай избрал днем

прихода к власти не день провозглашения преторианской гвардией, а 18 марта — день утверждения сенатом.

Как и после смерти Августа, после вступления Гая в Рим на заседании сената сначала было обнародовано завещание Тиберия, гласившее, что Гай и Тиберий Гемелл получали равные части наследства и каждый из них становился наследником другого. Кроме того, на этот раз большая часть наследства была разделена между солдатами, римскими гражданами и весталками. По сведениям Кассия Диона, Гай склонил сенат к тому, чтобы объявить это завещание недействительным и таким образом исключить Тиберия Гемелла и передать все имущество ему.

Однако Гай предложил сторонникам Тиберия вполне приемлемый компромисс: поскольку он сам еще не имел детей, то усыновлял Тиберия Гемелла и назначал его *наследником престола*. На этом же заседании сената 29 марта 37 г. н. э. все полномочия и почетные права, которые имели Август и Тиберий, были переданы Гаю. Теперь принципат стал прочным, целостным единством; постепенное развитие правового базиса привело к компактному институциональному упрочнению.

Известная надпись из Ассия в Малой Азии свидетельствует о том, с каким энтузиазмом было встречено восхождение Гая на престол в провинциях: «В год консульства Гнея Ацеррония и Гая Понтия Петрония Нигрина (1 г. н. э.). Решение по поручению народа Ассия: Так как было объявлено о долгожданном для всех людей восхождении на престол Гая Цезаря Германика, и мир не знает беды в своей радости, и так как каждый город и каждый народ спешит увидеть бога, потому что теперь наступил золотой век для всего человечества, городской совет, римские купцы и народ Ассия постановили образовать посольство из самых уважаемых римлян и греков, чтобы оно поздравило его и ходатайствовало перед ним, дабы он

помнил о городе и заботился о нем, как он это пообещал нашему городу, когда впервые прибыл в провинцию со своим отцом Германиком». Затем шла клятва верности жителей города Калигуле и всему его дому.

Политические заключенные были амнистированы, прекращены процессы по оскорблению величества. Запрещенные труды «республиканского» или оппозиционного содержания, такие, как произведения Гремичия Корда, Тита Лабиена и Кассия Севера, могли снова распространяться, доноски подвергались преследованиям, праздник сатурналий был продлен. Новая эра приветствовалась кровавыми жертвоприношениями, говорили о 160 000 жертвенных животных за три месяца. Были сняты налоги на продажу товаров, и проведены пышные игры. Ничего нет удивительного в том, что всех охватила бурная радость.

В начале своего правления Гай демонстрировал *благочестие*. Совершенно неожиданно он отплыл на Пандатарию и Понцию к местам изгнания своей матери Агриппины и брата Нерона. Он перевез их прах в Рим и похоронил их со всеми почестями в мавзолее Августа.

Но быстро пришло отрезвление, когда за короткий срок были растрочены все накопленные Тиберием резервы государственной казны и когда тяжелая болезнь свалила молодого *принцепса*. После этого его капризы и полная моральная распушенность не знали никаких пределов. Он понимал принципат, как абсолютную власть, считал своей личной собственностью людей, провинции и все государство, при приветствии требовал целования рук и ног. Как считают, этим «эллинистическим восприятием» объясняется его отношение к любимой сестре Друзилле, с которой он был в кровосмесительной связи. Но, возможно, в основе этого лежал феномен браков Птолемеев между братьями и сестрами. При этом для Калигулы было характерно то, что он не осмелился на формальную свадьбу в Риме. Но Друзилла после смерти в 38 г. н. э. стала пер-

вой женщиной, получившей звание «*божественная*», то есть она была причислена к городским богам. Ее золотое изображение установили в курии, а статую — в храме Венеры. Как *божественная Друзилла* она почиталась во многих городах римского мира.

Теперь династический элемент демонстрировался не прикрито. На монетах появились сестры *принцепса* Друзилла, Ливилла и Агриппина с рогом изобилия, чашей и свым веслом, то есть с атрибутами богинь плодородия, согласия и Фортуны. Бабка Калигулы Антония получила не только титул *Августа*, но ей, как и трем сестрам *принцепса*, были переданы почетные права весталок, имена включили в обеты и императорскую клятву.

С этими же представлениями связана также претензия Калигулы на культовое почитание. Трусливый, дрожащий при всякой непогоде человек отождествлял себя с Юпитером и с другими богами, серьезно думал, что общается с луной. Между Капитолием и императорским дворцом он воздвиг арку, чтобы постоянно иметь прямой контакт с Юпитером, использовал храм Диоскуров на форуме в качестве вестибюля к собственному дворцу, ему удалось смогли помешать заменить знаменитую статую Фидия своим изображением и ввести в Иерусалиме культ императора. Все это вряд ли стало бы возможным без безграничной раболепности сената, который ответил на претензии правителя, обращаясь к нему, к богу и герою.

Известно, что Калигула вновь ввел в Риме культ Изида на Марсовом поле воздвиг ей храм, тогда как при Нерии применялись решительные меры против культа Изида. Из литературы известно его враждебное отношение к иудейской религии, а именно из сообщения александрийского еврея Филона о его участии в посольстве к Калигуле. Это посольство отправилось в Рим зимой 39—40 г. н. э., чтобы известить *принцепса* об антисемитских

выходах в Александрии, попросить о терпимости к представителям своей религии и, вполне вероятно, о предоставлении полного александрийского гражданства. Это посольство потерпело неудачу. Месяцами они буквально подкарауливали Калигулу, а когда, наконец, были допущены, правитель назвал их «проклятыми богом, которые не считают его богом», и окончил аудиенцию снисходительным замечанием: «Люди мне кажутся не столько злыми, сколько несчастными и неразумными, потому что не верят, что я получил божественную сущность».

Если отношение Калигулы к евреям оставалось отстраненным, то этому способствовали некоторые обстоятельства, например, тот факт, что в Иудее евреи разрушили алтарь, посвященный Гаю нееврейскими жителями, и так решительно сопротивлялись плану Гая поставить в Иерусалимском храме свою статую, что он по совету своего друга Ирода Агриппы отказался от этого плана. Несмотря на все, нельзя говорить о врожденном антисемитизме Гая и о его ненависти к евреям.

Внешнеполитическая деятельность и военные мероприятия Калигулы в античных источниках выглядят чистым фарсом. Очевидно, что для сына Германика вопросом престижа и актом уважения к семейным традициям являлось новое наступление на германцев и, как когда-то для Цезаря, вторжение в Британию. Осенью 39 г. н. э. под личным руководством Калигулы был предпринят поход в правобережный рейнский регион. Позже военными операциями там руководил *принципс* Гальба. При этом крупные стратегические цели преследовались так же мало, как и подобной экспедицией 40 г. н. э. Однако нельзя исключить, что она служила наведению дисциплины в совершенно разложившемся верхнегерманском войске или набору соединений для похода в Британию.

Как раз во время этой подготовительной фазы был раскрыт заговор против Калигулы, который организовал

тогдашний командующий верхнегерманского войска Гней Корнелий Лентул Гетулик. В этом заговоре участвовало не только большое число сенаторов, но и Эмилий Лепид, сначала муж сестры Гая Друзиллы, а теперь любовник другой его сестры Агриппины. Гай разоблачил заговор, Гетулика и Лепида принудил к самоубийству, а обеих сестер выслал на Понтийский остров. Их собственность была продана с молотка зимой 39—40 г. н. э. в Лугдуне.

Никаких предпосылок для похода в Британию даже после этих событий не было. Сконцентрированное весной 40 г. н. э. у Ла-Манша войско было, правда, погружено на корабли, но флот удовольствовался одной демонстрацией силы и не был десантирован. Причины этому следует искать в недостаточной дипломатической подготовке. По всей вероятности, надеялись воспользоваться внутренними раздорами в Британии, однако, видимо, в этот момент междоусобные войны утихли. Эти обстоятельства подразумевались в анекдотах о собирающих ракушки у Ла Манша легионах. Единственным результатом экспедиции явилось строительство большого маяка у Булони.

По семейным традициям центром тяжести внешней политики Калигулы был северо-запад империи. На Востоке, будучи связанным дружескими узами с эллинистическими клиентельными князьями, он вернулся к форме непрямого управления. На Балканах, в Малой Азии, Сирии и Палестине для его друзей были созданы эфемерные клиентельные государства. Так три сына Котиса получили Фракию, Малую Армению и *Понт*, Антиох Коммагенский получил трон на своей родине, Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, получил титул царя и две старые иудейские тетрархии.

Как уже упоминалось, Калигула после болезни совершенно распоясался. Уже в 38 г. н. э. Макрон пал и был приведен до самоубийства, чем уничтожилось последнее напоминание о зависимости правителя от этого челове-

ка. Чтобы хоть немного покрыть лавинообразно растущие долги, был круто повернут административный руль. *Новые налоги на транспорт* и промысловые налоги выкачивали деньги не только у богатых. Всякого рода штрафы накладывались с единственной целью добраться до денег.

Полученные суммы растрчивались на бессмысленную роскошь, в которой утопал двор, особенно в Неапольском заливе. Там не было ничего невозможного: между Путеоли и Баули был сооружен понтонный мост, и никого не трогало, что поставка нужных для этого кораблей мешала подвозу зерна. Калигула в доспехах Александра Великого театрально проскакал по мосту в сопровождении гвардии и двора. Он появился снова на параконной упряжке вместе с парфянским князем.

Время его правления становилось все тяжелее. Калигула заставил окончить жизнь самоубийством многих сенаторов и своего приемного сына Тиберия Гемелла и снова ввел процессы об оскорблении величества. С таким же пренебрежением он относился и к народу во время праздников и игр. Изменение порядка выборов в пользу народа было совершенно бессмысленным, потому что граждане больше не могли исполнять предназначенные им функции.

Учитывая все эти факты, правление Калигулы нужно понимать как патологический случай или как сведение эллинистической альтернативы к римско-италийской форме принципата. Современные попытки придать эксцессам Калигулы более глубокий смысл не убеждают. Скорее справедливо будет то, что высказал по этому поводу знаменитый пацифист и лауреат Нобелевской премии мира Людвиг Квидде в 1894 г. Он понимал это как образ «цезарянского безумия», монархической профессиональной болезни: «Ощущение неограниченной власти заставляет монарха забыть о рамках правового порядка: теоретическое обоснование этой власти как божественного права делает

безумными мысли несчастного, который пагубным образом верит, что формы придворного этикета, а еще больше раболепное поклонение тех, кто близок к правителю, делают его выше всех людей, существом, возвышенным самой природой; из наблюдений над своим окружением он делает вывод, что вокруг него подлая, презренная толпа». Тот, кто прочел дальше эти упреки и характеристики, подумал, что речь идет не о Калигуле, а о молодом немецком кайзере Вильгельме II, на которого он намекал: «страсть к роскоши и расточительству», «громадные застройки и строительные проекты, «стремление к военным триумфам», «театральный внешний вид», «покорение мирового океана», «комедиантское поведение» и т. д.

После возвращения из британской экспедиции весной 40 г. н. э., а в принципе после раскрытия заговора Гетулика осенью 39 г. н. э. Калигула жил в постоянном страхе перед покушениями и одновременно в состоянии открытой войны с сенатом. Ему было совершенно ясно, что оппозиция сената принципиальна, и он не делал больше попыток с ним примириться. После раскрытия заговора, говорят, он перед сенатом ударил по своему мечу и воскликнул: *«Я приду, приду, и он со мной вместе»*. А дальше он якобы открыто признался, что вернется в Рим только ради тех, кто этого желает, а именно ради всадников и римского народа, а для сената в будущем он не хочет быть ни гражданином, ни *принцепсом*.

Это открытое противостояние сенату частично объясняет попытка Калигулы укрепить свое положение правителя другими способами. В принципе здесь налицо такое поведение, как позже в случае с Домицианом, когда было правилом, что *принцепсы*, которым не удалось содружничество с сенатом, вынуждены были осуществлять кратическое правление, и наоборот. Может быть, Калигула отказался от триумфа после германского похода, потому что не хотел принять от сената эти почести. Нако-

нец, в его безумии можно было бы увидеть определенный метод, когда он будто бы вынашивал планы сделать сенатором своего любимого коня Инцината; в этом тоже, возможно, присутствовало намерение оскорбить сенат.

Очевидно, уже в течение 40 г. н. э. формировались различные оппозиционные группировки, решившие убить Калигулу. Но само деяние выполнили несколько гвардейских трибунов и среди них не раз лично оскорбляемый Калигулой Кассий Гереа. Когда *принцепс* 24 января 41 г. н. э. в перерыве между играми возвращался по подземному переходу во дворец и при этом на секунду отошел от своих германских телохранителей, заговорщики убили его, и так закончилось правление этого не все способного садиста.

Хотя римский сенат после полудня 24 января почти непрерывно заседал, обсуждение не принесло никаких результатов. Естественно, вновь возродилась идеология *свободы*, вечером этого дня был дан пароль *свобода*. В остальном сенаторы не смогли договориться ни о немедленном восстановлении старой республиканской конституции, ни об общем кандидате на принципат. Тогда в последний раз на короткий срок представилась возможность возвращения к старому государственному устройству. Однако ситуация разрешилась в другом месте.

Преторианцы, обыскивающие дворец *принцепса*, обнаружили за занавесом Клавдия, дядю Калигулы, хромого сына старшего Друза. Само собой разумеется, этот нервный, боязливый человек находился в смертельной опасности, так как к этому времени заговорщики убили жену Калигулы Цезонию и его младшую дочь Друзиллу. Раздавались голоса, что нужно уничтожить весь дом Цезарей. Но преторианцы, нашедшие Клавдия, доставили его в свой лагерь, то есть в самое безопасное место. Какое значение Клавдий придавал своему спасительному аресту в преторианском лагере, видно уже по тому, что он

через некоторое время приказал изобразить на монетах сюжет, напоминающий это событие.

Фактически Клавдий стал кандидатом от преторианцев. После того, как он пообещал каждому гвардейцу по 15 000 сестерциев, они были готовы идти за него в огонь и в воду. Они провозгласили его императором и утром 25 января 41 г. н. э. устроили ему торжественное приветствие. Сенату ничего не оставалось, как признать этот свершившийся факт; в полдень консулы во главе делегации от сената отправились в преторианский лагерь и там приветствовали нового принцепса. С обеих сторон еще долгое время сохранялось большое недовольство по поводу такого развития событий.

Тем временем Клавдий находился в крайне деликатном положении. Если он не хотел оставаться вне закона, то не мог так просто примириться с убийством Калигулы и его семьи. Он должен был либо полностью дистанцироваться от своего предшественника, либо отождествить себя с ним. После пафоса настроений свободы и, имея в виду покровителей заговорщиков, совершенно исключалась жизнь всех участников заговора. Клавдий решил на целесообразный с его точки зрения компромисс. В присутствии всех сенаторов он вынес смертный приговор обоим трибунам, Кассию Херее и Лупу, причем не столько за убийство Калигулы, сколько за убийство его жены и дочери. Для остальных Клавдий объявил амнистию, правительственные меры Калигулы были официально признаны недействительными, а статуи убраны.

И в случае с Клавдием формы проявления *принципатизма* были следствием и выражением его личности. У родившегося в 10 г. до н. э. брата Германика Тиберия Клавдия Цезаря, таково его официальное имя, было несчастливое детство. Он был безобразен, постоянно болел, заикался и вел себя, как рассеянный путаник. Рядом с красивым, вызывающим симпатии Германиком он казался

паршивой овцой в семье. Его часто унижали в самой оскорбительной форме. Однако Август признавал по крайней мере его душевные качества, а Ливия ему покровительствовала. Поэтому позже он ее обожествил.

Наряду с некоторым слабоумием и неустойчивостью, которая проявлялась в прямо-таки животных формах, у Клавдия был серьезный интерес к наукам, особенно к истории и филологии. Правда, его литературные труды утрачены, это 20 книг этрусской истории, 8 книг истории Карфагена на греческом языке, 8 книг автобиографии, речи в защиту Цицерона и 41 книга об Августе. Примечательно, что историческими трудами он начал заниматься по совету Ливия и поэтому стал писать историю гражданской войны, начиная со смерти Цезаря. После того, как он написал две книги, показавшие, насколько беспристрастны были представления Клавдия о principate, друзья отсоветовали ему писать дальше и уговорили начать историю с 27 г. до н. э., где Клавдий находился бы на более безопасной почве.

Свои филологические труды Клавдий воспринимал не столько серьезно, что уже будучи *принцепсом* решил внести изменения в принятый тогда алфавит. Замена дифтонга ae на архаический ai, как и введенные Клавдием буквы t, o, z, не привились.

Научная и особенно историческая деятельность Клавдия не исчерпывалась этими экспериментами, и она была скорее просто причудой. Занятия пробудили в *принцепсе* размышления; знание римской истории и традиций привело к историческому взгляду на римскую политику, который проецировал события настоящего на общий исторический процесс. В характерном для него стиле Клавдий, например, обосновывает то, что он вступился за почетные привилегии для галльской знати: «Я прежде всего прошу о том, чтобы вы не отвергали эти мысли и не страшились этой меры, как будто она приведет к чему-то ни-

когда не существовавшему, а лучше подумали, как когда-то в этом государстве осуществлялись нововведения и как с самого начала нашего государства в наше совместное существование вводились новые формы и представления... Ведь было новшеством, когда мой дед, *Божественный Август*, и мой дядя Тиберий Цезарь разрешили занять место в курии «цвету» всех колоний и городов, то есть уважаемым и богатым людям. Как? Разве италийский сенатор предпочтительнее сенатора из провинции? Я оправдаю эту часть моей деятельности как цензора и объясню, что я об этом думаю. А я думаю, что нельзя отказываться от провинциалов, имея в виду, что они способны увеличить авторитет курии» (ILS 7021).

В отличие от Калигулы, а позже от Нерона, у Клавдия было собственное представление об основных чертах его политики и принципата. Консервативный реформатор, который где только мог ссылался на пример *божественного Августа*, убедительно стилизовал свое правление. Так как у него не было никакой военной квалификации, он распорядился прославить на монетах деяния своего отца Друза Старшего и таким образом еще раз напомнить о подвигах своей семьи в борьбе против германцев. Позже появились и его собственные успехи в Британии. В остальном лозунги этого принципата были скорее сдержанными: наряду с *миром Августа*, подчеркивалась *свобода Августа*, как демонстративный отказ от произвола прошлого. Такими понятиями, как *Церера*, *надежда* и *постоянство*, на первый план выдвигались общечеловеческие ценности, как программа доброй воли. Такой метод во всяком случае был более правдоподобным, чем изображение заикающегося и хромого человека в образе Юпитера с орлом, как его показывает с пафосом огромных размеров статуя в Ланувии.

Хотя Клавдий и прилагал большие старания, хотя многие из его начинаний были убедительными, гуманными и

разумными, его внешний вид производил смешное впечатление, и его окружение постоянно опасалось неловких сцен. Он никогда не обладал силой воздействия, твердостью и авторитетом. Лучшим средством для устранения всех сомнений в пригодности Клавдия было усиление внешнеполитической и военной деятельности. Важнейшим результатом этих новых инициатив явилось вторжение в Британию.

Вероятно, за этим решением скрывались различные мотивы: наряду с честолюбием Клавдия, желание следовать традициям Цезаря и заставить забыть жалкий балаган Калигулы, цель заключалась в том, чтобы завладеть этим последним большим бастионом кельтства и религии друидов. Возможно, к этому также побудили и ложные представления о топографии, полезных ископаемых и экономических возможностях острова и, наконец, намерение предотвратить создание милитаризованной зоны на Ла-Манше и защитить галлов от проникновения кельтов из Британии. Как бы там ни было, в Риме началась дискуссия, стоит ли вообще затевать это дорогостоящее мероприятие.

Для британцев короткие походы Цезаря в 55 и 54 г. до н. э. были лишь эпизодами; в эпоху Августа римское влияние опиралось прежде всего на клиентельных царей. При этом политическая обстановка на острове менялась очень быстро. Особенно значительной к этому времени была власть Кунобелина, который управлял Эссексом, долиной по среднему течению Темзы и частью Кента. В 10 г. н. э. он перенес свою столицу в Камулодун (Колчестер) и выпустил большое количество монет. Археологические находки в зоне его власти и из соседних районов, а именно: серебряная посуда, стеклянные и глиняные изделия, украшения, товары ремесленного производства и сосуды для питья — свидетельствуют об оживленной римской торговле с местной аристократией.

После того, как к началу сороковых годов Кунобелин умер, его сыновья Тогодумн и Каратак продолжили нападения на соседей. Они так притеснили потомка царя атрев в Коммия Вериду, что он в конце концов обратился к императору. В этом не было ничего необычного, так как бритские аристократы часто обращались за помощью к римлянам, но на этот раз обращение Вериды вызвало римскую интервенцию. Клавдий провел большую подготовку к походу на север. Под командованием бывшего легионного трибуна Паннония Авла Плавтия у Ла-Манша наготове стояли четыре легиона. После некоторых беспорядков, вызванных страхом войск перед этим рискованным мероприятием, римская армия, усиленная галльскими и фракийскими вспомогательными группировками в составе около 30 000 человек, переправилась тремя эшелонами из Гесоумума.

Высадка прошла благополучно, Рутупии стали британской военной базой римлян. У Медвея произошло первое столкновение, в котором погиб Тогодумн, а его войска в беспорядке отошли на север. Брат Тогодумна Каратак убежал на запад и на протяжении многих лет был опасным противником на фланге римского предместного укрепления. После того, как римские войска дошли до Темзы, Плавтий прекратил продвижение и ждал там прибытия Клавдия, который на 16 дней взял на себя главнокомандование и таким образом смог пожать плоды успеха. Под номинальным руководством Клавдия римские войска взяли Камулодун и покорили предводителя соседних племен Празутага, князя живущих в Суссексе регнов, который когда-то получил *титул царя и легата Августа*. После блестящего завершения похода Клавдий вернулся в Рим, отпраздновал триумф, дал своему сыну имя Британик и был удостоен триумфальной арки на Марсовом

Рис. 13. Римская Британия

Авл Плавтий, назначенный первым наместником новой провинции *Британия*, от предмостного укрепления на юго-востоке острова продолжил наступление на север, се-

северо-восток и юго-запад. На севере римское войско продвинулось до Линкольна, где был разбит лагерь легионов Чинд. Оттуда римляне установили контакты с царицей бригантов Картимандуей. Эти контакты вскоре принесли успех. Вторая колонна предприняла продвижение на северо-запад в земли мелданов, третья колонна под командованием Веспасиана продвинулась на юго-восток, захватив остров Вектис, и заняла более 20 укреплений, вероятно, в области Дорсет и Вильшир. Возможно, тогда римлянами было разрушено большое укрепление Майден Кастл.

Следующий наместник провинции Публий Осторий Кипула, который управлял островом с 47 по 52 гг. н. э., достиг в военном отношении занятый римлянами рубеж по линии Фосс-Уэй и укрепил фланги легионерскими лагерями Глевум Глочестер и Линд Линкольн. На заримской сферы влияния, наоборот, начались волнения: так как сын Кунобелина Каратак сумел развязать войну против римлян сначала у силуров на юго-востоке, потом у ордовиков на северо-западе Уэльса. В землях ордовиков он, наконец, решился на открытое сражение. А уже после него бежал к Картимандуе, она в 51 г. выдала его римлянам.

Римская оккупация Британии прошла относительно мирно. Римляне воспользовались не только преимуществами своего совершенного технического аппарата, но и распрями и ссорами среди британских племен, которые, возможно, недооценивали угрожающую им опасность и не смогли своевременно объединиться для совместной защиты от римлян. Даже упорное сопротивление отдельных групп и предводителей не смогло ничего изменить в ходе дальнейшей римской оккупации. Преобразование занятых земель в провинцию показывало, что этот остров надолго останется под управлением римской администрации. Для ее утверждения и расширения Рим деньгами должен был выкладывать огромные суммы.

Британия и Германия при римском господстве являлись сообщающимися сосудами, присоединенными к галльской активной зоне. Наступления там и здесь повлекли за собой строго оборонительную политику, так как военные возможности были всегда ограничены. Концентрация римских войск в Британии влекла за собой ограниченную военную активность в Германии, сводившуюся к сохранению достигнутого военного положения. Для римских полководцев такая сдерживающая стратегия являлась разочарованием, особенно для Домиция Корбулона, одного из способнейших полководцев того времени, который руководил тогда римскими военными операциями на нижнем Рейне.

Корбулон подавил восстание фризов, потеснил от моря совершающих набеги хавков и уже был близок к тому, чтобы снова стабилизировать римское господство к востоку от нижнего Рейна, когда в 47 г. н. э. получил приказ прекратить операции и вернуться на рейнскую базу. Этим самым была подведена черта указаниям Тиберия Германику, что способствовало продолжению освобождения правобережных Рейнских областей от Северного моря до Тавна.

В предполье Майнца, наоборот, в Таунусе и Веттерау соорудили по правому берегу Рейна большие предмостные укрепления, хатты были отброшены, римские форпосты у Висбадена, где Плиний Старший использовал горячие источники, усилены и защищены. В землях маттиаков римские войска еще раньше проводили военные операции, которые свидетельствовали о том, как целеустремленно римские полководцы стремились к экономическому использованию своих военных округов. Тацит сообщает, что Курций Руф, командовавший в 47 г. н. э. верхнегерманскими легионами на землях маттиаков в нижнем Лане у Эмса, «построил рудник для разработки сереброносных жил. Добыча в нем была незначительной и

с скоро иссякла. Копать водоотводные рвы и производить под землей работы, тяжелые и на поверхности, не говоря уж об изнурительности труда, было сопряжено для легионеров также с материальным ущербом» (Тацит К. «*Анналы*». СПб., 1993, XI, 20).

И на юге верхнегерманского региона укрепление, использование и окончательная организация были основными приоритетами стратегии и политики Клавдия. Недалеко от легионерского лагеря Виндонисса к югу от истмуса реки Дунай построили крепость, а на севере рейнской территории одновременно образовали римское поселение. Вдоль Дуная возникла целая цепь крепостей, под одной из которых находился *Норик*. Эта область между Альпами, Инном, Дравой и Дунаем до сих пор управлялась только германскими племенами, а теперь была преобразована в прокураторскую провинцию с наместником из всаднического сословия. Наряду с этим благодаря системному преобразованию в пограничной зоне римская власть в Германии опиралась на клиентельных царей. Так, по просьбе хевров в 47 г. н. э. вернулся на родину Италик, выросший в Риме сын брата Арминия Флава. Его сопровождал небольшой штаб советников и большие денежные средства. Все это было сделано для упрочения римского влияния на бывших противников. Правда, эксперимент имел ограниченный успех.

Вторым центром тяжести внешней политики Клавдия стала Мавритания. Там еще при Калигуле был убит последний царь этой страны Птолемей, на что население отреагировало крупным восстанием. Римский легионист Паулин подавил его в 42 г. н. э. и стал периферийным римским полководцем, проникшим в Атлас, не успев однако покорить полукочевые, трудноуловимые мавританские племена. Страна была разделена на две провинции — Мавритания Тингитата на западе и Цезаренская Мавритания на востоке.

Остальные внешнеполитические инициативы этого принципата являлись второстепенными. Например, в Боспорском царстве был посажен на престол римский вассал Котис. Чтобы поддержать его, римские войска перешли Дон. Столкновения с парфянами из-за Армении продолжались. Правда, удалось почти десять лет удерживать в Армении римского клиентельного правителя, но в конце правления Клавдия страна опять попала под парфянское влияние, что означало начало новой борьбы.

Если подвести итоги внешнеполитической деятельности принципата при Клавдии, то к империи были присоединены шесть новых провинций. Причем, три из них — Британия и обе Мавритании — явились новыми приобретениями, а три остальных *Ликия* и *Фракия* (43 г. н. э.) и *Иудея* (44 г. н. э.) до этого зависели от Рима, а теперь получили статус римских провинций. Не является совпадением, что эти события, которые однозначно свидетельствуют об успехах Клавдия, падают на первые годы его правления, когда он больше, чем когда-либо, нуждался в поддержке и утверждении своей власти.

В этом же направлении проявляется другая особенность Клавдия: по традиции римского государственного права, *принцепс*, под ауспигиями которого сражались римские войска, имел право лично праздновать их успехи. Ни один *принцепс* столь бездумно не использовал эту традицию, как совершенно невоенный Клавдий, который получил не менее 27 императорских провозглашений, тогда как несравненно более активный и сведущий в военном деле Тиберий всего лишь восемь. В этом случае, как и во всех остальных, речь шла о том, чтобы любой ценой продемонстрировать свои успехи.

Если в военной политике Клавдий использовал достижения своих полководцев и советников, то во внутренней гораздо труднее различить, где были инициативы *принцепса*, а где его советников. В новейших исследованиях

преобладает тенденция делать акцент на влияние вольноотпущенников Клавдия на его правление. Один из лучших знатоков истории управления империей Ганс-Георг Пфлаум так выразил свое суждение на этот счет: «Было бы правильнее говорить о правлении «фаворитов Клавдия», чем возлагать ответственность на этого полуидиота за те меры, которые были предприняты при его правлении».

Проблема важна потому, что круг лиц администрации Клавдия состоял, не как было принято, из представителей ведущего слоя, а из специалистов, даже не пользовавшихся полным римским гражданским правом. Это произошло потому, что личное управление империей еще не полностью оформилось. Так как количество срочных решений в процессе консолидации новой системы резко возросло, *принцепс* не имел другого выбора, кроме как привлечь к управлению большое количество специалистов и доверить им соответствующее государственное ведомство.

Сначала наместники Римской республики пошли по тому же пути, чтобы исправно выполнять свои обязанности. Длительное влияние квалифицированных вольноотпущенников существовало еще при первом *принцепсе*. Однако при Клавдии их влияние достигло трудно вообразимых ранее размеров. Важнейшие из этих секретарей известны по именам: Нарцисс, ведавший *делопроизводством* кабинета и выполнявший все официальные распоряжения, выдвинулся на первый план еще во время британской экспедиции. Римские легионы, почувствовав, что человек играл ведущую роль, приветствовали его возгласами «ура, сатурналии», что напоминало о карнавальных шествиях. Благодаря полновластию *принцепса* он услаждал даже во времена опасных кризисов.

Кроме Нарцисса, к этому кругу принадлежал Палласт, финансовый секретарь. Из остальных глав ведомств

известны также Полибий, который *руководил* архивом и составил научную документацию, и Каллист, *обрабатывавший прошения*. Все эти люди организовали в своих ведомствах бесперебойную работу аппарата управления, который уже потому доказал свою квалификацию, что функционировал эффективно, хотя его глава — *принцепс* становился все более психически неуравновешенным.

Основные черты создания управленческого аппарата напоминают практику эллинистических монархий, где тоже проявлялись подобные тенденции по совершенствованию центрального управления. Ведомственный фанатизм, который имманентно присутствовал в таких институтах, прослеживается и в аппарате Клавдия: в 53 г. н. э. Палладий настоял на том, чтобы тогдашние управляющие финансами получили собственную юрисдикцию и благодаря этому могли проводить связанные с ведомством судебные процессы и самостоятельно налагать штрафы.

Есть основания предполагать, что в этой сфере компетенции вольноотпущенников были значительными. Но были и такие секторы, где требовалось непосредственное личное вмешательство *принцепса*. Это относилось прежде всего к большой сфере правосудия и к другим основным вопросам внутренней политики, к сотрудничеству с сенатом и к основным положениям гражданско-правовой политики.

Античные источники единодушно свидетельствуют, что правосудие Клавдия было чрезвычайно энергичным. Причину этой сложной и неустанной юрисдикции нужно искать не в страсти *принцепса*, а в первую очередь, в резком росте дел и в возможности «апеллировать» к *принцепсу* в случае несогласия с решением суда первой инстанции. Вообще правосудие Клавдия отличается ярко выраженной гуманной направленностью. Так, в начале своего правления он отменил процессы по оскорблению

величества, ограничил вознаграждение доносчикам до 10 000 сестерциев и заставил обвинителей нести личную ответственность за неявку в суд. Они в этом случае сами подвергались преследованию за *ложное обвинение*. Больные рабы в случае оставления без помощи становились свободными.

Если правосудие Клавдия, несмотря на убедительные меры, подвергалось критике, то эта критика была направлена в первую очередь против нового, введенного Клавдием судопроизводства, которое называли *судопроизводством в спальне*. На самом деле речь шла ни о чем другом, как об образовании «императорского суда», который существовал наряду с прежним квесторским и сенаторским судопроизводством. Это ни в коем случае не было чистым произволом, так как *принцепс* выбрал 20 сенаторов в качестве *советников*, которые помогали ему в принятии решений. Процесс однако не был открытым и вызывал большие подозрения.

Клавдий разными способами старался побудить сенат к активному и конструктивному сотрудничеству. Он не только повысил значение заседаний сената, требуя при этом строго обязательного присутствия, но хотел также поднять уровень самих заседаний. На Берлинском папирусе записана речь Клавдия, которую *принцепс* произнес в связи с юридическими реформами сената: «Если вы примете эти предложения, отцы сенаторы, значит, это совпадает с вашими убеждениями. Если не примете, тогда вы найдете альтернативы или сейчас, или после размышления, имея в виду, что не забудете, что вы должны быть готовы высказать свое мнение, когда вас вызовут на заседание сената. Трудно согласуется с достоинством сената, когда выдвинутый на пост консул, как собственное мнение, слово в слово повторяет отчет другого консула, а тот отвечает только: «Я согласен». А после заседания собрание говорит: «Мы это обсуждали».

Но этот призыв не принес никаких результатов. Отношения между *принцепсом* и сенатом, которые с самого начала не были безоблачными, оставались неудовлетворительными. Они еще больше осложнились участием многих сенаторов в возвышении в 42 г. н. э. Камилла Скрибониана.

Стремление Клавдия и его сотрудников к инвентаризации привело в 47—48 г. н. э. к возобновлению цензуры. Перепись жителей, которую тогда провел Клавдий, показала, что число полноправных римских граждан по всей империи составляет шесть миллионов. Наряду с этим были патриции и всадники. Значение 47 г. н. э., года восьмисотлетия города Рима, было подчеркнуто новыми сексулярными играми.

В отличие от отношений с сенатом, отношения Клавдия с римскими всадниками были дружественными и тесными. Всадники тогда, когда он еще был в тени, не раз делали его руководителем делегации к Калигуле. Поэтому при Клавдии всадники привлекались к общественной службе, хотя детали этого нововведения спорны. Из исследований Г. Г. Пфлаума следует, что при Клавдии были по-новому определены начальные ступени военной и государственно-управленческой карьеры всадников. Сначала молодой представитель всаднического сословия получал командование над пехотной когортой численностью 500 человек в составе римской вспомогательной группы. Вторая ступень представляла командование вспомогательной или легионерской когортой в 1 000 человек, третья ступень — командование кавалерийским полком вспомогательной кавалерии численностью в 500 человек. Только после окончания этой многолетней офицерской службы всадник мог подняться в администрацию *принцепса*. Это приобретало все большее значение благодаря учреждению прокураторских должностей в маленьких провинциях.

Тогда как Август и Тиберий проводили подчеркнуто

ограничительную гражданско-правовую политику, Клавдий решился на великодушный курс, созвучный тем убеждениям, которые он высказал, когда вступился за *право привилегии* для галльской аристократии. Когда Сенека шутил, что если бы Клавдий прожил дольше, он бы дал право римского гражданства всем грекам, испанцам, галлам и британцам, то был несправедлив. Клавдий не давал римского гражданства без разбора, но требовал в каждом отдельном случае по крайней мере знания латинского языка, как внешнего признака романизации. Если число «Клавдиев» было таким значительным, то оно само по себе являлось относительным, если учесть, что оно (число) охватывало и тех, кому предоставлял римское гражданское право и Нерон.

Планомерное образование колоний и возвышение в этот привилегированный ранг уже существующих заселенных территорий является следующим признаком администрации Клавдия. Кёльн, *колония Клавдия*, Колчестер (Камулодун), Мараш на Евфрате (Германиция), Тиннис, Ликс, Иоль-Цезарея и Типаса в Северной Африке — самые известные города этой группы. Мизены и Равенна, наоборот, извлекли пользу благодаря тому, что стали морскими базами империи, Остия — благодаря строительству большой гавани для снабжения Рима зерном. Работы были очень затяжными и закончились только при Нероне.

И в других регионах при Клавдии велись оживленные строительные работы, прежде всего строительство гражданских построек и прокладка новых дорог. Строительство двух водопроводов для Рима, укрепление берегов, не полностью удавшееся осушение Фуцинского озера были основными замыслами в этой области. К этому можно добавить форсированное строительство больши́х дорог. В первую очередь следует назвать *дорогу Клавдия Августа*, которая шла от Альтина на Адриатическом

море до Аугсбурга и к Дунаю, кроме того, была проложена кирпичная дорога через Пустерал на Инсбрук, дорога через Большой Сен-Бернарский перевал, где в наше время был найден древнейший межевой камень, измеряющий расстояние в милях. Для Италии самой важной стала *дорога Клавдия Валерия*, соединяющая Рим с Адриатическим морем.

Кроме всего прочего, были единичные мероприятия, например, реорганизация государственной почты, когда общины обязывались поставлять для нее упряжки, или великодушное обращение с анаумами и туллианами и другими группами населения, живущими неподалеку от Тридента, которые осмелились присвоить себе римское гражданство, и Клавдий задним числом утвердил его. В Марокко было произведено изменение конституции города Волубилиса, в которую внесли пунические конституционные элементы, такие, как должность суфета.

Характерное для Клавдия соединение традиционных и гуманистических тенденций определило его действия в области религиозной политики. В соответствии с римскими традициями была произведена реорганизация коллегий *гаруспиков* и *фециалов*, которая повела за собой изгнание из Италии астрологов и преследование религии друидов в Галлии. С другой стороны, Клавдий предпринял тщетные попытки перенести в Рим Элевсинские святыни; он добился признания культа Аттиса, праздник которого был внесен в римский праздничный календарь.

В 41 г. н. э. произошли крупные столкновения из-за возобновившей свою активность еврейской общины, несколько лет спустя дело дошло до инцидентов из-за столкновений между христианской и иудейской религий. В «Жизни Клавдия» Светоний свидетельствует, что Клавдий изгнал из Рима евреев, которые постоянно вызывали беспорядки при подстрекательстве некоего Христа. Это

свидетельство подтверждает существование в клавдиевом Риме иудейских христиан и дает понять, что римляне видели в христианстве только разновидность особо активной иудейской секты.

Если по вопросу о зависимости Клавдия от своих вольноотпущенников можно иметь разные мнения, то зависимость его от жен была вполне однозначной и самой неприятной главой этого принципата. До 49 г. н. э. Клавдий был женат третьим браком на нимфоманке Мессалине, которая в конце концов зашла так далеко, что осмелилась по всей форме заключить параллельный второй брак со своим молодым любовником Гаем Силием. Характерным для ситуации в окружении Клавдия является то, что вольноотпущенник Нарцисс, получивший ненадолго командование гвардией, действовал самостоятельно, в то время как Клавдий впал в летаргию. Мессалина и Силий были приговорены к смерти.

Клавдий поспешил заключить новый брак. Производит впечатление фарса тот факт, что вольноотпущенники обсуждали с *принцепсом*, какая жена ему больше подходит. Наконец, Палладий настоял на своей кандидатуре. Это была Агриппина Младшая, старшая дочь Германика и племянница Клавдия. В первом браке она была замужем за Домицием Агенобарбом и имела от него сына, шестнадцатилетнего Луция Домиция Агенобарба, будущего *принцепса* Нерона. В отличие от Мессалины, которая не интересовалась политикой, Агриппина Младшая имела большие политические амбиции. Она планомерно стремилась к положению соправительницы, ее целью было не все, а всего утвердить наследником своего сына от первого брака, который был старше Британика на три года. Так за шагом она осуществляла это намерение. В 50 г. н. э. Клавдий усыновил Нерона, а в 53 г. н. э. Нерон женился на дочери Клавдия Октавии. В то время как Британик все больше и больше отодвигался в тень, Агриппина

привлекала к себе людей, пользующихся ее доверием. Философ Сенека был возвращен из ссылки и стал воспитателем Нерона, Аффаний Бурр был назначен префектом преторианцев. Сама же Агриппина все больше и больше выдвигалась на передний план. На монетах ее изображали сидящей на троне рядом с *принцепсом*, кроме того, она получила неслыханное по римским традициям право въезжать на Капитолий в коляске. Резонанс ее властного положения четче всего звучит в голосах восточных провинций: на монетах появляется ее изображение, во многих греческих городах ей воздавались божественные почести. Само собой разумеющимся следствием всего этого было устранение самого *принцепса*, последнего препятствия на пути к власти Агриппины и ее сына. 13 октября 54 г. н. э. Клавдий был отравлен.

Несмотря на свои добрые намерения, Клавдий был большим бременем для принципата. Время его правления показало, что принципат не может надолго обойтись без способной, всеми уважаемой личности во главе этой системы. Если даже администрация была эффективной и прогрессивной, если даже были налицо очевидные успехи, все равно этого было недостаточно и не могло замеснить обладающего личными качествами *принцепса*.

Каким бы плачевным ни казался *принципат* во главе с такой неспособной личностью, он все-таки был одновременно триумфом администрации вольноотпущенников и доказал, что способное ответственное руководство может долгое время функционировать даже тогда, когда его глава ограниченно дееспособен. Парадокс состоит в том, что низшая с точки зрения личного права группа вольноотпущенников стабилизировала *принципат* и империю. Преимуществом этой системы было то, что ни один чиновник из вольноотпущенников, даже Нарцисс, не мог и думать о том, чтобы занять место Клавдия. С другой стороны, стало явным, что правовое положение, социальны

престиж и административные компетенции уже давно были недостаточными.

Но администрация вольноотпущенников при Клавдии достигла своего апогея, хотя и при следующих *принципах*, особенно при Нероне и Домициане, они пользовались значительным влиянием. Однако дальнейшее развитие и дифференциация имперской администрации не могли идти в этом направлении. Для нее было скорее характерным привлечение всадников, чему при Клавдии были созданы существенные предпосылки.

Сразу же после смерти Клавдия Нерон был представлен преторианцами сенату как новый *принцепс*. Казалось, Агриппина достигла пределов своих желаний. Ее семнадцатилетний сын знал, кому он обязан своим положением. Первые слова, которые он произнес, были, кроме всего прочего, о «*наилучшей матери*». При этом очень убедительно сыграл роль, отведенную ему матерью и ее доверенными лицами. На траурных церемониях он производил не менее симпатичное впечатление, чем при своей первой программной речи в сенате, которую составил Сенека. В основе этой речи лежали признание традиций Августа, осторожное дистанцирование от методов Клавдия, который позволял вольноотпущенникам и рабам участвовать в управлении. Нерон демонстративно признал разделение полномочий *принцепса* и сената.

Так как Нерон сначала передал своей матери власть во всех общественных и частных делах, послушно следовал советам Сенеки и Бурра, казалось, что положение на вершине принципата было вполне удовлетворительным. Сначала власть Нерона могла опираться на общественное согласие. В делах управления не возникало никаких осложнений, потому что молодой *принцепс* совершенно ими не интересовался. Его пристрастия были сосредоточены на другом.

Нерон в первую очередь хотел стать артистом. Систе-

матическое философское образование только подтолкнуло его к этому; его привлекали музыка, поэзия, живопись, скульптура, а кроме того, искусное управление колесницами. Но он не хотел наслаждаться всем этим в одиночестве: «Чего никто не слышит, того никто не ценит» (Светоний. «Нерон») было его любимой поговоркой. С самого начала Нерон жаждал аплодисментов. Но был несамокритичен и принимал специально организованные аплодисменты за доказательство своих выдающихся артистических достижений.

Нерон был человеком, который хотел всегда поражать. Для его выступлений и самоутверждения как артиста постоянно требовалось новое оформление. Какое-то время он интенсивно готовил себя к выбранному им самим поприщу. Обучался у лучших специалистов правилам и технике соответствующего искусства. Например, его учителем был знаменитый кифаред и певец Терпн, искусство которого особенно завораживало Нерона. Он не остался на стадии дилетанта, но упорно развивал свой голос. Для его улучшения он, лежа, держал на груди свинцовую пластину и некоторое время придерживался строгой диеты.

Хорошая память и способность быстро схватывать со служили ему хорошую службу, но у него совершенно отсутствовали терпение, настойчивость и выдержка. В политике он был мастером инсценировок, любил театральные жесты, сцены и выходы. Стилизация назначения армянского царя в Риме была мастерски оформлена, а политическое содержание этого компромисса его вообще не интересовало. Даже свой собственный конец он превратил в трагическую сцену. Слова: «Какой великий артист погибает!» (Светоний. «Нерон») соответствовали его истинному убеждению.

Длющиеся часами мелодекламации под кифару, в которых страстно мечтал блистать Нерон, были предназначены для взыскательной избранной публики. Они требо-

вали профессиональных знаний правил этого искусства, которых не было у публики Рима, привыкшей к травле животных и к гладиаторским боям. Поэтому сначала Нерон выходил на сцену только в узком кругу. Преданный ему двор прикомандировал солдат, особенно из культового отряда августианцев, созданного по греческому образцу. Эти солдаты в своих выкриках сравнивали его с Аполлоном и обеспечивали соответствующий резонанс, хлопая в ладоши или горстями.

По-настоящему понятым и оцененным Нерон-артист чувствовал себя среди греков, особенно среди слушателей Александрии. При большой аудитории он первый раз пел в Неаполе, а потом в 59—60 г. н. э. в Риме, где были введены новые празднества, *ювеналии* и *неронии*, а также соревнования, в которых он должен был удовлетворять свои артистические амбиции. Праздничные игры *неронии* были организованы по греческому образцу, они состояли из соревнований в музыке, пении, стихосложении, риторике, гимнастике и состязаниях на колесницах; такие состязания проводились еще в IV в. н. э. Развитие артистических способностей Нерона завершилось в большом путешествии по Греции.

Второй основой существования Нерона, которая стала для него такой же судьбоносной, как и для Клавдия, были женщины. Его брак со всеми любимой Октавией, заключенный по настоянию Агриппины в политических целях, не удовлетворял чувства Нерона, зато Клавдия Акте, вольноотпущенница-гречанка из Малой Азии, была его верной возлюбленной. То, что Агриппина не желала терпеть этих отношений, ускорило ее собственный конец. С 58 г. н. э. Нерон воспылал страстью к Поппее Сабине, бывшей тогда замужем за Отоном, но та не хотела терпеть рядом с собой соперниц. Она заставила Нерона порвать со своим прошлым и убрать с пути все препятствия. Давно задуманная Нероном эмансипация супругов произошла не

только по настоянию Поппеи, но безусловно, была ею ускорена. В этой красивой, живущей среди роскоши и утонченности женщине Нерон увидел достойную его супругу, от которой он сначала полностью зависел.

Первой потерпевшей от этого брака была Агриппина. Нерон перестал мириться с ее политическими амбициями, ее упреками по поводу его ночных походов, артистических экспериментов и супружеской измены. Когда Агриппина невзначай напомнила, что Британик еще жив, его судьба была решена. В 55 г. н. э. Нерон приказал его отравить. Так как Бурр и Сенека оставались на его стороне, Агриппина была быстро изолирована, удалена из дворца и, наконец, в 59 г. н. э. убита. Тайнственные сцены заранее запланированного кораблекрушения, неудача первой попытки убийства звездной ночью, спасение Агриппины, общее замешательство и, наконец, зверское убийство честолобивой женщины отражены в классическом описании Тацита.

Если не в 55 г. н. э., то позже Бурр и Сенека потеряли свою независимость и правдолюбие. События вокруг убийства матери были представлены так, будто бы Агриппина покушалась на жизнь Нерона, а после неудачи покончила с собой. Хотя правда быстро обнаружилась, сенат и провинции приняли объяснения Нерона. Не прекращались поздравления по поводу его предполагаемого спасения, возможно, майнцкая колонна Юпитера была воздвигнута в связи с этим событием.

Нерон и в будущем обвинял в преступлениях своих жертв. Третьей была Октавия, которая в 62 г. н. э. была обвинена в супружеской измене, изгнана и казнена. В неизмеримо большем размере Нерон использовал этот метод позже, при пожаре Рима.

Ночью с 18 на 19 июля 64 г. н. э. в Риме начался большой пожар, который продолжался 9 дней, большая часть города превратилась в пепел. Тесно расположенные де-

ревянные многоэтажные дома на летней жаре загорались, как факелы, порывы ветра, еще более разжигающие огонь, препятствовали спасательным и огнетушительным работам. Это было самое большое бедствие, которое когда-либо пережил Рим. Во время начала пожара Нерон находился в Анции, оттуда он поспешил в Рим, руководил там спасательными работами и лично заботился об обеспечении оставшихся без крова людей. Но несмотря на всю эту помощь, быстро распространились слухи, что он сам приказал организовать пожар, и что вид горящего Рима вдохновил его на чтение стихов о пожаре Трои. Для обоих слухов нет никаких доказательств, они свидетельствуют только о том, что Нерона считали способным и на то, и на другое. Однако первый слух имел фатальные последствия.

Тацит в своих *«Анналах»* сообщает, что Нерон хотел заглушить слухи, что пожар произошел по его приказу, и обложил большими штрафами тех, кого народ возненавидел за это гнусное злодеяние и кого он называл христианами. Тацит сообщает, что их название происходит от некоего Христа, казненного при Тиберии Понтием Пилатом. На какое-то время приглушенное, это суеверие позже снова возродилось и не только в *Иудее*, родине того зла, но и в самом Риме, куда отовсюду стекалось все скверное и омерзительное и даже там почиталось.

После этого экскурса в историю возникновения христианства Тацит снова переходит к Нерону и продолжает: Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащим к этой секте, а затем по их указанию и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наущением

темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одеждах возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (Корнелий Тацит. «Анналы». 15, 44. СПб., 1993).

Если для оправдания Нерона названо подозрительно небольшое количество жертв-христиан, все равно сообщение Тацита показывает, какое впечатление они производили на римскую общественность. «Гнусные злодеяния», в которых были обвинены христиане, идентичны фантастическим недоразумениям, преследующим раннее христианство. Полное непонимание христианского понятия любви привело к представлению, что они ели детей, имели противоестественные половые сношения и занимались повальным блудом. Упрек в «ненависти к роду людскому» определял все дальнейшее поведение ранних христиан: их удаление от общества, отрицание общественных и государственных норм, затворничество в маленьких кельях, дистанцирование от всех ценностей римского мира.

Презирая все религии, наивно поклоняясь амулетам, Нерон вообще не интересовался проблематикой и религиозным содержанием христианства. В отличие от Калигулы он не требовал для себя божественного почитания, но разрешал отождествлять себя с играющим на лире Аполлоном. В 65 г. н. э. он категорически отклонил предложение одного консуляра построить храм *божественному Нерону*. Только обвинения в поджоге были политически небезопасны. После убийства матери и казни Октавии Нерон не был популярен. Его поступки производили отталкивающее впечатление, начали возникать заговоры.

Между *принцепсом* и христианами существовало только одно фундаментальное противоречие. Его искусство, мир театра, пение и игры были несовместимы с жизнью христиан, которые ничего не хотели об этом знать. Поэтому политическое самопожертвование христиан оказалось очень дальновидным. Казалось, что на какое-то время расчеты Нерона оправдались, но его имя навсегда осталось запятнано пожаром Рима и преследованием христиан.

Шансы, которые появились после разрушения Рима, Нерон использовал полностью. Он, собственно, заложил основы современного Рима. По его распоряжению возникли прямые улицы и огнеустойчивые дома с аркадами. Посреди города на участке в 50 га *принцепс* построил огромный роскошный дворец-виллу, то расположенное недалеко от Колизея здание, руины которого можно видеть по сей день.

После пожара Рима Нерон еще больше погрузился в мир искусств. В смерти Поппеей Сабинны (65 г. н. э.) *принцепс* был виноват сам и вскоре заключил новый брак с Статилией Мессалиной. Но гораздо сильнее его занимало большое путешествие по Греции 66 г. н. э. Ему заранее казалось, что артисту Нерону будет оказан восторженный прием, к тому же посольства тех городов, которые устраивали музыкальные игры, пообещали ему победный венок кифареда. Чтобы за время своего годичного путешествия получить призы на всех крупных играх, он все время откладывал срок возвращения и выступил почти на всех греческих праздниках как кифаред и возничий, причем в Олимпии попробовал себя в десятиборье. Его 1808 победных венков вез целый караван.

Так как Нерон был убежденным грекофилом, его приподнятое настроение так же понятно, как и ликование греческого населения, которое его повсюду встречало. Благодарность Нерона не знала предела. Он лично вырыл пер-

вую лопату земли при строительстве Коринфского канала; прежде всего он старался перешеголять Тита Квинция Фламинина, «освободителя» Греции (196 г. до н. э.). Сохранился текст той речи, которую он произнес в конце 67 г. н. э.: «Император Нерон говорит: Так как я хочу отплатить благородной Греции за благосклонность и преданность, я повелеваю, чтобы из этой провинции 28 ноября в Коринф явилось как можно больше людей».

Когда народ собрался, он произнес следующее: «Люди Эллады! Я объявляю вам небывалую милость, такую большую, что вы никогда бы не осмелились о ней попросить. Вы все, живущие в *Ахае* и в *Пелопонесе*, получаете освобождение от податей, чего вы не имели даже в самые счастливые для вас времена. О, если бы я мог преподнести этот подарок, когда Греция была в расцвете, чтобы мою милость еще больше оценили. Я делаю это для вас не из сострадания, а из благосклонности, и этим выражаю благодарность вашим богам, покровительство которых я чувствовал и на суше, и на море, потому что они предоставили мне возможность совершить подобное благодеяние. Города освобождали и другие государи, но всю провинцию только Нерон».

Артистические триумфы для Нерона были важнее, чем военные, блестящая инсценировка государственных актов ценнее, чем защита римских интересов и внешнеполитические успехи. Нет никакого смысла спекулировать по поводу предполагаемых планов Нерона достичь результатов Александра Великого на всей восточной границе империи, так как задачи, стоящие перед Нероном на Востоке, были разрешены скорее плохо, чем правильно. Уже с 54 г. н. э. там снова началась война из-за Армении, потому что энергичный парфянский царь Вологез хотел посадить правителем Армении своего брата Тиридата, это намерение он скоро осуществил.

Годами там тянулась война, которой с римской сторо-

ны руководил Корбулон. Ему удалось захватить города Артаксату (58 г. н. э.) и Тигранокерту (59 г. н. э.). Затем произошло тяжелое отступление, когда в 62 г. н. э. наместник Каппадокии Луций Цезенний Пэт был вынужден капитулировать. Новое большое контрнаступление под командованием Корбулона продемонстрировало решимость римлян снова бороться, но на самом деле привело к умелому закамуфлированному компромиссу (Рандейский договор 63 г. н. э.). Как уже было сказано, Тиридат в 66 г. н. э. нанес с небывалой помпой визит в Рим и там из рук Нерона получил царскую диадему.

Во времена Нерона римские инициативы были также сосредоточены на Востоке. Восточный *Понт* был присоединен к империи, возобновлено военное обеспечение Боспорского царства, с нижнего Дуная под руководством Цивта Элиана было переселено на римскую землю около 100 тысяч задунайских жителей. Планируемые походы в Эфиопию и на Каспийское море, наоборот, не осуществились. С 66 г. н. э. снова разгорелось восстание в Иудее, на подавление которого Нерон послал Веспасиана. Это восстание было подавлено только в 70 г. н. э. Титом после взятия Иерусалима.

С другим восстанием, которое в своем начале было не менее тревожным, покончили быстрее. В 61 г. н. э. в Британии Светоний Павлин готовил вторжение на остров Англезей, когда у него в тылу разразилось большое восстание. Во главе его стояла Боудикка, царица икенов. Важнейшие римские опорные базы города Камулодун, Веруламий, Лондиний и Лондон попали в руки восставших и были сожжены. Перед прибытием затребованного подкрепления Светоний Павлин был вынужден поставить все на карту и решиться на сражение. Он наголову разбил восставших, Боудикка приняла яд; римское господство в стране было снова укреплено. В конце операции занятый римлянами регион простирался приблизительно до линии

Честер-Линкольн, однако горная страна Уэльс оставалась независимой.

Если Нерон охотно принимал позу миротворца и после компромисса с парфянским царством демонстративно закрыл двери храма Януса, и это событие было отмечено выпуском монет, если никогда не имел постоянного контакта с армией, то он и его сотрудники ревниво следили за военными успехами других. Светонию Павлину завидовали, награждение других полководцев затягивалось, Корбулон был вынужден покончить жизнь самоубийством. В военном и политическом отношении таким способом нельзя было добиться стабилизации режима.

Траян, *лучший принцепс* империи и безусловно беспристрастный свидетель, оценил первые пятнадцать лет правления Нерона как идеальный отрезок истории принципат. По сравнению с другими периодами это, может быть и правда, хотя относительно правильная практика управления была заслугой не Нерона, а его ведущих сотрудников. Это правление держалось благодаря их квалификации. В тяжелом политическом положении начала правления, когда Бурр и Сенека, с одной стороны, препятствовали влиянию Агриппины и ее окружения, а с другой, покрывали эскапады Нерона, их усилия, безусловно, были достойны признания. Там, где Бурр и Сенека соглашались с общественным мнением, как в случае с Октавией, они оказывали Нерону сопротивление, однако в случае с Британиком и Агриппиной покрыли преступление.

Нет никаких причин для оправдания тех лет. Продолжалось устранение опасных и неугодных людей, первыми жертвами стали Нарцисс и Палладий, за ними последовали потенциальные соперники *принцепса*. Был принят ряд единичных мер в сфере администрации, так как они на этот момент создавали Нерону некоторую популярность, однако долго не продержались по финансовым или практическим причинам. После убийства ма-

тери, смерти Бурра и окончательного ухода из политики Сенеки (62 г. н. э.) изменился политический климат Рима, а также деловые качества ведущих политиков.

Во времена Сенеки и Бурра произошло событие, которое взбудоражило римскую общественность не меньше, чем процессы над христианами. В 61 г. н. э. был убит рабом высокопоставленный сенаторский чиновник из городского управления *принцепса городской префект* Луций Педаний Секунд. Неизвестно, произошло ли это событие из-за отклонения прошения об освобождении или из ревности к одному любимому обоими мальчику. По решению сената к смертной казни были приговорены все рабы, которые находились под одной крышей с убитым, то есть 400 человек, среди них женщины и дети. Однако приговора к казни ни в чем не повинных людей вызвали среди римского населения бурные протесты и даже возбужденные дебаты в сенате.

Этот случай показывает, что юридически образованные представители правящего слоя не строили никаких иллюзий по поводу отношений между рабами и их хозяевами и поэтому не были готовы отказаться от такого бесчеловечного примера. Тем не менее, меньшинство в сенате выступило против такого крайнего профилактического террора, против была также и большая часть населения. Этот случай показывает также и то, что положение рабов в действительности выглядело иначе, чем в философских рассуждениях Сенеки в его «Письмах к Луциллию» (47).

Чем решительнее с 59 г. н. э. шел Нерон своим собственным путем, тем больше понижался уровень влиятельных людей при его дворе. Вольноотпущенник и префект флота Аничет, главный пособник Нерона при убийстве матери, префект преторианцев Тигеллин или вольноотпущенник Геллий, сопровождавший Нерона в его путешествии по Греции, были способны на террор, но совершенно не были способны к конструктивной полити-

ке. С 62 г. н. э. обострилось противостояние Нерону и его скомпрометировавшей себя системе. Когда хозяйство государства стало испытывать трудности, которым не помогли даже валютные операции, возобновились процессы по оскорблению величества, повысилось число казненных, участились конфискации имущества.

В 65 г. н. э. был раскрыт заговор против Нерона, так называемый заговор Пизона, в котором участвовали не только сенаторы, но и офицеры преторианской гвардии. Полное разоблачение удалось потому, что обвиненные аристократы выдали всех соучастников. Только вольноотпущенник Эпихарид молчал даже под пыткой; некоторых заговорщиков приговорили к ссылке; к смерти были приговорены выбранный на роль *принцепса* Гай Кальпурний Пизон, консул Плавт Латеран, один из префектов преторианской гвардии Фений Руф и поэт Лукан. Сенеку заставили окончить жизнь самоубийством.

После разоблачения заговора Пизона недовольство Нероном и его правлением, дискредитировавшем себя казнями, продолжало нарастать. В 66 г. н. э. в Беневенте был раскрыт другой заговор, который возглавлял Анний Винициан. Оппозиция Нерону быстро охватила провинции и к началу 68 г. н. э. вызвала последний кризис. Гай Юлий Виндик, лугдунский наместник, уроженец юго-западной Галлии, восстал против Нерона. Он и его сподвижники выступили не только как защитники интересов Галлии, но и как хранители старых римских традиций. Борьба против этих групп недовольных, которых поддерживала галльская знать, была не только «последней борьбой Римской республики», как считает Моммзен, но и попыткой возродить традиции августовского принципата. Этот факт подтверждает анонимный выпуск монет, который осуществило это движение весны 68 г. н. э.

Виндик своим восстанием положил начало ряду событий, однако с самого начала перед ним стояли боль-

шие трудности. Разумеется, он не смог сразу установить контакт с остальными наместниками и с изгнанными Нероном сенаторами, поэтому резонанс этого восстания был сначала очень ограниченным. Правда, к нему присоединился Сульпиций Гальба, легат провинции *Испания, Лузитания* и Северная Африка тоже подняли восстание против Нерона. Но решающим было поведение рейнской армии.

Оба командующих рейнской группой войск, Фонеций Капитон в Нижней Германии и Вергиний Руф в Верхней Германии, как *люди без роду и племени*, извлекли пользу из системы Нерона. Правда, они не были его близкими друзьями, но после того, как их предшественники, братья Скрибонии были принуждены к самоубийству, действовали очень осторожно. Поэтому рейнская армия аллергически отреагировала на события в Галлии, и для этих соединений галльский *принцепс* был совершенно нежелателен. Наконец, нужно учесть, что к антинероновскому движению Виндика скоро подключились антиримские силы, и Виндик, видимо, потерял контроль над дисциплиной десятка тысяч своих сторонников.

Командующий верхнегерманским войском Вергиний Руф выступил против Виндика и окончательно победил у Безансона его необученные соединения. Вероятно, Вергиний Руф и Виндик сначала договорились, но по инициативе войск были вынуждены сражаться. После того, как Виндик избрал добровольную смерть, Вергиния Руфа уговаривали принять принципат. Однако Руф отказался, потому что не принадлежал к старой аристократической семье Рима.

Единственным подходящим претендентом был только Сульпиций Гальба, шестидесятилетний аристократ и наместник Ближней Испании, который уже подвергался опасности из-за Виндика. Каким бы слабым и неустойчивым ни было его положение, он воспользовался нереши-

тельностью Нерона, а также общим настроением в Риме и Италии, где Нерон и его креатуры уже давно всем надоели. От Нерона отказались все — и сенат и преторианцы. Префекту преторианской гвардии Нимфидию Сабину удалось переиграть Тигеллина и полностью обратить Нерона в панику. Теперь Гальбу провозгласили *принцепсом* и в Риме, Нерон первым из римских *принцепсов* был смещен сенатом и объявлен вне закона. 9 июня 68 г. н. э. затравленный, сопровождаемый всего лишь несколькими вольноотпущенниками, Нерон за несколько минут до ареста сам наложил на себя руки.

Нерон, убийца и певец, застройщик и гонитель христиан, олицетворение игр, роскоши и расточительства, больше, чем другой римский *принцепс*, возбудил фантазии современников и будущих поколений. Особенно о нем сожалели на греческом Востоке, где его еще при жизни приветствовали как «доброе друга всей ойкумены», как его называет папирус из Оксиринокса. На Востоке сначала не верили в смерть Нерона, и три раза появлялся Лженерон. Часть римского *народа* тоже почитала его, потому что последовавшие скучные времена быстро заставили обелить образ Нерона. Как в случае с Гракхами и Цезарем, на месте его смерти возник культ.

В кругу римского правящего слоя с самого начала негативно относились к его памяти, это отражено у Сенеки, Тацита, Светония и Кассия Диона. У них Нерон был выродившимся *принцепсом*. Еврейское представление о Нероне было и осталось однозначно негативным. Особенно в «*Сибиллинских пророчествах*», собрании еврейских и еврейско-христианских стихов в стиле пророчеств, которые завоевали большой авторитет благодаря связи с Сивиллой, отражена ожесточенная ненависть против врага иудейского восстания, Лжеаполлона и убийцы матери. Для этой литературной формы характерно, что в исторических частях уже свершившееся упоминается в бу-

душем времени, а также рисуются картины будущего, которые отражают надежды настоящего. Так звучит 4-е еврейское пророчество времен Флавиев: «И тогда из Италии, как беглец, прибежит великий царь (Нерон), который однажды решится на кровавое убийство матери и многих других, ведомый злым роком. За трон Рима многие оросят кровью землю, после того, как он убежит в парфянскую страну. Но в Сирию придет римский князь, который подожжет иерусалимский храм, а с ним придет много человекоубийц, великая страна иудеев погибнет. И Саламин, и Паф разрушит землетрясение, и Кипр zalьет темная вода. Но когда из земной трещины итальянской земли поднимется к небу огненный знак и сожжет многие города и людей, и серым пеплом засыплет эфир, тогда гнев богов узнают по тому, что они уничтожат невинное племя благочестивых людей».

В 5-й книге Сибиллинских пророчеств, которая датируется II в. н. э., Нерон тоже проклинается. Там упоминается страшная змея, тот гибридный повелитель, который хочет сравняться с богом, и, наконец, образ, идентичный сатанинским силам, приближение которого вещает о конце света. Евреи возненавидели Рим не в последнюю очередь из-за Нерона.

Для раннего христианства Нерон был первым гонителем, тем *принцепсом*, который даже сам Рим сделал кровавым местом для мучеников. Для ранних христиан непреложной истиной считается, что апостолы Павел и Петр приняли мученическую смерть в Риме при Нероне. Поэтому в «*апологетическом стихотворении*» Коммодиана он был отождествлен с антихристом. Другие христианские авторы, наоборот, категорически отвергали подобное представление. Для Лактанция те, кто верил, что Нерон все еще бродит, потому что не похоронен, и что он еще вернется, были «безумцами».

Рис. 14. Нерон. Рим

В позднеантичном и управляемом христианами Риме Нерон снова возродился, но уже другим способом. Как свидетельствуют конторниаты, новогодние подарки в виде медальона, принятые среди нехристианской аристократии IV в. н. э., Нерон изображался как покровитель скачек

игр в той области, которая была центральной для а
ной цивилизации, но совершенно неприемлемой для
стиан. Возвращение Нерона было на руку стремле
сторонников старой религии к ее реставрации. По
отцы церкви, такие, как Августин, вернулись к мо
ной дискредитации гонителя, преступника и тирана
на. Злой человек представал олицетворением угнет
низменных страстей и грехов, полностью лишены
тафизических функций.

Одновременно рождались легенды: демонизир
ный, очерненный или обожжаемый, Нерон оставал
ным. В процессе постоянно меняющихся историч
оценок и современных апофеозов человеческим за
данием не могло не случиться, что даже в трудах с
ными претензиями Нерон представал как революци
борец с конформизмом прежнего принципата, фа
красоты, который вместо традиционной морали хот
тановить новые эстетические каноны. С другой сто
Нерону и Калигуле делались попытки приписать о
политическую концепцию. Якобы они преследовали
превратить августовский принципат в эллинистич
монархию и тем самым придать империи греческую
му и содержание и привить ей музыкальную культ

Однако совершенно невероятно, чтобы такая лич
как Нерон, человек, использовавший положение и
принцепса для удовлетворения своих артистических
ций, думал о программе и конституционных норм
не обладал трезвым взглядом на политические, во
общественные или экономические реалии и не разв
литической концепции, которую можно было бы
мать всерьез. Однозначное доказательство этому д
канка монет, которые в противоположность миру
ства Нерона изготавливались строго традиционным
дом и не изображали достижения и лозунги этого
ципата.

На них, правда, прослеживается величественный пафос, пропагандируется новый век мира и неразрывная связь с *божественным Августом и божественным Клавдием*. Новая решительная попытка повлиять на общественное мнение произошла после кризиса 64 и 65 гг. н. э. После пожара Рима изображения Ромы и Весты олицетворяли вечность города, а изображения *Юпитера-Стража* прославляли разоблачение заговора Пизона. Подчеркивались также усилия правительства, направленные на благо римского народа, которые выражались в заботах о наделении зерном и пожертвованиях. Изображались большие постройки, например, начатое при Нероне строительство гавани в Остии. Если не в действительности, то, по крайней мере, на монетах, которые изображали обращения к войскам и народные сцены, привлекалось внимание к тесному контакту с армией. Играющий на кифаре Аполлон выглядел по сравнению со всем этим незаметно и скромно. Пусть римское население и видело в нем Нерона, но культурно-политической программы там не было и в помине.

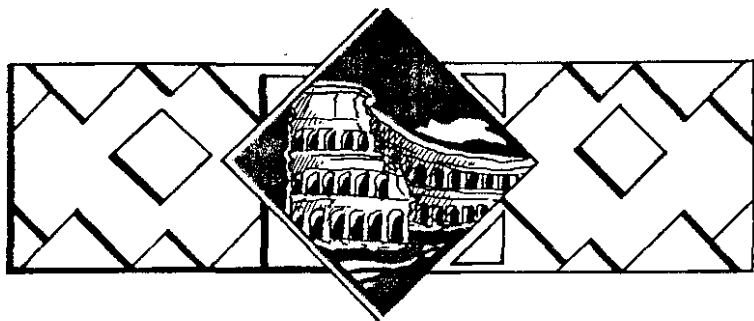
С Нероном закончился род Юлиев—Клавдиев, та семья, представители которой, хотя и с помощью усыновления, гарантировали преемственность глав новой системы. Как позже это сформулировал Тацит (*«История»*), принципат был фактически наследством одной семьи. Однако кризис 68 г. н. э. разорвал эту преемственность и, как всегда в такой момент, обнаружилось, где находятся главные структуры этой системы и концентрация власти, как говорил Тацит, тайны империи: в первый раз *принцепс* был провозглашен не в Риме, а в другом месте.

Для современных исследователей всегда было соблазнительно видеть в кризисе 68—70 гг. н. э. выражение определенных социальных, политических или религиозных интересов. Однако все попытки доказать преобладание таких мотиваций показали себя несостоятельными. События этого кризиса нельзя объяснить ни сепаратистским

движением, как это было в III в. н. э., ни выражением «растущей враждебности населения провинций к правящему классу Италии и его пособникам», как это считает Ростовцев. Ключевым здесь является только тот факт, что в результате концентрации римских войск на периферии образовались многочисленные зоны пограничных районов, которые стремились к обособлению. Сплоченность и общность римского войска в целом оказалась слабее, чем общность войсковых групп на Рейне, Дунае и в Сирии.

Именно потому, что Нерон не поддерживал контакты с войсковой клиентелой, интересы внутри армии определили ход событий. Роль сената и населения города Рима была второстепенной, хотя претенденты добивались их поддержки. Конституционно-правовые точки зрения не учитывались; противоборство превратилось в вопрос власти и одновременно показывало, где находится настоящая опора принципата.

Не только фиглярство Нерона, но вся трагедия дома Юлиев—Клавдиев показала, что политическая оппозиция принципату была слабее, а оппозиция отдельному *принципиату* — сильнее. Итог правления пяти представителей этого дома может быть проблематичным, но основанная Августом система в целом утвердилась и продолжала свое существование.

Кризис времен четырех императоров и эпоха Флавиев (68—96 г. н.э.)

Кризис, вызванный восстанием Виндика и длящийся почти два года, отличается от всех предшествующих схваток за наследование принципата тем, что он не был ограничен Римом, а потряс всю империю. Почти через столетие снова возобновилась ожесточенная гражданская война за владычество над Римом и Италией; война, которая втянула не только правящий слой или преторианцев, но и десятки тысяч солдат и жителей Италии, жизнь и имущество которых были поставлены под угрозу. Быстрая смена пяти *принцевов* за два года привела к политической и правовой неопределенности, политическим преступлениям, коррупции и оппортунизму.

Кризис объясняется не ненавистью к Нерону, а тем, что не было *консенсуса* о его преемнике и о дальнейшем политическом курсе. Спор за власть и общее признание *принцемом* с самого начала велся не только, как военное противоборство, но, как и в годы после убийства Цезаря и войны Октавиана с Антонием, как борьба за общественное мнение. Все претенденты постоянно идентифицировали себя и свое дело с «*государством*» в целом, которое превратилось, в конце концов, в пустой звук. Несмотря на некоторую разницу и частичную общность понятий и формулировок, они выбрали различные образцы и лозунги, чтобы привлечь к себе самые разные группы людей.

По ходу конфликта вспоминали не только *божественно-го Августа*, но и официального врага государства Нерона.

Гальба после своего публичного отречения от Нерона в апреле 68 г. н. э. демонстративно называл себя только легатом сената и римского народа. Уже первые монеты возвещают о возрождении свободы Рима, мобилизуют силу соседних провинций и призывают к верности все еще не определившиеся войска. Гальба во многом перенял программу Виндики, он следовал его намерениям взять на себя роль защитника и вождя всего человечества.

Этот универсальный аспект был характерной особенностью нероновской эпохи и подчеркивался при различных обстоятельствах: с одной стороны были *ненавистники рода человеческого*, с другой — Нерона клеймили как врага и бич всего человечества. На монетах Гальбы пропагандировалась победа во *«благо всего рода человеческого»*, эта надпись впервые появилась тогда на римских монетах и прославляла в новом властелине гаранта этого блага для всего человечества блага.

Новый *принцепс*, признанный сенатом 8 июня 68 г. н. э., после странных и преступных эксцессов Нерона казался сознающим свою ответственность правителем. Надписи на монетах *честь* и *добродетель* были идентичны основным элементам его самосознания. После своего появления в Риме осенью 68 г. н. э. суровый старец сделал тщательные попытки навести порядок так же, как когда-то у Гетулика он навел дисциплину в разложившейся иллирийской армии. Однако его намерения и средства поддержания власти находились в прямом противоречии друг с другом, так как его собственный ригоризм был парализован ужасающей коррупцией ближайших сотрудников.

Гальба сразу же вернул сосланных Нероном сенаторов, осужденных за оскорбление величества. Среди них был Пизон Лициниан, Антоний Прим, Гельвидий Приск и многие другие, которые в будущем сыграют важную

роль. Однако он одновременно потерял все симпатии из-за безжалостного поведения в отношении наместников и управленческих чиновников, которые не примкнули к нему сразу, а также в отношении сенаторов, оказавших ему сопротивление. Как будто не было достаточно этих мер в правящем слое, Гальба еще сместил многих офицеров и служащих и при новых назначениях предпочитал спод-

Рис. 15. Гальба. Бюст. Рим

вижников Виндика, что особенно шокировало рейнскую армию.

В Риме и вокруг него начались смуты в гвардейских соединениях, в армии и на флоте. Префект преторианской гвардии Нимфидий, который сагитировал преторианцев за Гальбу, попытался сам стать *принцепсом*, но был разбит. Волнения начались даже на столь предпочитаемом Нероном флоте. Однако Гальба не думал о том, чтобы материально удовлетворить ожидания армии и флота. Он считал это взяткой за послушание, которое в его глазах было само собой разумеющимся долгом. Какой бы достойной ни казалась такая установка, она была нереалистичной в условиях гражданской войны.

Уже 1 января 69 г. н. э. все рейнские легионы отказались приносить присягу Гальбе и вскоре после этого в Кельне *принцепсом* провозгласили Авла Вителлия, командующего нижнегерманским войском. Боеспособная армия ни секунды не колебалась провести в жизнь это решение и среди зимы двумя колоннами двинулась в поход. Одна под командованием Авла Цецины пересекла Швейцарию и в феврале, несмотря на большие трудности, перешла Большой Сен-Бернарский перевал. Другая колонна под командованием Фабия Валента проследовала по долине Роны и перешла Альпы.

В этой крайне напряженной ситуации бездетный Гальба 10 января усыновил молодого аристократа Кальпурния Пизона Лициниана, безусловно достойного человека, но совсем молодого, за которым не стояло ни политических, ни военных сил, в чем режим Гальбы в тот момент крайне нуждался. Этот факт не мог изменить ход событий, он его скорее замедлил и только потом, после установления так называемой адоптивной империи, приобрел некоторое теоретическое значение.

Вероятно, первый муж Поппеи Сабины, Марк Сальпистий Отон, вернувшийся с Гальбой в Рим, сам надеялся на

усыновление Гальбой. Ему удалось с помощью щедрых обещаний заполучить на свою сторону преторианцев, и 15 января 69 г. н. э. они провозгласили его *принцепсом*. Гальба был убит на форуме, Пизона же отстранили. Теперь прежние сторонники Нерона могли торжествовать, Отон был, по крайней мере, популярен среди преторианцев и части римского *плебса*. Но он сколько угодно мог говорить о мире и свободе: рейнская армия продолжала свое продвижение.

Правда, положение Отона не было безнадежным. По крайней мере, дунайские легионы ему симпатизировали, легионы на востоке, хотя и неохотно, но все же принесли присягу. Таким образом, Отон был в состоянии противостоять восставшей рейнской армии, но ему потребовалось бы слишком много времени для приведения в готовность своего военного потенциала. Быстрее, чем он этого хотел, разразилась смута на севере Италии. Цепина перешел через Альпы и объединился с Валентом. Отон бросил на север все имеющиеся в распоряжении силы. У Бедриака недалеко от Кремоны 14 апреля 69 г. н. э. Отон, не дожидаясь подкрепления, решил дать сражение, которое обернулось катастрофой для его войск. После того как военный совет его командиров высказался за прекращение военных действий, Отон 16 апреля окончил жизнь самоубийством, чтобы предотвратить кровавые столкновения между римскими войсками. Он обеспечил себе посмертную славу в противоположность своему бывшему приятелю Нерону.

На короткое время Вителлий был признан единственным *принцепсом*. Может быть, его личность в античных сообщениях об истории дома Флавиев была несколько искажена, однако совершенно ясно, что он не соответствовал своему положению. Вителлий всегда оставался репрезентативной фигурой своих войск, все решающие сражения поручал вести легатам. Рейнская армия поддержа-

ла его из-за покладистости и приспособленчества; для него же самого жизнь бонвивана была важнее, чем энергичное проведение неудобных, но необходимых мер. Так, он дал волю своим войскам, которые теперь устремились в Рим, чтобы отомстить преторианцам и насладиться победой. Старая преторианская гвардия была тотчас же распущена и создана новая, более многочисленная, но из представителей рейнской армии; в самом же Риме господами положения стали мародеры из рейнской армии.

Вителлий сколько угодно мог на своих монетах прославлять *восстановленную свободу*, призывать к *консенсусу* и верности войска, между рейнскими legionами и дунайской группой войск, с одной стороны, и с сирийско-палестинскими, с другой, росло старое соперничество. Сирийские и дунайские legionы были тесно связаны благодаря постоянным перемещениям и откомандировкам, вышло так, что они сразу решили поддержать Отона и боялись репрессий Вителлия. В связи с этим там начались поиски общего кандидата на принципат.

Веспасиан и его сын Тит в это время подавляли иудейское восстание. Войска их очень любили, однако Веспасиан сначала был сдержан и не выказал желания взять на себя роль претендента. Но, наконец, его сторонникам удалось его уговорить. 1 июля 69 г. н. э. в Александрии он был провозглашен *принцепсом* префектом Египта Тиберием Юлием Александром, а вскоре и наместником Сирии Муцианом, важнейшим сторонником партии Флавиев. Едва ли можно переоценить весеннее присоединение Египта к делу Веспасиана. Оттуда Флавии сразу же могли взять под контроль поставку зерна в столицу, это средство показало себя очень эффективным. Дунайские legionы позже стали на сторону узурпатора и, не дожидаясь концентрации всех сил Флавиев, двинулись на родину. Сильнейший удар нанес Антоний Прим, легат паннонс-

кого легиона, который увлек за собой других военачальников.

Вителлий же бездействовал и понял, что его войско склонно к предательству. Равеннский флот сдался, а вместе с ним и Цецина. Вблизи Кремоны снова столкнулись две армии приблизительно по 40 000 человек с обеих сторон. Вителлий был побежден, Кремона взята штурмом, сторонники Веспасиана продвинулись на Итальянский полуостров. Эскалация этой гражданской войны была особенно заметна в Кремоне. Там ожесточенные упорным сопротивлением войска Флавиев по древнему военному праву обратили жителей в рабство. Когда италийское население отказалось покупать этих рабов, ненависть войск не знала больше пределов, многие кремонцы были убиты. С другой стороны, такой террор показал сторонникам Вителлия, что им нечего ждать от этих «освободителей». Их сопротивление, которое с военной точки зрения было совершенно бессмысленным, стало еще ожесточеннее.

В Риме тогда городским префектом был брат Веспасиана Флавий Сабин. Он потребовал от Вителлия отречения, но его сторонники не хотели капитулировать. Сабин окопался на Капитолии, который был взят штурмом и сожжен. Брат Веспасиана погиб в резне, спасся, переодевшись, только его младший сын Домициан, будущий *принцепс*. Этот последний успех вителлианцев не смог предотвратить конец. Войска партии Флавиев подошли к городу и в тяжелых уличных боях захватили его во время сатурналий 69 г. н. э. 20 декабря Вителлий был убит, последнее сопротивление его сторонников в Южной Италии позже было подавлено. Муциан и Домициан руководили политическими чистками в Риме. Сам Веспасиан этим не занимался, он вступил в столицу только летом 70 г. н. э.

Что значил для Рима дом Флавиев (69—96 г. н. э.), *принцепсов* Веспасиана, Тита и Домициана, по существу двух поколений? Светоний в начале биографии Веспасиа-

на определил так: «Державу, поколебленную и безначальную после мятежей и гибели трех императоров, принял, наконец, и укрепил дом Флавиев. Род этот был незнатен, изображений предков не имел, но стыдиться его государству не пришлось, хотя и считается, что Домициан за свою алчность и жестокость заслуженно понес кару» (Светоний. «Веспасиан». М., 1964, с. 195).

С римской точки зрения понятно, что Светоний был так же удивлен созданием нового дома *принцепсов*, как и его современники. После превращения аристократической республики в принципат само собой разумелось, что *принцепс*, по крайней мере в результате усыновления, должен был происходить из одной из знатнейших семей. В лице Отгона и Вителлия возвысились представители нового правящего слоя империи, в случае с Флавиями пограничная армия выдвинула своего кандидата вопреки всем общественным ограничениям.

Род Флавиев до Веспасиана прослеживается только в двух поколениях. Дед Веспасиана происходил из сабинского города Реата и служил *центурионом* в войске Помпея. Определенного успеха в служебной карьере достиг отец Веспасиана, который, кроме всего прочего, занимался финансовой деятельностью у гелльветов. Но решающими для семьи были амбиции матери Веспасиана, которая подталкивала сыновей к сенаторской чиновничьей карьере. Так, Сабин, брат Веспасиана, поднялся до должности *городского префекта*.

Веспасиан, родившийся в 9 г. н. э., после быстрого возмещения при Калигуле особенно отличился при Клавдии. В 42 г. н. э. он стал легатом расквартированного в Страсбурге легиона. Можно предполагать, что последующая деятельность Флавиев в верхнегерманском регионе началась с этого первого назначения. Сначала Веспасиан во главе своего легиона принимал участие во вторжении в Британию. Он был явным протеже вольноотпущенника Нар-

цисса, поэтому его подъем по служебной лестнице продолжился при Нероне. Веспасиан получил должность проконсула в сенаторской провинции *Африка* и принимал участие в путешествии Нерона по Греции.

Если сравнить портреты Нерона и Веспасиана, то сразу заметен резкий контраст между утонченным «артистом» и грубым круглоголовым, коренастым Веспасианом, и становится понятным, какая большая разница была между этими правителями. Веспасиан не имел ни малейшей склонности к искусству Нерона и его стилю жизни и неудивительно, что он засыпал во время декламаций принцепса. Если ему и было передано главнокомандование в *Иудее*, то это объясняется скорее тем, что его считали безопасным человеком.

После рождения Христа Иудея никогда не была больше спокойной. К старым конфликтам иудеев с Грецией и Сирией, к социальным противоречиям между бедным крестьянством, батраками, ремесленниками и богатым городским высшим слоем в эллинистических городах, к ожиданию мессии и сектанскому фанатизму добавились еще и римские провокации, такие, как например, провокации при Калигуле. При прокураторе Флоре, который был назначен наместником в 64 г. н. э., произошли новые римские злоупотребления, приведшие к эскалации ненависти.

В Масаде, крепости на западном берегу Мертвого моря, был дан сигнал к восстанию, обезврежен римский гарнизон, а находящаяся в 441 м над уровнем моря столбообразная гора с виллами Ирода и технически совершенным водоснабжением была приведена в военное положение. Потом восстание охватило Иерусалим. Там римляне тоже были разбиты, наместник Сирии Цестий Галл, попытавшийся осадить храм, обратился в паническое бегство.

Таково было положение дел, когда в 67 г. н. э. Веспасиан принял командование войском, которое, правда, со-

стояло из трех легионов и многочисленных вспомогательных групп, всего около 60 000 человек. Военные действия продолжались в течение 67 г. н. э., сначала преимущественно на севере Палестины *Галилее*. Местный еврейский командующий Иосиф оказал сопротивление, особенно при обороне опорной базы Иотопаты. Однако это укрепление вскоре пало, а Иосиф был взят в плен. После того, как он сообщил Веспасиану о мессианских ожиданиях своей религии и своего народа и пообещал ему власть, он получил от Веспасиана свободу и римское гражданство. Позже он стал Иосифом Флавием, историографом иудейской войны и автором *«Древних сказаний об Иудее»*. В 68 г. н. э. Веспасиану удалось покорить всю Иудею, кроме Иерусалима и некоторых других хорошо укрепленных мест. Затем из-за внутриримских волнений военные операции в этом районе были приостановлены.

Битвы за Иерусалим возобновились только к началу 70 г. н. э., причем с римской стороны боевыми действиями руководил Тит, сын Веспасиана. С ним в качестве влиятельнейшего советника был Тиберий Юлий Александр, бывший *префект Египта*, человек, находившийся в родстве с еврейским царским домом. С армией, которая теперь состояла из шести легионов и сильного вспомогательного контингента, Тит 15 апреля осадил город. Уже в начале мая пала внешняя стена. Однако тогда началась ожесточенная смертельная борьба Иерусалима, которая продолжалась еще несколько месяцев. В самом городе царили голод, эпидемии и нужда, но даже в этот момент не прекратилось соперничество сект, однако их террор и фанатизм вызывали стойкое сопротивление. Перед городом возвышались тысячи крестов, так как римляне распинали всех ищущих пропитания евреев, попадавших им в руки. Район за районом окруженной насыпью столицы штурмовался осаждающими. С обеих сторон росло ожесточение. Только в начале августа был взят и сожжен храм,

«Тогда одни добровольно бросались на мечи римлян, иные убивали друг друга, другие убивали себя сами, третьи прыгали в пламя. И для всех это, казалось, означало не гибель, а скорее победу, спасение и благо умереть вместе с храмом». Так позже описал это событие Кассий Дион.

Только 3 сентября 70 г. н. э. Тит, наконец, смог войти в верхнюю часть города. Последние защитники убивались тысячами, город был разграблен, стены сравнили с землей, тех, кто сдался в плен, отправили в египетские рудники или продали в рабство. Иосиф число попавших в плен евреев оценивает в 97 000 человек, а общее число погибших — в 1,1 миллиона.

Налог в две драхмы, который до этого выплачивал каждый еврей храму Яхве, переходил отныне к римскому Юпитеру Великолепному и Величайшему. Казалось, что после всего этого еврейство и христианские общины потеряли свой религиозный центр и этим самым свои корни. Однако ни иудейская, ни христианская религии не были уничтожены. Иерусалим, как идея, и римская церковь в своем историческом развитии были бы немыслимы без тех событий.

Гегель, который в одной из своих ранних работ о «Позитивности христианской религии» несправедлив к еврейству, вдруг при описании взятия Иерусалима преодолевает свои предрассудки, когда пишет, что еврейский народ «был бы в мнении народов наряду с карфагенянами и сакунтинцами более великим, чем греки и римляне, города которых пережили их государство, если бы его чувства о том, что может сделать народ для своей независимости, не было бы нам слишком чуждо, и если бы мы не имели мужества диктовать народу, в чем состоит его задача».

Со всей помпезностью дом Флавиев отпраздновал триумф над евреями. После возвращения Тита в Рим лето 71 г. н. э. Веспасиан и Тит провели вместе. В 7-й книге Иосифа описаны эти события. Из трофеев особое вним:

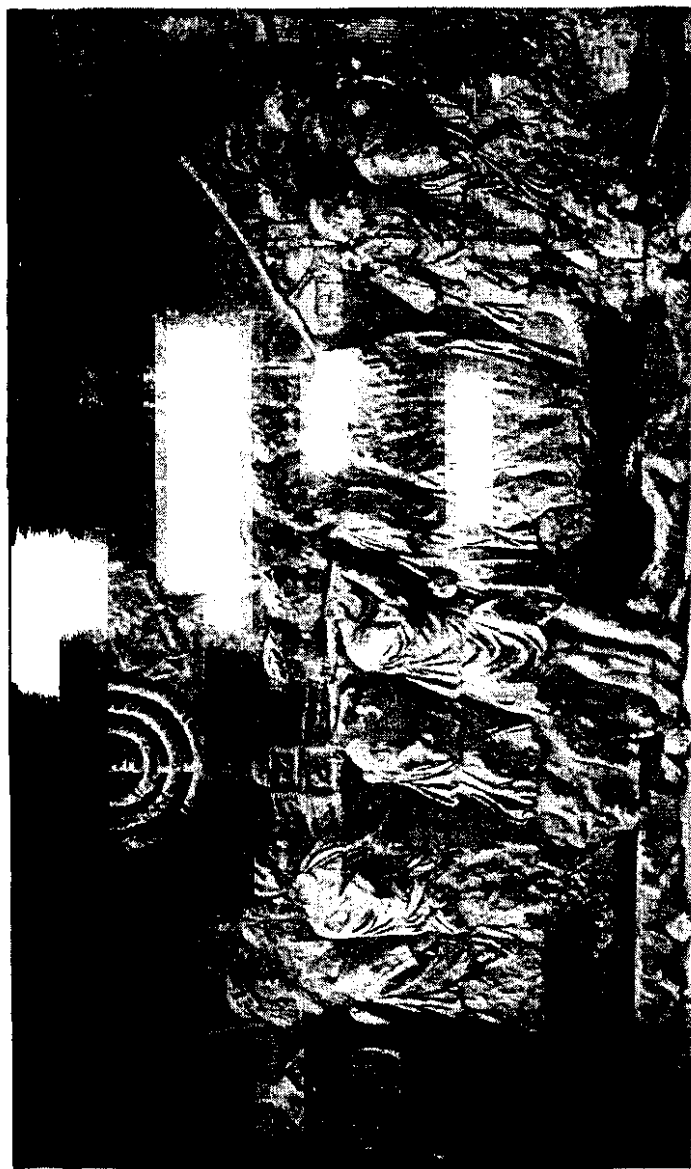

Рис. 16. Арка Тита. Триумфальная процессия

ние привлекает золотой стол, семирукий светильник и пурпурные занавеси из храма. На воздвигнутой позже Домицианом арке Тита можно увидеть эти предметы, хотя и частично поврежденные. Годами на римских монетах прославлялось «покорение Иудеи».

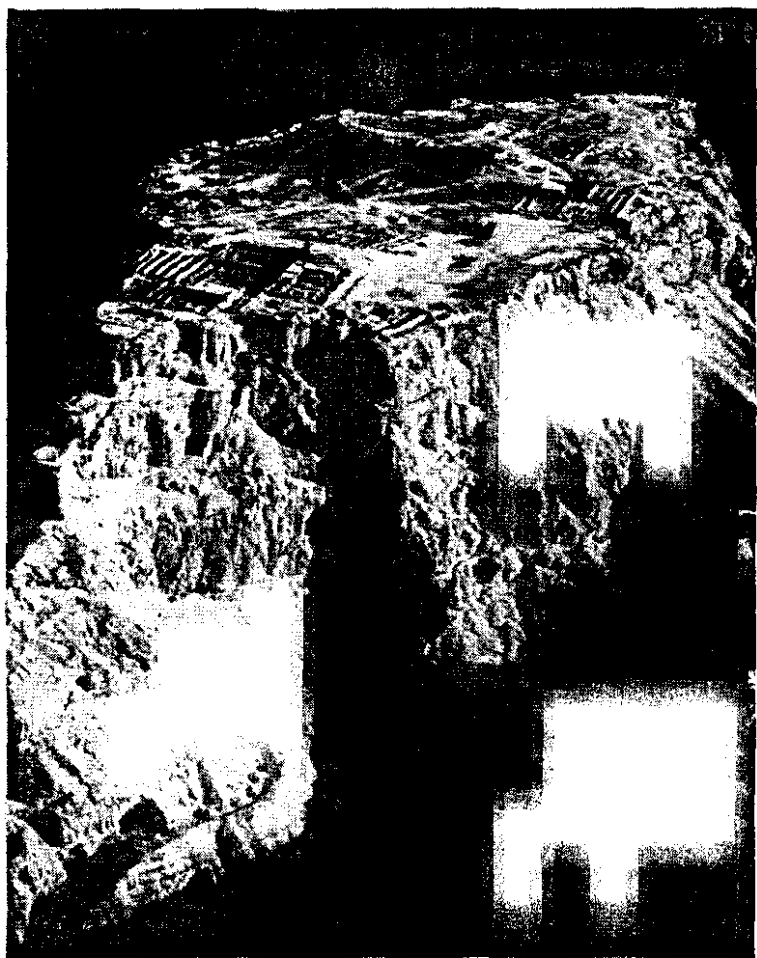

Рис. 17. Масада. Общий вид после раскопок

Веспасиан, а позже Тит, лозунгами указывали на легитимные военные корни своего принципата. Триумф 71 г. н. э. во многом оттеснил в сторону события августовской эпохи, Акция, взятие Александрии, триумф 29 г. до н. э. Если для положения Августа основополагающим было подавление внутренних противников, а также успешная борьба с восточными врагами, то теперь и Флавиусы проявили себя успехами на Востоке. Проведение параллели с августовскими событиями поэтому не являются простыми спекуляциями ума, так как Веспасиан нередко объявлял себя последователем Августа и повторял на своих монетах августовские изображения и лозунги.

Со взятием в сентябре 70 г. н. э. Иерусалима борьба в стране, несмотря на провозглашение «*покоренной Иудеи*», не закончилась. Римские наместники в ближайшие годы гушили очаги сопротивления, из которых дольше всего продержалась занятая фанатичными зилотами Масада. Луций Флавий Сильва был в конце концов вынужден осадить кольцом лагерей занятое повстанцами горное укрепление у Мертвого моря и поставить маяк, прежде чем начать наступление на 960 осажденных евреев. В ночь перед решающим штурмом защитники крепости, поняв безвыходность своего положения, выбрали добровольную смерть. Когда римляне пробивались сквозь горящие здания, крепость и дворец Масады, «встречая большое число убитых, они не радовались смерти врагов: скорее восхищались мужеством решения и пренебрежением к смерти, которое подвигло их к этому деянию» (Иосиф Флавий. «*Иудейская война*», VII, 9). Раскопки, произведенные между 1963 и 1965 гг. израильским начальником генерального штаба и археологом Игаелем Ядином, показали, что Масада стала мифом иудейского сопротивления до самой смерти.

В правление Веспасиана произошли гораздо более незначительные волнения на Востоке, но их быстро усмирили. В этом регионе была произведена реорганизация обо-

роны границ. Галатия, *Понт* и Каппадокия были объединены в одну большую провинцию и охранялись двумя легионами, таким образом, эта провинция, а также Сирия и *Палестина* представляли собой базу защиты границ от парфян. Кроме того, в 72 г. н. э. клиентельное царство *Коммагена* было присоединено к провинции Сирия.

Кроме Иудейской войны, в начале правления Веспасиана образовался второй большой очаг беспорядков — восстание батавов. Летом 69 г. н. э. Юлий Цивил, происходящий из древнего батавского рода, призвал к восстанию своих земляков и соседствующих с ними фризов и каннинефатов. Восстание нельзя было объяснить одной причиной. Его причины крылись не только в личной судьбе Цивила, но и в возмущении его племени несправедливым обращением римлян и в общем политическом положении, которое вынуждало правобережные рейнские германские племена совершать разбойничьи набеги.

Свою ударную силу это сначала вялотекущее восстание получило благодаря подключению восьми батавских когорт, регулярных римских вспомогательных частей. Эти когорты во время гражданской войны были переведены в Италию из своих прежних гарнизонов в Британии, потом отосланы Вителлием в Германию. Им удалось пробиться к Цивилу. Тактически очень умело Цивил сначала создал видимость борьбы за Веспасиана, он привел своих сторонников к присяге за Флавиев. Римское сопротивление было полностью парализовано гражданской войной. Простые солдаты на Рейне поддержали Вителлия и хранили ему верность, когда тот уже был давно разбит.

В начале 70 г. н. э. восстали еще и треверы и лингоны во главе с Юлием Классиком, Юлием Титором и Юлием Сабином. Они провозгласили Галльскую империю. После первых успехов и после капитуляции в Ветере изголодавшихся нижнерейнских легионов и присоединения римских частей к этой *галльской империи* в руках римлян ос-

тавался только Майнц. Однако, когда власть Флавиев консолидировалась, все развалилось как карточный домик. Из Испании и Британии выступили легионы, Муциан и Домициан отправились в Лугдун. Способный и энергичный Петиллий Цериал разбил треверов у Ригодула вблизи Тибра, взял Трир и вытеснил Цивила на север. Исход этой борьбы неизвестен, так как «История» Тацита обрывается на описании переговоров, однако по их последствиям можно понять, что батавы добились почетного мира.

Если Иудейская война и восстание батавов при Веспасиане были событиями на границе империи, то, заглядывая вперед, можно сказать, что продолжение римской экспансии в Британии и новые военные действия в Верхней Германии оказались такими же важными. Так как инициативы Веспасиана в этих регионах привели к окончательному завершению только при Домициане, о них будет сказано далее.

Обе уже упомянутые параллельные задачи Флавиев и Августа, то есть общая для Августа и Веспасиана необходимость ликвидировать наследие гражданской войны и навести порядок во всех сферах государственной жизни, лучше всего видны в сфере внутренней политики. Здесь также проявляется различие методов и средств. Если Август пользовался неограниченным влиянием, постоянно соблюдал республиканский фасад и часто предпочитал не прямые пути, то для Веспасиана эти методы были слишком сложными. Он ничего не скрывал. Наоборот, для него были типичными прямая демонстрация власти и ее решительное употребление. Эта претензия на все права *принцепса* видна из частично сохранившегося в письменном виде «Закона о власти Веспасиана», по которому 22 декабря 69 г. н. э. сенатом и народом *принцепсу* передавались те права и компетенции, которыми обладали Август, Гибрий и Клавдий.

Этот «Закон о власти Веспасиана», если его сравнить с положением в августовские времена, является четко сформулированным выражением полного завершения институализации принципата. В то время, как Август делал вид, что старые республиканские нормы временно приостановлены, Веспасиан не делал из всего этого никакой тайны, взяв на себя все компетенции и привилегии. Поэтому можно сказать, что «Закон о власти Веспасиана» открыл новую фазу развития принципата. Но при этом нужно учитывать, что процесс последовательной институализации и легализации принципата начался еще во времена Юлиев—Клавдиев и, возможно, при Калигуле привел к первой систематизации. Только для Веспасиана закон это официально подтвердил.

Подчеркнуть силу принципата Веспасиану удалось прежде всего потому, что он сделал фактическим соправителем своего сына Тита. Теперь Тит, как и Веспасиан, ежегодно получал консульство, получил также *трибунскую и проконсульскую власть*, в 73—74 г. н. э. он вместе с отцом провел *цензуру*, к тому же после триумфа 71 г. н. э. Веспасиан передал ему должность префекта преторианской гвардии, себе он оставил только титул Августа и верховный понтификат. Благодаря всему этому власть Флавиев на самом высоком уровне достигла сплоченности, лишенной всякого риска.

Столь характерное для Веспасиана принятие на себя *цензуры* сразу же вылилось в чистку сената и всадничества. Снова ряды патрициев пополнились плебейскими семьями, на этот раз в сенат были приняты проявившие себя италики и провинциалы с Запада и многие офицеры из всаднического сословия. В 74 г. н. э. вся Испания получила латинское гражданское право. Также как стабилизирующий элемент использовали культ императора, он был установлен в *Нарбоннской Галлии, Бетике и Африке*.

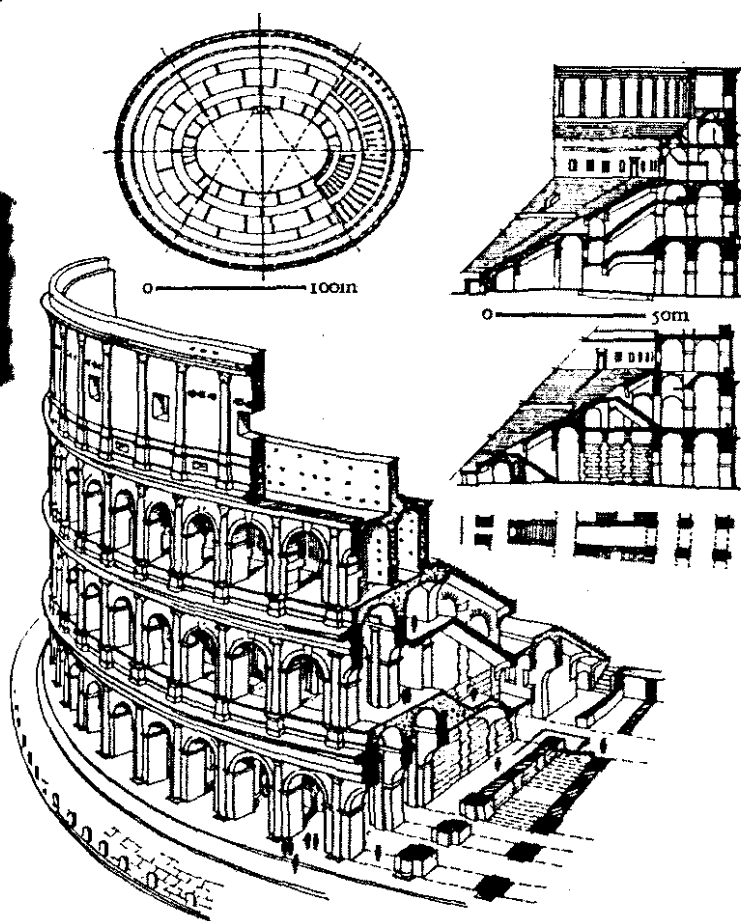

Рис. 18. Колизей. Рим. Горизонтальная проекция, поперечное сечение, вертикальная проекция

С той же последовательностью Веспасиан реорганизовал разложившуюся армию. С помощью перегруппировок и переводов в армии в зародыше были задушены все попытки к возвышению, снова восстановлены боевая мощь и повиновение войсковых соединений. Гвардию, которая

при Вителлии насчитывала 16 преторианских когорт и четыре *городских когорты* каждая по 1 000 человек, Веспасиан сократил до 9 преторианских когорт и 3 городских по 500 человек; флот в Мизене и Равенне отныне находился под командованием всадников, а не вольноотпущенников, как раньше. Легионы, которые во время беспорядков на нижнем Рейне и в Галлии примкнули к восставшим, Веспасиан распустил. На их место заступили новые соединения, такие, как 4-й и 16-й *легионы Флавия*.

Кроме того, Веспасиан энергично наверстывал упущенное в гражданской сфере. По всей империи начался новый период функционального строительства, восстановление разрушенного. Естественно, что центр тяжести этих восстановительных работ находился в самом Риме, а именно в восстановлении сожженного Капитолия. Сначала были восстановлены храмы Юпитера и Весты, а храм и форум Мира отстроены заново. На территории золотого дома Нерона было начало строительство известнейшего сооружения эры Флавиев, которое в средние века называли *Колизеем, амфитеатра Флавиев*. Это колоссальное здание было только одной стороной начинаний Веспасиана. В Италии и провинциях, кроме необходимого ремонта, возводились бытовые постройки, проводились новые водопроводы и дороги.

Расходы на строительство, правда, требовали напряжения всех финансовых возможностей империи, потому что государственная казна к началу правления была пуста. Едва ли можно удивляться, что Веспасиан не останавливался перед установлением и взысканием новых налогов. Хотя детали реорганизации в большинстве своем неизвестны, критика правления Веспасиана вне сомнений имеет под собой основание. Стремление находить новые финансовые источники нашло свое выражение в ставшем пословицей «*не пахнут*», которое он произнес по поводу денег, полученных за пользование обществен

ными туалетами. Светоний считает это корыстолюбием. Он говорит, что Веспасиан использовал своих налоговых инспекторов, как губки, сухим давал намокнуть в провинциях, а мокрых выжимал в Риме. Наученный отцом этому ремеслу, Веспасиан не ограничивал себя ни в чем, так, считал совместимым с достоинством *принцепса* зарабатывать на посреднической торговле и на получении взяток при продаже должностей. Само собой разумеется, что освобождение от налогов Греции было сразу же отменено.

Серьезной оппозиции Веспасиану не было. Когда в 74 г. н. э. были высланы философы, то это касалось только стоиков и киников, которые выступали не столько против правителя, сколько против самого принципата. Даже казнь Гельвидия Приска, о чем Веспасиан позже сожалел, была направлена против наглого одиночки, так что ее вряд ли можно считать несправедливой. Причины и подробности раскрытого в 78—79 гг. заговора Цецины Алиена и Эприя Марцелла неизвестны, поэтому его нельзя оценить соответствующим образом.

Общий итог правления Веспасиана показывает, что этот *принцепс* разрешил поставленные перед ним задачи. Это был простой представитель италийской буржуазии, который со своей бережливостью и хваткой явился подходящим для этого времени человеком и оправдал себя как *принцепс*. Его сознание долга едва ли можно переоценить: «*Принцепс* должен умереть стоя».

Он никогда не скрывал своего происхождения и тем, кто хотел составить ему благородное генеалогическое древо, ответил крепкой итальянской шуткой. Даже произнесенные при последней болезни слова: «Увы, я кажется становлюсь богом», — выдержаны в этом трезвом стиле. Само собой разумеется, что он упразднил процессы по оскорблению величества, пошел даже дальше, оставив свой дворец без охраны.

Рис. 19. Веспасиан. Бюст. Флоренция

Иррациональные силы оказывали ограниченное влияние на его понимание власти. Однако после всего, что он пережил, и под впечатлением восточного пророчества и чудесного исцеления им одного слепого и одного парализованного в Александрии, он был глубоко убежден в судьбоносном предназначении своего дома. Пребывание на Востоке не прошло бесследно. Там возникло его почитание Изи́ды, которое побудило Веспасиана прийти к храму Изи́ды ночью перед вступлением в Рим. Его собственное чудесное возвышение для многих жителей Востока было свя-

зано с восточно-эллинистическими представлениями о посланном небесами царе-спасителе и пришедшем с Востока повелителе мира, каким бы чуждым это ни казалось сначала италику Веспасиану.

Монеты Веспасиана показывают, что он умело и целенаправленно влиял на общественное мнение и одновременно придавал принципату Флавиев свои собственные очертания. Так как Веспасиан не мог сослаться ни на старую династию, ни отрицать тот факт, что нового императора провозгласило войско, он пустил в ход Фортуны. Монеты с надписью «*Фортуна Августа*» напоминали о присущих *принцепсу* победе и мужестве. На них также прославлялась добродетель нового принцепса, и этим утаивалась связь с Августом, вслед за которым Веспасиан подчеркивал также и мир.

После смут гражданской войны и после эксцентричного правления Нерона на этих надписях и изображениях находит свое выражение четко консервативная программа управления. В этом же направлении идет и возобновление символики *гражданского венца* и провозглашение долга принцепса, как покровителя тех, кто нуждается в защите. Здесь были связаны общественные корни с моральным долгом принципата, с представлениями патрона и отца отечества.

Тесная связь с Августом была необходима, потому что Веспасиан хотел дистанцироваться от дискредитировавших себя *принцепсов* и одновременно сохранить систему принципата. Для этого лучше всего подходил лучезарный образ основателя, как легитимная инстанция его традиций. Пропаганда Флавиев против Вителлия и его сторонников проводилась в духе кампании Августа против Антония. Как и Октавиан, Веспасиан сразу же обратился к понятию *свобода*. Разумеется, его борьба за власть была представлена борьбой за освобождение, прославлялась *общественная свобода, свобода Августа, восстановленная свобода,*

ми, когда разразился трехдневный большой пожар Рима, снова превративший в пепел многочисленные здания на Капитолии и южную часть Марсова поля. Для восстановления Тит использовал в первую очередь собственные средства. Однако, как будто этого было мало, в Риме началась чума.

В основном правление Тита осуществлялось в духе Веспасиана, хотя и в более мягкой форме. Продолжалось строительство зданий и дорог, а также наступление на Британию. Как раньше армия, теперь большая часть империи была очарована столь гармоничной личностью. Когда летом 81 г. н. э. Тит скоропостижно скончался, о нем скорбели, как *о любви и наслаждении всего человечества*. По контрасту с суровой волевой натурой Веспасиана, его образ засиял еще ярче, когда его брат Домициан превратился в прототип тирана. Трезвые голоса по поводу короткого принципата Тита звучали еще в античности. Так, например, Авзоний говорил, что принципату повезло в том, что правление Тита было столь коротким. Однако память о нем от этого не пострадала: *милосердие* Тита вошло в поговорку, богемцы приурочили к коронации Леопольда II оперу Моцарта «*Милосердие Тита*».

Есть периоды римского принципата, оценка которых в современной науке совпадает с оценками античных авторов, другие же современные исследования исправляют искаженный предубежденный взгляд античных авторов. К последним относится принципат Домициана. При этом нужно отметить, что до сих пор не удалось убедительно обобщить результаты специальных исследований. Даже у современных авторов, которые занимаются Домицианом, преобладает персоналистический взгляд. Не принимается во внимание целостность политики Флавиев, с одной стороны, и преемственность структур и политических и военных решений во многих областях меж-

ду «тираном» Домицианом и «лучшим *принцепсом*» Траяном, с другой.

Фактические особенности личности, понимание принцепата, политическая система и атмосфера режима Домициана так же неразрывно связаны, как у Тиберия, записки которого были любимым чтением Домициана. Как и у Тиберия, личность и стиль управления Домициана несет отпечаток опыта, полученного до принятия принцепата. Родившийся в 51 г. н. э. Домициан вырос не в гармоническом придворном окружении, как его брат Тит, бывший на 12 лет старше его. Отец Домициана увяз в долгах и после прихода Нерона к власти впал в немилость. Мать умерла рано. Восемнадцатилетний Домициан был на горящем Капитолии при гибели сторонников Флавиев, а потом чудом спасся в последнюю минуту. Переодевшись жрецом Изиды, он смог ускользнуть от фанатичных виллелианцев.

Это спасение, которое позже было интерпретировано пропагандой как божественное вмешательство, оказало на него такое же длительное воздействие, как и чудесное исцеление Веспасиана в Египте. Признание *Юпитера-Стража* отражает убеждение молодого Флавия в том, что его жизнь предназначена для великих дел и поэтому охраняется богами. Однако после вхождения войск Флавиев в Рим он был вовлечен в соперничество победителей и столкнулся с реальностью политических будней. Муциан переиграл предводителей войска Антония Прима и Аррия Вара так же, как и сына *принцепса*, которому была отведена репрезентативная роль *городского претора*. Домициан, стремившийся к активному участию в делах управления, подписывал гору указов, но власть была в руках Муциана. Попытка проявить себя при подавлении восстания на Рейне и в Галлии не удалась.

Несоответствие между внешними почестями и недостающими возможностями действовать оставалось и пос-

ле вступления Веспасиана в Рим. Честолюбивого, стремящегося к активным действиям сына *принцепса* не удовлетворял почетный консулат, ему не давали ответственных заданий, таких, как военное командование на Востоке. Пока власть полностью находилась в руках Веспасиана и Тита, Домициан не мог отличиться или набраться опыта. Не удивительно, что он настаивал на полном признании своего положения, как *принцепса*, и на прямом исполнении своей власти, когда в сентябре 81 г. н. э. стал наследником Тита.

Тридцатилетний Домициан поставил перед собой больше, чем достаточно, задач, особенно в области пограничной политики. К концу правления Нерона римская провинция *Британия* занимала только восток острова. Она правда, на севере достигала линии Манчестер—Хамбер за исключением Уэльса. Занятие Уэльса и дальнейшее продвижение на север были важнейшими задачами продолжения оккупации. Начинать следовало с севера. Там во время гражданской войны в зависимом от Рима клиентельном царстве бригантов события развивались неблагоприятно для Рима. Бриганты, большое племя бриттов, населяли огромное пространство, простиравшееся от Йоркшира на юге и до Дархема на севере. Раньше царица этого племени Картимандуя была тесно связана с Римом. Во время внутренних смут она была изгнана своим мужем Венуцием как раз в тот момент, когда Рим не мог послать поддержки.

С приходом Флавиев с римской стороны последовали новые инициативы. Первый флавиевский наместник Петиллий Цериал, полководец, который до этого служил в Британии как легат легиона, в 71—74 гг. н. э. покорил всю землю племени бригантов. Одновременно лагерь легионеров был переведен из Линкольна в Йорк. То, что покорение этого племени можно было считать окончательным, показывает факт, что преемник Петиллия Цериала Юлий

Фронтин, который был наместником с 74 по 77 г. н. э., известный благодаря своим «*Стратегемам*» военный писатель и классический специалист по водоснабжению, занимался теперь покорением силуров на юго-западе Уэльса и организацией и укреплением валлийской границы.

В 77 г. н. э. в Британию прибыл новый наместник Юлий Агриппа, тесть Тацита. Он провел штрафную акцию против ордовиков на севере Уэльса. Особым достижением Агриппы является форсирование оккупации на севере Британии. Он продвинулся не только до линии Фэрт оф Форт и Фэрт оф Клайд, но и гораздо дальше. Само завоевание Ирландии после этого успеха находилось в пределах возможного. Но для этого не было необходимых войск, и остров остался последним бастионом свободного кельтства.

Агриппа все дальше продвигался на север Британии. Римский флот крейсировал вокруг северной оконечности Шотландии. Битва у *горы Граний* в 84 г. н. э., казалось, означала конец свободы северных племен, во всяком случае, по Тациту. Римляне владели теперь шотландской низменностью, и сопротивление горной части казалось сломленным. Вскоре после этой победы Агриппа был отозван Домицианом, и наступление приостановилось. Самые серьезные завоевания Агриппы не были продолжены, потому что тяжелое положение на Дунае требовало введения в действие новых войск. Поэтому численность римских войск в Британии сократилась, и легионерский лагерь Инчугутил в Шотландии был ликвидирован. Приблизительно в 100 г. н. э. в начале правления Траяна римские гарнизоны к северу от линии Тайн-солвей были эвакуированы, и римские войска сконцентрировались южнее будущего имп. Адриана.

Оценка событий в Британии во время правления Домициана до сих пор находится под влиянием тацитовского «*Агриколы*», того произведения, где Тацит изображает

своего тестя, как завоевателя Британии, а Домициана, как завистливого и лживого тирана. Однако у *принцепса* были иные приоритеты, чем у руководителя провинции, разумная экономия военных действий казалась важнее, чем окончание операций, несущих в лучшем случае сомнительные выгоды. Для одновременного ведения боевых действий в Британии, Германии и на Дунае у империи не хватало ни военного потенциала, ни финансовых возможностей. Доказательством того, что отзыв Агриколы был вызван не личными, а деловыми причинами, является тот факт, что столь восхваляемый Тацитом Траян, бывший типичным экспансионистом, не развил наступательные планы Агриколы, а последовательно проводя политику Домициана, допустил захват северных римских провинций.

Большое римское наступление в Германии сначала охватило юго-восточную Германию. Переход к стратегической обороне после отзыва в 16 г. н. э. Германика создал новое положение. Регион юго-западной Германии, расположенный, как клин, между верхнегерманским войском на западе, *Нориком* и Рецией на востоке, приобретал возрастающее значение для долгосрочной охраны границы и закладки сквозных коммуникаций. Еще при Клавдии стало правилом поэтапно продвигать в верхнегерманский и ретийский регионы римские укрепления, дороги и опорные базы.

На юго-востоке современной федеральной земли Баден-Вюртемберг еще во времена правления Клавдия к югу от Дуная был построен ряд крепостей (Рисстиссен, Эмеркинген, Менген, Эннетак, Инцигхофен), а также на старой торговой дороге крепость Хюфинген к югу от устья Дуная. Это была первая контрольная система. С юго-запада на северо-восток при Веспасиане была продолжена коммуникационная линия.

Под командованием легата Гнея Пинария Корнелия

Клемента в 73—74 гг. н. э. у Роттвайла объединились римские войска, идущие с запада через Кинцигаль и с юга из Виндониссы. Роттвайл стал теперь называться *Ара Флавия* и превратился в центр вновь завоеванных областей. Достойного упоминания сопротивления оказано не было. Эта операция явилась характерной для пограничной политики Веспасиана и всех Флавиев. Флавии сознательно отказывались от больших ширококомасштабных наступлений. Для них всегда была основной стабилизация пограничной зоны.

Как раз тогда, когда Домициан стремился доказать свое *«императорское мужество»*, хатты предоставили ему желанную возможность между Майном и Ланом. Это племя было для римлян хроническим источником волнений, так как постоянно нападало на верхнегерманские границы и участвовало в рейнских смутах во время правления Веспасиана. В сопровождении свиты опытных военных советников Домициан в 83 г. н. э. отправился в Майнц, чтобы лично руководить военными операциями против хаттов.

Хотя для борьбы с хаттами было задействовано семь легионов и большой вспомогательный контингент, детали и хронология этого похода до сих пор остаются спорными. Возможно, что первая атака была проведена в 83 г. н. э., что одновременно с атаками на Виттерау и Тавн горными точками римских военных действий являлись Нейндер Бекен на северо-западе, а на юге территория Баден-Бадена. Выдержка из *«Стратегем»* Фронтин объясняет примененную тогда тактику: «Когда германцы по своему обычаю нападали на наши войска из горных лесов и темных убежищ и имели возможность отступления в глубь лесов, император Цезарь Домициан Август приказал сделать пограничную линию длиной в 120 миль (177,5 км). Этой мерой он не только изменил военное положение, но покорил врагов, блокировав места их прибежища».

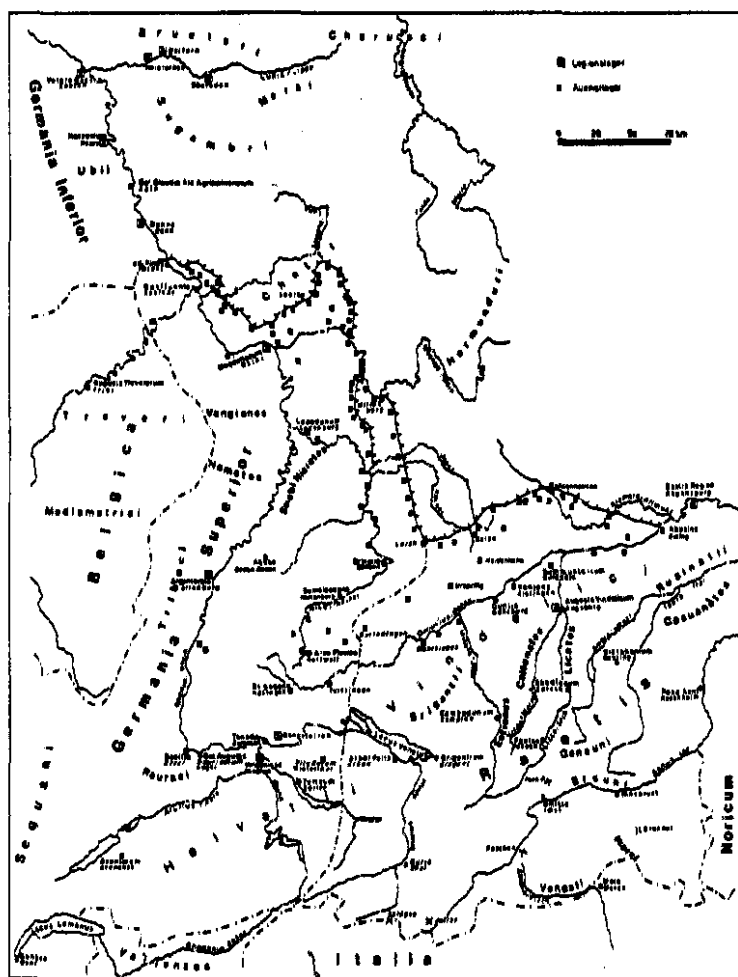

Рис. 20. Укрепленная пограничная линия в Верхней Германии

Эта домициановская пограничная линия не имеет ничего общего с теми пограничными линиями, сооруженными позже для охраны границ. Скорее речь идет о про-

секах в лесах Тавна, которые позволяли римскому войску пройти до кольцевого вала хаттов, контролировать до сих пор недоступный район и этим создать предпосылки для систематического военного обеспечения охраны границ. (По латинской военной терминологии, понятие *limes* означало дороги для освоения недоступных пространств, то есть коммуникации, которые проводились от римских областей в лесные, горные и пустынные регионы. Только позже это слово стало означать укрепленную, систематически охраняемую границу империи. Тот факт, что эти оба понятия напластовывались друг на друга при Домициане, привело к немалым недоразумениям.)

После вытеснения или подавления хаттов в районе Тавни и Виттерау римские военные соединения приступили к активному строительству. Принято считать, что крепости для вспомогательного контингента в Хофгейме, Хеддернгейме, Окарбене и Фридсберге послужили основой для передовых постов Заальбурга и более поздних пограничных крепостей Цугмантала и Каперсбурга. Внутри этого укрепленного района возникла целая система более мелких земляных укреплений, деревянных сторожевых вышек, редутов, сигнальных установок, лесных просек для почтовых путей, которые позже были огорожены простыми деревянными изгородями. Эта построенная римскими вспомогательными группами система никогда не была линией обороны, потому что римские легионы, как и раньше, стояли на Рейне.

Остается неизвестным, от кого исходила эта новая концепция. Вряд ли это был Домициан или Друз старший. Как известно, что в штабе Домициана был целый ряд военных специалистов, можно предположить, что в этой роли в качестве советника сотрудничал также Фронтин. Если это так, то ему можно отвести ту же роль, что и Випсанию Агриппе при Августе. Основываясь на опыте Фронтин в Британии, особенно при закладке опорных

крепостей и баз в Уэльсе и учитывая его опыт военного теоретика, можно предположить, что инициатива исходила от него.

Хотя аннексия и строительство охранной пограничной зоны не представляли из себя ничего выдающегося, Домициан с пафосом отпраздновал эти успехи. В 83 г. н. э. он присоединил к своему имени имя Германик, устроил триумф над германцами и ввел целый ряд императорских приветствий. Большое количество изображений на монетах, а с 85 г. н. э. эмиссия с надписью «*Побежденная Германия*» прославляли успехи этого и следующего годов в регионе. Даже греческие города и, естественно, императорские печатные станки в Александрии подключились к этому хору. В Риме была воздвигнута триумфальная арка и победные статуи, среди них гигантская конная статуя, изображающая *принцепса*, прыгающего через символическое изображение Рейна. Стаций написал стихотворение о германской войне, а Марциал назвал Домициана «*величайшим укротителем Рейна*». В 87 г. н. э. месяц сентябрь был переименован в германик, а в 90 г. н. э. прежние военные округа Нижней и Верхней Германии были преобразованы в провинции.

Праздновалась не только защита вновь оккупированных и контролируемых правобережных рейнских областей вокруг Нойвидера Беккера, Тавна и Виттерау, но и их слияние с южными районами *десятинных полей* и с группами крепостей в Неккаре (Коннштатт, Кёнген, Роттенбург) и крепостями в Швабии (Уршпринг, Доннштеттен, Гмандинген, Лаутлинген). Этому развитию событий помешало восстание верхнегерманского командующего Луция Антония Сатурнина зимой 88—89 гг. н. э. Сатурнин с помощью подкупа привлек на свою сторону майнцкие легионы, заставил их провозгласить себя императором и попытался привлечь также и хаттов. Кажется, повторились события 69 г. н. э.

Домициан лично поспешил туда, со всех сторон были подтянуты надежные легионы, будущий принцепс Траян привел из Испании на Рейн свой VII легион. Но между тем А. Лаппий Максим, командующий нижнегерманским войском, в один миг подавил путч, когда германцы с правобережья Рейна из-за ледохода не смогли прийти на помощь Сатурнину. Очевидно, Домициан мог положиться на материально поддерживаемую им армию, как и на лояльность ее командиров. *Принцепс* пришел в гнев из-за этих событий, и было казнено много подозреваемых. Вполне вероятно, что Домициан послал дискредитировавшие себя войска на тяжелые бои. Может быть, именно тогда последовала дислокация вспомогательных групп на Майне и в Оденвальде и упомянутое объединение занятых Фланциями правобережных областей Рейна на севере и на юге Нижней Германии.

Если рассматривать в целом результаты и следствия деятельности Домициана в Верхней Германии, то они состоят не как раньше в строительстве военных дорог, соединительных коммуникаций, опорных пунктов, баз обеспечения, отдельных крепостей или их групп. Качественно новый элемент заключался в целостной системе, которая ограничивалась не отдельными участками, а учитывала и особенности соседних районов. Хаттские войны дали толчок тому развитию, которое привело к общей систематизации верхненемецкой и ретийской пограничной полосы.

Территориально радиус действия военных операций Домициана был относительно ограниченным. Но каждое продвижение вперед удлинит контрольную линию и потребовало включения больших лесных массивов. Домициан в Верхней Германии и в Британии не пошел на максимум территориальной аннексии. И здесь проявилась характерная для Флавиев экономия экспансии. К тому же для Домициана предполагали, что в будущем он не со-

бирался делать большие территориальные приобретения в этом районе. Таким образом, в римской германской политике было принято основополагающее решение. Решение германского вопроса осуществилось не в духе Германика, а в духе Тиберия.

Признавая значение мер Домициана, нельзя отрицать, тем не менее, большую разницу между фактическими результатами и стилем и пафосом триумфальных победных торжеств. Домициан желал как можно быстрее продемонстрировать те же военные успехи, что и его отец и брат после иудейской войны. Он хотел поставить рядом с «Завоеванной Иудеей» Веспасиана и Тита свою «Завоеванную Германию». Однако на германском фронте не было ни решающих сражений, ни больших трофеев, как во время иудейской войны. Результаты германской пограничной политики Домициана к тому же были слишком непривычны, чтобы найти общее признание и вызвать радость. Однако массированная пропаганда *принцепса* выбрала восторженные акценты, которые только частично соответствовали новым формам самовыражения этого принцепата. Не случайно, что именно здесь находятся отправные точки для критики сенатской оппозиции, как это известно из Тацита.

Если инициативы пограничной политики Домициана осуществлялись на римской территории, то на Нижнем Дунае — на территории противников Рима. В этом регионе, особенно в Карпатах, цивилизация даков до рождения Христа перешагнула ступень раздробленного аграрного и менового хозяйства. Правда, еще преобладали земледелие и интенсивное скотоводство, но кроме этого, существовало высокоразвитое художественное ремесло. При археологических раскопках находят расписную керамику, чеканку, изделия из золота и серебра. Большое количество монет, найденных при раскопках, и принятие сначала греческой, а потом латинской письменности, свидетель-

ствуют о тесных торговых контактах с соседними районами греко-римского мира.

Общественная структура характеризовалась различиями между знатью, которая носила своеобразную дакскую *войлочную шапку*, и простым народом, для которого были типичными длинные *волосы*. Соответственно различался и способ расселения: встречались маленькие деревни, укрепленные барские резиденции и несколько похожих на *города* больших поселений. Уже давно в горах Орастии в центре Карпат возник центр концентрации власти. Однако остается спорным, как велика была интенсивность государственной организации на территории современной Румынии. Тем не менее, еще во времена Цезаря Буребиста сосредоточил в своих руках большую власть, которая римлянам показалась настолько опасной, что они делали неоднократные попытки разгромить это царство. Такие планы вполне понятны, потому что влияние Буребисты распространилось на греческие и фракийские племена из соседних районов и, казалось, там образуется большое дако-фракийское царство.

Хотя после смерти Буребисты эта сфера влияния так же быстро распалась, как и возникла, первые десятилетия после рождения Христова на Нижнем Дунае стабильных отношений не было. Правда, очень долго речь не шла о какой-то единой дакской политике, однако не прекращались набеги дако-гетских племен на район южнее Дуная, не прекращались также массированные римские контрудары. Когда вокруг дакской резиденции Сармицегетуза Гирдиштея выросла система оборонительных сооружений (судя по данным археологических раскопок, эта резиденция была также и религиозным центром даков), римляне решили предпринять политические и военные меры предосторожности. В 20 г. н. э., чтобы разгрузить восточный фронт Паннонии, язиги были переселены в район между Дунаем и Тиссой. Последовали и другие большие акции

по переселению «задунайцев», кроме того, была создана охрана римской границы, которая теперь находилась за предместными укреплениями севернее Дуная. Веспасиан усилил римскую армию в Мезии и сформировал специальный дунайский флот.

Причины, побудившие Домициана к началу тяжелых сражений, неясны. Во всяком случае, зимой 85—86 гг. н. э. на Мезию совершенно неожиданно напали крупные дакские группировки, разграбили ее и подожгли. В сражении погиб наместник Опций Сабин. Домициан посчитал положение настолько критическим, что сам отправился в район кризиса во главе новых военных соединений и провел весь 86 г. н. э. в подавлении особенно упорных дакских группировок и в подготовке римского контрнаступления.

Так как ввиду римских приготовлений можно было предположить эскалацию военных действий, с дакийской стороны старый царь Диупаней уступил место своему племяннику Декебалу. Таким образом, там теперь командовал высококвалифицированный как в военном, так и в политическом смысле, молодой человек, который так же, как и Домициан, жаждал успеха, личность, о которой Кассий Дион сообщает, что он умел использовать победу и извлекать выгоду из поражения и был для римлян достойным противником. С римской стороны командование операциями принял префект преторианской гвардии Корнелий Фуск. После того, как даки после кровопролитных боев были отброшены за Дунай, Домициан решил, что их сопротивление сломлено. В 86 г. н. э. он отпраздновал первый триумф над даками, отклонил предложение Декебала о мире и приказал Фуску начать контрнаступление.

В 87 г. н. э. Фуск построил понтонный мост через Дунай и продвинул свои соединения вдоль Алуты (Олт) на север. Однако на горном перевале Ротен-Турм был наго-

лову разбит. Сам он нашел смерть в этом сражении, а лагерь, вооружение, штандарты и многочисленные пленные попали в руки Декебала. Молодой царь блестяще себя проявил, а римляне потерпели сокрушительное поражение. Однако в 88 г. н. э. командование задействованных

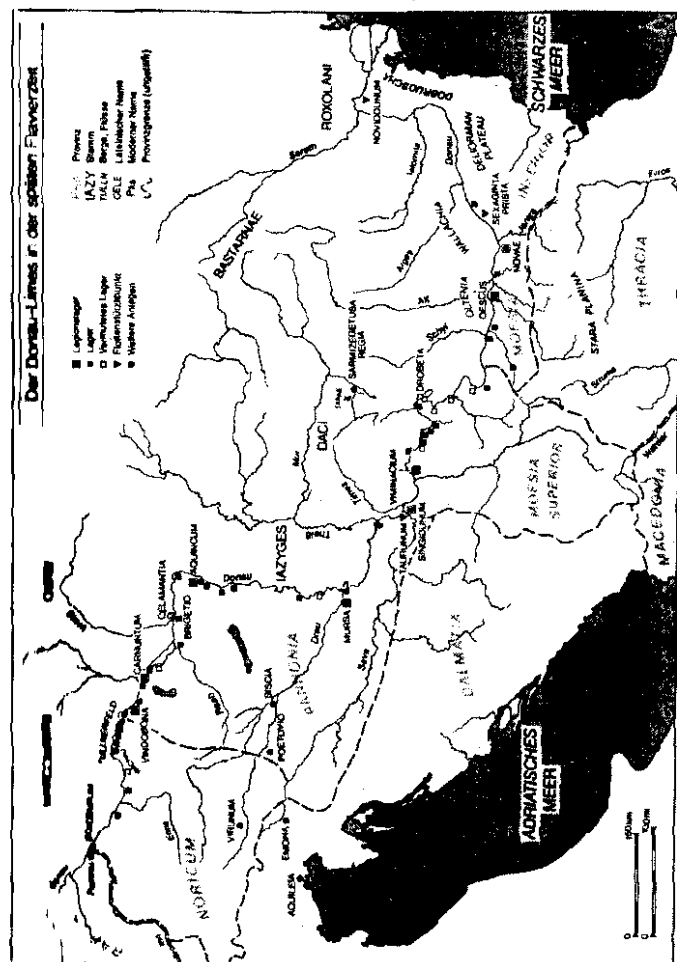

Рис. 21. Дунайская укрепленная пограничная линия

против даков войск принял Теттий Юлиан, опытный и осторожный легат. Он решил начать наступление от Баната, и даки не смогли его остановить даже в ущелье Тапы у Железных ворот. Декебал опасался за свою столицу, но римские потери были столь велики, что Теттий Юлиан отказался от продолжения наступления.

Год спустя место военных действий изменилось. Так как квады и маркоманны во время похода против даков не выполнили своих обязательств и даже угрожали открытым флангам римского войска, Домициан решил перед дальнейшими акциями против Декебала сначала нейтрализовать этого противника. Однако штрафная акция потерпела неудачу, маркоманны обратили римлян в бегство. У Домициана не было теперь другого выхода, кроме как заключить компромиссный мир с Декебалом. В обмен на предоставление финансовой поддержки и технической помощи специалистов он получил назад пленных и оружие, которое было утеряно Фуском. Кроме того, Декебал обеспечил римлянам право прохода из их провинции *Верхняя Мезия* в области маркоманнов и пообещал не трогать римские предмостные укрепления в Банате и Олтении.

Домициан это фактическое закрепление status quo в конце 89 г. н. э. отпраздновал, как триумф над даками и организовал по этому поводу игры и состязания. Полностью признавая общее тяжелое положение на Дунае, нельзя не отметить и здесь противоречие между действительностью и стилизацией. Когда Домициан в процессе переговоров о мире с дакскими аристократами надел на голову их предводителя диадему, в далеком Риме могли продумать, что Декебал стал зависимым клиентельным царем империи. Фактически же он получил драгоценное время и драгоценное средство для укрепления своей власти. В остальном даже после этого на Дунае не наступило окончательное спокойствие. В 92 г. н. э. маркоманны, квады и язиги

полностью уничтожили XXI легион. И на этот раз Домициан смог только отбросить захватчиков и снова восстановить оборону границы.

В отличие от положения в Британии и Германии, где меры Домициана были постоянными и определяли римскую политику в последующие десятилетия, очаги кризиса на Дунае он затушить не смог. Вероятно, у Домициана никогда не было планов разбить дакское царство Декебала, вероятно, речь шла скорее о стабилизации оборонной границы и о том, чтобы помешать дакам, маркоманнам, квадам и язигам объединиться против Рима. Конечно, в неудачах римских полководцев на Дунае был виноват и сам *принцепс*, так как он лично присутствовал на театре боевых действий. Заключенный с Декебалом компромисс не изменил того обстоятельства, что Домициан оказался «неудачливым *принцепсом*». Действительность не соответствовала пафосу его триумфов и празднеств по поводу военных и политических успехов, хотя пограничная политика Домициана по своей сути была реалистичной.

Понимание Домицианом принципата определило своеобразное и противоречивое внутреннее развитие империи при этом *принцепсе*. После смерти Тита для младшего Флавия закончилось время враждебности, обид и неудовлетворенности. В вопросе оформления и обеспечения своего положения у него не оставалось другого выбора, кроме как принять позицию отца и брата. Это привело к постоянному возобновлению консульства и трибунской власти, то есть к накоплению власти и титулов, что часто вызывало критику. Однако это явление можно считать относительным, если его связать с практикой *принципатизма*: Веспасиан был консулом девять раз, Тит — восемь, а Домициан — шестнадцать. Веспасиан и Тит обладали трибунской властью на одиннадцать лет, Домициан — на шестнадцать. Веспасиана провозглашали импе-

ратором двадцать раз, Тита — шестнадцать, Домициана — двадцать два.

Так же было и с должностью *цензора*. Для сената явилось особенно вызывающим, что Домициан с 85 г. н. э. взял на себя обязанность цензора пожизненно и считал это столь важным, что включил в свои титулы «*пожизненный цензор*». Здесь тоже нужно вспомнить о *цензуре* Веспасиана и Тита в 73—74 гг. н. э., а также о том, что предшественники Домициана были удостоены звания *цензора* после определенного срока исполнения обязанностей. Еще Веспасиан использовал должность цензора для чистки и пополнения сената.

Объединение *цензуры* и *принципата* было направлено не только против сената. Домициану было необходимо обновить старомодные обычаи и нормы и устранить разнобразные признаки упадка. Он последовательно применял закон *Сканциния* о совращении малолетних, запретил кастрацию, понизил цену на евнухов, карал весталок за нарушение обета целомудрия архаическим наказанием — закапыванием живьем, наблюдал за формированием сословий и контролировал деятельность магистратов и управленческих чиновников.

Домициан взял на себя не только кодифицированные законом о власти Веспасиана полномочия, но и с логической последовательностью осуществил их в открытой автократической манере и ввел новые формы церемониала и презентации. *Принцепса* постоянно сопровождали 24 ликтора, он входил в сенат в триумфальных одеждах и в отличие от стиля Веспасиана его персона была неприступной. На организованных им играх в честь *Юпитера Капитолийского* он был в пурпурной тоге греческого покроя, на голове золотая корона с изображениями Юпитера, Юноны и Минервы. Его окружали жрецы Юпитера и флавиевская коллегия жрецов, одетых так же, как и он, но на их коронах было только изображение *принцепса*.

В том же духе планомерного возвеличивания *принцепса* были выдержаны многочисленные золотые статуи правителя на Капитолии, триумфальные арки, которыми Домициан украсил весь город, и переименование в его честь месяцев сентябрь и октябрь в германик и домициан. Не в последнюю очередь его возвышению способствовала придворная поэзия, превосходящая по пафосу самого Овидия. Так, например, Стаций чествовал приглашение к столу *принцепса*, где священной была не только персона *принцепса*, но и сама еда. Особенно четкая формулировка находится у Ювенала в его эпиграмме, где он прославляет Домициана, как отца всего земного шара и приветствует его законы о нравах.

Наивысший судья нравов, принцепс принцепсов,
Твой Рим обязан тебе многими триумфами,
Многими новыми и восстановленными храмами,
Многими представлениями, многими богами и городами,
Но больше тем, что вернулось повиновение.

(Марциал. «Эпиграммы», 6, 4)

Ключевым понятием для определения правления Домициана является форма обращения «*господин и бог*», которое, правда, не было включено в перечисление его титулов. Эта формулировка впервые была принята среди рабов и вольноотпущенников *семьи Цезаря*. Принадлежащие к кругу этих лиц прокураторы употребляли ее сначала в управленческом аппарате, а потом она распространилась повсюду. При общей оценке этой формулировки нужно исходить из того, что она, как считают лучшие знатоки античности, обозначала не «обожествление, а богоподобное возвышение принцепса» (Тегер Фр. «Харизма». Штутгарт, 1960).

Домициан в отличие от Калигулы никогда не считал себя богом и не требовал божественного поклонения. Однако после своего спасения на Капитолии *Юпитером-Хра-*

нителем он считал себя под покровительством богов. Минерва была самой почитаемой Домицианом богиней и покровительницей его принципата. Минерва, которая была представлена в основных типах монет с копьем или без него, являлась не только богиней ремесленников, художников, поэтов, учителей и врачей, но и древней покровительницей Рима. Она вместе с Юпитером и Юноной входила в капитолийскую триаду; еще Цицерон называл ее *хранительницей города*. Теперь ее культ снова необычайно возродился. Домициан не только воздвиг ей храм на своем форуме, но и на своей конной статуе был изображен рядом с Минервой.

Другой предпосылкой для религиозного и идеологического возвышения *принцепса* Домициана были акты аврального братства. Из них следует, что их обеты за *принцепса*, государство и народ с 87 г. н. э. содержали всемирный компонент. 22 января 87 г. н. э. было запротоколировано религиозно обоснованное убеждение, что на сохранности *принцепса* Домициана зиждется благополучие всего человечества. Этим самым вновь возродилась программа Гальбы о *благополучии рода человеческого*. 3 января 91 г. н. э. в авральных актах была зафиксирована концепция *общественного благополучия римского народа Августа* и этим установлена и углублена непосредственная связь между *принцепсом* и *благополучием* государства. Традиционные формы были таким образом наполнены новым содержанием и акцентами и постоянно связывались с Домицианом.

Новейшие исследования связывают стиль этой автократии, претензий на абсолютную власть и элементы почитания с традиционными формами эллинистических монархий и часто проводят параллель между Калигулой, Нероном и Домицианом. При этом бесспорно, что, с одной стороны, действительно налицо заимствование эллинистических элементов, однако в главном отсутствует всякая

преемственность между этими тремя принцепсами. Прежде всего у Домициана нет никакого разрыва с флавиевской и римской традицией. Для него, как для Веспасиана и Тита, основополагающим было полное использование всей власти и компетенций *принцепса*. Они заключались в претензии на *пожизненные полномочия* цензора, которых не имел даже Август. Этот римский компонент власти имел приоритет, и если искать специфический пункт идеи Домициана о принципате, то он находится здесь, в этих всеобъемлющих *полномочиях*, а не в формах обращения и особенностях внешних проявлений.

Официальная римская чеканка монет подтверждает первоочередность этих типично римских элементов и традиций. Наряду с уже упомянутым комплексом Минервы на монетах из благородных металлов прежде всего изображался *Юпитер-Спаситель*, а на медных преобладали традиционные римские и флавиевские боги и абстракции: *Фортуна, Марс, Виктория, Мир, Добродетель*. В обоих видах монет прославляется также добродетель принцепса и его сооружения. Целый цикл монет прославляет победы над германцами, построенные и восстановленные храмы и в особо дорогой серии — секулярные игры 88 г. н. э. Кроме того, на монетах появились дамы дома принцепса, Домиция, супруга Домициана и Юлия, дочь Тита, а также рано умерший сын принцепса, играющий со звездами.

Для понимания форм правления Домициана было бы ошибочно отделять его от Веспасиана и Тита и вместо этого тесно связывать их с эллинистическими явлениями. Абсолютные претензии на власть заявил еще Веспасиан. Правление его сына отмечено событиями 69—70 гг. н. э., когда он вел себя неуверенно, не имея никакого опыта. Бескомпромиссное употребление власти, его жесткий курс должны были скрыть эту неуверенность и выглядеть крайне вызывающе со стороны молодого человека, не отличавшегося сначала никакими достижениями. Доми-

циан не был *принцепсом*, который вызывал симпатии, он не обладал свойством привлекать людей и часто был непроницаем. Тем не менее он был одним из самых деятельных *принцепсов* и правителем, который во многих областях проводил реалистическую политику.

Светоний, которого нельзя заподозрить в симпатии к Домициану, так описал основную направленность его администрации: «Столичных магистратов и провинциальных наместников он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее; а между тем после его смерти многие из них на наших глазах пошли под суд за всевозможные преступления» (Светоний. «Жизнь двенадцати Цезарей». М., 1964, с. 213). Целый ряд литературных и эпиграфических источников свидетельствует о высоком качестве этого правления империей и об особой активности *принцепса* в этой области, вызывавшей немало конфликтов с представителями ведущих слоев в Риме и в провинциях из-за осуществления контрольных функций и решительных мер против злоупотреблений.

В то время, как автор «*Сибиллинских пророчеств*», эллинизированный еврей, изображает Домициана, как благодетеля провинции вообще, и восточных в частности, сохранившееся письмо Домициана к сирийскому прокуратору подтверждает, как последовательно принцепс боролся со служебными злоупотреблениями римских чиновников, которые проводили самовольные реквизиции и оказывали услуги. Против Цецилия Классика, проконсула провинции *Бетика*, обогатившегося за счет провинциалов, были приняты решительные меры, как и против афинского мультимиллионера Клавдия Гиппарха, предка знаменитого Ирода Аттика, который повел себя, как тиран.

Следствием этой систематической контрольной деятельности Домициана была высокая эффективность орга-

нов управления даже в кризисных регионах. Это доказывает, например, надпись в честь Домициана в Антиохии Луция Антистия Рустика, который при нехватке зерна с помощью разумных мер сделал так, что жители колонии смогли купить зерно по умеренной цене и предотвратил спекуляцию и взвинчивание цен во время этого тяжелого положения. Эдикт Домициана нацелен на то же, хотя и в гораздо больших размерах и представляет одно из немногих вмешательств *принцепса* в сферу сельскохозяйственного производства: «Однажды по редкому изобилию вина при недороде хлеба он (Домициан) заключил, что из-за усиленной заботы о виноградниках остаются заброшенными пашни, и издал эдикт, чтобы в Италии виноградные посадки более не расширялись, а в провинциях даже были сокращены по крайней мере наполовину, впрочем, на выполнении этого эдикта он не настаивал» (Светоний. «Жизнь двенадцати Цезарей». М., 1964, с. 213).

Было бы неправильно считать Домициана сознательным борцом за социальную справедливость, однако многие из его инициатив и контрольных мер направлены именно на это. Подобным же образом нужно расценивать его неустанную и тщательную юрисдикцию, для которой было характерно наблюдение за приговорами и устранение нечистых на руку судей.

Стиль автократического правления Домициана требовал соответствующего представительного оформления. Кроме уже упомянутых восстановительных работ и строительства храмов, нужно упомянуть новый храм дома Флавиев, построенный Рабирием на Палатине великолепный дворец и роскошную виллу недалеко от Капель Гондольфо. В художественном оформлении домициановых зданий чувствуется некоторый отход от действительности, обилие украшений и усиленное применение живописных средств. Между тем, кроме репрезентативных зданий, возводились также и бытовые постройки, так, в

92 г. н. э. был закончен канал, соединяющий Нил с Красным морем.

С особой энергией Домициан заботился об организации игр и состязаний. Причем он предусматривал различные виды этих мероприятий. К претенциозной, отмеченной религиозным содержанием группе принадлежали *Капитолийские игры*, праздник Минервы и секулярные игры. В 86 г. н. э. были введены повторяющиеся каждые пять лет состязания в музыкальном искусстве в честь Юпитера, гимнастике, гонках на колесницах и состязания поэтов. С неменьшим размахом проводились ежегодные праздники в честь Минервы. На них, кроме состязаний ораторов и поэтов, были еще театральные представления и охота. Секулярные игры 88 г. н. э. проводились в августовской традиции. Как и раньше, они должны были прославлять начало нового счастливого века и, как и раньше, отмечать нравственное возрождение Рима.

Наряду с этими большими религиозными играми, в амфитеатре и в *Большом цирке* устраивались непрерывные, с большой фантазией оформленные представления на потребу масс: морские сражения, охоты, бои гладиаторов под факельным освещением, бои зверей с меняющимися парами.

Стараниями Августа флот был к бою поставлен,
И оживилось корабельным сигналом течение,
И увидали зверей мы невиданных раньше
Фемиды и Галатеи,
Тритон, глядя на разбивающиеся в водную
пыль волны,
Думал, что это пролетел конь бога.
Нерей, вооружив на битву гневные корабли,
Бойся выйти на сушу из воды.
То, что мы видим в цирке и амфи-
театре, Цезарь,

Чудом вода приносит к тебе.
Успокойтесь, Фицийское озеро и озеро
жестокого Нерона!
Только это морское сражение знает
будущее время.

(Марциал, «Книга игр», 30)

Какое большое значение придавал Домициан всей этой сфере, видно не только по архитектурным мерам, строительству стадиона или Одеона, но и по созданию специальных казарменных школ по подготовке охотников на зверей и гладиаторов. В будущем ими руководили прокураторы из всадников.

Раздача за игры и строительство трех денежных подарков римскому народу в сумме 300 сестерциев каждому, повышение ежегодного жалования legionарам с 900 сестерциев до 1200 (= 300 динариям), затраты на ведение войны и интенсификацию администрации требовали огромных сумм и привели в конце концов к неизбежному дефициту бюджета. Так как экономия угрожала безопасности империи и уменьшала популярность *принцепса*, администрация ужесточила налоговое бремя, а где было возможно, прибегала даже к конфискации. *Принцепс*, который до этого предпринимал серьезные попытки контролировать донощиков, констатировал: «Правитель, который не наказывает донощиков, тем самым их поощряет» (Светоний. «Домициан»). Особенно большими были злоупотребления при сборе налогов с евреев и при конфискациях завещаний в пользу *принцепса*. То, что Домициана «бедность сделала жадным» (Светоний. «Домициан»), мало утешало потерпевших, а потерпевшими были представители богатого высшего слоя империи.

Последовательно и упорно Домициан оправдывал ожидания войска, городского римского *плебса* и населения провинций. Его система держалась на поощрении этих групп,

а тем самым на широком общественном базисе и на решающем факторе власти — армии. Поэтому он, как и Веспасиан, широко привлекал представителей всаднического сословия, отдавал всадникам важнейшие посты в администрации и типичные для вольноотпущенников должности *секретарей* и *счетоводов*. Он распорядился оставлять в театре свободными места, предназначенные для всадников, и такая мера показывает, как много для него значило уважение этого сословия.

Гораздо сложнее развивались отношения Домициана с сенатом. Ни в коем случае нельзя считать, что Домициан с самого начала взял курс на конфронтацию с сенатом. Наоборот, он содействовал представителям древних родов, патрициям и *нобиям* при выборе в консулат, поддерживая социальный престиж этих влиятельных сенаторов. Кроме того, в ряде случаев он открыл консулат для людей с продолжительной преторской карьерой, которые раньше вряд ли могли надеяться на этот самый высокий ранг в римском обществе. О том, что сенаторы, которым Домициан доверял важнейшие должности наместников, магистратов и прочих чиновников, обладали неоспоримой компетенцией, свидетельствует факт, что многие из них не только пережили переломный момент 96 г. н. э., но и продолжали карьеру при следующих *принцесах*. Даже антипод Домициана Траян признавал, что у Домициана были «хорошие друзья».

Тем не менее удовлетворительного сотрудничества с обеих сторон не получилось. Если учесть поведение *принцеса*, которое основывалось как на его собственной природе, так и на его опыте и понимании принципата, то враждебность сенаторов в первую очередь была направлена против вызывающего стиля этого правления, которое последовательно, как и раньше, лишало сенат политической власти. Все важные вопросы при Домициане решались больше не в сенате, а на созданном *принцем совете*, который

состоял из сенаторов по его выбору, из представителей всаднического сословия и преторианских префектов.

Обоюдное недоверие и антипатия все больше возрастали; сопротивление сенаторов вызвало все возрастающие конфликты. В 83, 87—89 гг. н. э. прокатилась волна преследований оппозиционных сенаторов, а с 92 г. н. э. начался террор. Чувствующий себя в опасности принцепс сначала подозревал всех и каждого. Он не доверял даже собственной семье: казнил своих двоюродных братьев. В те годы в каждом человеке он видел потенциального противника. Это были годы, о которых Тацит сказал: «Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собой ничем не ограниченная свобода, то мы — такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (Тацит К. «Агрикола», 2, 3, СПб., 1993. Пер. А. С. Бобовича).

Кроме сенаторов, Домициан особенно ненавидел философов. В бродячих киниках и моралистах-стоиках он видел агитаторов против своей власти, поэтому в 88—89 и в 93—94 гг. н. э. изгнал из Рима и Италии всех философов. Эта мера коснулась Эпиктета и Диона Хризостома. Поэтесса Сульпиция в своей жалобе на жестокое правление Домициана спрашивает Музу, что же делать, имея в виду приказ, «что все науки и ученые мужи должны покинуть город. Что же мы делаем? Сколько греческих городов мы изыли, чтобы город римлян познал учение этих людей!» Муза утешает ее, говоря о скором конце всем ненавистного тирана: «Оставь свои страхи, моя почитательница, большая ненависть растет против тирана, и к нашей чести он будет уничтожен».

Однако Домициан был «уничтожен» не сенаторской

оппозицией и не философами, а представителями его ближайшего окружения, людьми, которым он доверял и которые по разным причинам опасались за свое будущее, а частично были просто подкуплены. *Управляющий* Домициллы, обвиненный тогда в крупной растрате, несколько придворных и гладиаторов убили принцепса 18 сентября 96 г. н. э. В заговоре была замешана не только Домиция, но и преторианские префекты и несколько сенаторов, которые договорились сделать наследником Домициана М. Кокцея Нерву. Этим закончилось правление династии Флавиев.

Существует немного римских *принцепсов*, исторический образ которых был бы настолько опорочен, как образ Домициана, несмотря на его неоспоримо позитивные политические начинания и очевидные достижения. Этому сначала способствовали сенаторские историографы, а потом раннехристианские авторы. Римская историография, особенно Тацит, в своих трудах заботились от том, «чтобы не замалчивались добродетели и чтобы дурные речи и действия испытывали страх перед потомками и позором» (Тацит. «Анналы», 3, 65, 1). Тацит, говоря о *пожизненном цензоре* Домициане, не только рассказал о цензорской функции, но и показал на его примере феноменологию принципата вообще. Долгое время никто не мог избежать влияния художественно непревзойденных описаний из «Агриколы» и «Истории».

Значительно сложнее было отношение к Домициану со стороны христианских авторов, которые называли его вторым гонителем христиан. Наряду с «Апокалипсисом Иоанна» Мелитона Сардского, здесь нужно особо отметить Лактанция, Евсевия и Орозия. Современная критика источников обратила внимание на то, что в их произведениях преобладали не прямые сведения. Даже у Флавия Клемента, Флавии Домитиллы и Ацилия Глабриона не доказан ни один случай гонений, касающихся исключи-

тельно принадлежности к христианству. Представление о систематическом преследовании христиан при Домициане возникло, с одной стороны, в результате опасности, которой подвергались также и христиане в связи с его действиями против римской аристократии в последние годы правления, с другой — в результате региональных мер в Малой Азии, особенно в Эфесе, против тех, кто отказывался от культового почитания императора. Со временем произошло все большее смещение понятий и событий: многие гонимые превратились во многих гонимых христиан, из узко ограниченных преследований христиан в Риме сделали второе общее гонение на христиан.

Возвышение принципата Домицианом, его автократическое правление и не в последнюю очередь формула *господин и бог* рассматривались раннехристианскими авторами с точки зрения III и IV столетий н. э. От принципата Домициана была проведена прямая линия к тем солдатским императорам, которые, представляя политические и религиозные запросы принципата, особенно это относится к Децию и Диоклетиану, действительно развязали жестокие гонения на христиан. При ретроспективном взгляде казалось, что более поздние события происходили при Домициане, и на него был спроецирован большой конфликт III в. н. э.

Несмотря на последние катастрофы и на тот факт, что его правление, в конце концов, привело в тупик, значение принципата Домициана вряд ли можно переоценить. Это относится к пограничной и внутренней политике и не в последнюю очередь к его идее принципата. Принципиальный переход к защите империи, систематическое создание пограничной зоны, постоянная охрана границы и образование предполья являлись основой римской политики вообще и осуществлялись и Траяном (98—117 гг. н. э.) и Адрианом (117—138 гг. н. э.).

Во внутренней политике будущее определялось не ком-

промиссом между принцепсом и сенатом, — хотя Нерва и Траян на короткое время пошли по этому пути, — а усилением запросов принципата, его возвышением с помощью церемониала и культа, тесной связью между принцепсом и армией. Солдатская империя III в. н. э. и позднеантичная империя IV и V вв. н. э. продолжали тот процесс, начало которому было заложено при Домициане.

Именно потому, что Домициан выбирал те формы, которых Август сознательно избегал, именно потому, что при Домициане стало ясно, что принципат должен был неизбежно привести к абсолютной власти и к окончательному лишению власти сената, при правлении Домициана стала их очевидной феноменология системы. В один миг упали драпировки, долгий процесс привыкания был прерван резким высвечиванием политической реальности. Неудивительно, что этот поспешный шаг привел сначала к противоположному развитию, к кризису, в котором еще раз особенно важную роль сыграли идеологические факторы. Из краха *пожизненного цензора* Домициана следующие римские *принцепсы* извлекли такой же урок, как когда-то Октавиан из краха *пожизненного диктатора* Цезаря.

Реакция на убийство Домициана показала, как глубоко были противоречия внутри империи. В то время, как сенат смог, наконец, выразить свою подавленную ненависть и постановил предать *проклятью память* о Домициане, преторианцы хотели добиться обожествления этого *принцепса*. Если позже они требовали только казни убийц, то это потому, что в те дни у них не было решительного командира, который поддержал бы их требования. Однако открытое противостояние между преторианцами и частью армии и сенатом оставалось. Оно продолжалось в ближайшие годы и было окончательно преодолено только Траяном.

**Римская империя
во II в. н.э.**

Адоптивная империя. Идеология и конституция

Уже в день убийства Домициана, 18 сентября 96 г. н. э., новым *принцепсом* был провозглашен М. Кокцей Нерва. Нерва был не главным действующим лицом заговора, не был он и первым выбором убийц и участвующих в заговоре сенаторов, а просто слабым человеком и «затычкой», который стремился поладить со всеми влиятельными группировками. Родившийся в Нарнии в Умбрии аристократ когда-то при Нероне играл не последнюю роль. Нерон за подобострастные стихотворения называл его Тибуллом своего времени. За неизвестные сейчас заслуги перед своим режимом Нерон удостоил его *триумфальными знаками* отличия и двумя статуями; одновременно этих вознаграждений удостоился пользующейся дурной славой преторианский префект Тигеллин.

После этого Нерва подчеркнуто держался на заднем плане, вел себя осторожно и безупречно, быстро сделал карьеру при Флавиях и в 71 и 90 гг. н. э. стал консулом. Пригоден ли он был для *принцепса*, было неизвестно, так как военным опытом Нерва не обладал. Он не был также *явным ставленником* римского сената, но после свершившегося факта был утвержден им не в последнюю очередь потому, что от бездетного, перешагнувшего за 65 лет старого человека нельзя было ожидать основания новой династии, этим был только отсрочен решающий вопрос власти.

Римская общественность и сенат сосредоточили свои интересы после убийства Домициана не столько на новом *принцепсе*, сколько на ненавистных представителях ста-

рой системы. В первые дни головокружений от свободы был убит целый ряд агентов Домициана, казнены многочисленные рабы и вольноотпущенники, которые донесли на своих господ. Но до систематической чистки правящего слоя дело не дошло. Вейнтон Фронтин, Плиний Младший и многие другие сенаторы попытались политически выжить, как это раньше сделал сам Нерва.

Сначала Нерва полностью занялся внутренней политикой. Естественно и он провозгласил *восстановленную свободу* и восхвалял себя за те деяния, которыми всего лишь воспользовался. Его монеты пропагандировали старые и новые ценности: благосостояние, справедливость и *человечность Августа*, что должно было прославлять социальную ответственность и справедливость нового принцепса. И действительно, он не ограничился только этими лозунгами. Из всех отдельных мер, с которыми связано имя Нервы, важнейшей является *импидивение*, хотя это был первый предварительный этап, и только при Траяне оно получило распространение по всей Италии. Речь шла о святинах капиталовложений и социальных мер. Фиск предоставлял итальянским землевладельцам и крестьянам ипотеку на 1/12 часть их имущества по льготным процентным ставкам (5 %). Уплаченные проценты передавались соответствующим муниципиям, а те в свою очередь отдавали эти деньги на воспитание детей из нуждающихся семей свободных граждан.

Другие инициативы Нервы тоже были направлены на улучшение экономического положения Италии. Так, была отменена обременительная обязанность предоставлять посылки для государственной почты, и под руководством *капитанского префекта* — создана специальная курьерская служба имперской администрации. Одновременно Нерва распорядился скупить земли на 60 миллионов сесерциев и распределить ее между бедными крестьянами. Для процессов над частными лицами была создана новая юридическая инстанция — *претор*, который довольно часто удовлетворял жалобы истцов. Организация управле-

ния Нервы не ограничивалась только Италией: надпись на монетах *«отмененное превратное толкование иудейского налога»* указывает на то, что были нарушения при сборе налогов с иудеев, и сообщает об их устранении.

Несмотря на эти благоразумные реформы, Нерву вскоре стали подстерегать опасности и трудности. С помощью клятвы не казнить ни одного сенатора, а эта клятва фактически означала, что сенаторы были неподсудны юрисдикции *принцепса*, Нерве удалось успокоить сенат. Однако, как только стало очевидным, насколько слаб был на деле принцепс, сразу же возникло недовольство. Консул 96 г. н. э. Тит Каций Фронтон сказал, что анархия еще хуже, чем тирания. Возрастающие финансовые нагрузки, вызванные повышением жалования войскам, крупные расходы к началу правления и новые обязательства быстро привели к серьезному финансовому кризису, который удалось преодолеть только частично. Была создана даже специальная комиссия из сенаторов.

Но для нового правления гораздо опаснее было сдержанное отношение армии и особенно преторианцев. Важнее, чем слухи о волнениях в пограничных войсках и чем раскрытие первого заговора против Нервы, было восстание преторианцев в 97 г. н. э., которое поднял их префект Касперий Элиан, получивший эту должность еще при Домициане. Преторианцы уничтожили не только убийц Домициана, то есть тех людей, которым Нерва был обязан тронem, но и требовали, чтобы принцепс поблагодарил гвардию за ее деяние. Казалось, что хаос нельзя предотвратить и что предстоит гражданская война.

Под влиянием группы сенаторов, к которой принадлежали такие авторитетные люди, как Л. Лициний Сура, Юлий Урс Сервиан, Юлий Фронтин, Вестриций Спуринна и другие, Нерва сделал решительный шаг. Во время благодарственного акта перед алтарем храма Юпитера на Капитолии 27 октября 97 г. н. э. он объявил об усыновлении М. Ульпия Траяна, который тогда в качестве наместника Верхней Германии командовал одной из ближайших

и боеспособнейших римских армий. После долгой военной карьеры он имел к тому же многочисленные связи и пользовался большим авторитетом. Благодаря этому усыновлению Нерва укрепил свою власть и смог устранить напряженность, Траян сразу же получил титул *Цезаря*, сенат предоставил ему большую *проконсульскую, а также трибунскую власть*. Когда 28 января 98 г. н. э. после полутора лет правления Нерва умер, принципат беспрепятственно перешел к Траяну. Нерва был обожествлен и похоронен в мавзолее Августа.

В современной научной периодизации эпоха после усыновления Траяна называется «Адоптивной» или также «гуманитарной» империей. Эта форма *принципата* возникла из исторического совпадения, потому что ни один из принципсов между Нервой и Антонином Пием не имел родных сыновей, а также потому, что тяжелый кризис принципата требовал новой стилизации. Римский принципат знал фазы, когда подчеркивалась преемственность политических и общественных структур. Однако он знал и другие фазы, когда, наоборот, подчеркивалась непреемственность по крайней мере в формах и стиле, хотя во многих сферах она продолжала существовать. Так было после убийства Калигулы и смерти Нерона.

Для Нервы и Траяна важно было дистанцироваться от «тирана» Домициана. Идеологема «усыновление лучшего», а таким было усыновление сильного человека, служила для укрепления власти. Сначала спорный и проблематичный порядок наследования был идеологически возвышен, а в «*Панегирике*» Плиния Младшего возведен даже до исполнения божественной воли и тем самым стал неподвластен любой человеческой критике. Нерва был якобы инструментом, *службой* богов.

Как уже было сказано ранее, усыновление с самого начала принципата было выбрано в качестве инструмента порядка наследования. Однако *усыновленные дома* Юлиев—Клавдиев всегда находились в родстве с домом принципса. Только усыновление Гальбой Пизона означало раз-

рыв с этой традицией, что подвигло Тацита на описание этого процесса 97 г. н. э. в своей «Истории». Так как Август при жизни оставил открытым вопрос о наследовании, во всяком случае до определенной степени, сенат мог думать, что ему предстоит выбор принцепса. Поэтому следующие принцепсы вынуждены были противопоставить этой теоретической претензии сената последовательную династическую политику, как Флавии, или политику усыновления, как Гальба и Нерва. Бездетные правители были фактически источником опасности для принципата.

Усыновление само по себе не было новым явлением. Представители римского правящего слоя в 97 г. н. э. должны были вспомнить о том, что средство усыновления было использовано не только для Пизона, но и для Тиберия и Нерона. Поэтому нужно было прежде всего идеологически пропагандировать качественно новое усыновление Траяна. В «Панегирике» Плиния Младшего 100 г. н. э., в «Истории» Тацита, на надписях и монетах отражены элементы идеологии адоптивной империи. Если функция идеологии всегда была особенно важной в начале каждого принципата, то сейчас она приобрела то значение, которое можно сравнить со значением идеологом 27 г. до н. э.

Вместо родства с *принцепсом* или по крайней мере с *домом принцепса* на первое место теперь выдвигались критерии работоспособности и пригодности. Прошли времена, когда империя была наследством одной семьи. Более того, альтернативой династии Флавиев стало усыновление лучшего и в отличие от провозглашений армии или преторианцами открывало мирный путь к власти. Однако сколько бы ни было потрачено слов о «новом, неслыханном доселе пути к принципату», решающий вопрос, кто будет выбирать лучшего *принцепса*, обсуждался, как впрочем и другие, например, почему такой выбор должен был осуществляться с помощью усыновления. Не последовало и конституционно-правового урегулирования процедуры, как, например, привлечение сената и народа. Последним результатом идеологии усыновления было окончательное

отстранение сената от вопроса о порядке наследования, за ним осталась только аккламаторная функция.

Концепция адоптивной империи должна была реализоваться за счет семьи действующего *принцепса*, особенно за счет его жены. Однако здесь с самого начала обнаружилось острейшее противоречие. Плиний Младший в своем «Панегирике» Траяну учел возможность того, что у нового *принцепса* мог появиться сын, и ему не оставалось ничего другого, кроме как объявить эту возможность желательной. Но события приняли другой оборот. Как только некоторое время спустя обнаружилось, что у Траяна не будет детей от его жены Помпеи Плотины, она и сестра Траяна Ульпия Марциана получили титулы «*Августы*». У Марцианы к этому времени были дочь и две внучки, одна из которых была замужем за Адрианом. Когда в 112 г. н. э. Марциана умерла, ее сразу же обожествили. Обе эти *Августы* представлены на археологических памятниках. Так как возвышение в *Августы* в будущем явилось знаком отличия жен *принцепсов*, их положение в эпоху адоптивной империи было не умалено, а, наоборот, в противоречии с идеологией усилено и возвышено.

Таковыми же важными, как и предполагаемое новое качество усыновления Траяна, были другие элементы идеологии. Намеренное дистанцирование от Домициана позволяло персонифицировать ненормальное развитие событий и уязвимые места политической системы и одновременно сохранить структуры этой системы. Теперь выставлялась новая форма принципата, ставились новые акценты, выдвигались новые добродетели, особенности и образ поведения *принцепса*. Вместо авторитарной заносчивости тирана говорилось о таких понятиях, как скромность, уравновешенность, щедрость, обходительность, умеренность, мягкость, человечность, великодушие и учтивость. Все эти нормы у Тацита, Светония, Плиния Младшего, а также в собственных письмах Траяна, упоминаются, как критерии умеренной, глубоко гуманной идеи принципата. Даже Марциал, который в хвалебной форме прославлял

Домициана, как бога и господина, теперь воспевал новый стиль Траяна:

Месть, ты напрасно приходишь ко мне,
Жалкая и с израненными губами.
Мне не нужно теперь расхваливать господина и бога,
Тебе нет больше места в городе.
Иди теперь к парфянам с колпаками на головах,
И опозоренная, униженная и смиренная
Целуй подошвы ярко разодетого повелителя.
Здесь нет больше господина, а есть повелитель,
Сенатор, справедливый, как никто другой,
Который со стигийского трона
Снова призывает простую правду.
Если ты умен, Рим, остерегайся при этом правителе
Произносить те же речи, что и раньше.

(«Эпиграммы», 10, 72)

Рука об руку с этим шло осознание времени, убеждение, что настоящее ставит свои собственные специфические требования и что недостаточно перенимать и продолжать старые формы и традиции. Часть употребляемых в литературе той эпохи слов: *различие, изменения, требования времени* и четкая формулировка Траяна «это не свойственно нашему времени» подтверждают больше, чем достаточно, общие черты этого правления.

Однако не только в Риме и на латинском Западе были тогда заложены новые основы принципата, это относится также и к греческому Востоку, как это можно показать на примере Диона из Прузы. Этот греческий оратор и философ, родившийся в Прузе в Вифинии, названный позже Дионом Златоустом, был изгнан Домицианом из Италии, а также из своей родной провинции. Как бродячий проповедник-киник, он долго странствовал по Балканам и Малой Азии, пока Нерва не отменил его изгнание. Если проанализировать его речи и прежде всего первую и третью речь «О царской власти», а также содержание речей, произнесенных до Траяна в метрополиях на Востоке, то в них

стоический и кинический идеал империи — идеальная власть в чистой форме.

Возвышенный отрицанием тирана, этот добрый и справедливый государь был призван богом и избран им, и поэтому получил свою харизму, а также силу выполнять свой долг перед государством. В соответствии с греческой терминологией он поэтому являлся не *деспотом*, а *отцом* и благодетелем своих подданных. Энергично и миролюбиво он проводит свое правление, которое с ним разделяет свободная и избранная аристократия. Так обрисован образ Траяна в древнегреческой идеологии власти, где противопоставлялась тирания и справедливое царство. В качестве задачи преобладает универсалистская мысль о благосостоянии. Зевс и его сын Геракл охраняют это справедливое правление, во время которого Траян действует на пользу всего человечества.

Новое идеологическое обоснование принципата является только одной стороной политической реальности. Прежде всего нужно подчеркнуть, что ни необходимую защиту Нервы, ни практику правления Траяна нельзя понимать, как применение новых политических теорий или конституционных форм. Что касается усыновления Нервой, то *преданность* Траяна приемному отцу имела скромные границы. Монеты в честь *Божественного* Нервы были отчеканены только через десять лет после его смерти, а как велика была преданность Траяна родному отцу, показывает тот факт, что и он в 113 г. н. э. был возвышен до *Божественного*, и о нем наравне с Нервой напоминают монеты.

Стилизация настоящего с помощью акцентированной идеологии представляла для Траяна трудную задачу. Ведь он первым должен был доказать, что он «лучший»; он оказался под нажимом легализации и высоких достижений, и этим был спровоцирован акционизм. Кроме того, ему следовало выяснить свои отношения с римским сенатом вполне удовлетворительным для сената способом, так как сенат процессом усыновления снова был поставлен перед свершившимся фактом. Траян никогда и не думал

о том, чтобы предоставить сенату более широкие права и полномочия. То, что он диаметрально изменил по сравнению с Домицианом, были формы, жесты и поклоны, и это льстило самолюбию сенаторов, так как они долгие годы испытывали на себе жесткий авторитарный стиль последнего Флавия. Траян же, наоборот, сразу заявил, что он, как и Нерва, не посягнет на жизнь и положение любого сенатора. Потом пешим вошел в Рим, приветствовал каждого сенатора поцелуем, был в состоянии назвать каждого всадника по имени и, стоя, дал присягу сидящему, действующему консулу. Траян, по крайней мере внешне, подключал сенаторов к дипломатическим переговорам и заключениям мира, хотя сам задолго до этого принимал определенное решение. Важнее, чем его форма обращения к магистратам «*коллега*», был тот факт, что при Траяне *Совет принцепса* сохранил свои прежние функции, и что *принцепс* не уступил ни одного из своих прав.

Так как в начальной фазе правления Траяна, несмотря на все ожидания, в области внешней и пограничной политики все осталось по-старому, идеологическая стилизация принципата должна была проводиться с особой напыщенностью, новый стиль и новые формы адаптивной, или гуманитарной, империи следовало особенно ярко осветить, а принцепса выставить, как гаранта мира. Все это внезапно изменилось, когда после дакской войны (105—106 гг. н. э.) и после аннексии Аравии (106 г. н. э.) положение Траяна было окончательно легитимизировано благодаря выдающимся военным и внешнеполитическим успехам. Теперь больше не было необходимости в синтезе *принципата* и *свободы*, теперь Траян мог похвастаться титулами Германский и Дакский, к которым потом присоединился Парфянский. Такими титулами не обладал еще ни один принцепс. Теперь он имел непоколебимый авторитет, которого никогда не было у Домициана. В 114 г. н. э. через сто лет после смерти Августа его официально называли «лучшим принцепсом».

Никогда еще римские монеты не прославляли в таком

разнообразии форм внешнеполитические и военные победы, как при Траяне. Эмиссии Домициана, которые прославляли армию, *принцепса* и победы над германцами, были превзойдены по помпезности, большая серия монет Траяна носила его изображение. На монетах демонстрировались не только традиционные персонификации побежденного и униженного противника, но и горы характерного для этого театра боевых действий оружия и древний знак победы — *тропайон*. Изображался также и правитель, который, к примеру, топтал конем поверженного дака или получал венок от Виктории.

В старательно нюансированных надписях на монетах «Завоеванная Дакия», «Завоеванная Армения», «Армения и Месопотамия, возвращенные под власть римского народа», «Захваченная Парфия», «Сдавшийся в плен парфянский царь» прославлялись отдельные этапы несравненной серии успехов, причем территориальные аннексии четко отличались от военно-политических решений и чисто дипломатических актов. Только и здесь так же, как и в другом, с подобным же пафосом отмечаемые успехи быстро показали, что прокламации не в любом случае бывают постоянными. Не возникало никаких сомнений, что именно они были ближе честолюбию Траяна, чем стилизация начала правления, которая в первую очередь прославляла его сдержанность и умеренность.

При ретроспективном взгляде становится ясно, что окончательное становление принципата и исторический успех адоптивной империи объясняется взаимодействием двух факторов. Для стабилизации системы идеология умеренной, гуманитарной, созвучной идеальным нормам греческой философии адоптивной империи подняла планку, ставя во главе лучшего, и внесла такой же вклад, как и при реставрации древнеримского представления о *мужестве* внесла пафос сконцентрированная на *принцепсе* идеология победы. То, что второй элемент должен был привести в будущем к тенденции возвеличивания, явилось неизбежным, и это можно заметить уже у Траяна.

Правление Траяна (98—117 гг. н.э.)

Усыновленный Нервой М. Ульпий Траян родился 18 сентября 53 г. н. э. в *Италике* в провинции *Бетика*. Его семья восходит к той группе солдат, которую Сципион в 205 г. до н. э. переселил в Италику; первоначально предки Траяна происходили из умбрского города Тудера. Таким образом, Траян являлся первым представителем нового социального слоя в ряду римских *принцепсов*, однако было бы ошибочно считать его и его приемников провинциалами. Он скорее был типичным представителем тех италийских колонистских семей, которые добились успеха в провинциях.

Честолюбивые и энергичные люди этой категории дальновидно поступали на службу в армию и администрацию империи, однако сохраняли связь с высокопоставленными семьями своей родины. Этот слой, элита колоний, как называл его Рональд Сим, общественная группа необычайной пробивной силы, оказывала определенное влияние на политику метрополии. Это так же характерно для представителей римского ведущего слоя из провинции, как и для представителей Британской империи или французов из Алжира.

О жизни Траяна до его усыновления Нервой известно мало. Когда его отец являлся в 76 г. н. э. наместником Сирии, он был там на военной службе. Во время восстания Сатурнина служил в Испании командиром легиона, а

потом в 91 г. н. э. получил свой первый консулат, наконец, в 97 г. н. э. он принял ответственное командование войском в Верхней Германии.

Рис. 22. Траян. Портрет на монете

Сообщение о смерти Нервы, которое принесло ему единоличную власть, Траян получил в начале февраля 98 г. н. э. в Кёльне. Это сообщение было ему передано молодым Адрианом, его дальним родственником. Однако к удивлению римлян Траян после смерти Нервы остался на Рейне, где планомерно стабилизировал и укреплял границу. Наместником Верхней Германии в то время был Юлий Урс Сервиан, близкий друг Траяна, наместником Верх-

ней Германии являлся тоже тесно связанный с ним Л. Лициний Сура. Эти два человека позже стали важнейшей опорой власти Траяна. Тогда Ксанты и Нимвеген были возведены в ранг колоний, форсировалось строительство

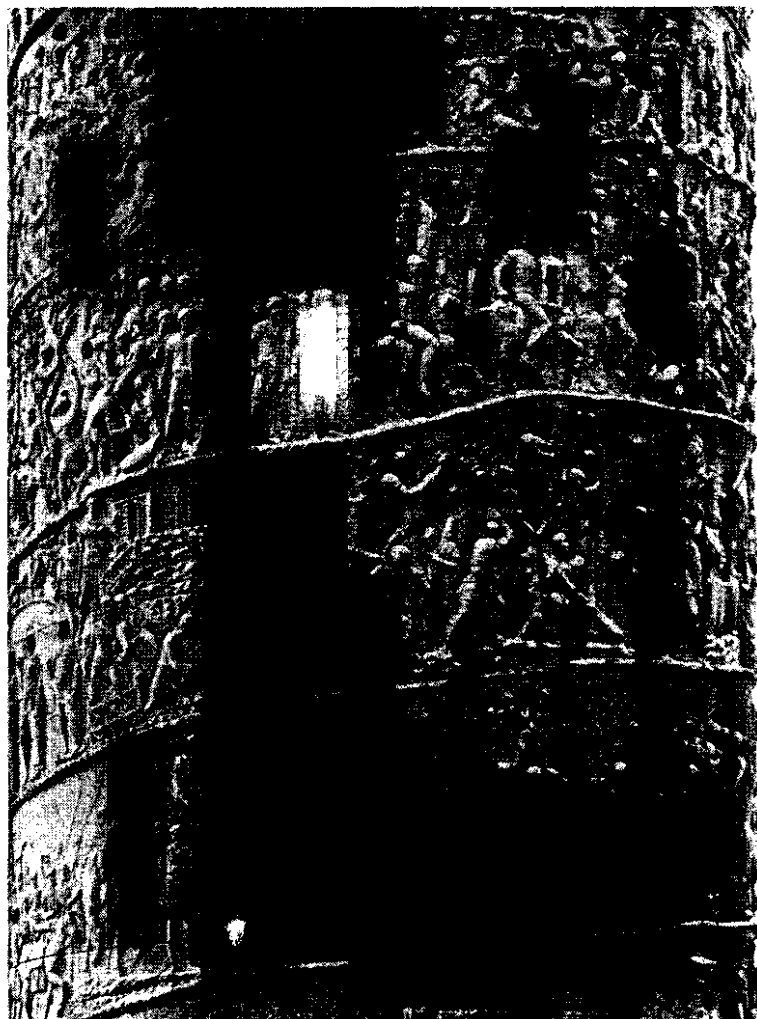

Рис. 23. Колонна Траяна. Рим

дорог на правобережье Рейна, а также вдоль Дуная, где начинались подготовительные работы по прокладке дунайской дороги до Черного моря. Только после того, как он в 98 и 99 г. н. э. реорганизовал охрану римской границы на среднем Дунае от маркоманнов и других германских племен, Траян поздней осенью 99 г. н. э. вступил на землю Рима, чтобы уладить там текущие дела по управлению.

Еще во время инспекции римской пограничной зоны на Дунае Траян, по-видимому, был подробно информирован о положении в Дакии. Там Декебал использовал ситуацию после смерти Домициана, чтобы еще больше расширить свою власть. Траян решился на наступательное разрешение дакского вопроса и стал тщательно к этому готовиться. Меры по охране на Рейне и на среднем Дунае также нужно рассматривать в этой связи. Потом последовало планомерное строительство коммуникаций и путей подвоза на Нижнем Дунае и, наконец, концентрация легионов и вспомогательных групп, численность которых в общей сложности превышала 100 000 человек.

Различные причины могли способствовать решению Траяна провести большое, но рискованное наступление: прежде всего нельзя было не учитывать опасности для римской дунайской границы и ее тыла, которую влекла за собой дальнейшая политическая стабилизация власти Декебала. Профилактический разгром подобного центра власти соответствовал римской традиции. Кроме стратегических аспектов, были еще и географические преимущества прямого управления пространством, окруженным Карпатской дугой, что вело к установлению римского порядка в огромном предполье Нижнего Дуная. Не в последнюю очередь этому содействовали сведения о богатстве страны и ее полезных ископаемых. Если эти сведения и не побудили Траяна к «империализму», то они могли способствовать готовности к этому наступлению. То,

что моральная необходимость побуждала Траяна к активным действиям, было уже сказано.

Какими бы убедительными ни казались эти мотивы, они не оправдывают уничтожения Дакского царства. Правда, энергия Декебала, его яростная и умелая защита своей территории, высокая политическая активность не допускали сомнений в том, имели ли смысл массированное применение столь больших военных соединений и потери, которые повлечет за собой эта война. Характерное течение войны объясняется тем, что обе стороны решили всеми средствами добиться окончательного решения. С римской точки зрения только уничтожение царства Декебала компенсирует материальные вложения, а новый компромисс лишит Рим богатств страны и царя.

К широким приготовлениям к этой войне принадлежит строительство дунайской дороги, а в Железных Воротах сооружение канала шириной в 30 м и длиной около 3,2 км, который должен был избавить дунайские корабли от плавания в быстром течении Железных Ворот. Основной подготовительной базой операция в 101 г. н. э. был район большого легионерского лагеря Виминация в провинции *Верхняя Мезия*. После объявления сенатом войны Декебалу оттуда началось главное продвижение через Банат. После переправы по понтонному мосту через Дунай у Ледераты римские войска сначала двинулись на север. Пять случайно сохранившихся слов из походного сообщения Траяна: «*Мы выступили оттуда в Берзаб, а потом в Аизы*», — представляют единственные точные топографические исходные данные этого беспрепятственного военного продвижения.

Потом, очевидно, последовало направление на Восток; первой целью операции было занятие исходных позиций для всех римских соединений в районе Тибиска, оттуда римские колонны продвинулись дальше на восток, а от Диерны повернули на север. Объединенными силами римские войска осенью 101 г. н. э. атаковали стоянку Декеба-

ла в ущелье Железные Ворота. Как и во время дакской войны Домициана, ожесточенные сражения снова произошли в районе Тап, причем Траян вынужден был совершить прорыв в юго-западном направлении от трансильванского высокогорного плато, а Декебал, вероятно, смог организованно отступить в горы Орастии.

Успех Траяна был впечатляющим, но воспользоваться он им не смог. Так как тем временем Декебал организовал второй фронт, это потребовало немедленного вывода римских войск и личного присутствия Траяна на новом театре боевых действий. Во время продвижения римских войск на юго-восток Трансильвании восточно-дакские соединения совместно с роксоланами из Валахии и Молдавии глубоко проникли в римскую провинцию *Нижняя Мезия*, где они рассчитывали на поддержку этнически родственного им населения. Таким образом, горячая точка сражений переместилась на Нижний Дунай.

Траян с большой группой войск отправился вниз по течению Дуная; выведенные из Дакии войска, прежде всего кавалерийские соединения, сумели своевременно вступить в бой. Со значительными потерями *принцепсу* удалось выиграть это одно из ожесточеннейших сражений дакской войны. В связи с этим кровопролитным сражением конца 101 г. н. э. у Адамкиссы были воздвигнуты монументальные памятники, огромный мавзолей, могильный алтарь со списком погибших и высокий холм.

К началу 102 г. н. э. возобновились римские наступления против центра Дакского царства дугой от Баната до Молдавии. Когда сам Траян брал дакские горные укрепления в горах Орастии и смог продвинуться дальше до Сирмизегеты, в другом месте одержал победу грозный кавалерийский командир Лузий Квиет, и, наконец, наместнику *Нижней Мезии* Лабрию Максиму удалось взять в плен сестру Декебала. Ввиду этого поражения и предвидя распад своей обороны, Декебал предложил переговоры, на которых принял жесткие условия, значительно ограни-

чивающие его власть и сильно повредившие его престижу. Он должен был уступить занятые римскими войсками земли, сдать оружие и воинское снаряжение, выдать состоявших у него на службе римских специалистов и перебежчиков, отказаться от вербовки римских солдат и приема римских перебежчиков и, наконец, не вести без римского согласия никакой внешнеполитической деятельности и признать власть Рима.

Из этих условий однозначно следует, в чем видели римские военные основы власти Декебала и латентную потенциальную опасность. Они состояли не только в почти неприступных городах и горных укреплениях Дакии, но и в высоком качестве снаряжения, военной техники и тактики, в которые значительный вклад вносили римские военные специалисты, дезертиры и завербованные наемники. Опасность исходила и от широкомасштабной союзнической политики и дипломатии Декебала, его неустанных попыток втянуть в борьбу против Рима новых партнеров вплоть до парфян.

Договоренности, закрепившие конец Первой Дакской войны и вскоре утвержденные сенатом, принесли не только перемирие. Они застали обе стороны в состоянии крайнего изнеможения. Удивительнее, чем смирение Декебала, было смирение Траяна, который, несмотря на напряжение всех сил, не смог достичь своей непосредственной военной цели. Если Траян и его командиры поздней осенью 102 г. н. э. не верили в успешное завершение борьбы, то это достаточно ясно показывает, какими большими были потери и усталость римских войск. Правда, Траян носил теперь победное имя Дакский и в декабре 102 г. н. э. отпраздновал триумф.

Сразу же после окончания Первой Дакской войны римские войска начали укрепление лагерей и опорных пунктов вокруг значительно сократившегося дакского царства Декебала и строительство коммуникаций в пограничной зоне на Нижнем Дунае. Символом этой деятельности было

сооружение у Дробеты большого каменного моста через Дунай. Эта построенная Аполлодором Дамасским конструкция длиной в 1,2 км стояла на 20 опорах и была одним из самых впечатляющих сооружений того времени. Мост был единственным сооружением вне Италии, которое изображено в большой серии римских монет.

Однако Декебал не считал себя окончательно разбитым и готовил новые столкновения с римлянами, начавшиеся в 105 г. н. э. Из Рима поступило подкрепление, и таким образом, на Нижнем Дунае теперь стояло не менее 14 легионов и сильные вспомогательные формирования, то есть почти половина всех римских войск. Декебал хотел внезапным нападением вырвать инициативу, вытеснить римлян с юго-запада Трансильвании и заблокировать перевал Железных Ворот. С переменным успехом сражения Дакской войны, которую он развязал, длились до осени 106 г. н. э. Подробности этой войны до конца не выяснены, потому что отраженные в источниках эпизоды и изображенные на колонне Траяна сцены, «высеченная в камне книга с картинками о Дакской войне» (Т. Моммзен) представляют неполное и недостоверное отражение событий.

Однако точно известно, что эти битвы велись с крайней жестокостью и ожесточением с обеих сторон. Отчаянное сопротивление даков в их горных укреплениях и в сожженной ими самими столице Сармизегетузе привело к жестокой резне и переселению больших групп населения. Один попавший в плен римский военачальник выбрал добровольную смерть, так же поступали и многочисленные дакские аристократы и, в конце концов, сам Декебал, отрубленная голова которого была отослана в Рим и по жестоким обычаям принципата брошена в грязь на *Гемонской лестнице*. На найденной в 1965 г. у Филипп надгробной стеле некий Тиберий Клавдий, наоборот, хвалится тем, что он якобы захватил Декебала и его отрубленную голову передал Траяну в Ронистре, находящемся во внутренней части Трансильвании.

Когда к концу 106 г. н. э. было подавлено последнее дакское сопротивление в Карпатах, сразу же началось создание провинциальной администрации под началом первого наместника Д. Теренция Скавриана. В его проконсульскую провинцию были включены Банат, большая часть Трансильвании и северо-запад Олтеницы; часть Валахии и другие занятые римлянами районы сначала управлялись из провинции Мезия. Одновременно большая провинция Паннония была разделена на две новые, одна из которых, *Верхняя Паннония*, предприняла наступления на Среднем Дунае на маркоманнов и квадов. Провинция *Нижняя Паннония*, первым наместником которой являлся будущий *принцепс* Адриан, была сориентирована на восток с целью осуществления контроля над сарматскими язигами.

Через еще не завоеванные области на юго-западе Дакии вдоль берегов Тисы, где жили язиги, Траян начал строить соединительные дороги. Римские форпосты были одновременно продвинуты севернее дельты Дуная. Таким образом, Молдавия и Бессарабия превратились в своего рода римский гласис. Как мощный бастион, лежала теперь Дакия перед римским дунайским фронтом. С мезийских и паннонийских провинций этим было снято опасное внешнее давление, и от дакского укрепления теперь было можно в любое время продвигаться на большие равнины на западе, востоке и севере.

Так как область Воеводино и Большая Валахия были включены в новую провинцию *Дакия*, римская граница на Нижнем Дунае значительно удлинилась. Из-за большой разницы высот в Карпатах нечего было и думать о границе, замкнутой вокруг Дакии. Поэтому валами и крепостями укрепили особо опасные отрезки границы, прежде всего в Банате, на крайнем севере в районе Апула и Потаиссы, на востоке вдоль реки Олт, где плотно выстроенная Алутанская граница препятствовала прерыванию римских коммуникаций с Трансильванией.

Оккупация Дакии уже через десять лет ограничилась одним легионом, стоящим гарнизоном в Апуле, и только при Марке Аврелии туда был введен еще один в Потаиссу. Охрану границы осуществляли 12 вспомогательных групп. Это относительно небольшое военное присутствие свидетельствует о том, что после большого кровопускания Второй Дакской войны Рим больше не опасался серьезной угрозы своему господству в этом регионе.

Таким образом, Траян, остававшийся на Нижнем Дунае до начала лета 107 г. н. э., полностью разрешил дакский вопрос. Материальные ожидания не разочаровали римлян. По данным позднеантичного автора Иоанна Лида, который ссылается на лейб-медика Траяна Т. Статилия Критона, в руки римлян попало около пяти миллионов римских фунтов золота, в два раза больше серебра и около 500 тысяч военнопленных. Добыча, как полагается, была щедро разделена между армией и римским народом, а в Риме устроены праздничные игры, которые затмили все, что видела до сих пор взыскательная столица. Только в жестоким финале этой 117-дневной оргии выступала 4 941 пара гладиаторов, а в Колизее для боев было собрано 11 000 диких зверей. Одновременно начала осуществляться грандиозная строительная программа, трудности римской валюты были ликвидированы, цена на золото упала на 3—4 %. Популярность Траяна достигла апогея.

Если посмотреть на последующее развитие событий в Дакии, то запись Евтропия (VIII, 6, 2) свидетельствует, что Траян после победы над Дакией из всего *романского мира* переселил бесчисленное множество людей, чтобы заселить Дакию, потому что ее население после многолетних войн Декебала значительно поредело. Как свидетельствуют археологические данные, особенно широкое распространение дакской керамики, тогда существовала преемственность населения, размер и значение которой уже давно оспаривается (научной проблеме придали эмоциональный характер политические венгеро-румынские споры в XX в.)

Наоборот, неоспоримым остается уничтожение почти всего без исключения дакского правящего слоя, а также уменьшение дакского мужского населения, которое понесло большие потери в войнах. Кроме того, мужчины должны были служить в шести вспомогательных римских формированиях, особенно на восточной границе империи. Поэтому не стоит удивляться, что на римских надписях в Дакии крайне редко встречаются дакские имена.

Происхождение и деятельность новых поселенцев, наоборот, отражены очень хорошо. В первых колониях Сармизегетуза и Апул, в муниципиях Диерна, Дробета, Напока, Поролисс, Потаисса, Ромула и во многих других, а также в особо опасных областях Олтении поселились не только римские ветераны, но и крестьяне, ремесленники и торговцы со всего балканского региона, Малой Азии и Сирии. Этому соответствовало многообразие культов, причем наличие чисто дакских богов в провинции Дакия до сих пор не установлено, зато, кроме традиционных богов римского войска и государства, засвидетельствовано немало восточных богов, среди них такие второстепенные боги, как Азисос из Эдессы и Малагбел из Пальмиры.

«Романизация» Дакии является особым случаем в истории империи. Она была не симбиозом местных и римских элементов, а скорее результатом процесса, в который больше, чем в других частях империи, группы населения внесли свои представления и традиции. Даже латинский язык взял на себя новую функцию. На дакской земле он был не только инструментом интеграции побежденных, но и связующим звеном между разнородными поселенцами этого района.

С экономической точки зрения в целом сохранились структуры доримской эпохи. Так, в горнодобывающей промышленности тратились большие усилия, чтобы увеличить добычу золота в *Muntii Apuseni*, особенно в районе Апула, Алепела и Альбурна Майора. При Траяне в Алепеле (Златна) место управляющего рудником занимал вольноотпу-

щенник *принцепса*, вероятно, компетентный специалист, *прокуратор золотого рудника*. Золото в Дакии и Столлах добывалось, как в открытых горных разработках, так и путем промывания. Этот сектор казался римлянам столь важным, что на золотые разработки в Альбурн Майор были переселены особо квалифицированные пирусты, представители иллирийского племени из богатой золотом Дардании. В основном на рудниках работали свободные.

В других местах добывали серебро, свинец и железо; добыча соли, каменотесное и гончарное производство составляли часть ремесленной продукции, правда, как правило, она не отличалась ни объемом, ни качеством и покрывала потребности только собственных или соседних рынков. Одновременно увеличивался товарообмен, и не только по сухопутным дорогам, но по рекам Муреш и Олт. Все инициативы находились в руках жителей востока, деятельность которых распространялась также на соседние провинции и племена предполья Дакии.

Каким бы важным ни было разрешение дакского вопроса, для Траяна это составляло всего лишь часть всеобъемлющей военной и административной реорганизации всего римского дунайского региона и вообще его часто недооцениваемой деятельности на всем балканском полуострове. В конце дунайская граница была разделена на пять консульских, подчиняющихся самому *принцепсу* провинций *Верхняя Паннония*, *Нижняя Паннония*, *Дакия*, *Верхняя Мезия* и *Нижняя Мезия*, где в лагерях стояло в общей сложности десять легионов, преимущественно у самого Дуная. Фракия была преобразована в преторскую имперскую провинцию.

Такой же значительной, как укрепление границ и интенсификация управления, была колонизаторская политика в этом регионе. Уже существующие римские центры, такие, как Петовион в *Верхней Паннонии* или Рациария и Эск в *Нижней Мезии* были возведены Траяном в ранг колоний, образован целый ряд муниципий, старые

города, например, Сердик, планомерно восстанавливались. Со времени Августа дунайский регион с его экономическими районами никогда не переживал столь всеобъемлющей и целенаправленной урбанизационной политики.

В 106 г. н. э. Траян предпринял успешные меры и на Востоке. Значение Аравии было известно римлянам еще со времен экспедиции Элия Гала в 25 г. н. э., а лично Траяну по его службе в Сирии. Раздоры, которые начались после смерти последнего набатийского царя Рабила (105 г. н. э.), дали Траяну удобный повод для оккупации. Весь район от Хаурана на севере и до Акабского залива на юге без особого сопротивления был занят А. Корнелием Пальмой и превращен в преторскую провинцию, подчиняющуюся *принцепсу*, которая называлась *Аравия*. Из папируса известно, что первым ее наместником 26 марта 107 г. н. э. стал Г. Клавдий Север.

Мотивами для оккупации стали военные и торгово-политические соображения. Вместе с Nabatийским царством было интегрировано последнее большое клиентельное государство на восточной границе империи, и этим защищено от набегов предполье провинций Сирия и Египет. Так же, как и на Дунае, сразу же началось строительство дорог, укреплений и системы наблюдения. Уже при Клавдии Севере было начато строительство соединяющих магистралей между Красным морем и Сирией. Систематически ремонтировалась и охранялась дорога от Акабы через Петру, Филадельфию и Бостру на Дамаск, которая представляла собой булыжную мостовую шириной в семь метров и являлась одной из самых важных шоссейных дорог на всем Ближнем Востоке. Параллельно с этой коммуникацией была построена эшелонированная система наблюдения с маленькими крепостями, башнями и сигнальными станциями. Их задача состояла в контроле над караванными путями и оазисами в пограничной зоне и в наблюдении за всей караванной торговлей.

Расположенная на северо-востоке от Геразы Батра ста-

ла столицей провинции, там разбил свой лагерь VI Железный легион. Но и второй торговый центр на юге, Петра, знаменитая древняя метрополия с ее гробницами, садами, красивыми храмами, тоже сохранила свое значение. И вообще весь регион бурно развивался в экономическом отношении. Этому не в последнюю очередь способствовал тот факт, что в будущем через Петру в Газу и Дамаск перевозилась значительная часть индийских товаров и таким образом они избегали парфянского контроля. Как велик был престиж Рима в этом регионе, показывает то, что около 107 г. н. э. в Риме появилось индийское посольство.

Северная Африка при Траяне тоже получила сильный колонизаторский импульс. Это сегодня заметно в Тамугади в Нумидии, где в 100 г. н. э. вместо древнего пунийского торгового поселка была основана новая колония. Почти квадратное сооружение длиной стороны около 350 м указывает на правильный план города. Здесь вообще можно найти очень хорошо сохранившиеся следы римской Северной Африки, ибо, как нигде, песок полностью сохранил схематический прямоугольный план римского города с форумом посередине, библиотекой, театром и многочисленными почти безупречно сохранившимися термами.

Наряду с многообразными инициативами в пограничных областях и провинциях, Траян никогда не забывал о внутренней политике. Его умелое обращение со всеми силами и сословиями значительно содействовало внутренней стабильности. Прежде всего он особенно деликатно вел себя по отношению к римскому сенату. Довольно часто давал понять, что хочет быть всего лишь *первым среди равных*. Так, он перед вступлением в свой третий консулат стоя приносил присягу перед сидящим консулом. Удивительно, как быстро орган, оказывающий ожесточенное сопротивление Домициану, примирился с этим человеком из колонии.

Однако нельзя забывать, что состав сената уже давно

был не тем. Преследования Домициана устранили главнейшую оппозицию, то есть представителей старой римской и итальянской аристократии. На их место пришли новые люди из провинций, такие же, как и сам *принцепс*. Однако в течение всего II в. н. э. преобладали итальянские сенаторы; доля провинциалов при Адриане составляла 42 %, при Марке Аврелии — 46 %.

Политически сенаторы еще за короткий период правления Нервы свели к абсурду свои собственные дела. Политический стиль сената при Траяне был не лучше. Например, письмо Плиния Младшего сообщает, что при тайном голосовании на табличках часто писали шутки и ругательства. И Плиний констатировал, что такие дурачества доставляли принцепсу много забот. Роль сенатора при Траяне была почетной, но практически не имеющей никакого значения. Все, чего добилась эта новая имперская аристократия, она достигла только благодаря *принцепсу*.

В отношении всадников Траян по убеждению продолжал политику Домициана. Вольноотпущенники теперь потеряли руководство последними важными административными участками, которые они имели к этому времени. Управление финансами, налогами на наследство и императорским имуществом перешло к всадникам. Кроме того, увеличилось число управленческих должностей, которые могли занимать всадники.

Еще быстрее правитель завоевал расположение римского народа. Траян, который умело и ненавязчиво завоевывал симпатии, щедро раздавал пожертвования, устраивал игры, был по сердцу римским гражданам. Им особенно понравилась реорганизация *анноны* и допуск 5 000 плебейских детей к бесплатному распределению зерна в Риме. Материальные преимущества каждого римского гражданина достигли теперь высшей точки. Если за все правление Домициана они получили в подарок в общей сложности по 225 динариев каждый, то при Траяне эта сумма

составляла 650 динариев и в два раза превышала годовое жалование римского легионера.

Юрисдикция была тоже сокращена, процессы по оскорблению величества запретили. О нежелании вызывать страх перед своим именем террором и процессами по оскорблению величества Траян признается в письме к Плинию Младшему. Эта переписка показывает, что почти во всех юридических вопросах Траян ориентировался на прецедентные дела и, если возможно, поддерживал прежние судебские решения.

Во многих отношениях была продолжена политика Первы, особенно в полном объеме это относится к Италии. При Траяне каждый, кто добивался магистратуры в Риме, должен был вкладывать как минимум треть своего состояния в итальянскую земельную собственность. Таким образом, личные интересы сенаторов непосредственно связывались с метрополией. Кроме того, решительно проводилась внутрииталийская колонизация. Были предприняты меры, которые этому способствовали, такие, как планомерное расселение ветеранов в средней Италии, запрет на переселение и содействие италийскому сельскому хозяйству, особенно мелкому.

Даже сегодня поражает строительная деятельность Траяна в Италии. Она достигла полного объема во второй половине его правления, когда трофеи Второй Дакской войны за один миг разрешили все проблемы. Прежде всего следует отметить огромный Форум Траяна, который был торжественно открыт в 112 г. н. э. По размерам он превосходил все старые сооружения так же, как и по оборудованию, так как был в два раза длиннее форума Цезаря, длина — 300 м, а ширина 185 м. Заходили на него через Триумфальную арку и оказывались на огромной площади, в середине которой стояла конная статуя Траяна из позолоченной бронзы. С обеих сторон эту огромную площадь окружали павильоны, а в глубине виднелся фасад величественной базилики Ульпия с ее сверкающей крышей из бронзо-

вой черепицы. За базиликой следующий двор образовывали две библиотеки, одна греческая и одна латинская, в этом дворе высилась сорокаметровая колонна Траяна. Как завершение этого четырехчастного комплекса, сначала был предусмотрен храм божественному Траяну, который был построен после смерти Траяна Адрианом.

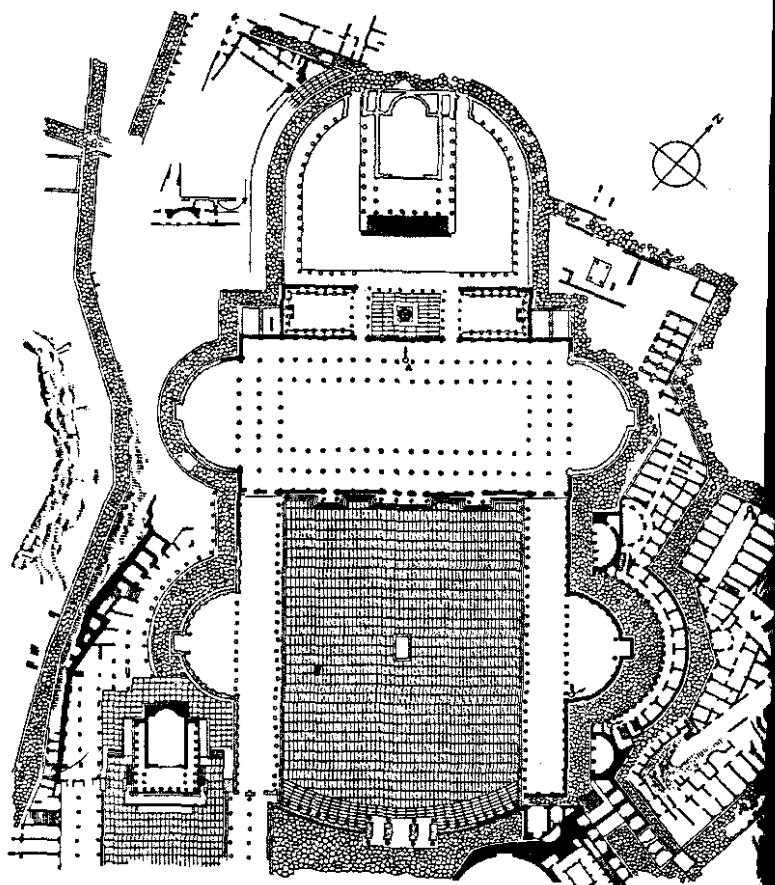

Рис. 24. Форум Траяна. Рим

Только представительство и самоопофеоз в таких монументальных формах противоречили бы сущности Траяна. Для него не менее характерны бытовые постройки и прочные конструкции. Новые торговые павильоны в Риме, строительство гавани в Остии, Центумцеллах и Анконе являлись центрами интенсификации торговли. Вновь открытый канал от Нижнего Нила к Красному морю и объединение сети дорог обеспечивали и облегчали торговые пути. Строительство дорог было запланировано по всей империи. Если *дорога Траяна* от Беневента до Брундизия выдержана в традиционных масштабах и входила в старую сеть дорог, то это не относится к Дунайской, пересекающей всю Среднюю и Восточную Европу, и ко второй большой транспортной артерии, которая с юга Черного моря через всю Малую Азию проходила до самого Евфрата. И при Траяне интересы Италии и провинций были сбалансированы.

Как показывает переписка Плиния с Траяном из Вифинии, провинции тоже охватила строительная лихорадка, которая часто превышала финансовые возможности городов, поэтому Траян наблюдал за этим с определенной сдержанностью. Например, Плиний с оптимизмом писал ему: «В Прузе, господин, есть старая баня. Ее можно было бы с Твоего согласия восстановить. И деньги будут. Во-первых, я попросил кредит у частных лиц в счет налогов. Община согласна пожертвовать на баню свой обычный налог на масло. Впрочем, авторитет общины и блеск Твоей эпохи требуют этого строительства» («Письма», X, 23).

Ответ Траяна звучит гораздо более трезво: «Если строительство бани не грозит истощить силы общины Пруза, мы могли бы пойти навстречу ее желанию. Только никакие особые налоги не должны из-за этого накладываться или уменьшаться необходимые для общины средства» («Письма», X, 24).

Ввиду многочисленных инициатив в Риме, Италии и провинциях и ввиду необходимости завершить и закрепить

пить все эти меры тем удивительнее то, что Траян решился еще раз на рискованное предприятие на востоке империи. Правда, он был на это спровоцирован парфянской стороной, однако реакция его превзошла собственные решения. В Парфии в 109(110) г. н. э. умер царь Пакорос II, его брат Хосрой наследовал ему и, очевидно, хотел оправдать свою власть перед внутренними соперниками внешнеполитической деятельностью. Поэтому он в 112(113) г. н. э. посадил на трон Армении вместо римского вассала Аксидареса парфянского принца Партамазирида, сына Пакороса.

Из-за этого не в лучшую сторону изменилась ситуация во все еще формально зависимой от Рима стране, чего Траян не мог потерпеть. Какое-то время *принцепс* вел переговоры, но Хосрой не уступил. Он, очевидно, был убежден в том, что шестидесятилетний правитель не решится на войну. Однако в октябре 113 г. н. э. он выехал из Италии, одновременно на Восток вышло подкрепление из дунайской армии; в общей сложности для похода против парфян было сконцентрировано одиннадцать легионов.

7 января 114 г. н. э. Траян прибыл в Антиохию. С его появлением быстро стабилизировалась обстановка в пограничном пространстве, где под впечатлением парфянских наступлений начались беспорядки. Через Самосату в верхнем течении Евфрата *принцепс* сначала отправился в Саталу в Малой Армении, место сбора северной римской группы войск. В Элеее, восточнее Саталы, перед Траяном предстал Партамазирид и демонстративно сложил свою корону, безусловно в надежде, что этим жестом он завоюет признание римлян. Однако Траян не надел снова на него корону, и Партамазирид после попытки к бегству был казнен.

Быстро и без достойного упоминания сопротивления после этого было занято все армянское нагорье, но дипломатическая деятельность Траяна распространилась далеко

на север. На Кавказе он завязал контакты с царями Колхиды, иверами и албанцами и обеспечил римское влияние в восточном районе Черного моря. Под напором решительных римских наступлений парфянское владычество на юго-востоке Армении рухнуло. Шаг за шагом были заняты земли Атропатены и Гиркании на юге Каспийского моря, и, как результат первого года войны, осенью 114 г. н. э. Великая Армения, расположенная восточнее Евфрата Малая Армения и часть Каппадокии были объединены в римскую провинцию *Армения*. Теперь Траян считал себя в праве принять славное имя *лучшего принцепса*.

Течение военных операций в 115 г. н. э. известно только в общих чертах. Очевидно, теперь верхняя Месопотамия стала целью быстро продвигающейся римской армии. После того, как были заняты важные города Синтара и Низибис, в конце 115 г. н. э. *Месопотамия* была объявлена римской провинцией, а 20 февраля 116 г. н. э. Траян принял победное имя *Парфянский*.

Однако уже зима 115—116 гг. н. э. приняла первую катастрофу. Когда Траян был в Антиохии, в городе произошло сильное землетрясение. *Принцепс* едва спасся и несколько дней вынужден был провести под открытым небом на ипподроме в Антиохии. Тяжелые разрушения на этой большой тыловой базе римской армии затруднили дальнейшие войсковые передвижения. Однако весной 116 г. н. э. наступления возобновились, их целью на этот раз стала Южная Месопотамия. И снова были одержаны поразительные успехи; это случилось прежде всего потому, что Хосрою помешали оказать сопротивление восстания и внутренние раздоры, города и военачальники были предоставлены самим себе и, как правило, терпели поражения.

Таким образом, Траян смог продвинуться вдоль Тигра на юг, занять Ассур, у Описа пересечь реку и занять Вавилон. Одновременно корабли евфратской армии на катках были транспортированы по суше к Тигру. Друг за другом в руки Траяна попали Селевкия и парфянская сто-

лица Ктесифон. Правда, Хосрою удалось бежать, однако дочь парфянского царя была взята в плен, и даже трон Арсакидов захватили в качестве трофея. Казалось, что падение власти Хосроя было вопросом недель; уже в районе Селевкии и Ктесифона была создана римская провинция Ассирия.

Однако Траян продвигался дальше. Он направился вниз по течению к Персидскому заливу. Было оккупировано Мезенское царство в области устья Евфрата, самого *принцепса* приветливо встретили в портовом городе Хараксе. Он вышел в море, и когда увидел плывущий в Индию корабль, воздал хвалу Александру Великому и сказал: «Если бы я был молодым, я вне сомнений отправился бы в Индию». Могло показаться, что это был звездный час всей его жизни, однако все достижения были уже давно под вопросом.

Еще с 115 г. н. э. в тылу римского фронта начались иудейские восстания, сначала единичные, но отличающиеся безжалостным фанатизмом религиозных войн. В конце концов восстание охватило большое пространство от *Киренаики* до Кипра. Евреи вырезали своих нееврейских соседей. Саламин на Кипре был разрушен, в Александрии греки в своих кварталах отчаянно сражались за жизнь. В 116 г. н. э. восстание охватило и другие районы. В Северной Месопотамии парфяне и евреи раздували пламя восстания. Римское господство пало, даже древний греческий город Селевкия отпал от Рима.

Течение и цели восстания неясны и противоречивы. Евсевий называет некоего царя Кирен Лукуаса, который якобы руководил восстанием, но цель его доказать нельзя, как и Кипра и Египта. В Египте восстание началось на почве старых противоречий между греками и евреями, прежде всего между евреями и александрийцами. Возможно, что совсем незначительное событие привело к большим раздорам, причем в Египте сначала евреи достигли некоторых успехов, что повлекло резню евреев в Алек-

сандрии, тысячи тогда пали жертвой. Порядок был восстановлен, когда Траян отправил туда Марция Турбона с пехотой, конницей и военными кораблями.

Не менее многозначительными были сообщения о восстании в Месопотамии. В отличие от остальных очагов восстания там образовался единый фронт евреев, местного населения и парфян против римлян, в образование которого, возможно, внесли значительный вклад мелкие иудейские династии, в рамках парфянского царства продолжавшие управлять своими вассальными государствами. Там высвободились также те силы, которые после разрушения Иерусалима были подавлены. Усилившаяся теперь диаспора считала, что настал ее час.

Траян отреагировал на восстание в Месопотамии столь остро потому, что ему уже были известны восстания в Кирене, Египте и на Кипре, и потому, что месопотамские евреи казались ему самыми активными участниками восстания. Он назначил в Северную Месопотамию жестокого Лузия Квиета. Снова были взяты штурмом и сожжены Селевкия и Эдесса. Предводитель мавров так успешно, по мнению Траяна, осуществил террор, что он в 117 г. н. э. назначил его прокуратором Иудеи.

Тем временем римское войско под командованием консулара Аппия Максима Сантры было разбито парфянами, и были уничтожены многочисленные римские гарнизоны. Южную Месопотамию пришлось оставить. Траян попытался по меньшей мере сохранить лицо, посадив царем в Ктесифоне парфянского аристократа Партамаспата. Однако Хосрой вернулся и сверг римский порядок. В 117 г. н. э. больших римских контрнаступлений не было. Все имеющиеся в распоряжении войска бросили на подавление иудейского восстания, сам Траян тяжело заболел. Он назначил своего племянника Адриана наместником Сирии и поручил ему продолжение войны. Самочувствие правителя быстро ухудшалось. Правда, ему удалось добраться до киликийского побережья, как когда-то внуку

Августа Гаю Цезарю, но в начале августа 117 г. н. э. Траян умер в Селинунте в возрасте шестидесяти четырех лет.

В античности и в новое время Траян предстает, как один из самых удачливых и симпатичных *принцевсов*. Официальное признание его *лучшим принцепсом* в 114 г. н. э. соответствует оценке современных историков, которые считают его «одним из величайших завоевателей мировой истории» и одновременно «идеальным воплощением гуманного понимания власти» (А. Хойс) или считают, что «его гармонические, мужественные, красивые черты лица, его благородная осанка, уравновешенность его характера, простота и скромность... были неотразимы» (Г. Г. Пфлаум).

Безусловно, Траян являлся одним из способнейших полководцев, которые когда-либо были в Риме. В шестьдесят лет он во главе своего войска вброд переходил армянские реки. Обращался к солдатам по имени, знал их заслуги, заботился о раненых и больных, всегда оставался солдатским правителем, и в этом стиле осуществлял также и управление государством. Его деяния в древнем болгарском эпосе превратили его в латинского царя и даже бога в болгарской мифологии, для Рима же он навсегда остался *лучшим принцепсом*.

Однако при близком рассмотрении общий итог этого принципата гораздо более противоречив. Неоспоримыми остаются стабилизация системы, но с большими потерями, аннексия Дакии, создание провинции *Аравия*, умиротворение римского *плебса* денежными подарками и играми, конструктивные меры по обеспечению римского господства в провинциях, строительство крупных и бытовых зданий и социальные достижения в Италии. Траяну действительно удалось создать новую политическую атмосферу, вывести принципат из тупика, в который его завел политика Домициана, пробудить доверие, создать согласие и удовлетворение и найти признание и авторитет у самых разных социальных групп.

Однако очевиден однозначный примат тех военных

внешнеполитических задач, которые ставил перед собой Траян. Результат его крупных, умело проведенных наступлений в дакских и парфянских войнах был различным. Если аннексия Дакии принесла славу и богатство, то катастрофа на Ближнем Востоке неудачу, последствия которой преемник Траяна смог устранить с большим трудом. Неудача наступлений Траяна является не только следствием военной активности парфян, как когда-то во времена Красса и Антония, но и результатом полного распада собственного базиса на территории военных действий, в конце концов, следствием неудавшейся интеграции евреев в римский порядок на Ближнем Востоке.

Традиция передает только положительные черты principata Траяна, а катастрофы последних лет правления либо умалчивает, либо оправдывает. Эти катастрофы непостижимы именно потому, что Траян благодаря опыту своего отца и своей собственной карьере был тесно связан с миром римского Востока и не мог недооценивать трудности и последствия парфянской войны, не мог он недооценивать и стоящие там почти неразрешаемые проблемы обеспечения и подвоза, а также вполне предсказуемую реакцию евреев.

Последствия катастрофы парфянской войны и развязанных ею восстаний еврейской диаспоры не могли быть быстро устранены, возможности империи исчерпались, средства от огромных трофеев дакской войны, которые следовало употребить на экономическое укрепление империи, были растрочены на традиционные популистские меры и на ненужную военную авантюру. Траян до самого последнего часа всеми любимый, умер в нужный момент, когда непосредственные последствия уже нельзя было не заметить, как и элементарный факт, что время широкомасштабных наступлений миновало. Не изменили этого более поздние походы на Восток при Марке Аврелии, Северах, солдатских императорах или Юлиане Отступнике.

25 Imperium Romanum unter den Flaviern

Рис. 25. Римская Империя во II в. н. э.

Римская империя при Адриане (117—138 гг. н.э.) и Антонине Пие (138—161 гг. н.э.)

Что происходило в покоях Траяна в Селинунте в Киликии в его смертный час, точно установить нельзя. 9 августа 117 г. н. э. в сирийской Антиохии было объявлено об усыновлении Адриана II, то есть на второй день после смерти Траяна, которая наступила 8 августа. Можно только сказать, что собравшиеся вокруг умирающего люди, а именно его жена Плотина, теща Адриана Матидия и префект гвардии Аттиан умело и решительно обеспечили наследование Адриана. Доказательств в пользу усыновления нет, как и нет доказательств противного. Ис какое-то сомнение остается, потому что единственный, не связанный с Адрианом свидетель последнего часа Траяна, его камердинер, внезапно исчез через три дня после смерти своего хозяина. Подозрение падает прежде всего на префекта гвардии Аттиана, потому что он потом отличился как специалист по устранению потенциальных противников.

Новый *принцепс* Публий Элий Адриан родился в 76 г. н. э. Как и Траян, он происходил из семьи, которая жила в старой римской провинции *Италика* недалеко от Севильи. Когда ему было десять лет, он потерял отца. Опекунство принял на себя Траян и уже упомянутый Аци-

лий Аттиан. Траян взял мальчика в Рим, где тот воспитывался и в полной мере воспринял все области греческой культуры и превратился в настоящего *гречонка*. Для значения греческого культурного влияния в домициановском Риме вряд ли можно найти более наглядный пример, чем воздействие всего греческого на молодого, умного и чувствительного римлянина из Испании. Приблизительно с 95 г. н. э. Адриан был трибуном различных легионов в Мезии и Верхней Германии. Несмотря на покровительство, Траян никогда не испытывал симпатии к своему подопечному. Между ними сохранялись натянутые отношения, и потребовалось решительное вмешательство Плотины, чтобы Траян дал согласие на брак Адриана с Сабиной, внучкой сестры Траяна Марцианы.

Рис. 26. Адриан. Портрет на монете

Однако для крайне честолобивого молодого человека не все пути были гладкими. В 101 г. н. э., будучи квестором, он вызвал всеобщее веселье в римском сенате своей неухоженной лагерной латынью. Во время Первой Дакской войны находился в лагере Траяна. Как ведущий протоколы сената, он ознакомился с *тайнами* и реалиями сенаторской политики Траяна, у которого был доверенным референтом. Во время Второй Дакской войны Адриан успешно командовал легионом, стоящим в Бонне, *Первым легионом Минервы*. После этого, как уже было сказано, он являлся наместником провинции *Нижняя Паннония*, его задачей была борьба с племенами, живущими в долине Тисы. Год спустя, в 108 г. н. э. он, наконец, получил свое первое консульство.

В последующее время несколько раз делал наброски речей Траяна к Сенату. Он стал не только членом многочисленных жреческих коллегий, но и единственным римским частным лицом того времени, ставшим архонтом в Афинах. В 113 г. н. э. он вместе с Траяном отправился на парфянскую войну, а с 117 г. н. э. в качестве наместника Сирии обеспечивал охрану возвращающихся войск и военной базы наступающей армии. Жизнь Адриана за 41 год до его прихода к власти вкратце изложена в Афинской надписи. Благодаря своему военному опыту, зрелости и родству с Траяном, он был, конечно, одним из самых подходящих кандидатов на наследование, но не был единственным. Несмотря на протекцию, Траян мог предполагать, что Адриан не будет действовать в его духе. Возможно, в этом и заключается мотив буквально в последний час объявленного или вообще не объявленного усыновления.

Уже скоро выяснилось, что начался новый курс, который осуществлялся с большой решительностью. Правда, сначала Адриан соблюдал все формальности. В своем обращении к сенату он попросил его с должным пониманием отнестись к тому, что войско преждевременно провоз-

гласило его правителем и объяснил это тем, что государство не могло оставаться без *принцепса*. Чтобы сделать свершившийся факт *удобоваримым* для сенаторов, были возобновлены сенаторские привилегии, прежде всего сословная юрисдикция. Удвоенный *денежный подарок* укрепил связь с армией. Подобно триумфу Германика в 17 г. н. э., который ознаменовал окончание наступления в северо-западной Германии, был отпразднован триумф покойного Траяна над парфянами. Место усопшего правителя занимало его изображение. Со всеми почестями прошло и погребение Траяна, когда его прах в золотой урне был похоронен в цоколе колонны Траяна.

Но гораздо важнее этих последних почестей были решения конкретных политических и военных вопросов. Глеющее восстание на Ближнем Востоке и бесспорное крушение римского владычества во вновь занятых провинциях вынуждали Адриана к неотложным действиям. И здесь фактически не могло быть и речи о преемственности или продолжении политики Траяна. Месопотамия была сдана, последние римские гарнизоны отозваны, парфянский царь удовлетворился царством Эдесса в Северной Месопотамии. Даже Армения потребовала суверенитета вместо прежнего статуса клиентельного государства. Провинция *Армения* снова рухнула. Решения Адриана соответствовали трезвой оценке римских сил и положения на Востоке, а также реалистическому взвешиванию возможностей и положения империи вообще. Он учитывал не только усталость войска и опасное разрушение тыла против парфян из-за восстаний, но и полное истощение пограничных и резервов.

Шагомы, которые сделал Адриан из этого очевидно-го принципа, были такими далеко идущими, что он даже отказался от Дакии. Последствия этих решений, с которыми они были осуществлены, неизменно должны были привести к внутренним конфликтам, что сторонники наступательной и экспанси-

онистской политики Траяна, военачальники и друзья покойного *принцепса*, которые руководили наступлением, теперь разочаровались и озлобились, для них Адриан был предателем политики Траяна. Теперь они потеряли свои компетенции и влияние, в частности, опасный Лузий Квиет. Здесь крылся зародыш так называемого заговора четырех консуляров.

Впрочем, эти военачальники Траяна правильно оценивали масштаб переломного момента, как бы новый *принцепс* ни демонстрировал свою преданность приемному отцу и свою связь с армией. Так как эти люди знали Адриана уже много лет и довольно часто приходили в раздражение от этой противоречивой личности, от человека, который, несмотря на свой военный опыт, всегда оставался интеллектуальным чужаком среди верхушки военного руководства Траяна. Военно-политическая смена курса именно здесь, как никогда раньше в истории принципата, обуславливалась необычайными особенностями личности нового *принцепса* Адриана.

Адриан был противоречивой личностью, высокообразованным, чувствительным, вечно беспокойным, постоянно ищущим новых впечатлений человеком. Он кажется несравненно более живым, но также и более впечатлительным и нервным человеком, чем Траян. Свою любовь ко всему греческому никогда не скрывал; даже внешне заметно отличался своей бородой философа от гладко выбритого лица воина Траяна. Реставраторские и романтические тенденции своего времени он воспринимал так же безоговорочно, как и архаические тенденции и вычурные формы изображения в обычном римском эклектизме. *Принцепс*, который написал утерянную сегодня автобиографию, писал приуроченные к случаю стихи, от которых осталось всего лишь несколько строф, имел сугубо личный, ориентированный на древнюю латинскую письменность литературный вкус. Вергилию он предпочитал Энния, Саллюстия — Целия Антипатра, Цицерону — Катона.

Однако наряду с разносторонними духовными интересами он не забывал о жесткости военачальника, а также охотника, который прославил себя тем, что в ливийской пустыне убил льва. По античным понятиям, было неслыханно, чтобы *принцепс* поднимался на горы, как он это сделал, поднявшись на гору Казия в Сирии и на Этну на Сицилии, чтобы оттуда любоваться закатом солнца. Тертуллиан видел в нем «исследователя всех достопримечательностей»; даже впечатлительные души нового времени чувствовали его притягательность, патетический историк античности Вильгельм Вебер и чуткая французская писательница Маргерит Юрсенар.

Политически Адриан сознательно проводил коренную перестройку своего принципата. Он не только импульсивно реагировал на непредвиденные катастрофы, но и решился на когерентную новую политику, которая была рассчитана на долгий срок и действительно определила на десятилетие развитие *Римской империи*. Пусть даже некоторые черты Адриана кажутся странными, а его поведение характерным для страдающего мономанией, у него в отличие от Нерона была реалистическая и прогрессивная общая концепция, альтернативы которой не было.

Адриан пытался защитить оружием Римскую империю не только извне, и не только на границах, но ему было прежде всего важно развернуть внутренние силы империи. При этом он свято верил в равноправие и настоящее партнерство латинских и греческих частей империи. Он был убежден, что развитие всех цивилизаций империи увеличит внутренние силы и сделает возможной защиту ее интересов. Причем, этот *принцепс* был правителем, который неумоимо повышал ударную силу войск и держал их в постоянной боеготовности и при этом был в первую очередь стойким поборником мира.

Как и его предшественник, Адриан не торопился с возвращением в Рим. Правда, в 117 г. н. э. он выехал из Сирии и отправился на Нижний Дунай. При переговорах с

роксоланским царем Адриан подтвердил более ранний договор о субсидиях и этим добился разрядки обстановки. Против сарматских племен долины Тисы он назначил Турбона, которому одновременно было поручено наместничество над Дакией и обеими Паннониями. Из этих двух фланговых позиций Турбон быстро добился успеха. В 119 г. н. э. прежняя провинция *Дакия* была разделена на две провинции: *Верхняя Дакия* на северо-востоке и *Нижняя Дакия* на юго-западе.

В то время, когда Адриан находился на Дунае, в Риме образовался «заговор четырех консуляров». Предположительно, оппозиционная группа хотела подготовить покушение на Адриана. Префект гвардии Аттиан отреагировал молниеносно. Почти в одно и то же время в различных городах Италии были казнены четыре консуляра и бывшие «маршалы» Траяна: Лузий Квиет, командир конницы Корнелий Пальма, который завоевал Аравию, Публий Цельс и Авидий Нигрин. Сейчас нельзя установить, как далеко в действительности зашел заговор партии войны. Однако точно известно, что эти четыре человека составляли ядро фронды против Адриана. Хотя казнь Аттиана была юридически правомерной — консуляры приговаривались к смерти только сенатом, — в Риме зароптали, что *принцепс* не противодействовал казни. Поэтому Адриану после прибытия в Рим ничего не оставалось, кроме как дезавуировать своего префекта. Он был освобожден от должности и заменен Турбоном, кроме того, применили все средства, чтобы умиловить массы: освобождение от долгов аннулировало претензии государственной казны за последние 15 лет на сумму в 900 миллионов сестерциев. Роскошные гладиаторские игры и жертвоприношения устранили последние предубеждения против *принцепса* среди населения.

Но Адриан не хотел долго оставаться в Риме. Уже в 121 г. н. э. он начал первое из тех больших путешествий, которые были столь типичны для него и его правления.

Из 21 года правления он провел в Риме и Италии всего около девяти с половиной лет. Эти путешествия не только соответствовали личным интересам страстного туриста, который спешил от одной достопримечательности к другой, но и служили военным и административным целям, инспекции войск и укреплений, контролю за органами администрации и заботе о судопроизводстве.

Сохранившаяся «Маневренная критика» из Ламбезиса, которая прославляет Адриана, но одновременно и критикует ход учений во время его инспекции *III легиона Августа* в 128 г. н. э., свидетельствует о компетенции, с которой *принцепс* осуществлял свои функции. Он отметил быстроту и качество постройки укреплений, похвалил боеспособность пехоты, а бессмысленный и рискованный маневр кавалерии, наоборот, не одобрил. Командиру легиона Катуллина было выражено полное признание принцепса, префект Корнелиан получил скромную, а весь легион высшую похвалу.

В основных чертах путешествия Адриана известны, и очевидно, что основные цели этих путешествий намечались заранее, а частности подгонялись к обстоятельствам. Первое путешествие продолжалось с 121 по 125 г. н. э. Оно вело сначала на север и северо-запад империи, то есть в те районы, которые Адриан еще лично не знал. После Галлии и Британии *принцепс* посетил в 122 г. н. э. Испанию, потом из Мавритании отправился на Восток. По морю он переправился в Малую Азию, которую пересек до самого Евфрата. Там он встретился с парфянским царем, которому вернул назад дочь, взятую в плен в Ктесифоне. Было достигнуто понимание с Хосроем и закрепление *status quo*, не в последнюю очередь потому, что положение Хосроя в собственной стране оставалось шатким. В 129 г. н. э. в Парфии взял верх старый соперник Хосроя Вологезес II. На обратном пути Адриан посетил весь Балканский полуостров и снова Нижний Дунай, оттуда он посадил на престол нового царя Боспор-

ского царства и, наконец, через Паннонию, Далмацию и Сицилию вернулся в Рим.

В 128 г. н. э. с Африки началось второе большое путешествие Адриана. Оттуда Адриан снова вернулся в Рим для объявления *постоянного преторского эдикта*, систематической кодификации преторского права. Затем он отправился в Афины, через южную Малую Азию опять на Ближний Восток и в Египет. Там когда-то умер его любимый Антиной. Через Афины принцепс вернулся в Рим только в 133 г. н. э. С этими систематическими большими путешествиями не связано непосредственно его пребывание в *Палестине* в 135 г. н. э., которое однако связывалось с восстанием Бар-Кохбы.

Путешествия по империи и их пропагандистско-идеологическое отражение на монетах и надписях отчетливо показывают самосознание нового *принцепса*. Там речь идет не о создании инфраструктуры для больших наступлений, как при Траяне, но о строительстве храмов, о восстановлении таких святых мест, как Кирены, о строительстве акведуков, мостов и дорог. Все это конкретно выражало отеческую заботу *принцепса* обо всей империи. Адриан после тяжелых потрясений 115—117 гг. н. э. хотел казаться «*восстановителем земного шара*» и его «*обогастителем*». Он решил положить начало золотому веку; старая *победная* символика отошла на задний план, ликвидировали персонификацию покоренных Траяном территорий на Востоке. Вся энергия была направлена на *мир, справедливость, равенство и мягкосердечие*.

Теперь в большой серии монет империя представляла не однородной и нивелированной, а во всем своем многообразии. Вместо богов римского пантеона и демонстрации силы на римских монетах появились провинции во всем их своеобразии. Вместо слонов, львов и колосьев провинции *Африка* появился Египет с плодами и трещоткой Изиды. *Германия* была представлена щитом с копьем, *Дакия* знаменем и кривым мечом, *Мавритания* уп-

равляла конем и т. д. На всех прославлялись приход принцепса, войска отдельных провинций и правитель как восстановитель отдельных районов.

Ни в одной другой области внутривполитическая деятельность Адриана не прослеживается сегодня так четко, как в судопроизводстве. Важнейшей мерой был уже упомянутый *постоянный преторский эдикт* в 128 г. н. э., который положил конец старой преторской юрисдикции. Если римские преторы во времена Республики при вступлении в должность излагали основные положения своей юрисдикции и могли ее изменять или дополнять, то Адриан считал такую застывшую и многослойную форму изжившей и поручил ведущему юристу своего времени Сальвию Ульпиану составить систематизированный и унифицированный *постоянный преторский эдикт*.

Параллельно с этим *совет принцепса* получил институционное оформление и был наделен новыми функциями. Эта небольшая, первоначально юридическая, коллегия советников *принцепса* состояла, как и раньше, из назначенных *принцепсом* и формально утвержденных сенатом членов из сенаторского и всаднического сословия. Теперь он стал признанным *de jure* органом и был компетентен вносить основополагающие изменения в действующее право.

Если даже отдельные меры в этой области были благоприятными для сената и юридически обязывали исполнять его решения, то в целом нельзя не признать, что реформы Адриана в юстиции и администрации проводились за его счет. Это также относится к нововведению, по которому впредь правосудие в Риме и в ста милях вокруг столицы осуществлял назначенный *принцепсом* *городской префект*, а также к созданию в Италии новой юридической средней инстанции в лице четырех *судей*. Но даже эти консуляры назначались самим *принцепсом*.

Если старые компетенции сената и были упразднены или урезаны, вместо них появился не монарший произвол,

а обширная юрисдикция, отличающаяся объективностью, гуманностью и деловитостью. Эта деятельность пошла на пользу обделенным до сих пор группам и низшим слоям римского общества. Например, было значительно улучшено правовое положение женщин, расширено их право управлять собственным имуществом и наследством. Римскую девушку больше нельзя было выдавать замуж без ее согласия. Другие нововведения касались прав рабов, о чем, как и о других новшествах, будет сказано позднее.

Для Адриана характерно, что его юрисдикция и административные решения распространялись и на провинции, и он занимался ими даже в путешествиях. В известном эпизоде «Адриан и вдова», который в более поздних пересказах часто варьируется, рассказывается о такой деятельности: «Однажды, когда одна вдова хотела передать Адриану прошение, *принцепс*, куда-то спеша, хотел пройти мимо, сказав, что у него нет времени. Тогда вдова якобы отвечала: "Если у тебя нет времени, ты не должен быть *принцепсом*". После этого Адриан принял ее прошение.

От реорганизации Адриана выиграли прежде всего представители всаднического сословия, тогда как сенаторы и вольноотпущенники потеряли свое влияние. Теперь все шесть центральных постов в администрации *принцепса*, которые раньше предоставлялись вольноотпущенникам, занимали всадники. Всадниками были оба префекта гвардии, из которых один обязательно должен был быть юристом. Всадническая чиновничья карьера, о которой нам сообщают надписи, стала теперь в высшей степени разнообразной.

Для профессиональных солдат тоже открывалась новая военная карьера, которая на последней стадии могла привести к высокому положению во всадническом сословии. Тот, кто послужил 20 лет в легионах, из них 10 лет центурионом и при этом смог дослужиться до командира 1-й центурии 1-й когорты, в будущем имел возможность начать всадническую прокураторскую карьеру, при этом

на высоких постах с минимальным жалованием в 100 000 сестерциев в год.

Раньше существовала норма постоянного чередования военной и гражданской карьер, и для занятия всех гражданских чиновничьих должностей требовалась долгая офицерская служба. Так как офицерского корпуса уже давно не хватало, эту норму отменили, и можно было делать чисто гражданскую карьеру, что, правда, позволяло занимать должности только среднего ранга. Благодаря этому полностью исчезли реликтовые формы администрации принципата. Вместо них появилась широкая служебная иерархия, внутри которой царил принцип профессиональной пригодности. Старые сословные права, правда, были сохранены, однако сословной монополии больше не существовало. Переход от всаднической к сенаторской карьере был значительно облегчен. Типичными для эпохи Адриана являются и два других фактора: первый состоит в тесной связи между юристами и принципатом, а второй — в заметных привилегиях ведущему в культурном отношении слою. Философы, риторы, учителя и врачи были освобождены Адрианом от всех государственных повинностей и даже от военной службы.

В провинциях он содействовал созданию городского самоуправления, так как городские советы были несущими опорами огромного союза городов и проводниками всех культурных усилий правителя. Предоставление права чеканить монету, особенно городам греческого Востока, разрешение иметь собственную городскую конституцию являлись государственно-правовыми проявлениями основного курса всей администрации. Но финансовое и налоговое управления строго контролировались самим Адрианом. Взимание налогов приобрело новые формы. Нововведением Адриана в этой области было создание системы государственных специалистов по *налоговому* и *финансовому праву*, которые соблюдали интересы государственной казны.

Хотя путешествия Адриана, в которых его сопровождал штаб специалистов по строительству, стимулировали строительную деятельность во всей империи, самый большой импульс получили Рим и Афины. В Риме прежде всего нужно назвать Пантеон, который первоначально построил Агриппа, потом он несколько раз разрушался при пожарах. Это круглое сооружение высотой в 43 м имело портик из коринфских колонн и было богато отделано мрамором. Характерной для духовного мира и эстетики Адриана является его вилла в Тиволи. Этот комплекс занимает площадь 1,5 км² и включает сады, террасы, перистили, гимнасий, причудливое сооружение Пьяцца-Оро, водный бассейн и обширный парк. Очевидно, *принцепс* воплотил здесь в жизнь во всем многообразии архитектурные и художественные воспоминания своих путешествий, глубокое впечатление на современного зрителя оказывает его монументальный мавзолей.

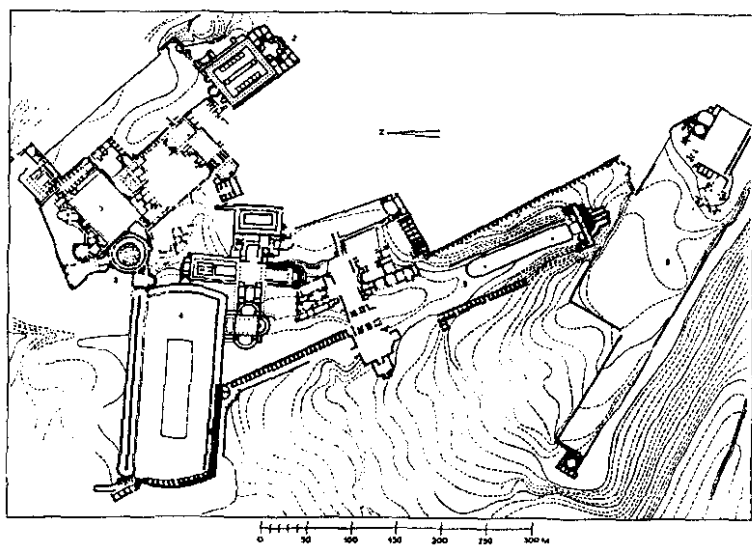

Рис. 27. Вилла Адриана. Тиволи. Общий план

Во втором центре, Афинах, целая часть города связана с именем Адриана, так как ворота отделяют город Теэю от города Адриана. При строительстве Олимпийона у подножья Акрополя и библиотеки использованы градостроительные новшества. Другие импульсы были связаны с религией. Кроме городского культа Рима, который был закреплен в 121 г. н. э. строительством в Риме двойного храма РOME и Венере, и кроме ежегодных игр в их честь, для Адриана характерным являлось обращение к греческим религиозным представлениям. Если у Адриана вообще была религиозная и духовная родина, то ею являлась Греция. Он был посвящен в тайну Элевксинских мистерий, способствовал окончанию строительства большого храма Зевса в Иллиссоне и превращению его в святилище Зевса всех эллинов.

При этом тесно соприкасались политические и религиозные мотивы, так как усиление коллективного сознания греков было для Адриана политической целью. Этой цели служило возрождение олимпийской идеи, а также созданный в 125 г. н. э. Панэллинский союз со своими собственными играми. Все это, как и восстановление и уход за могилами знаменитых греков, естественно, не было лишено архаических и романтических черт, но оно было искренним. С другой стороны, нужно учитывать то, что Адриан и для своей политики пользовался мыслями стоиков, как, например, идея о космополисе, объединении всех цивилизованных людей в одно государство. Кроме стереотипных старых наименований в надписях на греческом Востоке, он именуется *спасителем* и *благодетелем* и очень часто *Олимпийским* и *Панэллинским*. Вообще он был гораздо ближе, чем Траян, к эллинистическим представлениям о божественном и человеческом, однако на Западе никогда не переходил черту между человеком и богом.

Кроме этих обычных греческих форм, в религиозном смысле на Адриана оказало воздействие глубокое лич-

ное переживание — события, связанные с Антиносом. Этот любимый мальчик *принцепса* утонул в Ниле в 130 г. н. э. Подробности его смерти неизвестны, и есть предположение, не было ли это своего рода самопожертвовани-ем. Во всяком случае, Антиной был сразу обожествлен. Его культ на Востоке был так быстро распространен прежде всего потому, что образ этого мальчика соответство-вал эллинистическим представлениям и чувствам. В Афинах и Элевксине он стал покровителем юношей. В его честь устраивались даже игры. Новый бог появился на монетах и надписях многих городов, даже в Томах на Черном море. Недалеко от места его смерти был осно-ван греческий город Антиноополь, население которого намеренно не было отделено от египтян. Многие изобра-жения на монетах и портреты сохранили черты нового бога, цветущую красоту юноши с кудрявой головой, боль-шие глаза и грустное выражение лица. Этот образ, бы-стро нашедший почитание на Востоке, на Западе не при-вился, потому что со всеми своими ассоциациями остал-ся чужеродным.

Как едва ли кто из *принцепсов* до него, Адриан упо-рядочил и укрепил защиту империи. Империя со своими приблизительно 60 миллионами жителей, так оценива-ется количество жителей во времена Адриана, была за-щищена теперь 30 легионами и 350 вспомогательными группами, боевая готовность этой армии постоянно по-вышалась Адрианом. Все больше усиливалось значение провинциального и регионального рекрутирования. При Адриане началось планомерное применение новой кате-гории войсковых вспомогательных соединений, легкие отряды с местным вооружением, которые заняли место старых регулярных вспомогательных формирований, по крайней мере, в тактическом и функциональном смыс-ле. Новой абстракцией теперь стала *дисциплина Авгус-та*. Она появилась как новое божество на всех знаменах римского войска.

обороны в современном смысле, а скорее как линию охраны границы. Только позже вместе с дальнейшим укоренением этой концепции изменились и функции. С военной точки зрения совершенно бессмысленное проведение в Верхней Германии так называемых внешних укрепленных границ через густые хвойные леса было делом Антонина Пия, а не Адриана.

На двух отрезках границы строительство пограничных укреплений в эпоху Адриана проводилось недолго. Около 122 или 123 г. н. э. в Британии началось сооружение вала Адриана. На расстоянии приблизительно 117 км вал проходил от Солвей-Фирт до Тайма в Ньюкастле. После его завершения вал представлял с обеих сторон защищенную военную зону или военный коридор. Естественно, что собственно оборонительная сторона была обращена на север, за каменным валом и рвами построили 16 гарнизонных крепостей. Через каждые 1,5 км в стену были встроены башни. Со стороны входных ворот гарнизон мог отеснить атакующих стены и уничтожить. На юге земляной вал и рвы имели ярко выраженный оборонительный характер.

В Верхней Германии укрепленная система границ была не такой сомкнутой и сильной. В Таунусе и Веттерау линия крепостей следовала по старой осевой линии большого предмостного укрепления, которое окружали крепости Заальбург — Фридбург — Бутцбах — Эксцель — Гросс — Кротценбург. Эта линия следовала до Верта вдоль Майна, пересекала и достигала реки Неккар у Вимпфена. Вдоль нее шел ряд крепостей до Коннштатта и Кёнгена на юге. Окончательное укрепление линии в восточном направлении было осуществлено только при Антонине Пие. Естественно, что расположенным здесь воинским подразделениям придавалась функция пограничной полиции, но серьезной угрозы извне на этом участке не было.

Немногочисленные войны, которые провел Адриан,

служили единственной цели — укрепить власть внутри уже имеющихся границ. О подавлении восстаний на Ближнем Востоке в начале правления и войны против племен долины Тисы уже было сказано. К началу правления Адриана стабилизировалась обстановка и в Британии, разве что в Йоркском лагере восставшие уничтожили римский легион. Крупное нападение аланов на Каппадокию было отражено наместником Флавием Аррианом, известным историком и автором «Похода Александра» (в 134 г. н. э.).

Самой ожесточенной войной, которую провел Адриан, была новая иудейская война. В 130 г. н. э. в Иерусалиме рядом с лагерем легионеров основали колонию *Элия Капитолина* для эллинизированных поселенцев. На месте древнего храма Яхве построили храм *Юпитера Капитолийского*. Эти меры и строгий запрет на обрезание вызвал новую волну ненависти со стороны еврейского населения. В отличие от почти стихийного восстания в конце правления Траяна этим восстанием руководил умелый предводитель Симон Бар Кохба, «сын звезды», выдававший себя за мессию. Он связывал себя с изречением из Ветхого Завета: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава...» (Моисей. «Числа», 24,17).

Большое значение для развития восстания имел тот факт, что его поддержал повсеместно признанный духовный вождь еврейства Равби Акиба. По этой причине восстание превратилось в фанатичную религиозную войну. Она велась евреями как партизанская война и, как уже часто бывало, волнения распространились на Египет. После тяжелых потерь с римской стороны подавление восстания было поручено наместнику Британии Юлию Северу. В битвах с переменным успехом ввелись меры по очистке, однако римляне терпели тяжелые поражения. Так, был полностью уничтожен подтянутый из Египта легион. Наконец, Адриан в 135 г. н. э. отправился в *Палести-*

ну. В том же году закончились сражения, не прекращающиеся с 132 г. н. э. Это была одна из немногих войн на уничтожение, которую Рим когда-либо вел, война, в которой Римские войска отомстили за еврейские восстания во время Парфянской войны Траяна. Было захвачено около 1000 деревень и горных укреплений, погибло свыше 1/2 миллиона евреев. Позади остались безлюдная и разрушенная страна. *Иудея* стала теперь провинцией *Сирия Палестина*. В декабре 135 г. н. э. Адриан принял вторую императорскую аккламацию, так высоко он сам оценивал эти события, однако от триумфа отказался.

Израильские ученые последнего десятилетия в пещерах Нахабал Хебер недалеко от Мертвого моря, где прятались беглецы после восстания Бар Кохбы, обнаружили письма великого предводителя к своим военачальникам Еонатану и Масабале, в которых содержится описание последней фазы восстания. Как бы коротки ни были эти письма, они подтверждают тот образ Бар Кохбы, который представлен в Талмуде, образ необыкновенно сурового, авторитарного и нередко вспыльчивого человека. Они свидетельствуют также о набожности последних инсургентов, которые праздновали субботу и заботились о соответствующем проведении праздника кушей, что следует также из изображений на монетах, выпущенных Бар Кохбой. Современная картина еврейского сопротивления против Рима усугубляется не только в осажденном Иерусалиме, который так фанатично оборонялся против легионов Тита, не только в наскальном укреплении Массада, защитники которого окончили жизнь самоубийством, но и во взрыве пещер Нахаль Гебер, в которых большой пожар восстания Бар Кохбы был затушен гораздо позже.

Каким бы бесспорным ни был успех Адриана в *Иудее*, после его возвращения в Рим началась мрачная заключительная фаза этого принципата, которую во многом можно сравнить с концом Тиберия. Так как принцепс вскоре

тяжело заболел и уединенно жил на своей вилле в Тиволи, начались спекуляции по поводу преемника бездетного принцепса. Как бы он ни был слаб, он еще раз проявил свою решительность. При этом решения Адриана были довольно неожиданными. В середине 136 г. н. э. он усыновил малоизвестного молодого сенатора Луция Цейония Коммода, который после этого стал Луцием Элием Цезарем. Одновременно были убраны с пути кандидаты из родственников Адриана трехкратный консул Луций Юлий Урс Сервиан и его внук Гней Педаний Фуск Салинатор.

Почему Адриан предпочел именно Элия Цезаря, современные специальные исследования выяснить не смогли. Предположение, что он был якобы незаконный сын Адриана, напрашивалось само собой, но точно утверждать этого нельзя. Впрочем, вопрос о наследовании этим шагом Адриана разрешен не был: Элий Цезарь умер 1 января 138 г. н. э. Так как состояние Адриана продолжало ухудшаться, не оставалось больше времени на поиски новых решений. Адриан покровительствовал семнадцатилетнему Марку Аннию Вери (Марк Аврелий), в котором он видел родственные качества и интересы. Однако Адриан был достаточно здравомыслящим, чтобы не признать, что бремя принципата для этого молодого человека было слишком тяжелым. Тогда Адриан прибег к решению, которое, с одной стороны, обеспечивало преемственность, а с другой — давало его фавориту все шансы: он усыновил пятидесятилетнего бездетного Тита Аврелия Фульву Байония Аррия Антонина (Антонин Пий), крайне выдержанного сенатора, и заставил его со своей стороны усыновить Марка Анния Вера и маленького сына Элия Цезаря Луция Цейония Коммода (Луций Вер). Когда 10 июля 138 г. н. э. Адриан умер, не раз призывая смерть во время своей тяжелой болезни, он не мог предположить, что своим решением о наследовании предопределил судьбу империи почти до конца века.

Семья назначенного Адрианом наследника происходила из Немавза (Ним). Ее представители уже давно были сенаторами, поэтому Антонин родился на семейной вилле Ланувия (Лапий) в 86 г. н. э. Член богатой семьи крупных землевладельцев, получивший юридическое образование, Антонин, как и Нерва, быстро поднимался по ступеням чисто гражданской карьеры. Он стал одним из тех государственных специалистов по налоговому и финансовому праву, которых назначил Адриан. Особенно прославился его проконсулат в Азии, где он необычайно корректно и неподкупно исполнял свои служебные обязанности. Наконец его пригласили в совет Адриана для руководства правительственными делами. Когда сенат обсуждал предание проклятью ненавистного ему Адриана, Антонин настаивал на его обожествлении. С 138 г. н. э. стал носить прозвище Пий (благочестивый).

Центром тяжести правления Антонина Пия была внутренняя политика. В этой области он в основном проводил в жизнь намерения Адриана. Отличительным признаком его личности был подчеркнутый, ярко выраженный архаизм. Он особенно выражался в заботе правителя о древних культовых священных местах, например, об Илионе и Паллантие в Аркадии, откуда, в соответствии с ложным преданием, происходила часть римлян.

Основные сферы, то есть финансовое правление и государственная администрация, достигли при Антонине Пие завидного совершенства. При талантливых управленцах заметно сократилась смена чиновников. Казалось, *принципс* хотел, чтобы над талантливыми служащими не висела угроза смещения. Впрочем, доминировала прогрессивная общая тенденция. Уже в самом начале своего правления Антонин сократил наполовину денежные подарки и коронное золото для всей Италии и провинций. Экономная и строгая финансовая политика привела к тому, что после смерти Антонина Пия государственная казна

содержала 675 миллионов динариев. Это тем более удивительно, что все правление Пия сопровождала единственная в своем роде щедрость. На монетах прославлялась эта его щедрость и даже изображалась травля зверей, которую он устраивал. Возникли новые благотворительные учреждения для девушек, так называемых *девушек Фаустины*, которые он посвятил памяти своей умершей в 141 г. н. э. жены Фаустины. Необычно большая серия монет была выпущена в память божественной Фаустины.

Внешняя политика Антонина Пия лучше всего характеризуется двумя максимами, приписанными этому *принцепсу*. О первом сообщается в «*Истории Августов*». Там говорится, что Антонин Пий якобы сказал, что предпочитает сохранить одного гражданина, чем убить 1000 врагов. Второй находится у Евтропия: Пий будто бы заметил, что он предпочитает защищать провинции, а не увеличивать их. Таким образом, это правление между 138 и 161 г. н. э. не отмечено крупными политическими или военными акциями и инициативами. Но даже у него желание распространить римский порядок выходило за пределы империи. У квадов, в Армении и у лазов в Колхиде Пий повлиял на выборы царей. И монеты прославляли царя, данного армянам, и царя, данного квадам. Для защиты границ характерно стремление, как и у Адриана, к сооружению коротких и прямых линий, то есть создание линий без большого оборонительного значения.

Это же относится и к валу Антонина в Британии, к приблизительно в 140—141 гг. н. э. вновь восстановленной старой оборонительной линии Агриколы на уровне Эдинбурга и Глазго, неблагоприятные для защиты фланги которой нуждались в дополнительных мерах по укреплению. Причем, несмотря на это перемещение пограничных укреплений, крепости вала Адриана оставались занятыми. Такой же проблематичной кажется внешняя укрепленная граница в Верхней Германии с ее прямыми, как

стрелы, линиями, ведущими через Майнхардтер и Вельцхаймский лес.

Пацифизм *принцепса*, который ни разу не покидал Италии, не помешал однако тому, что в самой империи разразились многочисленные восстания, подавленные легатами. Самыми большими были восстания в Нумидии и Мавритании, которые произошли в промежутке между 144 и 152 гг. н. э., подробности о них неизвестны. Также обстоит дело с небольшими восстаниями в *Иудее* и Египте. В Британии восстание бригантов привело в 142 г. н. э. к реорганизации границы, но положение продолжало оставаться напряженным; где-то между 155 и 158 гг. н. э. произошли новые восстания. И в Дакии в 158 г. н. э. начались волнения, которые привели в 159 г. н. э. к разделению провинции на три части. Впрочем, все эти восстания не повлекли за собой серьезного кризиса и не омрачили общего впечатления о правлении Пия.

Если население уже не ожидало, как при Августе и Траяне, внешнеполитических успехов, а ожидало мира, благосостояния и счастья, то Антонин Пий полностью оправдал эти ожидания. Его большой успех, как правителя, всеобщая любовь к нему основаны на том, что требования и желания его времени совпадали с его собственными намерениями.

Кульминация этого принципата воплотилась в гармоничную картину, в образ порядочного, набожного, всеми уважаемого и популярного человека. Пия часто сравнивали с царем Нумой из римских легенд, но он не был ни Ромулом, ни Августом. Еще современники замечали педантичность и добросовестность его характера и говорили, что *он разрежет даже тминное зернышко*. Кроткой и тихой, как и его жизнь, была смерть правителя. В день смерти он распорядился перенести из его комнаты в комнату Марка Аврелия золотую статую Фортуны, последние слова, которые он произнес, были *душевное спокой-*

стве. Его похоронили в гробнице Адриана в Энгельсбурге, его обожествление было утверждено единогласно.

Приемный сын Антонина Пия Марк Аврелий в своих «Самосозерцаниях» со свойственной ему моральной строгостью анализировал примеры для своей собственной деятельности. В 30-й главе 6-й книги он поставил лучший литературный памятник Антонину Пию:

«Прояви себя, как ученик Антонина. Покажи себя таким же прилежным, как он, при выполнении хорошо продуманных решений, будь постоянно воздержанным в своем поведении и так же благочестив, имей веселость его лика, его мягкость; будь так же свободен от тщетной жажды славы и так же, как он, вложи свое честолобие в правильное понимание вещей. И думай, как и он, о том, что нельзя выполнить никакого дела, пока оно не будет полностью познано и ясно понято; и, как и он, терпеливо сноси людей, которые тебя несправедливо осуждают, и не суди их. И, как и он, не делай ничего в спешке и, как и он, не прислушивайся к клевете. И, как и он, обстоятельно изучай характеры и действуй свободным от стремления всех хулить, свободным от любого страха, свободным от подозрительности и от всех софистских обычаев. (Думай и о том), как мало ему было нужно, что касается жилища, кровати, одежды, питания и обслуживания. Как он был трудолюбив и терпелив... (И представь себе) его надежность и соразмерность в дружбе. И что он уважал людей, которые открыто выступали против его мнения, и что он радовался, когда его кто-нибудь учил чему-то хорошему. И каким он был богобоязненным, не будучи суеверным. Помни об этом, чтобы, когда придет твой последний час, у тебя была такая же чистая совесть, как у него». Воспоминания и исследования слились здесь воедино и не случайно, что из этих представлений об Антонине Пие выросла такая характерная для Марка Аврелия максима, знаменитое: «Гляди, не оцезарей!»

Римская империя при Марке Аврелии (161—180 гг. н.э.) и Коммодe (180—192 гг. н.э.)

Если сравнить правление Антонина Пия и Марка Аврелия, то они очень сильно отличаются друг от друга. За эпохой мира правления Пия последовала эпоха глубочайших потрясений и затяжных кризисов, которые поставили империю на грань агонии. При ретроспективном взгляде можно предположить, что те большие опасности нового внешнеполитического положения зародились в последние годы правления Пия. Именно в тот момент, когда они были вирулентными, во главе империи стал сорокачетырехлетний Марк Аврелий, тонко чувствующий, мягкий, аскетичный философ, у которого при всем его сознании долга и при всех стараниях не было беззаботного солдатского характера Траяна и чрезмерной живучести Септимия Севера.

Если Марк Аврелий выдержал бури последующих двух десятилетий и провел империю через все смуты, то это в первую очередь является триумфом его борьбы за себя самого. В отличие от Адриана, наследником которого он когда-то был назначен и указаниям которого довольно часто следовал, он не мог спокойно работать над осуществлением культурной идеи. Он сохранил свои философские убеждения в походном лагере, и в походном лагере написал свои классические «Самосозерцания». «У квадов

в Грануасе» читаем мы после первой книги, «В Карнунте» — после второй.

Рис. 29. Марк Аврелий. Мраморный бюст, Париж

Передача власти новому правителю в 161 г. н. э., как уже было сказано, была заранее подготовлена и прошла гладко, усыновленный по указанию Адриана Антонином Пием Марк Аврелий выдвинулся на первое место. За ним, а не за Луцием Вером была замужем Фаустина Младшая, дочь Антонина Пия. Во время последних лет жизни Пия Марк Аврелий демонстративно выдвигался на первый

план, но Луций Вер все же сохранил титул Цезаря. Таким образом, после смерти Пия только от Марка Аврелия зависело, согласиться с намерением Адриана или нет.

Без колебаний Марк Аврелий сразу же согласился. Он признал абсолютное равенство по рангу с Луцием Вером, но звание верховного жреца оставил только за собой. Таким образом, Римская империя с 161 г. до 169 г. н. э., года смерти Луция Вера, имела двух равноправных *принцевов*, двух *Августов*. Удивительно, что Марк Аврелий, несмотря на разочарование в малоспособном Вере, всегда твердо стоял на признании своего сводного брата соправителем. И если монеты прославляли *согласие Августов*, то они прославляли его не зря. Марк Аврелий даже обручил свою дочь Луциллу со своим коллегой.

Столь разрекламированное согласие нужно было оправдать. В 162 г. н. э. парфянский царь Вологезес III по всей форме объявил войну Риму. Под предводительством парфянского полководца Осроя парфяне вторглись в Армению, у Элегей они уничтожили римское войско и продвинулись дальше. Свое наступление парфяне продолжили до Каппадокии, даже заняли большую часть Сирии. Римскому господству пришел конец, так же как и пришел конец сопротивлению войск. Прошел весь 162 г. н. э., прежде чем римляне приняли контрмеры. Крупным римским соединениям было приказано выступить со всех отрезков границы. Ведение войны поручили Луцию Вере, который, отнюдь не торопясь, отправился в штаб-квартиру, находящуюся глубоко в тылу. Вести операции он поручил способному римскому полководцу Авидию Кассию.

В 163 г. н. э. начался римский контрудар. Первой была отбита Армения и снова превращена в зависимое царство. После этого в последующие годы наступления часто проходили в духе Траяна. В 164 г. н. э. удалось перейти у Зевгмы через Евфрат, в 165 г. н. э. наступление достигло высшей точки. Были захвачены Селевкия и Ктесифон, важнейшие города парфян на Тигре. Казалось, по-

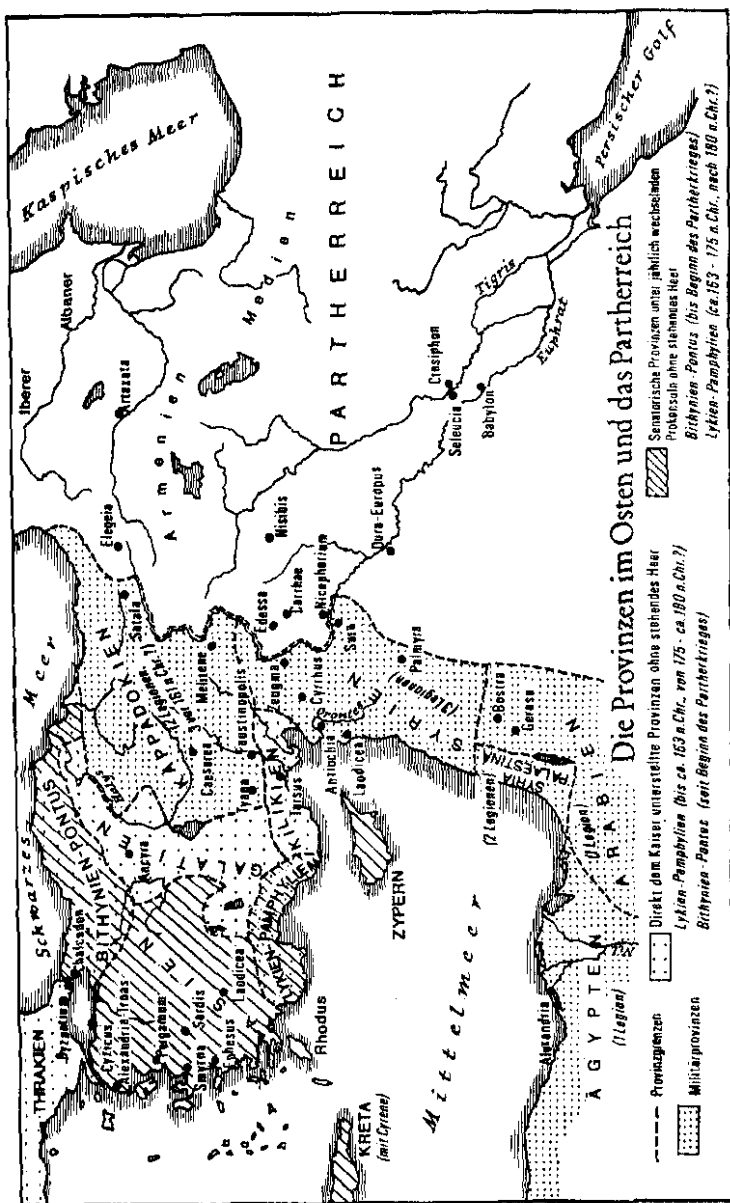

Рис. 30. Восточная граница империи

вторились события времен Траяна, и от этого сравнение еще усилилось также и одновременной катастрофой, правда, по другой причине, чем иудейское восстание времен Траяна.

Осенью 165 г. н. э. в Селевкии началась эпидемия чумы, и заболела большая часть войска. Нечего было и думать о продолжении военных действий; война прекратилась, однако Армения и Месопотамия остались в руках римлян. Возвращающееся войско распространило чуму по всей Малой Азии, Греции и Италии, и эта эпидемия превратилась в величайшую катастрофу античности. Отдельные очаги эпидемии оставались до 189 г. н. э. В глазах общественного мнения эпидемия была наказанием за разграбление парфянских святынь и осквернение гробницы Арсакидов.

Несмотря на эту катастрофу, оба властителя в 166 г. н. э. большим триумфом отпраздновали победы своих войск и к своим титулам добавили «Армянский, Мидийский и Парфянский». Наряду с волной римской экспансии оживилась деятельность римских посольств, так как китайские источники сообщают, что в 166 г. н. э. при дворе императора Хуан-Ти появилась группа римских купцов. Правда, это путешествие носило эпизодический характер, тем не менее оно показывает, какие перспективы открывались перед Римом.

В фазе крайнего истощения и паралича римских сил, которую сравнивают с ситуацией после подавления Паннонского восстания перед поражением Вара, в 166 г. н. э. был смят римский дунайский фронт. Большие волнения II и III в. н. э. в этом регионе наметились еще со времен Домициана, поэтому там значительное подкрепление получили оборонительные силы. Однако в отличие от более ранних битв вторгшиеся соседние племена теперь были оттеснены, и события определялись мощными инициативами из глубины северо-восточного европейского пространства. Вызванные так называемыми маркоманнскими вой-

нами первые волны великого переселения народов натолкнулись на римские дамбы.

Насколько вообще можно определить движение вглубь, речь шла о двух главных ударах. Во-первых, на востоке придунайских земель преобладало направленное на запад давление аланов, сарматской группы населения, которые из своего первоначального места расселения на Каспийском море продвинулись до Нижнего Дуная. Дру-

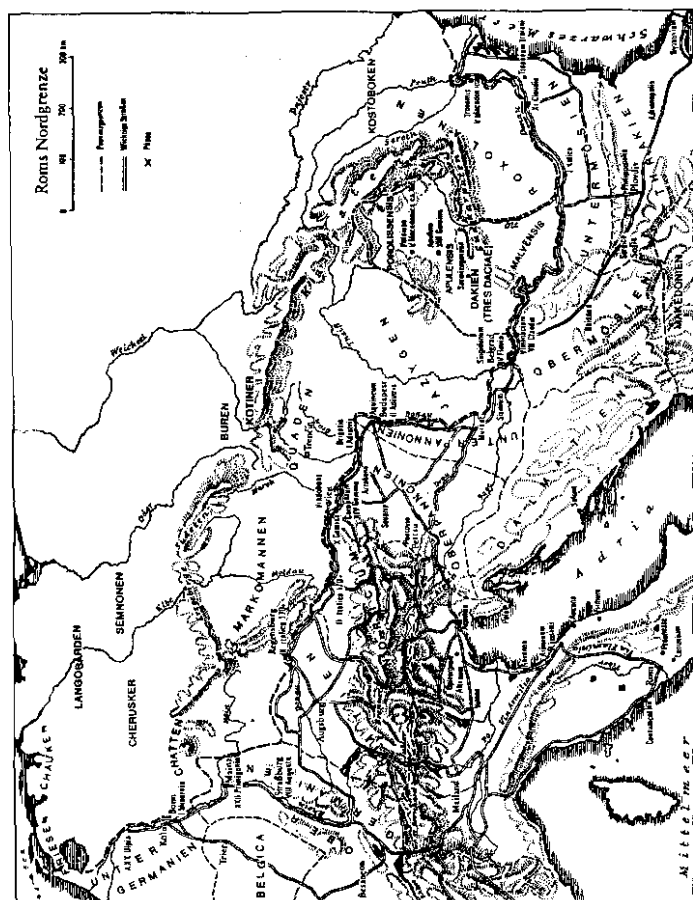

Рис. 31. Северная граница Рима

гая волна шла, наоборот, с севера. Она была вызвана продвижением готов из южной Швеции до Одера и далее в юго-восточном направлении. Из-за этого пришел в движение целый ряд восточно-германских племен. Бургунды из Борнхольма вошли в Силезию, семноны переселились из Марка Бранденбурга, переселились также и лангобарды. Маркоманны, чье имя носила война, оставались под чужим давлением.

К этому нужно добавить, что у маркоманнов во главе стояла очень сильная личность — царь Балламор. Между тем неясно, насколько в действительности координировались нападения на римские владения, которые продолжались в ближайшие годы и охватили район между Регенсбургом и устьем Дуная. Так же неясно, шла ли речь о коалиции различных племен и групп разного этнического происхождения. Квадами, маркоманнами, язигами, роксоланами, костобоками и аланами назывались различные народности, которые имели один общий интерес, а именно одновременное нападение на римские границы на Дунае и в Дакии.

Уже в 166 г. н. э. вспыхнули сражения. После глубокого прорыва на Среднем Дунае маркоманны продвинулись до верхней Италии в районе Вероны. Открытая местность была полностью разорена. Нападения приобрели остроту потому, что нападающие не довольствовались только обычными грабежами, но и хотели там поселиться. Марк Аврелий сразу почувствовал размеры этой опасности, он мобилизовал для обороны последние силы. Были выставлены два легиона и вспомогательные группы и, как в немногих случаях крайней необходимости, вооружили даже рабов. Для защиты Италии были построены укрепленные линии, у защитного кордона был поставлен специальный отряд для укрепления обороны под командованием консулара.

Несмотря на все эти меры, в 171 г. н. э. инициативой однозначно владели не римляне. В паннонских провинци-

ях, в Дакии, *Норике* и Реции в том же году начались нападения соседних племен, о результатах которых можно судить и сегодня по разрушенным опорным пунктам, поселкам и виллам. В 167 г. н. э. в Дакии пришлось отбивать нападение противника, в 170 г. н. э. потерпел сокрушительное поражение и был убит полководец Марк Корнелий Фронтон, в том же году сарматские костобоки от нижнего Дуная глубоко продвинулись в Грецию. В 171 г. н. э. маркоманны сожгли Венецию, однако опытные римские полководцы Тиберий Клавдий Помпеян и Публий Гельвий Пертинакс смогли потеснить одновременно нападавших квадов и наристов, очистить Норик и Рецию и отнять у отхлынувших на Дунай германцев большую часть их добычи.

Луций Вер умер в 169 г. н. э. в Альтине вскоре после начала этой борьбы. Марк Аврелий какое-то время после этого оставался в Риме, где провел сенсационный аукцион ценных вещей и произведений искусства, чтобы получить дополнительные средства для снаряжения армии. Чтобы сильнее привязать к себе Помпеяна, он женил его на Луцилле, вдове Вера. Потом отправился на дунайский фронт и выбрал штаб-квартирой Карнунт.

Между 172 и 175 гг. н. э. были проведены непрерывные и широкомасштабные наступления на квадов, маркоманнов и наристов в области Среднего Дуная, а также на сарматов на Тисе. Это те самые сражения, которые изображены на тридцатиметровой колонне Марка на Пьяцца Колонна в Риме, хотя ее рельеф нельзя однозначно интерпретировать, как и рельеф колонны Траяна. К этим сражениям относятся и изображенные там чудеса, спасшие тогда находящиеся в затруднительном положении римские войска — чудо дождя и чудо молнии.

Мирные соглашения с квадами и, наконец, с язигами прекратили, по крайней мере, на время эти сражения, причем, договор с язигами в 175 г. н. э. был крайне необходим Марку Аврелию, потому что в это время против него

восстал Гай Авидий Кассий, командующий группой войск на востоке империи, и привлек на свою сторону большую часть Малой Азии, Сирии и Египта. Поэтому *принцепс* был вынужден как можно быстрее покинуть театр военных действий на Дунае и сосредоточиться на противоборстве с узурпатором.

Условия мира позволяют увидеть очертания цельной концепции. Так как нападения последних лет были следствием несвоевременно обнаруженных перегруппировок в предполье империи, римские военачальники извлекли урок из этого опыта. Теперь строгий порядок и наблюдение за предпольем севернее и восточнее Дуная были возведены в норму. В будущем на левом берегу Дуная держалась свободная полоса шириной сначала 14, а потом 7 км. Были строго установлены пути и места для торговли, а также непосредственный контроль за предпольем расширен и усилен посредством продвижения вперед отдельных крепостей. Однако гораздо чувствительнее для противника явилось требование возвратить всех пленных и выделить вспомогательные группы, большая часть которых была сразу же отправлена в Британию.

По крайне спорным сведениям из «*Истории Августов*», *принцепс* якобы хотел Богемию и Моравию сделать провинцией *Маркоманния*, а пространство между Паннонией и Дакией — провинцией *Сарматия*. Но для таких далеко идущих планов нет никаких доказательств.

Каким бы длительным ни казался новый порядок, он был всего лишь короткой передышкой. Уже в 178 г. н. э. снова начались сражения так называемой Второй Маркоманнской войны; Марк Аврелий вместе с сыном Коммодом вновь отправился на Дунай и там умер в 180 г. н. э. На эту фазу падает основание на немецкой земле нового лагеря легионеров. В 179 г. н. э. был основан Кастра Регина (Регенсбург). Почти одновременно римские военные соединения снова продвинулись в район Словакии. Надпись на скале Тренцина (приблизительно

100 км севернее Прессбурга) свидетельствует о *присутствии II-го легиона*.

Напряженность, которую принесли империи оба десятилетия между 161 и 180 гг. н. э., не исчерпывалась только парфянскими и маркоманскими войнами, так как, кроме этих двух мест боевых действий, почти во всех сторонах света вспыхивали восстания и беспорядки. Сразу после начала правления наряду с парфянской войной в 162 г. н. э. пришлось подавлять восстание хаттов в Верхней Германии и в том же году восстание каледонцев в Британии. Ко всему добавилось восстание пастухов в дельте Нила. Религиозные побуждения сделали этот мятеж очень опасным, даже Александрия какое-то время находилась под угрозой. Это восстание в конце концов было подавлено Гаем Авидием Кассием. И крайний юго-запад империи пережил полные опасности времена; в 172 и 177 гг. н. э. с моря на Южную Испанию несколько раз нападали мавританские племена и подвергали ее грабежам. Положение было урегулировано только с помощью большого специального военного соединения.

Утвердиться империи удалось еще раз, но какой ценой. Даже римские источники не замалчивают больших потерь за время этих двух десятилетий не только среди военного руководящего слоя, но и среди широких масс населения больших городов из-за разбойных нападений и чумы. Если близкостоящий к событиям автор Кассий Дион говорит, что в 175 г. н. э. при заключении мира с язигами было возвращено около 100 000 римских военнопленных, то такое число является доказательством только количества попавших в плен римлян на этом театре боевых действий.

Войны Марка Аврелия оказали огромное воздействие на общественную и экономическую жизнь. Решающими критериями стала не принадлежность к сословию, а достижения в армии и администрации. Хотя в положении старых аристократических семей и сенаторов сначала про-

изошли некоторые изменения, приток новых сил в ведущий слой был необратим и статистически доказан исследованиями Г. Альфельди. Будущее принадлежало жизнеспособным *новым людям*.

Имея в виду внешнеполитические и военные задачи, от Марка Аврелия нельзя было ожидать внутривнутриполитических инициатив. Приоритетным был не вопрос, какое воздействие оказывали философские максимы *принцепса*, а какое воздействие на внутреннюю политику оказывали тяжелые внешние кризисы. При этом не произошел разрыв с прежней практикой. Хотя Марк Аврелий и стремился к конструктивному сотрудничеству с сенатом, *Совет принцепса* приобретал все большее значение. Теперь в администрации стал правилом «принцип неодинаковой коллегиальности» (Г. Г. Пфлаум), то есть практика ставить во главе различных ведомств и региональных управлений чиновника из всаднического сословия, а особо компетентного вольноотпущенника назначать управляющим делами. Безусловно, что благодаря этим и другим мерам разрасталась бюрократия.

Уже в начале правления Марка Аврелия осуществлялись жертвования в пользу итальянской молодежи и делались существенные подарки народу и армии. Несмотря на все кризисы, *принцепс* проявил почти расточительную щедрость: в семи подарках он выделил на человека ни больше, ни меньше, как 850 динариев. Так как он разными способами старался компенсировать денежными подарками непомерные требования на войну и снаряжение и облегчить с их помощью затруднительное положение городов и общин, были неизбежны обесценивание денег и деградация валюты, тем более, что войны Марка Аврелия не принесли существенных трофеев. Постоянно снижающийся вес и уменьшение чистого содержания металлов в монетах говорят сами за себя.

Если из более 320 юридических текстов эпохи Марка Аврелия, которые были переданы позднеантичными ко-

дексами, более половины относятся к проблемам женщин, детей и рабов, то это является не следствием правовой политики в пользу до сих пор обделенных групп лиц, а в первую очередь отражением конкретного бедственного положения, которое в этот момент требовало юридического урегулирования. Если при Марке Аврелии невероятно большое количество решений касалось вопросов опеки, то это не имеет ничего общего с гуманностью этого *принцепса*, а связано с быстрым увеличением случаев опеки над жертвами войн и эпидемий. Этим можно объяснить то, что Марк Аврелий ввел новую службу — *претору опеки*, которая должна была контролировать опекунов. Даже за *Орфицианским решением сената*, которое постановило, что дети могут наследовать умершей без завещания матери и за *Указом божественного Марка*, который постановил, что раб должен использовать в любой форме данное обещание о свободе, кроются соответствующие признаки кризиса.

В первый раз со времен Адриана при Марке Аврелии снова был поставлен вопрос о наследовании. Он омрачил последние годы его жизни, способ разрешения этой проблемы занимал все его мысли. *Принцепс*, несмотря на все старания и лучшие побуждения, оставался чужим для солдат. Он не смог добиться популярности, в лучшем случае только уважения. После смерти Луция Вера во время Маркоманнской войны важнейшие посты в государстве заняли два уроженца Сирии. Клавдий Помпеян родился в Антиохии и из всаднического сословия поднялся до наместника Нижней Паннонии. Ему фактически было передано руководство Маркоманнской войной. Вторым сирийцем был уже не раз упомянутый Авидий Кассий, который получил командование Малой Азией, Сирией и Египтом.

У Марка Аврелия и Фаустины было 13 детей, из них претендовать на принципат мог только родившийся в 161 г. н. э. Коммод, но он уже с ранних лет проявил себя полностью непригодным, и этим, видимо, объясняется

выдвижение Авидия Кассия; по-другому едва ли можно обосновать странное поведение этого опасного узурпатора. Судя по всему, влиятельные круги из окружения *принцепса* намеревались после смерти Марка Аврелия сразу же провозгласить *принцепсом* лояльного и показавшего себя на деле Авидия Кассия. По всей вероятности толчком послужило ложное сообщение 175 г. н. э.

После ложного сообщения о смерти Марка Аврелия события приняли стремительный оборот, и Авидий Кассий был провозглашен *принцепсом*, а Марк Аврелий обожествлен. Эти факты объясняются только тем, что Авидий Кассий исходил из ложных предпосылок. Впрочем, действия узурпатора ограничивались районом его командования на Ближнем Востоке, и когда окружение Кассия узнало, что узурпация не нашла отклика в остальных частях империи, новый *принцепс* был убит. Марк Аврелий из-за этих событий прервал военные действия на Дунае и отправился вместе с Коммодом и большими подразделениями на Ближний Восток, чтобы там лично проверить находившийся под властью Авидия Кассия регион и укрепить свое положение. Прежде всего он проинспектировал Египет, Сирию, Малую Азию и Грецию, где в традициях Адриана продемонстрировал свою заботу о греческих городах, особенно Афинах.

На этом основании становится понятным решение Марка Аврелия постепенно готовить своего сына Коммода к наследованию принципата. В конце 176 г. н. э. Марк Аврелий и Коммод отпраздновали совместный большой триумф по поводу победы над германцами и сарматами и после щедрых подарков среди общей эйфории Коммоду 1 января 177 г. н. э. было дано имя Август. На этом концепция адоптивной империи была окончательно отброшена, родственные чувства оказались сильнее, чем идеология усыновления лучшего. В решении в пользу Коммода речь идет о второй тяжелой последствиями личной ошибке Марка Аврелия. Как и в случае с Луцием Вером, на-

следником был назначен непригодный для этого человек. Оба неправильных решения основывались на чувствительном и мягком характере Марка Аврелия.

Известно, что Марк Аврелий с ранней юности был увлечен философией. Если считать его стоиком, то нужно учесть, что учение стоиков в течение долгого духовно-исторического процесса давно уже стало родом популярной философии. Ее постулаты подчеркивают ирревалентность внешних вещей и форм и на первое место ставят внутреннее развитие и самовоспитание человека. Марк Аврелий полностью погрузился в этот мир, даже внешне. Он носил бороду, иногда мантию философа, часто спал на полу и придерживался строгой аскезы. Рефлектирующая натура Марка Аврелия развивалась под влиянием хороших учителей. *Справедливейшим* назвал его однажды в шутку Адриан, и ригористичность его усилий над самим собой отражают его «Самосозерцания».

Эти записки первоначально не были предназначены для публикации и философского использования и с этой точки зрения могут быть поставлены в один ряд с признаниями Августина. Они лучше всего раскрывают углубленного в себя человека и того римского правителя, который был в состоянии установить относительный характер всего сущего и обладал сильнейшим осознанием масштабов человеческой деятельности и переменчивости происходящего: «По каким крошечным комочкам земли ты ползеешь?... Азия, Европа — закоулки мира, целое море для мира — капля, Афон комочек в нем, все настоящее точка в вечности. Все ничтожно, изменчиво и преходяще». Подобное же осознание бренности он выразил во фразе: «Близко то время, когда ты всех забудешь, и все забудут тебя».

С этим знанием связано понятие о равенстве всех людей. Но естественно, что в античном понимании это было равенство свободных, равенство членов культурного человечества. Из понятия этого равенства родилась личная

идея государственности: «Я представляю себе государство, в котором власть равномерно распределена, которое управляется принципами равенства и свободы слова и такой монархией, которая превыше всего уважает свободу подданных».

«Самосозерцания» представляют собой призыв к себе, призыв к самообладанию, которого Марк Аврелий достиг. Заключительное слово этого духовного дневника звучит так: «Человек, ты был гражданином этого великого града. Не все ли тебе равно, 5 лет или 3 года? Ведь повиновение законам равно для всех. Что же ужасного в том, если из града отсылает тебя не тиран и не судья несправедливый, а та самая природа, которая тебя в нем поселила? Так претор отпускает со сцены принятого им актера. — «Но ведь я провел не пять действий, а только три». — «Вполне правильно. Но в жизни три действия — это вся пьеса. Ибо конец возвещается тем, кто был некогда виновником возникновения жизни, а теперь является виновником ее прекращения. Ты же ни при чем, как в том, так и в другом. Уйди же из жизни, сохраняй благожелательность, как и благожелателен тот, кто отпускает тебя» (Аврелий М. Ростов н/Д., 1991. Пер. Рогозина С. Н.)

Исторический образ Марка Аврелия сформировался под влиянием двух совершенно противоположных впечатлений. «Самосозерцания» показывают внутренние испытания стоического философа и стали любимым чтением Фридриха Великого, а четырехметровая конная статуя на Капитолийском холме, одна из самых известных римских конных статуй вообще, воплощает *власть* повелителя и полководца. Можно ценить философа, восхищаться человеком, но нет никаких оснований идеализировать *принцепса*.

Безусловно, требовалась необыкновенная сила характера и твердость, чтобы, несмотря на цепь катастроф, добиться успешной защиты империи, тем более, что Марк Аврелий не был обучен военному ремеслу и не был под-

готовлен к руководящим функциям этого рода. Если он и пользовался успехами таких полководцев, как Помпей, Пертинакс и Авидий Кассий, все равно ответственность за защиту империи лежала на нем одном. Здесь, как и в других сферах внутренней политики, итог его правления безусловно позитивный.

Но ему противостоит совершенно неудовлетворительное решение личных проблем по управлению. Если Римская империя могла выдержать малопригодного *принцепса*, то именно при Марке Аврелии произошло историческое испытание адоптивной империи. Он виноват в том, что этот институт не сработал именно в тот момент, когда речь шла о том, чтобы во главе государства поставить действительно достойнейшего. Он виноват в том, что к внешнему кризису империи добавился еще и внутренний.

Хотя Коммод до своего прихода к власти достаточно долго находился рядом с отцом, он не продолжил руководимые Марком Аврелием операции и не перенял стиль его правления. Но было бы неверно видеть в действиях нового *принцепса* новую концепцию принципата. За его решением прервать сражения на Дунае вряд ли кроется реалистическая оценка потенциала империи. Экономия ее сил никогда не интересовала Коммода даже позже.

С другой стороны, нет никаких оснований драматизировать тот факт, что ненадежный молодой *принцепс* присоединился к тем, кто теперь выступал за прекращение наступлений. Ибо в основном сохранился *status quo* на Дунайской границе, хотя римские форпосты были убраны и пограничным соседям выплачены субсидии. То, что от Коммода не следовало ждать военных и внешнеполитических инициатив, проявилось уже здесь. Там, где при его правлении случались небольшие нападения на римскую пограничную зону, как в Британии (около 184 г. н. э.), на верхнем Рейне, где в 187 г. н. э. был расквартирован Страсбургский легион, в Дании и в Испании, местные ко-

мандующие принимали успешные оборонительные меры. Сам Коммод довольствовался тем, что еще в 180 г. н. э. отпраздновал новый триумф за победу над дунайскими народами, а пять лет спустя принял победное имя Британик. После его возвращения в Рим пограничные войска больше никогда его не видели.

Внутренней политикой Коммод тоже не интересовался. Внутри империи царил в чистом виде режим фаворитов, сопровождающийся расточительностью и коррупцией. Соперничество придворных и их борьба за власть быстро привели к состоянию, близкому к анархии. Причем Коммод, естественно, не покрывал своих креатур. Так, он отказался от Перенна, властолюбивого представителя всаднического сословия, который с 182 по 185 г. н. э., будучи преторианским префектом, был влиятельнейшим человеком. Это произошло, когда в Рим прибыла большая делегация от британских легионов и выдвинула обвинения против Перенна. Префект был низложен и убит.

Но и его преемника Клеандра постигла не лучшая участь. Как фригийский раб, он когда-то был продан в Риме и благодаря должности камердинера стал влиятельнейшим человеком в государстве. Когда в 189 г. н. э. начался голод, Клеандр тоже был принесен в жертву римскому плебсу. Последней упряжкой, определяющей курс приблизительно с 191 г. н. э., были опять камердинер Элект, преторианский префект Лет и любовница принцепса христианка Марция.

Совершенно очевидно, что подобное правление не пользовалось никаким авторитетом, и гвардия держалась в узде только благодаря постоянным знакам благосклонности и уступчивости. Уже в 182 г. н. э. сестра принцепса Луцилла и Уммиций Квадрат задумали восстание против Коммода. Однако заговор потерпел неудачу, и так как в нем участвовал целый ряд сенаторов, то преследование Коммода обрушилось на тех сенаторов, которых хронически недоверчивый принцепс считал своими врагами. Как

у Калигулы и Нерона, у Коммода страх сочетался с переоценкой собственной личности и патологическим поведением.

Расточительность двора и государственные трудности, не устраненные новыми конфискациями и налогами, быстро привели к бесхозяйственности. Уже в 180 г. н. э., например, цены на зерно в Египте повысились в три раза. Ни реорганизация флота, перевозящего зерно, ни другие меры ничего не изменили в течение кризиса. Стабилизация экономики и валюты не удалась, рабы, вольноотпущенники и придворные Коммода не были на это способны.

Надпись из Северной Африки свидетельствует о неудовлетворительном состоянии повседневной жизни населения. Это обращение к *принцепсу* говорит о бедственном положении простых колонов. Умоляющим тоном обращаются мелкие арендаторы к повелителю: «Приди нам на помощь и, так как мы, бедные крестьяне, зарабатывающие на хлеб собственными руками, не можем противостоять арендатору перед твоим прокуратором, который благодаря щедрым подаркам пользуется у них доверием, сжалуйся над нами и удостой нас своим священным ответом, чтобы мы не делали более того, что нам положено по постановлению Адриана и по письмам твоим прокураторам..., чтобы мы, крестьяне и возделыватели твоих доменов, по милости твоего величества больше не тревожились арендаторами». В своем ответе Коммод выразил беспокойство «чтобы не требовалось того, что нарушает основной статут».

Если там ограничились просьбами, то в других местах такие обстоятельства давали повод для восстаний. В Южной Галлии общественное недовольство возглавил дезертир Матерн. Он провозгласил себя императором, правда, после этого был изгнан из Галлии, однако в 186 г. н. э. продолжил в Италии бандитскую войну, пока не был пойман и казнен.

Среди этих кризисов и нужды Коммод вел роскошный образ жизни. Если его отец был проникнут глубочайшим чувством долга и мучился угрызениями совести, то Коммод не имел никакого понятия о таких побуждениях. Зато он был одержим своим *благородством*. Как первый порфиородный правитель, он считал, что для него нет никаких рамок, что он вправе требовать высочайшего почтения. После заговора Луциллы, когда придворные внушили ему, что он лучше защитит себя от дальнейших покушений, если меньше будет показываться на людях, он безвылазно жил в своем дворце.

В первые годы его правления на монетах государственного монетного двора изображались традиционные государственные боги, прежде всего Юпитер, Минерва, Марс и Аполлон, а также ввиду любви правителя к восточным богам Сарапис, Изиды и Кибелы. У Юпитера появилось новое прозвище *Победительный*, за чем последовало, что и Коммоды приветствовали как *Победительного*. Одновременно, как и во времена Траяна, прославлялась вечность Рима, счастье нового века — *счастье времен и счастье века*. В своем собственном счастье Коммод был так уверен, что включил в свой титул новый элемент *счастливым*.

В отличие от того, что последовало позже, начало правления можно назвать умеренным. Но все резко изменилось, когда Коммод после смерти Клеандра решил сам руководить политикой. Во всяком случае, он отказался от затворничества во дворце и перестал скрывать свои монархические претензии. В этой связи употреблять понятие «абсолютизм» было бы ошибкой.

Болезненный характер приняли теперь переименования и раздача новых названий, чем очень увлекался Коммод, и это лишний раз говорит о том, что он считал империю своей собственностью. Так, в 190 г. н. э. исчезло название Рим, город стал называться *Колония Коммодиана*, римский сенат — *Коммодианов сенат*, к тому же все

легионы должны были носить имя Коммода. Особенно удачное решение пришло в голову правителю по поводу названия месяцев. Свое имя и титулы он довольно часто менял и получилось, что они теперь состояли из 12 элементов, поэтому было проще и целесообразнее сменить старые названия месяцев на двенадцать новых: Луций, Элий, Аврелий, Коммод, Август, Геракл, Римский, Победительный, Амазонский, Непобедимый, Счастливый, Пий.

Рука об руку с усилением внешних форм шло пренебрежение старыми традициями. Так, *принцепс* часто стал появляться в шелковых и пурпурных одеждах, как жрец Изиды он участвовал в процессиях этого культа с гладко выбритой головой и выставлял себя перед богами рабом. В то время, как гладиатор в глазах римлян считался презренным и деклассированным, Коммод видел в нем жизненный идеал. Охоту он превратил в побоище, геракловы представления свел до абсурда.

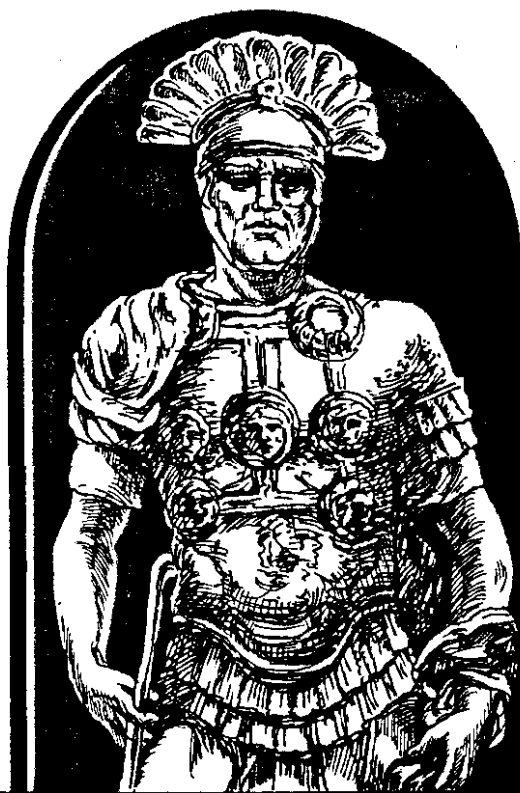
При всем его уважении к различным восточным богам на первом месте в заключительной фазе его правления стоял Геракл. Он хотел быть римским Гераклом, противоположностью греческого бога. Так, на монетах и медальонах Коммод был в шлеме с изображением львиной морды, перед ним всегда несли львиную шкуру и палицу, эти реквизиты лежали на его кресле, когда он сам не принимал участия в официальных церемониях. Если мифологический Геракл победил чудовище, то Коммод равнялся на него на свой манер. Он приказал выловить римских калек, нарядить их гигантами, а потом убивал их палицей, как он это проделывал с дикими животными в цирке.

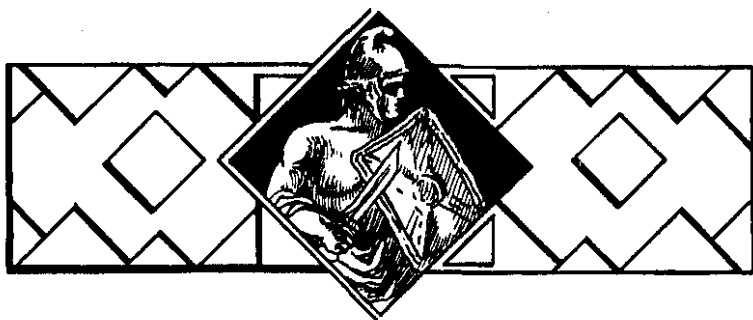
Все, что скрывалось за подлинной сноровкой *принцепса*, заслонялось этими эксцессами. Они, в конце концов, могли ужасать даже его ближайшее окружение. Когда Коммод заявил о своем намерении вступить в консулат 1 января 193 г. н. э. как гладиатор, его приближенные Мар-

ция и Эклект после неудачной попытки отравления приказали атлету задушить его 31 декабря 192 г. н. э. в ванне. Долго сдерживаемая ненависть вылилась в *проклятие памяти* убитого. Изображения Коммода были сброшены, а имя забито резцом. Однако в 197 г. н. э. Септимий Север связал себя с Коммодом, естественно, чтобы продемонстрировать после переломного момента 193 г. н. э. преемственность принципата. Он даже распорядился *обожествовать* своего предшественника.

Однако существует и современный апофеоз этого извращения. Коммода якобы нужно понимать, исходя из его «первозданного испанского характера», его стремления к примитивности, к новой форме религиозности, генотеистического синкретизма или «религиозного абсолютизма». Однако эти толкования так же малоубедительны, как и в случае с Калигулой или Нероном, так как они не отражают сущности исторического Коммода, того *принцепса*, который закончил династию Антонинов. Если в начале II в. н. э. тщательное идеологическое оправдание основало новую фазу принципата, и он был снова утверждён конструктивными достижениями новых *принцепсов*, то последний Антонин своими фантастическими эксцессами довел его до абсурда. Римского Геракла Коммода целый мир отделяет от геракловой идеологии Траяна. Хаос эпохи Коммода был вызван им самим, именно с него начинается в глазах современного ему историка Кассия Диона эпоха «железа и ржавчины», а, по Гиббону, начало «Упадка и падения Римской империи».

**Общественная
структура
Римской империи**

Рабы

Нет точных данных о количественном соотношении рабов к общему числу населения при принципате. В крайнем случае, нужно исходить из того, что соотношение в Италии, а также в других частях империи мало изменилось по сравнению с соотношением в августовскую эпоху. Тем не менее есть некоторые признаки, которые свидетельствуют, по крайней мере на региональном уровне, о сокращении числа рабов; однако в общем плане продолжала существовать преэмансипационность. Рабы оставались решающим фактором общественного и экономического устройства, как в Италии, так и в провинциях.

Вопреки недопустимым упрощениям, абстракциям и оценкам этого факта и вопреки выводам, которые были сделаны, исходя из них, об общей оценке римского общества, рекомендуется сразу же сделать ссылку на утверждение видного марксистского историка античности. Он подчеркивал, что термин «раб» был сначала юридическим понятием. «Этот термин констатирует, что один человек является собственностью другого человека или юридического лица, но не больше и не меньше. Он ничего не говорит о его положении в рамках общественных производственных отношений, ничего о его общественном положении, образовании, влиянии, способностях. Мы находим рабов в качестве сельскохозяйственных работников, осужденных преступников на рудниках, представителей ремесленных предприятий, расфранченных камердинеров у богатых граждан, надсмотрщиков за свободными наемны-

ми рабочими, полицейских, носителей щита легионера, в качестве проституток и влиятельных гетер, учителей, врачей, императорских советников и писарей, банкиров, землевладельцев, собственников рабов. Никто не будет серьезно утверждать, что все эти рабы принадлежат к одной группе людей с одинаковым местом в общественном производстве, с одинаковым отношением к средствам производства, с одинаковой ролью в общественной организации труда, с одинаковой долей в общественном богатстве, то есть, что они образуют один класс. Собственниками рабов могли быть император, сановник, гражданин, крупный землевладелец, крестьянин, солдат, зависимый земледелец, банкир, владелец мастерской, мелкий ремесленник и даже раб. Никто не будет серьезно утверждать, что все эти рабовладельцы образуют один класс.

Очевидно, что неправильно сводить основные противоречия античного общества к противоречиям между рабами и рабовладельцами». (Крайссиг Г. «Экономика и общество Селевкидского царства». Берлин, 1978).

Далее речь пойдет о положении, оценке рабов и об обращении с рабами при принципате, а потом подробнее будет сказано о реакции рабов и *принцепсов* на развитие событий. Но сначала нужно коротко остановиться на юридическом положении римских рабов. «Рабство — это институт права народов, по которому некто (вопреки природе) попадает под чужую власть». Так римский юрист во II в. н. э. определил институт рабства (Дигесты). По традиционным римским понятиям, раб был бесправен. Так как он, с одной стороны, находился *под властью* своего хозяина, а с другой — рассматривался как его собственность, его положение определялось диалектикой между лицом и вещью. Если сначала преобладала его оценка как субъекта, то при принципате однозначно преобладала его оценка как объекта собственности, и характер лица отступал на задний план. Например, никогда не подвергалось сомнению, что брак между рабами с точки зрения

частного права не имел никакого значения, родившийся от рабыни ребенок переходил в собственность хозяина матери; было совершенно немыслимо, чтобы раб выступал на гражданском процессе в качестве одной из сторон. Он мог просить расследования только у *принцепса*.

Основной проблемой в этой области с самого начала была забота о пополнении рабского потенциала, который, по оценке П. А. Бранта, в августовской Италии составлял приблизительно 40 % от общего населения. Тогда как старые исследования рассматривают в качестве источника такого пополнения только военнопленных, Макс Вебер утверждает, что «завоевательные войны Тиберия на Рейне» повлекли за собой истощение этого источника и этим в конце концов ослабили «культуру рабов».

Совершенно очевидно, что количество бывших пленных на работоторговческих рынках уменьшалось, так же уменьшалась доля взятых в плен путешественников и живущих недалеко от побережья свободных людей, обращенных в рабство пиратами и разбойниками. Наоборот, увеличивалось привлечение детей рабов, от которых ожидалось, что они как рожденные в доме рабы, будут особенно послушны; существенно возросло также число самообращения в рабство обедневших свободных людей. Доказаны случаи подкидывания свободнорожденных детей и продажа себя в рабство из-за нужды в Вифинии и Фригии. Короче говоря, можно утверждать, что внутри Италии при принципате число рабов уменьшилось. Однако это не отразилось на цене раба, как и раньше она была стабильной и в зависимости от квалификации, возраста, спроса и предложения составляла от 600 до 2 500 сестерциев.

В то время как уменьшалась доля рабов из областей по ту сторону границ Италии, число рабов из Германии и Эфиопии оставалось таким же небольшим, а вот эллинистический Восток, Греция, Фракия, Дакия, Северная Африка и кельтские районы Запада поставляли, как и рань-

ше, большое число рабов. Учитывая опыт поздней Республики, они больше работали не в этнически однородных группах, а в специально смешанных, структурированных только по квалификации и строго надзираемых маленьких группах.

В сельском хозяйстве положение рабов зависело от величины предприятия и от организации труда, а также и от их функций. Еще в I в. н. э. были закованные рабы, которые содержались в каторжной тюрьме и применялись только на более простых, физически тяжелых работах. Но имелись наряду с этим опытные пастухи, селекционеры мелкого рогатого скота, специалисты по выращиванию фруктов, винограда, по изготовлению оливкового масла, были и надсмотрщики за группами рабов и даже управляющие. Тем не менее положение сельскохозяйственных рабов оставалось тяжелым, несмотря на некоторое улучшение по сравнению с ситуацией во времена поздней Республики. Личные контакты с собственником были таким же исключением, как и освобождение.

Общее развитие аграрного сектора определялось прежде всего существованием обычных хозяйственных единиц и первую очередь загородных поместий (вилл) и мелкого производства, кроме этого, распространением крупных землевладений, которое в свою очередь привело к увеличению других форм несвободного труда, особенно к колонату. Уже во второй половине I в. н. э. у Колумеллы четко прослеживается убеждение, что раб является очень дорогостоящей рабочей силой и поэтому предпочтительнее вместо рабов применять колонов на второстепенных и не очень плодородных участках поместья. Очевидно, вопрос рабочей силы в сельском хозяйстве был не столько количественным, сколько качественным.

Гораздо разнообразнее была дифференциация деятельности, положения и перспектив на будущее у городских рабов. Избыточное применение домашних рабов различных видов само собой разумелось уже среди правящего

слоя поздней Республики. Домашнее хозяйство аристократа было немыслимо без педагогов, кормилиц, счетоводов, секретарей, камердинеров, поваров, прислуги за столом, привратников и их помощников и помощниц. Еще Сенека описывал эксцессы этой специализации: «Один разделявает дорогую птицу: тренированной рукой он уверенным движением вырезает лучшие кусочки из грудки и костреца; злополучен тот, что вынужден жить одной этой обязанностью — прилично разделявать откормленную птицу» («Письма к Луцилию»). Число квалифицированных и дисциплинированных домашних рабов определяло социальный престиж богатого человека, но и рабы пользовались статусом своего господина. Общее число рабов, занятых в домашнем хозяйстве римского аристократа, было различным. Например, городской префект Педаний Секунд в 61 г. н. э. имел в своем распоряжении 400 рабов, а консул 65 года н. э. Тит Статилий Тавр Корвин владел только 8-ю. Простая семья римского гражданина имела в своем хозяйстве одного или двух рабов.

Не только широкая сфера обслуживания, но и значительная часть рабской интеллигенции принадлежала к большому кругу домашних рабов: это были врачи, риторы, художники, актеры, танцовщики, музыканты, грамматики, стенографы, певцы, декламаторы и даже инженеры. Цена на таких специалистов была часто чрезвычайно высока.

Кельнский надгробный памятник флейтисту Сидонию и стенографу Ксантию II—III в. н. э. восхваляет способности, которые проявили молодые рабы на службе у своего господина:

«Посмотри на эту могилу,
если ты любишь песни и искусства,
и прочти наши достойные сожаления имена
на общем могильном камне.
Ведь мы оба молодые раба были равны по возрасту, а по
искусству — различны.
Я — Сидоний, который громко играл на двойной флейте».

«Это надгробное стихотворение, этот могильный алтарь, этот прах является могилой раба Ксантия, который был унесен ранней смертью. Он был обучен столько букв и слов записывать летящим карандашом, сколько могла произнести торопливая речь. Никто не превосходил его в чтении. Его господин вызывал его для записи под диктовку. Ах, ранней смертью он унесен, тот, кто один знал тайны своего господина» (Гальштерер Б. и Х. «Римские эпитафии из Кельна»).

Благодаря тесным личным контактам и доверительным отношениям с хозяевами у рабов этой категории была сносная участь. Т. Моммзен, правда, имел другое мнение: «Неотделимая от несвободы деморализация и чудовищное противоречие между формальным и нравственным правом были в той же мере свойственны как образованному или полуобразованному городскому рабу, так и сельскохозяйственному рабу, который подобно стреноженному быку в цепях обрабатывал поле» («Римская история». Берлин, 1904, с. 511).

Большая часть рабов была занята в ремесленном производстве, хотя и здесь существовала функциональная дифференциация: на этих работах мог применяться необученный раб в качестве простого помощника и опытный специалист, квалификация которого часто была выше, чем у хозяина. Он мог исполнять надзорные функции на средних предприятиях или в редких случаях управляющего на малых. Однако обычно такие обязанности выполняли вольноотпущенники. Для ремесленной отрасли был характерным тот факт, что рабы редко работали изолированно, а как правило, вместе с представителями других категорий низших слоев. Это же относилось и к производству товаров массового протребления и предметов роскоши.

В основном их существование определялось тем, что основные структуры производства в целом не изменились. Преобладали мелкие и средние предприятия, которые в

большинстве случаев были ориентированы на продажу товара самим собственником. Только в немногих сферах производства с большим спросом и высокими объемами проходили процессы централизации и слияние больших мастерских, например, в производстве *керамики* при изготовлении глиняных ламп и изделий из стекла или на мельницах и связанных с ними больших пекарнях.

У большинства ремесленников, мясников, портных, сапожников, столяров, кузнецов, ткачей, валяльщиков, красильщиков, маляров, каменщиков и прислуги будни определяла совместная работа свободного или вольноотпущенного мастера с ограниченным числом вспомогательной рабской силы. Получить небольшую собственность здесь было так же возможно, как и получить свободу, юридическое противопоставление свободных и рабов смягчалось тесными личными отношениями.

Тяжелые условия жизни были у рабов на рудниках и каменоломнях. Хотя регламентирующее законодательство, надзор прокураторов над сданными в аренду шахтами в провинциях препятствовал крайним эксцессам, хотя основная работа в горнодобывающей промышленности, например, в Дакии, выполнялась большей частью свободными специалистами, вся эта сфера производства оставалась тем вектором, где рабы теряли здоровье и жизнь.

Об условиях жизни рабынь при принципате существует мало заслуживающих доверия сведений. Очевидно, они дополнительно обучались для своих специальных обязанностей в домашнем хозяйстве или какому-либо ремеслу. В доме они, как правило, были служанками, парикмахершами, хранительницами гардероба и рассыльными, особенно уважаемыми были кормилицы. В остальном все текстильное производство находилось в их руках. Рабыни обрабатывали не только шерсть, они работали также прядильницами, ткачихами, портнихами, штопальщицами. Особенно ценились рабыни-врачи и акушерки.

Сексуальным злоупотреблениям со стороны собственника подвергались, как рабыни, так и рабы. Однако перед женщинами открывалась возможность получить свободу или даже выйти замуж. В качестве вознаграждения за рождение четвертого ребенка Колумелла отпускал на свободу рабынь, причем для детей решающим был правовой статус матери. Насколько последовательно применялось право собственности, показывает тот факт, что свободная римлянка, которая без ведома и согласия собственника вступала в половую связь с рабом, сама становилась рабыней.

Однозначно доказано, что рабыни на аукционе покупались собственниками борделей и принуждались к проституции. Более сорока римских борделей, кроме рабов, посещали представители низших слоев, а иногда и представители правящего слоя. Только Адриан выступил против злоупотреблений при продаже молодых рабынь в целях проституции.

Самой известной группой, связанной с системой рабства, были гладиаторы. При принципате давно была утеряна религиозная окраска гладиаторских боев, которые первоначально проводились в честь умершего. Еще Цезарь в 65 и 95 гг. н. э. провел бои сотен гладиаторских пар не только в память об умершем отце и тетке Юлии, но и чтобы завоевать популярность у римского *плебса*. Римские принцепсы вплоть до Траяна и ложного товарищества Коммода с римскими гладиаторами следовали ему. Гладиаторы в первую очередь набирались из военнопленных, рабов и преступников, а частично даже из свободных граждан, которые поддались захватывающему зрелищу на волне массовой истерии.

С одной стороны, гладиаторы не пользовались никакими общественными правами, с другой же — они были окружены ореолом победы на аренах среди десятков тысяч восторженных зрителей. Нередко гладиаторов так же боялись, как и любили. Их обучение и тренировки были такими же всесторонними, как и у современных спорт-

сменов: в гладиаторских школах работали высококвалифицированные мастера фехтования, опытные массажисты и врачи. Однако какой бы ни была увлекательной и волнующей жизнь гладиаторов, «люди хотят увидеть, как убийцы повергают других убийц, победителя сохраняют для новой резни: исход боев всегда смерть» (Сенека. «Письма к Луцилию»). Надпись из Вероны, которую посвятили жена и родственники убитого в своем восьмом бою двадцатитрехлетнего гладиатора, проливает свет на тот менталитет, с помощью которого гладиаторы пытались одолеть свою судьбу: «Я призываю вас придерживаться вашего гороскопа. Вы не должны доверять богине Немезиде; так я был введен в заблуждение».

Ввиду возрастающих административных компетенций, хозяйственной деятельности и задач по управлению имуществом *принцепса*, возросли функции рабов и вольноотпущенников в семье *Цезарей*. Из надгробных надписей известно более 4 000 рабов и вольноотпущенников *принцепсов*, причем четыре пятых этих надписей происходят из Рима и Италии. Наряду с различными специалистами по ведению домашнего хозяйства теперь образовалась большая группа рабов, занимающихся управленческой и экономической деятельностью. Из одной римской надписи мы знаем, что Музик Скурран, раб Тиберия, занимал ответственное положение, работая кассиром в *налоговом управлении* в галльской провинции, располагал целым штатом, состоящим из 16 помощников (раб раба): делопроизводитель, ответственный за поручения, врач, два камердинера, два повара, два специалиста по серебру, один по одежде, три секретаря, два посыльных и одна дама без профессии. Само собой разумеется, что такой круг не был правилом для всех рабов администрации *принцепса*, но он показывает, какого влияния и уважения могли достичь рабы этой группы. Кульминацией для этого развития является неизвестный по имени раб из Смирны, который при Домициане под-

нялся до должности финансового секретаря в центральном управлении *принцепса* и в конце концов получил ранг римского всадника и женился на Этруске, женщине из правящего слоя, сестре консулара.

Другая группа рабов *семьи принцепса* руководила предприятиями, созданными на его средства и обслуживающими его семью, и на таких, которые производили товары не только для *семьи* принцепса. Вложение капитала в ремесленное производство было, по данным имеющихся исследований, довольно редким явлением. Однако чем больше возрастало число созданных самим *принцепсом* предприятий, особенно кирпичных заводов и каменоломен, тем заметнее повышалось число занятых на них рабов и вольноотпущенников.

Если обращение с рабами при принципате по сравнению с поздней Республикой в целом улучшилось, так это произошло в первую очередь на основании собственных интересов рабовладельцев, которые уже давно убедились на опыте, что от здорового, мотивированного к работе и надежного раба можно получить большую пользу, чем от того, кого принуждали силой.

Сравнение трех классических авторов, которые писали о сельском хозяйстве, делает это более понятным. Катон ратовал за то, чтобы старого и больного раба, как излишнее имущество, продавали; однако он, как холодный математик, рекомендовал придерживаться принципа рентабельности, отказаться от бессмысленной эксплуатации, советовал надзирать за рабами и применять вознаграждения и наказания: «Рабу не должно быть плохо: он не должен дрожать от холода и голодать. Он (управляющий поместьем) с помощью работы должен заставлять их постоянно двигаться; этим он легче предотвратит воровство и злые поступки. Если управляющий имением не хочет, чтобы они делали что-нибудь дурное, они не будут этого делать. Если же он это допускает, хозяин поместья не должен оставлять это без наказания. За хорошее управление

он должен получать вознаграждение, чтобы другие тоже захотели хорошо работать» («De agri cultura» 5,2).

Другой античный автор, Варрон, который писал во времена Цезаря после больших восстаний рабов, в отличие от практика Катона был научным систематиком и теоретиком. Он считал, что нужно вызывать интерес и усердие раба обходительностью и великодушием. Во многом ему следовал Колумелла, современник Сенеки: «С рабами нужно соблюдать следующее, и я не раскаиваюсь в том, что это соблюдал: что я со своими сельскохозяйственными рабами, поскольку они хорошо себя вели, разговаривал в непринужденной манере, как с городскими рабами, и так как я заметил, что подобная дружелюбность господина облегчала продолжительную работу, я даже шутил с ними и, более того, разрешал шутить им. Нередко я обсуждал с ними какие-нибудь новые планы, как будто бы у них было больше опыта, этим я подчеркивал их ум и сообразительность. Я понял также, что они охотнее исполняли работу, если считали, что она была задумана вместе с ними и осуществлялась по их совету. По поводу остальных мер все предусмотрительные собственники придерживаются единого мнения: что они держат рабов в запертом помещении, проверяют, хорошо ли они привязаны, достаточно надежно ли место их содержания, не заковал или расковал раба управляющий без ведома хозяина, чтобы управляющий раба, на которого хозяин наложил такое наказание, не освобождал его без разрешения от кандалов, и чтобы он раба, которого заковал сам, не освобождал прежде, чем хозяин об этом узнает. Хозяин должен заботиться, чтобы такие рабы не были обделены одеждой, потому что они, с одной стороны, подчинены многим людям, таким, как управляющий, главный раб и запирающий раб и, более того, могут подвергаться несправедливому обращению, а с другой — их нужно больше опасаться, если они пострадали от жестокости или корыстолюбия. Поэтому заботливый хозяин спрашивает у них

или у незакованных рабов, которым можно больше доверять, все ли они имеют в своем распоряжении, лично убеждается в безупречном качестве хлеба и питья, проверяет их одежду и обувь. Также он должен чаще давать им возможность жаловаться на тех, кто плохо с ними обращается или из жестокости, или из корыстолюбия. Со своей стороны я помогаю тем рабам, которые высказывают справедливые жалобы, и наказываю тех, кто натравливает челядь и грубит своему господину, также я вознаграждаю тех, кто усердно и хорошо работает. Многодетных рабынь, определенное число детей которых требует уважения, я освобождаю от работы, а иногда даже дарю свободу. Если рабыня имеет трех детей, она освобождается от работы, если больше, то получает личную свободу. Такая справедливость и забота господина содействует увеличению состояния» («De re rustica» 1,8,15 ff).

В знаменитом 47-м письме к Луцилию Сенека пытается придать относительный характер принадлежности к сословию раба: «Это рабы, но еще и люди. Это рабы, но еще и друзья из скромного сословия. Это рабы, но и твои собратья, так как ты должен думать, что свобода и несвобода зависит от власти судьбы». Учитывая опыт падения власть придержащих и, наоборот, взлет рабов до положения богатого человека, Сенека предостерегает проявлять неуважение к человеку того сословия, в которое в любое время может попасть его собеседник. Вместо этого он рекомендует корректное дружелюбие и мягкое обращение с рабами и подчеркивает общность человеческого существования, которое свойственно как господину, так и рабу: «Человек, которого ты называешь рабом, произошел из того же семени, ходит под тем же небом, дышит, живет и умирает, как ты».

За возвышением раба следовало расширение понятия раба и, наконец, вывод: «Он Раб! Но, может быть, свободный дух. Он раб! Может ли ему это повредить? Покажи мне человека, который бы им не был! Один — раб сладос-

трастия, другой — алчности, третий — честолюбия, однако все слуги надежды и рабы страха. Я могу назвать бывшего консула рабски покорного старой женщине, богатого человека, который является рабом молодой служанки, юношей благородного происхождения, являющихся рабами балетных танцоров: никакое рабство не может быть постыднее, чем это добровольное! Не дай запугать себя этим высокомерным господам, не возгордись, будь дружелюбным к своим рабам: они должны уважать тебя, а не бояться!»

В третьей книге своего труда *«О благодеяниях»* Сенека указывает на то, что рабы тоже могут оказывать благодеяния и приводит ряд примеров верности рабов во времена поздней Республики. Образцовое поведение рабов по отношению к находящимся в опасности хозяевам во времена проскрипций 43 г. до н. э. уже давно вохвалялось Аппианом Валерием Максимом, а в поздней античности Макробием в его *«Сатурналиях»*. Эта верность проявлялась в молчании под пытками, а также в той последней услуге, которую рабы оказали Гаю Гракху и Гаю Кассию по их предсмертному желанию, так называемую траурную услугу. Однако какими бы импонирующими ни были эти примеры, было бы иллюзией считать это нормой поведения рабов. Нормой не были и советы Сенеки.

Письма Плиния Младшего являются другим важным источником информации об отношении римского господствующего слоя к рабам. Они представляют ценность, потому что в них выражает свои мысли не только боязливый, неуверенный и заурядный человек, но и тот консуляр, который в своем *«Панегирике»* так сильно акцентировал внимание на нормах и категориях «гуманитарной империи» Траяна. Как и Цицерон в случае с Тираном, Плиний Младший проявляет беспокойство по поводу болезни вольноотпущенника Зосима, близкого ему актера и декламатора.

Болезни и смерти среди его рабов глубоко волновали Плиния. Он успокаивал себя тем, что великодушно от-

пускал рабов на свободу и позволял им «сделать нечто вроде завещания...», они распоряжались тем, что им дорого, и я считал это поручением и всегда исполнял. Они распределяли, дарили, оставляли, — однако Плиний оговаривает, — само собой разумеется внутри *дома хозяина*, так как для рабов *дом* хозяина в некоторой степени государство и, так сказать, их община».

Личный опыт в собственном поместье и случай с заносчивым преторианцем Ларуцием Мацедоном, который был убит своими рабами, наглядно показали Плинию проблематику подобающего обращения с рабами. Он понимал, что за доброе и мягкое отношение к ним он заплатил потерей авторитета и констатирует в письме к Ацилию: «Ты видишь, каким опасностям, унижениям и издевательствам мы подвергаемся, и никто не может считать себя в безопасности, потому что он снисходительный и мягкий хозяин; раб, убивающий своего господина, не делает никакой разницы, а грубо принимается за дело».

У Плиния особенно четко проявляются неразрешимые внутренние противоречия между институтом рабства и собственными выводами. По его глубокому убеждению, дома он действительно применял распропагандированные им нормы нового века Траяна: человечность, умеренность, равенство, справедливость. Однако ни это исликодушное поведение, ни благодеяния не спасли его. Он снова ссылается на трудности, которые возникают перед владельцем поместья из-за применения подневольной, неквалифицированной или дорогой рабочей силы. Даже применение колонов (мелкий арендатор) не решило эту проблему, оно привело к потере части имущества. В своей переписке с Траяном он часто возвращается к проблеме рабов в черноморских провинциях, к правовым вопросам подброшенных детей и к строго запрещенному, но практикуемому подсовыванию рабов в качестве рскрутов и к тем трудностям, которые возникают в империи из-за института рабства.

Если посмотреть на обращение с рабами римского правящего слоя вообще, то нельзя переоценивать значение литературных призывов и рекомендаций, но нельзя и обобщать акты бесчеловечности рабовладельцев. Совершенно очевидно, что хорошее обращение с рабами больше способствовало покорному принятию их статуса, чем постоянное давление и строгий надзор.

Проблемы надзора и рентабельности не давали передышки рабовладельцам. Мотив страха, который выражен у Сенеки впечатляющей формулировкой *«сколько рабов, столько врагов»*, не преодолен даже у Плиния Младшего. Гуманность приобрела лишь скромные размеры. Институт рабства, как таковой, не раз ставился под сомнение Сенекой, который считал, что оно носит такой же относительный характер, как и раннее христианство.

Христианство с самого начала было тесно связано с реальностью рабства и, очевидно, сильнее, чем другие существовавшие тогда религии. Иносказания евангелистов подтверждают это так же, как тот факт, что Христос на кресте принял рабскую смерть, и что Мария позже почиталась, как *«раба Божья»*. К тому же в раннем христианстве под влиянием еврейских представлений христиане понимали себя, как «рабов Божьих». Так как Павел называл себя рабом Христовым и рабом Божьим, Ю. Фогт сделал вывод, что понятие «раб» стало самообозначением христиан.

Тем не менее для раннего христианства оставался абсолютный приоритет веры, а также религиозного статуса, а не социального, этнического или политического, как это сформулировал апостол Павел в послании к Галатам: «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника, нет ни свободного, ни раба; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (3,26—28). Приобретение нового религиозного качества могло повлечь за собой и изменение социального

качества, однако это было вторичным. То, что ожидания христианских рабов не всегда осуществлялись, так же понятно, как и соблюдение Павлом социальных и правовых категорий империи. Как свидетельствует его послание к Филимону, он отослал владельцу Филимону бежавшего раба-христианина Онисима. Еще однозначнее формулирует это Павел в 1-м послании к коринфянам: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся, но если ты можешь сделаться свободным, то лучше воспользуйся» (7,20—21). В послании к Ефесеянам рабы и хозяева увещаются одинаково: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божью от души, служа с усердием, как Господу, а не как людям, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими есть на небесах Господь, у которого нет лицепрятия».

Высказывания Павла оставались определяющими для раннего христианства. Игнатий, епископ Антиохийский, который принял мученическую смерть в Риме в 115 г. н. э., пишет Поликарпу, епископу Смирнскому: «Не обращай высокомерно со своими рабами и рабынями! Но они тоже не должны возгордиться, а должны оставаться рабами во славу Господа, за что они получают от Бога свободу». Отрывок из *«Божественных наставлений»* Лактанция (начало IV в. н. э.) доказывает, что христианам бросали упрек в том, что они не осуществляют того равенства, которое проповедуют: «... противники говорят: но и у вас есть господа и рабы; так как же тогда с равенством?» Ответ гласит: нет другого обоснования тому, что мы называли друг друга братьями, чем то, что мы все по нашему понятию равны. Мы все человеческие существа разделяем не по

плотскому, а по духовному признаку, т. к. сущность плоти различна, а поэтому для нас нет рабов, и мы считаем и называем их братьями по духу».

Абсолютно анахронично ожидать от раннего христианства революционных преобразований общества и, основываясь на равенстве в вере, постулировать реализацию равенства во всех земных вещах. И все же большая доля рабов и вольноотпущенников в раннехристианских общинах — прежде всего ремесленников, торговцев и других представителей среднего слоя — доказывает, что это равенство в вере притягивало рабов. «Упреки в социальной низменности раннего христианства» (Ю. Фогт) вплоть до Юлиана Отступника постоянно возрастали, христианство считалось религией рабов, вольноотпущенников, представителей презренных профессий (сапожников, валяльщиков, шерстянщиков), а также старых женщин и детей. Если многие епископы мира были вольноотпущенниками, если бывший раб Каллист стал епископом Рима (217—222 гг. н. э.), то это по крайней мере доказывает, что в раннехристианских общинах не было дискриминации рабов, тактическое исключение рабов из епископства является следствием возникновения церковной иерархии с середины III в. н. э. и не в последнюю очередь следствием возведения епископов Константином в аристократическое сословие.

Наконец, нужно особо подчеркнуть, что все высказывания христианских авторов по поводу положения рабов относились исключительно к христианским рабам.

Как ни велик сегодня интерес к артикуляции низших слоев, возможности понять чувства, реакции и менталитет рабов невелики. Оба известнейших автора-раба Публий Сир и Федр разочаровывают так же, как и надписи. Прибывший в Рим из Антиохии Публий Сир во времена Цезаря являлся мимом и автором. Он был отпущен на свободу и прославился своими простыми сентенциями, которые, начиная с Эразма, много переводились и издавались. Проис-

ходящий из Македонии Федр, вольноотпущенник Августа, который потом преследовался Сеяном, известен по своим басням о животных в стиле Эзопа, которые объединяли беседу с моралистическими поучениями.

Более недвусмысленно говорят события и факты. Вследствие систематической политики Августа по стабилизации и его гарантий существующих отношений собственности, при принципате было мало больших восстаний рабов. Создание военных постов в Италии, защита от разбойников и беглых рабов, облавы на эти группы, а также юридические и административные меры *принцепсов* содействовали стабилизации положения.

Первое большое восстание рабов в 24 г. н. э. было спровоцировано бывшим преторианцем в районе Брундизия. Его подавили флотом и гвардейскими формированиями. Из одной сильно испорченной надписи следует, что Южная Италия, особенно Апулия и Калабрия, в последующие годы была очагом волнений рабов, хотя до больших восстаний дело не дошло. По данным Тацита, Клавдий и Нерон тщательно наблюдали за движениями рабов в Южной Италии. Однако, кроме попытки гладиаторов в Пренесте в 64 г. н. э., которая, естественно, напомнила о Спартаке, о других крупных восстаниях рабов в первые два десятилетия нашей эры ничего неизвестно.

Вместо этого рабы участвовали в большом числе смут года четырех императоров и в различных региональных беспорядках. Так нужно понимать мобилизацию рабов восставшим Симоном бар Гиора в 67 г. н. э. в *Иудее*, беспорядки, вызванные Лженероном на острове Китнос, восстание бывшего флотоводца Аницета в *Понте* 69 г. н. э. вместе с другими недовольными и рабами в том числе. Тот же потенциал был задействован в *войне дезертиров*, которую развязал в 186 г. н. э. дезертир Матерн в Галлии и Верхней Германии.

Ввиду больших размеров империи общее число восстаний рабов в первые два века крайне незначительно. В

этот отрезок времени преобладало бегство отдельных рабов, которые в большинстве случаев могло казаться перспективным потому, что в аграрном секторе царил дефицит рабочей силы, и потому, что многие землевладельцы отказывались давать разрешение на поиски бежавших рабов в своих имениях. Появление профессиональных ловцов беглых рабов показывает, что попытки рабовладельцев получить назад беглого раба, как правило, терпели неудачу и что на этот факт не могло повлиять назначение вознаграждения за донос, которое доходило до 500 сестерциев. Очевидно, наместники и магистраты неохотно занимались этим сектором, так что Марк Аврелий в конце концов был вынужден усилить государственные средства. Однако принесла ли его инициатива успех, неизвестно.

Тем не менее, в принципе претензии рабовладельца на беглого раба были признаны, и налагался штраф на тех, кто не заявлял о чужом беглом рабе или пользовался им. Если беглого раба ловили, тому следовало ожидать сурового наказания от собственника: от порки, клеймения, заковывания в кандалы и содержания в тюрьме до распятия на кресте.

Римские *принцепсы*, начиная с Августа, всегда считали себя гарантами социального порядка. Их инициативы при этом шли в разных направлениях. Приоритет прежде всего имели защита собственности и соблюдение действующего права, и это осуществлялось всеми имеющимися в распоряжении средствами. Характерным примером служат уже упомянутые события 61 г. н. э., о которых сообщает Тацит: тогда городского префекта Педания Секунда, который был консулом 43 г. н. э., вероятно, по личным мотивам убил его раб. В соответствии с *Силанианским решением сената*, вынесенным в августовское время, которое несколько лет спустя было еще раз ужесточено, все рабы, а у Педания их было около 400, которые находились под одной крышей, должны были

подвергнуться казни. Когда стало известно об этом намерении, в Риме дело дошло до волнений. Это событие обсуждалось сенатом и Тацитом в диалектике между связью институтов и законов предков, с одной стороны, и приспособления старых норм к правовым нормам настоящего — с другой.

Случай был вызывающим потому, что *городской префект* после консула был высшим сенаторским должностным лицом столицы и отвечал именно за поддержание покоя и порядка, в широком смысле слова, он был также апелляционной инстанцией для рабов, подвергшихся издевательствам. В изложении Тацита приведена решающая аргументация строгого применения действующего права видным юристом Гаем Кассием Лонгином: «Должны ли мы собирать доказательства по тому делу, по которому мы уже приняли решение? Однако предположим, что мы вынесли решение по нашему случаю, не принимая во внимание более закон. Верите ли вы, что раб задумал план убийства, не произнеся ни одного угрожающего слова, не обнаружив невольно своего намерения? Но мог ли он действительно не выдать себя, мог ли он без ведома других достать оружие, мог ли он миновать стражу, мог ли он открыть дверь спальни, зажечь свет и совершить убийство без того, чтобы кто-нибудь об этом не узнал? Грозящее преступление обнаруживает себя разными способами, и если умрут рабы, которые не сообщили об этом своему господину, мы сможем жить среди рабов, сможем быть спокойными среди тех, кто перед нами дрожит, сможем отомстить тем, кто покушается на нашу жизнь. Наши предки не доверяли взглядам своих рабов, даже если они родились на их земле и в их доме, и с молоком матери впитали любовь к своему господину. Мы же теперь имеем среди наших рабов людей, имеющих другие обычаи, другую религию или вообще никакой. Такой набранный без разбора сброд держать в узде может только страх. Но должны пострадать и невинные! Если

мы за убитого господина убьем каждого десятого человека, то жребий падет не только на труса, но и на смелого. Каждое общее определение включает в себе несправедливость, но жалость, которую вызывает отдельный человек, будет возмещена пользой в интересах всех нас».

Против рассуждений Кассия не выступил ни один человек, но сбивчивые голоса звучали все громче. Люди выражали сочувствие по поводу числа, молодости, пола, несомненной невинности многих жертв. Но верх взяла партия, которая была согласна со смертной казнью. Однако исполнение ее было невозможно — народ стоял плотной массой и угрожал градом камней и поджогом. Так как *принципс* издал осуждающий граждан эдикт, вся улица, куда были приведены приговоренные, была заблокирована солдатами. Цингоний Варрон внес предложение выслать из Италии также и вольноотпущенников, которые находились под одной крышей с убитым. Однако *принципс* не дал на это согласие. «Древнее право не было сохранено из-за сочувствующих порывов, но и не было отягощено жестокими прихотями» (Тацит. «Анналы», 14,44—45).

С другой стороны, римские *принципсы* стремились прекратить эксцессы обращения с рабами с помощью законодательства и отдельных указов. Как уже упоминалось нами, при Тиберии судебной инстанцией для разбирательства жалоб на плохое обращение с рабами был городской префект. Рабы могли по крайней мере добиться продажи другому хозяину. Кроме того, было принято, что подвергшиеся мучениям рабы приносили свои жалобы к статуям *принципсов* или просили убежища в храмах. Во II в. н. э. *принципсы* предприняли прямое вмешательство в права рабовладельцев. Так, Адриан сослал на пять лет богатую Умбрицию за то, что она плохо обращалась с рабами, а Антонин Пий в своем рескрипте к проконсулу провинции *Бетика* Элию Марциану высказал следующее:

«Власть хозяев над их рабами должна быть полностью

признана, и никто не может отнять это право хозяев. Однако интересы хозяев заключаются в том, чтобы им было не отказано в помощи против жестокости, голода и вопиющей несправедливости, на которую они вправе рассчитывать. Поэтому пойдя навстречу жалобам тех, кто из дома Юлия Сабина убежал к статуе. И если ты выяснишь, что с ними обращались хуже, чем того требует справедливость, и что они подверглись несправедливости, прикажи продать их так, чтобы они не вернулись под власть Сабина. Если он воспротивится моему распоряжению, то он должен знать, что я за это строго накажу» («Дигесты», 1,6,2).

Здесь не место обсуждать разнообразные оценки римского рабства при принципате. Никакого сомнения не может быть в том, что этот институт для общества и экономики империи был основополагающим и что, несмотря на все попытки гуманизации, он оставался латентной опасностью. 200 лет тому назад Лессинг сформулировал его оценку так: «Разве не должен человек стыдиться свободы, которой он пользуется, если он имеет другого человека рабом?»

Вольноотпущенники

Освобождение рабов уже во времена поздней Республики достигло такого существенного размера, что Август был вынужден регламентировать этот процесс и ограничить массовые освобождения. При легитимация этих ограничивающих государственных мер, урезающих абсолютную власть владельца, исходили из того факта, что частно-правовое решение на освобождение было связано с гражданско-правовой квалификацией, которая требовала, чтобы родившиеся после освобождения дети отпущенных на свободу рабов, приравнивались к детям свободных римских граждан.

По всей видимости, готовность к освобождению при принципате еще больше возросла. В соответствии со статистическими исследованиями (Г. Альфёльди) предполагается, что в Риме и Италии более половины всех рабов в городах отпускались на свободу до достижения ими тридцатилетнего возраста. Причем, число женщин превышает число мужчин, особенно в возрастной группе между 15—30 годами.

Как бы ни были проблематичны эти цифры, в распространении самой этой практики сомневаться не стоит, даже если и не было никакого автоматизма освобождения. Также было бы ошибочно подозревать в этом феномене влияние гуманитарных, особенно стоических и естественно-правовых идей. Предоставление свободы было скорее в

интересах самих рабовладельцев. Если этот шанс существовал на деле, то бессрочные бесправие и несвобода раба фактически имели ограниченные сроки. Возрастала готовность рабов к лояльному отношению, к примирению со статусом и к эффективной работе, т. к. только при соответствующем усердии рабы могли надеяться на получение свободы.

Каким бы переломным моментом ни являлось для рабов освобождение, сам акт был всегда связан с традиционными или юридическими обязательствами по отношению к владельцу и господину, который теперь становился *патроном*; эти обязательства часто обозначались понятиями *покорность* и *служба*. Если *подчинение* требовало соблюдения отношений уважительности и верности, например, в суде вольноотпущенник не мог выступать против бывшего хозяина, то *служба* предполагала конкретные функции. Она могла заключаться в том, что бывший раб исполнял обязанности управляющего в ремесленном или сельскохозяйственном производстве своего хозяина. Другой формой была работа в доме или на предприятии патрона, которую раб обязан был выполнять, дав в том клятву перед освобождением.

Значительный интерес к освобождению имел не только раб, но его владелец, который пытался таким способом освободить себя от обязанностей содержания старых и больных рабов. Обязанности существовали не только со стороны бывших рабов, но и со стороны патрона, для которого раб становился клиентом. В остальном критерии, по которым происходило освобождение, были различными. Положение о том, что высокая квалификация могла скорее привести к освобождению, правда, убедительно, но и действительности ему не всегда следовали. Например, в мастерских Арреция простые гончары чаще отпускались на свободу, чем квалифицированные мастера рельефного тиснения.

Во времена Римской республики существовали три разных вида освобождения раба: 1) *освобождение прямым приказом в завещании*; 2) *освобождение цензором*; 3) *освобождение в присутствии магистрата*. Первая форма была особенно распространена и применялась при принципате. Она имела преимущество в том, что сам отпускающий на свободу не мог пользоваться частно-правовыми обязательствами своего бывшего раба. При второй форме раб объявлялся свободным в присутствии цензора, этот метод предполагал согласие цензора. Третья форма состояла из фиктивного процесса освобождения в присутствии римского магистрата, который объявлял раба свободным и если хозяин не возражал, то раб считался таковым.

На практике эти формы были слишком сложными, поэтому с I в. до н. э. ввели новые: *освобождение перед свидетелями* и *освобождение письмом*, хотя эти формы не соответствовали гражданскому праву и поэтому требовали молчаливого признания со стороны всех участников. При *освобождении перед свидетелями* господин в присутствии друзей сообщал только устно о своем желании освобождения, причем было безразлично, отпускался ли один раб или целая группа. При *освобождении письмом* собственник выражал свое желание письменно.

Специфическим полем деятельности вольноотпущенников были все сферы хозяйства, особенно ремесленничество и художественное ремесло, сфера услуг и, наконец, они работали в администрации и при дворе *принцепса*. Если представители правящего слоя в своих эпитафиях прославляли свою успешную чиновничью карьеру, свободные граждане — свой гражданско-правовой статус и военную службу, то вольноотпущенники увековечивали свой лично-правовой подъем и профессиональный престиж. В их поле деятельности в первую очередь ценилась квалификация, энергия и надежность, как сказано об од-

ном вольноотпущенном серебряных дел мастере. «Он в жизни никогда никому не сказал злого слова, и ничего не сделал вопреки желанию своего хозяина; через его руки прошло много золота и серебра, но он никогда не взял ничего себе. Он превосходил всех в искусстве обработки серебра».

Вольноотпущенников можно было встретить во всех провинциях империи. Они являлись носителями неутомимого духа предпринимательства, основными инициаторами в торговле и ремесле. Эта деятельность не всегда была безопасной, как свидетельствует майнцкая эпитафия: «Юкунд, вольноотпущенник Марка Теренция, торговец скотом. Путник, остановись и посмотри, как недостойно я был убит и теперь напрасно жалуясь!

Я не прожил и тридцати лет, т. к. раб лишил меня жизни, а сам бросился в реку, так он окончил жизнь. То, что он украл у своего хозяина, то взял у него Майн. Его патрон поставил ему памятник за свой счет» (CIL XIII 7070. «Сборник латинских надписей»).

Именно вольноотпущенники испытывали страстное желание выделиться. Нередко в Риме они выбирали выходящие формы для того, чтобы выставить на обозрение свое богатство и успех, чем провоцировали менее удачливых свободнорожденных представителей средних и низших слоев. Ювенал особенно выразительно описал в своей сатире представителя такой группы: «... если какой-нибудь нильский прохвост, этот раб из Канопы, этот Криспин поправляет плечом свой пурпурный тирийский плащ и на потной руке все вращает кольцо золотое, будто не может снести от жары он тяжелого перстня, как тут сатир не писать?» (Ювенал. Сатира. 1,26. Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского).

Городские органы самоуправления, коллегии (профессиональные объединения) и религиозные объединения, несмотря на лично-правовые оговорки, очень скоро не ста-

ли отказываться от поддержки богатых вольноотпущенников. Вольноотпущенники в пожертвованиях в пользу своих мест жительства соревновались с членами муниципалитета, функции и положение которых оставались для них недоступными, в крайнем случае они удостоивались звания советника. Без этой работоспособной группы нельзя было обойтись и при больших затратах на городскую форму императорского культа. В осуществляющих этот культ *августалиях*, кроме трех свободных граждан, три вольноотпущенника, как севиры, несли ответственность за правильное исполнение культовых действий, великолепие которых рассматривалось как демонстрация приверженности дому *принцепса* и выражение политической лояльности. Подобным же образом вольноотпущенники принимали участие в профессиональных объединениях.

Какими влиятельными могли быть вольноотпущенники в городах, показывает пример Л. Лициния Секунда из Тарракона, вольноотпущенника Л. Лициния Суры. Ему было поставлено там более 20 статуй; он был тем частным лицом в империи, который получил самое большое число таких почестей.

Еще существеннее, как уже было сказано, было влияние тех вольноотпущенников, которые работали в качестве специалистов и экспертов в *доме принцепса* или в подчиненных *принцепсу* сферах администрации. Участие этого круга лиц представляло для *принцепса* большое преимущество, потому что вольноотпущенники не были корпоративно организованы, и *принцепс* имел дело с отдельными, как правило, полностью ему преданными людьми. Особого успеха и влияния вольноотпущенники достигли при тех *принцепсах*, которые противопоставляли себя сенату или питали большое недоверие к представителям старого правящего слоя, таких, как Клавдий, Нерон или Домициан. Группа вольноотпущенников *принцепса* была крайне необходима для институализации принципата.

Надписи свидетельствуют о широком спектре их деятельности. Тогда как майнцкая надгробная плита чтит в Тиберии Клавдии Зосиме ответственного за пробу пищи Домициана, вольноотпущенного придворного служащего, который был с *принцем* на Рейне и умер там во время войны с хаттами; надпись из Каймаца во Фригии рассказывает о процессе становления вольноотпущенника Марка Аврелия Марсиона. Он поднялся от руководителя счетоводства до прокуратора мраморного карьера, потом до прокуратора провинции *Британия* и наконец до прокуратора провинции Фригия, где ему сделал надпись человек, когда-то отпущенный вместе с ним на свободу.

Однако вольноотпущенники *принцеса* достигали и другого положения. Такие люди, как Нарцисс, Палладий и Поликет, имели настолько высокие должности, что вызывали ненависть сенаторов, например, Тацита. О Нарциссе, во время кризиса правления Клавдия, он сказал, что «этому вольноотпущеннику все подвластно» («*Анналы*». XI,31). Палладий, который при этом же *принцесе* руководил финансами и был отмечен *знаками отличия* претората, отказался от назначенных ему сенатом почестей в размере 15 миллионов сестерциев. Поликет, как полномочный представитель *принцеса*, был послан Нероном в Британию, чтобы там расследовать щекотливую ситуацию, возникшую между наместником и прокуратором, и «побудить к миру бунтующих варваров... Враги смеялись над ним. Их чувство свободы было так сильно, что они не понимали, как вольноотпущенник мог занять такое высокое положение. Они удивлялись, что один полководец и один господин, победоносно завершившие большую войну, теперь подчиняются рабу» (Тацит. «*Анналы*». XIV,39,2).

Если это были исключительные случаи, которых во II в. н. э. больше не наблюдалось, то о самосознании богатых представителей слоя вольноотпущенников можно

узнать, например, из группы надгробных барельефов из туфа, известняка и мрамора, которые датируются временем Августа, Домициана и Траяна. Они свидетельствуют о богатстве среднего слоя, которое основывалось прежде всего на успехах в ремесленном производстве и торговле. Часто изображенные вместе с женами и детьми вольноотпущенники являли собой прогресс, потому что в отличие от рабов они жили со своими женами в признанном гражданским правом браке. Приравненные к свободнорожденным дети этого брака часто изображены в тогах.

Петроний в своем «Пире Тримальхиона» пародирует выскочку из этого слоя. Тримальхион обращается к своему другу Габинну: «Что скажешь, друг сердечный? Ведь ты воздвигнешь надо мной памятник, как я тебе сказал? Я очень прошу тебя, изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки и сосуды с благовониями и все бои Петраита, чтобы я, по милости твоей, еще и после смерти пожил. Вообще же памятник будет по фасаду сто футов, а по бокам — двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширный виноградник. Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому, прежде всего, желаю, чтобы в завещании было помечено: Этот монумент наследованию не подлежит. Впрочем, это уже не мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после смерти не потерпел обиды. Поставлю кого-нибудь из вольноотпущенников моим стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ за нуждой не бежал. Прошу тебя также вырезать на фронте мавзолея корабли, на всех парусах идущие, а я будто в тоге-претексте на трибуне восседаю с пятью золотыми кольцами на руках и из кошелька бросаю в народ деньги. Ибо, как тебе известно, я устроил общественную трапезу по два динария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возмож-

ным, изобразить и саму трапезу и все гражданство, как оно ест и пьет в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкою, и пусть она на цепочке собачку держит. Мальчишечку моего также, а главное побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало. Конечно, изобрази и урну разбитую и отрока, над ней рыдающего. В середине — часы, так, чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей-неволей прочел мое имя. Что касается надписи, то вот послушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша, по твоему мнению:

Здесь покоится

Г. Помпей Тримальхион Меценатиан,

Ему заочно был присужден почетный севират.

Он мог бы украсить собой любую декурию Рима,

Но не пожелал.

Благочестивый, мудрый, верный, он вышел

Из маленьких людей, оставил тридцать миллионов

Сестерциев и никогда не слушал ни одного

Философа.

Будь здоров и ты также.

(Петроний. «Пир у Тримальхиона».

Пер. Б. Ярхо)

Вольноотпущенники, имеющие большое влияние при Нероне, вели себя дерзко, неуважительно и оскорбительно со своими бывшими хозяевами. Тацит сообщает о сенатском слушании 56 г. н. э., на котором была сделана попытка дать хозяевам право отменять освобождение и снова превращать в рабов упомянутых лиц. Тацит в одной главе дает слово противникам такого решения:

«В противовес этому было сказано следующее. Вину, которую совершили немногие, они же и должны искупить, а не у всех ограничивать их права. Вольноотпущенники представляют многочисленное сословие. Из них со-

стоят по большей части трибы, декурии, прислуга высших государственных чиновников и жрецов, а также городские когорты. Многие всадники и даже некоторые сенаторы вышли из вольноотпущенников. Если убрать вольноотпущенников, то обнаружится острая нехватка свободных. Не напрасно предки, несмотря на разницу положения между отдельными сословиями, всем обеспечили одинаковую свободу. Это мнение одержало верх. Принцепс написал сенату, что жалобы патрона на его вольноотпущенников должны решаться применительно к случаю, а от общего изменения прав следует отказаться» (Тацит. «Анналы». XIII, 27).

Римская система освобождения от рабства часто рассматривалась изолированно в рамках отношений между рабами и хозяевами. Если выбрать другую перспективу, то четко обнаруживается то противоречие, в которое был втянут принципат и которое оказывало влияние на его общественную и гражданско-правовую политику. Прежде всего превращение бывших рабов в свободных и этим самым в привилегированных внутри империи римских граждан однозначно приводило к невыгодному положению свободнорожденных жителей провинций. Одновременно, крайне рестрикционная политика в отношении провинциалов долго не могла сохраняться, когда год за годом тысячи бывших рабов имели возможность добиться для своих детей полного римского гражданского права и в хозяйственной сфере было много опасных последствий, т. к. владелец, как правило, охотнее оставлял мастерскую или лавку своему вольноотпущеннику, чем свободному; заинтересованные в этом свободные граждане справедливо чувствовали себя обделенными.

Провинциалы

По современным оценкам (О. А. В. Дильке), общее население *Римской империи* в 14 г. н. э. составляло свыше 60 миллионов жителей. Из них в Риме, Италии и на трех больших островах — Сицилия, Сардиния и Корсика — проживало около 14 миллионов, в Испании — шесть, в Галлии — пять, в Дунайских провинциях свыше 2, в Греции и на греческих островах — три, в Малой Азии — 13, в Сирии, Палестине и на Кипре — 6,5, в Египте и Киренаике — 5,5; в остальных провинциях Северной Африки около 6. Какими бы проблематичными ни были эти оценки, в отдельных случаях число должно совпадать. Если учесть, что число свободных римских граждан в этом же году составляло 5 миллионов, то можно утверждать, что свободные граждане провинций составляли основную часть общего населения империи.

При этом нужно добавить, что неримские свободные люди этой категории, провинциалы или *перегрины*, не представляли собой единого целого. Целый мир отделял полукочевых или кочевых жителей Северной Африки, Аравии и Сирии от населения городов Греции, Малой Азии и Ближнего Востока. Однако какими бы разнообразными ни были их уровень цивилизации и образ жизни, по своему статусу они являлись свободными гражданами импе-

рии, но, как правило, не обладали римским гражданским правом.

Права и обязанности провинциалов зависели от правового статуса их родного города, т. е. были ли они гражданами колонии либо муниципия римского или латинского права, или же *союзного, свободного, или платящего дань* города. Лично-правовой и экономический статус был при этом различный. Тогда как, например, декурионы и городские советы ревниво наблюдали, чтобы в их ряды допускались лишь свободные граждане, обладающие полным гражданским правом; самыми уважаемыми и богатыми людьми в городах Запада, таких, как Лион, Арль, Магдоленсберг, были иностранцы, которые происходили из Сирии, а также вольноотпущенники.

Соотношения между отдельными лично-правовыми группами в римских провинциях различались. Часто трудно определить число свободных граждан, свободных маргинальных групп, вольноотпущенников и рабов, а также общее соотношение между *деревенским и городским плебсом*. Причина этого в том, что на основании частоты надписей история городов римских провинций известна несравнимо лучше, чем история сельских районов. Часто упоминаемые цифровые соотношения Пергамона, где во II в. н. э. при общем населении около 120 000 человек почти треть была несвободных, являются нетипичными и ни в коем случае не могут рассматриваться в качестве средней величины.

К абсолютно разной структуре изначального субстрата населения отдельных римских провинций добавлялась разница между пограничными и внутренними провинциями, провинциями с густо расположенными городами и горными регионами с архаическими формами жизни. В большинстве случаев повседневную жизнь провинций определяла не римско-италийская модель общества, а ответственность старых соперничеств и противоположность

интересов. Об этих экономических, общественных и политических конфликтах античные источники сообщают крайне редко.

Из немногих случаев, известных более подробно, возьмем для примера два. К первому относятся споры об «альменде баттинеев», событиях, произошедших в горной области на крайнем западе Македонии, на которые проливает свет недавно обработанная фр. Гшнитцером надпись. Ко второму случаю относятся очень распространенные в городах Малой Азии споры между свободными гражданами *полиса*, обладающими полным римским гражданским правом, и тоже свободными представителями низших слоев, на которых фактически не распространялось полное римское гражданское право, что относилось также к жителям деревень. Для этого выбран известный случай с ткачами из Тарса, приведенный Дионом Златоустом.

Община баттинеев принадлежала к племенному союзу орестов, т. е. к той политической единице, свобода которой была подтверждена Римом еще в 196 г. до н. э. из-за их отхода от Филиппа V Македонского. Поэтому баттинеев были в привилегированном положении по сравнению с прочими жителями провинции *Македонии*. Когда во II в. н. э. богатые и влиятельные землевладельцы провинции отобрали большую часть альменды баттинеев, чтобы использовать ее для пастбищ и вырубки, баттинеев посчитали, что нарушены их традиционные права. Поэтому они представили римскому наместнику народное постановление, чтобы тот помог разрешить эту вопиющую несправедливость. При этом речь идет не о сенсационном событии, однако этот пример показывает те будничные трения и столкновения интересов, в которые были вовлечены провинциалы даже при римском мире. Текст надписи гласит:

«Когда политархом баттинеев Александром, сыном

Леонида, было проведено народное собрание, и многие граждане жаловались, что они были отстранены провинциалами от пользования общинной землей, политарх и граждане единодушно постановили: провинциалы должны владеть только тем, что было объявлено при цензе Генцианом (наместник Македонии в 118—120 гг. н. э.); в будущем ни одному провинциалу не должно быть позволено брать на обработку общинную землю или покупать ее, или владеть; не должно быть позволено также, чтобы кто-нибудь добивался права использования общинной земли, более того, земля должна принадлежать только обозначенным в цензе орестам. Об этом должен заботиться ежегодно входящий в должность политарх. Он должен выбрасывать с земли тех, кто вторгся в необъявленную цензом землю; если же политарх оставит это без внимания и даст кому-нибудь разрешение на пользование общинной землей, он должен будет заплатить фиску 5 000 динариев, а общине тоже 5 000 динариев. Было решено, чтобы посланники этноса Юлий Крисп, Филагр и Клейтос, сыновья Птолемея, передали это постановление наместнику провинции Юлию Руфину; если он его утвердит и письменно увековечит на агоре, оно там должно остаться на все времена, т. к. некоторые из старых записей потерялись. Если же кто-то предложит на продажу провинциалу часть общинной земли, он должен уплатить уже названный денежный штраф, а сделка должна считаться недействительной. Писано в 340 г. /144/145 г. н. э. 30 артемизия.

Я, Александр, сын Леонида, скрепил это печатью...»
(Дальше следует 37 имен).

Конфликты между отдельными группами свободного населения провинций только в редких случаях достигали размеров постоянной, ожесточенной, полной ненависти враждебности, как в Александрии и *Иудее*, однако совместная жизнь столь большого количества людей разного правового положения, разных традиций и экономических

интересов никогда не была безоблачной. Римские наместники всегда должны были улаживать конфликты, всегда сталкивались с сохраняемыми привилегиями и столкновением интересов, причем многие партии в конце концов обращались к самому *принцепсу*.

О таких конфликтах говорит происходящий из Пизы в Вифинии философ Дион Златоуст в своей второй тарсийской речи: «Вне гражданства есть немалое число тех, кого обычно называют «плетельщиками веревок». Порою их считают бременем, народ их оскорбляет и сваливает на них вину за любые беспорядки; однако их считают частью горожан и оставляют им их право. Если вы их считаете вредным источником бунтов и нарушений порядка, вы должны их изгнать, вместо того, чтобы допускать на ваши собрания. Если вы их считаете в каком-то смысле гражданами и не только потому, что они здесь живут, но и потому что многие из них здесь родились и не видели никакого другого города, то вы ни в коем случае не должны задевать их за живое и отделять от себя.

Теперь, т. к. они оскорблены и рассматриваются как непрощенные гости, они невольно по своим взглядам чужды благу общины. Однако именно это представляет для нашего города наибольшую опасность... «Хорошо, что ты нам предлагаешь?» Внести их всех, как равноправных граждан, в наши списки, не оскорблять, и не отталкивать их от себя и считать их частью нас. Ведь недопустимо, чтобы человека, который жертвует 500 драм, вы любили за это и считали достойным получить гражданское право, а бедняк, которому отказали в занесении в списки, должен любить город и считать его своей родиной, хотя он здесь родился и не только он, но его отец и его предки. А если он изготавливает веревки, что в этом плохого, разве можно его за это упрекать? Был бы он красильщик, сапожник или плотник, все равно его нельзя попрекать его профессией» («*Ovatio*». 34,21—23).

Так как римские *принцепсы* никогда не думали о выравнивании правового положения или традиций провинциалов, а также о принятии на себя всех административных и юридических функций, вмешательство римской провинциальной администрации сводилось до минимума. Старые городские и племенные конституции так же мало изменялись, как и традиционная система частного и уголовного права, поскольку принципат не имел ни личных, ни материальных возможностей для систематических структурных изменений.

Поддержание спокойствия и порядка, защита жизни и собственности, обеспечение функционирования администрации и местное судопроизводство были предпочтительнее, чем лишь теоретически возможные имперские эксперименты. Сначала *принцепсы* вмешивались во внутренние конфликты провинциалов скорее мало, чем много, и скорее поздно, чем рано. Они в крайнем случае реагировали только тогда, когда их вынуждали к действию сообщения наместников, просьба посольств или письменные жалобы провинциалов.

Ввиду этих рамочных условий понятно, что города и племенные группы представляли определяющие социальные центры жизни провинциалов. Несмотря на приспособление к римским нормам и формам, долгое время преобладали гордость за свой собственный город и его традиции. Приверженность к привычным местным богам подтверждает это консервативное поведение не меньше, чем тексты эпитафий и костюмы на памятниках.

Уверенный в себе, изображенный с золотым свитком в руке оратор Блусс из Майнца, носит свое местное одеяние. В Кельне есть три надгробные плиты, которые заказал для своей семьи, семьи своего отца и семьи своего тестя Биенн, уроженец области виромандов (около Сен Квентина). Эти плиты доказывают, как долго сохраня-

лись древние галльские имена и самосознание виромандов.

Несмотря на демонстративно подчеркнутое здесь богатство отдельных представителей группы провинциалов, политически значимыми были не они, а представители муниципальной аристократии и те провинциалы, которые получили права римских граждан. Пополнение римского правящего слоя из их рядов приводило к значительному ослаблению провинциальных сил. Поэтому это способствовало возникновению противоположных тенденций: с одной стороны, в самих провинциях намечалось нивелирование первоначально сильно выраженной юридической и социальной дифференциации, которая должна была привести в конечном результате к новой поляризации между более *почетными* и более *низкими*. С другой стороны, группа римских граждан потеряла свою первоначальную однородность и целостность, потому что римское гражданское право предоставлялось все более щедро. Возникшие противоречия были разрешены только в начале III в. н. э. указом *Антониниана*.

Римские граждане

По определению римского личного права, понятие *римские граждане* не тождественно с часто презируемой массой римского *плебса*. Понятие охватывало всех свободных граждан, то есть и представителей правящего слоя, о котором будет сказано позже. Поэтому, говоря о классической республике, Теодор Моммзен мог утверждать, что «самой глубокой и замечательной мыслью римского общества было то, что внутри римского гражданства не было ни господина, ни слуги, ни миллионера, ни нищего, а одинаковая вера и одинаковое образование охватывали всех римлян» («Римская история». Берлин, 1903, с. 884).

Однако этот аспект тождественности все больше отходил назад из-за последующей экономической и социальной дифференциации римского населения и особенно из-за расширения римского гражданского права. В то время как римские правящие слои ко времени поздней Республики все больше изолировались и сословно укреплялись, от преимуществ римского гражданина выигрывали прежде всего представители средних и низших слоев.

Самосознание римского гражданина долгое время было наполнено великой республиканской традицией, сознанием того, что ты являешься членом свободного государства и не только имеешь государственные и частноправовые привилегии, но и как представитель великой военной державы эпохи пользуешься всеобщим уважением. Однако не только этот пафос, но и конкретные политичес-

кие, правовые и материальные преимущества были имманентны понятию римского гражданства.

К этим преимуществам прежде всего относились, хотя и фактически ограниченные, политические выборные права и права принятия решения, нередко переоценивая возможность осуществления права голоса, защита от произвола магистратов народными трибунами, гарантия надлежащего судопроизводства перед судьей или народным собранием. К этому же следует добавить возможности пользования государственной *земельной собственностью*, участие в колонизации, преимущество служить в легионах, подниматься там по служебной лестнице и, наконец, как ветеран обеспечить себе достойное и уважаемое существование. Кроме того, римский гражданин имел преимущественные права при распределении зерна и участвовал в разделе военных трофеев.

Изменения, которые принес принципат для свободных граждан Рима, отобразил Ювенал в своей знаменитой 10-й сатире, в которой отражалось требование: «хлеба и зрелищ». Однако, чтобы соответствующим образом оценить эти изменения, нужны более широкие рамки. Прежняя экономическая и социальная однородность римских граждан, мелких крестьян, ремесленников и торговцев ко времени поздней Республики уступила место значительной дифференциации, которая даже приблизительно не охватывается категориями *городского* и *сельского плебса*. Начавшаяся со времен Второй Пунической войны концентрация населения в самом Риме привела к неразрешимой социальной проблеме, потому что в нем хронически не доставало рабочих мест.

Увеличение потребностей в рабочей силе в строительном секторе, художественном ремесле и в сфере услуг различного рода не могло в достаточной мере воздействовать на рынок рабочей силы, потому что постоянно сохранялся приток населения из всех частей империи. Ни возобновление процесса колонизации Цезарем и Августом,

ни потребность в рекрутах для легионов не могли надолго разрешить эту проблему.

Потеря однородности *римских граждан* была одновременно и результатом римской гражданско-правовой политики, о которой будет сказано далее. Однако уже здесь нужно вспомнить о том факте, что с I в. до н. э. начались новые процессы, вызванные коллективными предоставлениями римского гражданского права и ростом индивидуальных присвоений этого права. Предоставление Цезарем римского гражданского права всем италийским союзникам после Союзнической войны (91—89 гг. до н. э.) и всем жителям Северной Италии было апогеем той политики, которая юридически зафиксировала романизацию Италии.

С другой стороны, свободными римскими гражданами были апостолы Павел, Гай Юлий Еврикл, доверенное лицо Августа в Спарте или сириец Гай Юлий Никанор, который был так богат, что смог купить остров Саламин и подарить его Афинам.

При принципате групп *римских граждан* охватывала не только прежний *городской и деревенский плебс* Рима, но также и часть очень активных, равных с точки зрения гражданского права жителей Италии и колоний, а также легионеров. Она охватывала также часть муниципальной аристократии, представителей местного и регионального правящего слоя, то есть тот важный круг лиц, который идентифицировал себя с делом Рима и совершенно сознательно поддерживал его власть.

После Августа римские *принцепсы* были вынуждены продолжать те обширные меры по обеспечению, к которым привыкли беднейшие свободные граждане Рима со времени Цезаря, и на исполнении которых они постоянно настаивали. Это относится к бесплатному *обеспечению зерном*, которое было введено народным трибуном Клодием в 58 г. до н. э., к денежным и продуктовым *подаркам*, которые Цезарь в 46 г. до н. э. довел до невиданных до

сих пор размеров, выдав каждому гражданину по 100 динариев, по 10 шеффелей зерна и по 10 литров масла. Несмотря на все злоупотребления, которые были связаны с этой системой денежных подарков, процесс стал необратимым.

Так, по праздничным поводам, таким, как вступление в управление государством, триумф, усыновление или назначение наследника, раздавались огромные суммы в надежде завоевать популярность. Денежные и продуктовые *подарки* были важнейшим признаком *щедрости принцепса*. Получатели при этом заносились в списки и получали сначала бронзовые или свинцовые марки, которые отоваривали потом у ответственного за это чиновника. При Калигуле и Нероне, особенно щедрых на подарки, эти старые формы были отменены, монеты и ценные предметы хаотически расшвыривалось, чем пользовались также и неграждане. Однако такие эксцессы были исключением.

Величина распределяемых сумм при Августе и в течение I в. н. э. оставалась приблизительно постоянной. Так, первый *принцепс* сообщает о восьми *подарках* на сумму от 60 до 100 динариев каждый, которые он раздал между 44 и 2 г. до н. э. У Домициана засвидетельствовано три подарка на сумму в 75 динариев каждый. Потом денежные суммы значительно повысились, при Траяне до 650 динариев, при Адриане до 1 000, при Антонине Пие до 800, при Марке Аврелии и Коммодe до 850, при Септимии Севере до 1 100 динариев, а потом при Каракалле и Севере Александре упали до 400—600 динариев.

Распределяемое количество зерна, наоборот, не изменилось. Оно составляло 5 люций в месяц на каждого получателя (люций = приблизительно 8,75), что соответствовало тому количеству, которое Катон когда-то предусмотрел для занятых тяжелым трудом рабов, и превышало рацион (3 люция) римского легионера во времена Республики. Однако этого количества для одного гражда-

нина было вполне достаточно, но его не хватало, чтобы прокормить семью.

Как и при раздаче зерна и подарков, римские *принцепсы* придерживались традиции в области проведения игр. Но теперь значительно увеличилось число дней, по которым ежегодно при свободном доступе проводились гонки на колесницах до 10 лошадей на каждую, травля зверей со львами, леопардами, медведями и слонами и, наконец, гладиаторские бои. Если Август ограничился 65 игровыми днями, то в середине IV в. н. э. 10 дней приходилось на гладиаторские бои, 64 дня — на гонки на колесницах, другие соревнования и травлю зверей, 102 дня — на праздничные игры в театре, причем резонанс последних был относительно мал.

Вне сомнений, игры существенно содействовали деполитизации римских граждан и одновременно стабилизации системы принципата. Они предоставляли каждому *принцепсу* возможность вызвать расположение народа к себе и своей семье и непосредственно влиять на общественное мнение. Именно здесь можно было дать выход эмоциям. Примеры Клавдия и Нерона научили, что интерес простого народа к удовольствиям можно использовать и в политических целях.

С другой стороны, однако, игры давали римскому населению возможность осознать свою силу. Во время игр люди могли обращаться с требованиями к *принцепсу* и магистратам и вынуждать их к немедленному решению или высказыванию их мнения. Здесь при принципате находился показатель общественного мнения, которое первоначально высказывалось на народном собрании. Здесь решался не только вопрос о жизни и смерти побежденного гладиатора, но и под защитой большой массы и анонимности выражалось всякого рода недовольство, и не раз *принцепс* вынужден был идти на уступки.

В Риме, как ни в одном другом городе, скопился всякого рода сброд. У Петрония, Ювенала и Марциала уве-

ковечены образы тунеядцев и пьяниц, обманщиков и сводников, воров, совратителей и доносчиков. Даже у такого автора, как Тацит, преобладает клише о *подлом плебсе*, уничижительные высказывания о ненадежной, коррумпированной, жаждущей удовольствий, вероломной, бездумно вегетирующей день ото дня массе, из которой Тацит исключает только ту группу, которая благодаря существованию клиентелы связана с большими древними семьями. Вплоть до настоящего времени продолжается общая дискредитация римского *плебса*, в которую свой вклад внесли классики исторического материализма («Люмпен-пролетарий». MEW, 3,23).

Трудовые будни в большинстве случаев были неинтересны античной литературе. О них известно прежде всего по археологическим и эпиграфическим свидетельствам. Имея в виду современные результаты исследований (Ц. Брант), вряд ли можно оспаривать, что большая масса столичных свободных граждан зарабатывала на жизнь собственным трудом, содержала свою семью, работая ремесленниками, мелкими торговцами, всякого рода прислугой, и нередко гордилась своим трудом.

Эпитафии документируют успехи и неудачи, этику труда и будничную мораль: «Здесь поконит торговец скотом К. Бруций из Марсова поля, честный, порядочный, всеми любимый». Бывший мелкий служащий Т. Флавий Гермес более подробно прославляет себя: «Я наслаждаюсь заслуженным сладким покоем; доверенное мне имущество я всегда возвращал, с друзьями я всегда был неразлучен, я не нарушил чужого брака и других не хотел бы в этом обвинять. Моя любимая жена жила со мной в мире и согласии. Я добился, чего мог, и никогда не судился. У меня был только один друг, который честно выполнял по отношению ко мне все обязательства». Л. Лициний Непот, наоборот, был человеком «на жизнь которого никто не может всерьез пожаловаться. Он надеялся стать богатым с помощью торговли, но был обманут в

этой надежде многими друзьями, которым он делал только добро».

Как уже было упомянуто, институт клиентелы при принципате продолжал существовать. Хотя он уже давно потерял свое политическое значение, но оставался крайне необходимым для римской аристократии в целях демонстрации ее социального престижа. Поэтому денежными подарками она по крайней мере облегчала существование многим свободным гражданам. Марциал, который сам долго был клиентом, хорошо знал этот жребий:

Теперь ты обещаешь мне три динария; ты хочешь,
Басс, чтобы я завтра поклонился тебе в Атрии,
Оставался весь день рядом с тобой и шел перед
носилками,
Ни больше, ни меньше, чем десять вдов посетил я с
тобой.

Бедна моя тога, дырява и стара; но —
Три динария! — Басс, за них мне не купить новой!

(«Эпиграммы». IX, 100)

Женским идеалом в Риме был тот образ, который дан в одной эпитафии: «... она пряла шерсть, была набожной, скромной, доброй, чистой и домовитой». Подробнее этот образ представлен другой эпитафией, которую перевел Т. Моммзен и выбрал для того, чтобы охарактеризовать жизнь свободной римлянки:

Коротка, путник, моя речь; остановись и прочти ее.
Злая могильная плита скрывает красивую женщину.
Родители называли ее Клавдией;
Единственной любовью она любила своего мужа;
Двух сыновей родила она; одного она оставила на земле,
Другого похоронила в земле.
У нее была учтивая речь и благородная походка,
Она следила за домом и пряла. Я закончила, ступай.

(ILS 8403)

Домашняя работа римлянки доминировала. В моральном же плане доминировал идеал женщины, которая «предана была только своему мужу, не познав никакого другого». Однако многочисленные женские профессии показывают, что, вероятно, участие женщин во внедомашней промысловой сфере было гораздо больше, чем это предполагалось. Так, для Остии доказано, что там женщины средних и низших слоев были самостоятельными владелицами мастерских и лавок, торговали фруктами и птицей, были сапожницами, служанками в тавернах и даже владелицами кирпичного завода, мастерской по изготовлению свинцовых труб и всякого рода недвижимого имущества. Матроны имели в своем распоряжении такие значительные средства, что чествовались культовыми коллегиями города как почетные учредительницы.

Тогда как старые политические органы, такие, как народные собрания, при принципате потеряли свое значение, центром общественной жизни стали профессиональные объединения (*коллегии*). Это относится прежде всего к торговым и хозяйственным центрам, а также к почтовым городам, причем коллегии в первую очередь состояли из свободных граждан, в большинстве своем представителей среднего и низшего слоя, однако были и вольноотпущенники и в очень небольшом количестве рабы. В I в. до н. э. весь этот сектор регулировали инициативы Цезаря и Августа, а также постановление сената, разрешающее основание таких коллегий без специального одобрения сената.

Эти объединения видели свою основную задачу в заботе об общем культе и в праздновании общих праздников. Оказавшиеся в нужде члены коллегии получали поддержку, обеспечивались также надлежащим погребением. Жизнь объединения регулировалась собственным уставом. В компетенцию собрания всех членов объединения входили выборы функционеров, прием новых членов, почести патронам и покровителям.

Материальные основы деятельности объединений строились наряду с наследством и подарками на тех пожертвованиях, которые делали функционеры объединения при вступлении в должность, а также на месячных и вступительных взносах. Тогда как квестор или казначей управлял имуществом объединения, во главе его стояли магистры или квинквиналы. Часто встречается также термин *куратор*.

К этим профессиональным коллегиям, как правило, принадлежали только активные представители соответствующей профессии. Причем речь идет не о подобных цехах производственных объединениях. Коллегии не вели трудовых споров и не представляли экономические интересы всех своих членов. Наоборот, некоторые коллегии выполняли общественные обязанности и поэтому пользовались определенными привилегиями. Так, группы плотников, строителей функционировали во многих городах, как пожарная команда. Начиная с Клавдия, функционировали коллегии транспортников, особенно судоходных, которые обеспечивали бесперебойные речные и морские перевозки.

Расцвет этих объединений приходится на II в. н. э., когда, например, в одной Остии было не менее 40 религиозных и профессиональных коллегий. В *коллегии* лодочников число членов между 152 и 192 г. н. э. поднялось с 126 до 266. С одной стороны, известны случаи вмешательства *принцепсов* в жизнь коллегий, потому что богатые граждане пытались освободиться от разных обязанностей благодаря принадлежности к привилегированной *коллегии*. С другой стороны, эти безотказные, работоспособные организации во время кризиса III в. н. э. все чаще получали от римского государства разнообразные задания вплоть до того, что важнейшие для транспорта и снабжения *коллегии* в конце концов превратились в корпорации, выполняющие принудительные работы.

Муниципальная аристократия

Среди различных социальных слов *Римской империи* муниципальная аристократия была той группой, которая занимала значительное, но одновременно и своеобразное положение. Михаил Ростовцев констатировал, что она «придавала империи блистательный внешний вид; фактически правила она» («Общество и экономика Римской империи». Лейпциг, 1931). Так как ее представители в любом городе, как правило, обозначались, как «*сословие декурионов*», на первый взгляд кажется, что принадлежность к городскому совету была идентична принадлежности к сословию.

Это сословие декурионов часто причислялось к высшему слою империи, или даже к «имперской аристократии». Новые исследования выявили очень дифференцированное положение этой городской элиты в различных частях империи, обратили внимание на неоднородность этой группы и на тот факт, что в отличие от сенаторов и всадников она является не сословием, а исключительно локальным слоем.

Общая численность этой группы в более чем 1 000 городов империи составляла около 150 000 человек. Только в римской Северной Африке, по расчетам Р. Дункан-Джонса, их насчитывалось примерно 25 000, то есть 2 % от всех взрослых мужчин. Однако отношения именно в Северной Африке подтверждают значительную разницу в эко-

номическом и социальном положении и в общественном престиже, которая существовала между членом городского совета большого города, такого, как Карфаген, и маленького горного местечка или оазиса. Если в Карфагене для того, чтобы стать членом городского совета, требовалось минимальное состояние в 100 000 сестерциев, то в маленьких городах достаточно было 20 000. Это была сумма, которая выплачивалась соответствующим гражданам, принадлежащим по римским и межрегиональным масштабам только к низшим слоям населения. Несмотря на скромные требования, тем не менее обычно требуемое число в 100 активных полноправных членов сословия декурионов достигалось не во всех городах.

Функции, привилегии, но также и обязанности представителей муниципальной аристократии становятся понятными только внутри широкого поля задач городского самоуправления в *Римской империи*. Хотя на них не лежало бремя внешней политики и обороны, для городов оставалось достаточно задач, которые требовали прежде всего больших финансовых затрат. Эти задачи могли быть выполнены только благодаря необычайной добровольной готовности к работе или необычайного обременения их жителей и в первую очередь их высшего слоя.

Особенно больших усилий требовала сфера религии. Забота о культах, связанная с регулярными жертвоприношениями, играми, праздничными пирами, а также с содержанием храмов и святилищ, постоянно требовала больших сумм. Это была наряду со многими другими постоянная ответственная задача. Другой задачей было городское строительство, которое включало из престижных сооружений не только улицы, водопроводы или другие бытовые постройки, но и в средней величины общинах служебные здания, форумы, бани, театры и амфитеатры, реже библиотеки.

К этому нужно добавить предоставление зерна по

льготным ценам для беднейших слоев населения и проведение игр. К тому же больших средств требовали обеспечение эффективной городской юрисдикции и жалование врачам и учителям. Очень затратными, наконец, были те нагрузки, которые от случая к случаю сваливали на города наместники или органы провинциальной администрации, а также нескончаемая череда посольств, которые каждый город должен был посылать к наместникам или *принцепсам*, чтобы представлять его интересы.

Этому множеству постоянных задач противостояли незначительные регулярные доходы. Из доходов городов от оставленных им налогов и судебных издержек, в редких случаях от процентов на состояние, города были вынуждены материализовать свои почести, связать занятие должностей в магистратуре и причисление к *сословию декурионов* с высокими финансовыми обязательствами; таким образом, первоначально добровольные работы превратились в принудительные обязанности.

Диктат городских финансов быстро оказал ощутимое воздействие на городскую конституцию и политику. Если в начале существовало уравновешенное отношение между тремя обычными органами городов — магистратами, советом и народным собранием, то в течение II в. н. э. вес однозначно переместился в пользу «*сословия декурионов*». Сначала народные собрания обладали правом выбора магистратов, совет, наоборот, имел первоначально совещательные и контрольные функции, теперь же он стал главным органом городского управления, и обязанности членов совета возросли. Так как кандидаты на магистратуры не находились в распоряжении совета, корпорация была вынуждена равномерно распределять обязанности между своими членами, и старые права народного собрания перешли к совету.

Первоначально в городах империи путь в городской совет лежал через городские магистратуры. Предпосыл-

ки для этого были строго юридически зафиксированы: доказательство свободного решения, гражданское право соответствующего города, минимальный возраст 25 лет, обладание минимальным состоянием, занятие уважаемой деятельностью, соблюдение норм, прежде всего положенной последовательности городской чиновничьей карьеры, и *выплата взноса* перед вступлением в должность. Эти ограничения не позволяли вступать в *сословие декурiones* лицам, которые были дискредитированы презренными профессиями, такими, как аукционер, учитель фехтования, могильщик, хозяин борделя, или же запятнали себя преступлением, банкротством или дезертирством из армии.

Сумма взноса была разной и зависела от места и должности. В Италии она колебалась между 2 000 и 20 000 сестерциев, взнос при вступлении в должность суфета в североафриканской Феметре составлял только 800 сестерциев, для Карфагена высшая городская должность стоила 38 000 сестерциев, это самая большая из известных до сих пор сумм, выплачиваемых в этой связи.

Компетенция и задачи различных чиновников были определены до мелочей. Срок исполнения обязанностей в каждой магистратуре равнялся одному году. Выдвинутый на пост служащий должен был представить поручителей, которые, как и он сам, несли ответственность за его деятельность. Эта строгая ответственность должна была защищать коммуну от всех ущербов нечестных дел по продаже, ссудам и арендам; позже эта ответственность была еще больше расширена. Строгие условия одногодичного исполнения должности и запрещение совместительства препятствовали возникновению доминирующего влияния одного человека. Во II в. н. э., когда повысились требования к обладателям чиновничьих должностей, возникло защитное определение, которое охраняло отдельных членов городского совета от перманентных нагрузок.

Обязанности и характеристики отдельных служащих на западе и востоке империи были различными. На Западе в магистратурах действовала римско-латинская модель — в больших городах карьера начиналась с квестуры. Квесторы прежде всего отвечали за казну и архив народа. Гораздо шире была сфера деятельности *эдилов*. Они осуществляли обеспечение продовольствием, надзор за торговлей и рынком, поддержание порядка и спокойствия на улицах города, следили за общественными зданиями, заведовали местами застроек общины и, наконец, проводили городские игры, на финансирование которых эдилы вносили значительные суммы из собственных средств.

В качестве регулярных старших должностных лиц функционировали *дуовиры* (члены комиссии двух), нередко и *квattuорвиры* (члены комиссии четырех). Пока существовали народные собрания, они их созывали, проводили и имели исключительное право вносить предложения. В круг их постоянных задач входили надзор за соблюдением традиционных обязанностей общины по отношению к богам, проведение религиозных праздников, контроль за городскими финансами, наблюдение за налоговыми доходами города, сдача в аренду городской земельной собственности и, наконец, гражданское судопроизводство.

Каждые пять лет занималась высшая должностная ступень. Тогда назначались *пятилетние дуовиры*, которые проводили городской *ценз* и в этой связи контролировали и дополняли списки граждан, а также списки членов городского совета. Например, такой список городского совета города Канузия (Каноса в Апулии) от 223 г. н. э. сохранился в оригинале. В начале списка стоят избранные городом *патроны* из сенаторов и всадников. Затем следуют по старшинству отдельные должности в иерархии совета, потом те граждане, которые были выбраны в совет, чтобы повысить его финансовые возможности, но не за-

нимающие поста в магистратуре и, наконец, *претекстаты*, сыновья декурионов, которые без права голоса могли участвовать в заданиях совета. Список из Канузия насчитывает 100 декурионов, 39 почетных членов из сенаторов и всадников и 25 *претекстатов*. Место в списке соответствовало последовательности права голоса на собраниях совета.

На западе империи детали городских магистратур точно определены и обстоятельно регламентированы, как, например, *основные компоненты городского права колонии Урсо* провинции Бетика, относящиеся к временам Цезаря. Так гласит тот параграф, который регламентирует назначение вспомогательного персонала и привилегий городских магистратов: «Дуовиры, исполняющие эту должность, имеют право иметь в распоряжении двух ликторов, одного служащего, двух писцов, двух посыльных, одного копииста, одного герольда, одного гаруспика, одного флейтиста. Каждого они должны выбирать из числа тех, кто является колонистом колонии. Эти *дуовиры* и *эдилы*, пока они занимают эту магистратуру, должны обладать *правом носить тогу*, окаймленную пурпуром, а перед ними должны нестись факелы и свечи».

Какими бы ответственными ни казались отдельные магистраты, они связывались в своих решениях согласием всего совета, которому они были также подотчетны. Поэтому при разрешении финансовых и имущественных проблем города в их собственных интересах было принимать решение с согласия большинства городского совета. Так как только он, а не отдельный магистрат, принимал важнейшие решения, касающиеся городского хозяйства, финансовых вопросов, аренды, не говоря уж о деликатных решениях по протоколу, например, таких, как выделение почетных мест или присуждение городских почестей заслуженным гражданам или влиятельным покровителям.

Хотя отдельные компетенции этого важнейшего коллегияльного городского органа по сравнению с масштабами большой политики были второстепенными и незначительными, в общей сложности информационные возможности, возможности участия и принятия решений, особенно для богатых и экономически активных граждан больших городов, были тем более знаменательны, что личный вклад в эти органы мог себя оправдать. Высшие городские магистраты вознаграждались предоставлением римского гражданского права и другими привилегиями, принадлежность к городскому совету вознаграждалась материальными преимуществами, такими, как свободный подвод воды, почетные места на всех мероприятиях, к тому же у них были особые судебные привилегии, например, с середины II в. н. э. смертная казнь заменялась депортацией.

Жизнь, блеск и роскошь городов при принципате были немыслимы без огромных жертвований муниципальной аристократии. Несколько примеров могут это проиллюстрировать. В то время как в Карнунте выходец с Востока Г. Домиций Смарагд во II в. н. э. мог пожертвовать городу амфитеатр, возможности К. Элия Авна из Мудона в Западной Швейцарии были более ограничены: «Для блага императорского дома К. Элий Авн, *августальный севир*, посвящает из собственных средств Юпитеру, Юноне алтарь. Также он дарит деревенским жителям Миннодуна (Мудон) 750 динариев, на проценты от которых они должны немедленно устроить спортивный праздник на три дня. Этим же жителям я отдаю эти деньги навечно. В случае, если они захотят использовать эту сумму на другие цели, я хочу, чтобы эти деньги были отданы жителям колонии Авентик. Место для установки дано по решению общины Мудона» (CIL XIII. 5042).

Города со своей стороны благодарили своих патронов и учредителей почетными статуями и надписями, и эти-

ми очевидными почестями побуждали одновременно к подражанию других состоятельных горожан: «Тиберию Юлию Сабучину, сыну Тиберия из *квирийской трибы*, *дуовиру*, начальнику общественных построек, *фламину Августа*, патрону общины — колонисты Авентика из собранных денег за его выдающиеся заслуги перед ними» (CIL XIII 5102).

Надпись из Геркуланума начала I в. н. э. сохранила подробности и формальности того, как город почтил имеющего перед ним заслуги сенатора: «Учитывая, что М. Офиллий Целер, *дуовир*, во второй раз внес предложение, честь общества требует вознаградить заслугу. М. Нония Бальба, и по этому поводу было вынесено постановление: Так как М. Ноний Бальба, пока он здесь жил, с необычайно большой щедростью проявил себя как отец отдельным людям и всему сообществу, городские советники постановили на самом оживленном месте за общественный счет воздвигнуть ему конную статую с надписью: М. Нонию Бальбу, сыну Марка из *трибы Менения*, претору, проконсулу *патрону* воздвигает эту статую единогласно совет горожан Геркуланума за его заслуги. Кроме того, они постановили от имени общины поставить мраморный алтарь над его прахом с надписью: «М. Нонию Бальбу, сыну Марка. От этого места на *паренталиях* должна начинаться процессия; гимнастические игры должны быть продолжены на один день в его честь, а на представлениях в театре должно стоять его кресло. Так постановил городской совет».

Выборы магистратов долгое время были для городов кульминационным пунктом местной политики. Только из Помпеи происходят 2 800 надписей, созданных в связи с такими выборами, среди них около 1 500 датируются 79 г. н. э., годом гибели города. Дельцы, профессиональные группы, отдельные лица и даже лишенные голоса женщины агитировали за своих кандидатов, как пока-

зывают следующие надписи из Помпеи: «Феб со своими покупателями предлагает на должность дуовиров М. Голкония Приска и Г. Гавия Руфа». «Все суконщики просят как дуовира Голкония Приска». «Гениалий предлагает дуовиром Бруттия Бальбу. Он будет держать в порядке городскую кассу». «Сделайте эдилами М. Казеллия и Л. Альбуция! Стация и Петрония просят об этом. Такие граждане должны быть в нашей колонии!»

Как показывают *вносимые на должность суммы*, кроме высших магистратов, особенно желанными были жрецы города. К социальному престижу представителя правящего слоя принадлежала в соответствии с традицией деятельность в области религии. За исключением уже упомянутых *августалов*, которыми могли быть и богатые вольноотпущенники, все городские жрецы были свободными, богатыми горожанами, которые выбирались сначала на народном собрании, а позже городским советом, частично они получали эту должность на ограниченный срок, а частично — пожизненно. Кроме старых жреческих должностей Запада, *попификов* и *авгуров*, при принцепате культу императора стали служить *фламины*. На эти должности на востоке империи, наряду с местными жреческими должностями, находилось всегда много претендентов.

Так как от жреца ожидалось большие финансовые затраты на оформление религиозных церемоний и культовых действий, жертвоприношений и игр, этот круг лиц пользовался освобождением от воинской службы, от принудительных работ в пользу города, от исполнения судебных функций или от опекуинства и от других обязанностей.

По сравнению с относительно единообразной моделью городских конституций Запада структуры греческих городов Востока были значительно сложнее. В них продолжали существовать древние учреждения и институты, хотя конкретные обязанности (как, например, в случае со стра-

тегами) полностью изменились. В таком большом городе, как Эфес, при принципате было еще народное собрание, которое собиралось в большом театре и проводилось старшим писцом. В городском совете насчитывалось 300 советников. Кроме управленческих чиновников (стратегов и агрономов, отвечавших за снабжение зерном и за рынок), в этих античных городах было много городских магистратур с надзорными функциями: *лименархи*, контролирующие порт; *парафилаки*, обеспечивающие общественную безопасность, и *эйрепархи*, служащие мировыми судьями.

Не менее престижным в Эфесе был жреческий пост пританов, который могли занимать и женщины. Их обязанности заключались в заботе о божественном неугасающем огне на Пританейоне, кроме того, пританы должны осуществлять жертвоприношения и курение фимиама, все это на собственные средства. Самостоятельным оставался необычайно богатый привилегированный храм Артемиды.

Какими бы важными ни были отдельные функции городских советов и обязанности магистратов с местной точки зрения, представители местной муниципальной аристократии на востоке империи не строили никаких иллюзий по поводу политической реальности. «Политические предложения» Плутарха начала II в. н. э. дают критическую оценку положения дел: «При всех усилиях обеспечить послушание своей родине правящей власти, государственный деятель не должен навлекать позор и унижение на свою родину и, если скована нога, класть цепь еще и вокруг шеи. Многие так и делают. Когда государственным людям предлагается на рассмотрение важное и неважное, они считают зависимость позором или более того, они уничтожают самостоятельность управления. Так они вызывают страх, боязнь и полное бессилие. Многие привыкли не есть и не купаться без врача и

не осмеливаются пользоваться своим здоровьем, хотя природа это разрешает. Точно так же многие для каждого постановления, каждого заседания, каждого утверждения предварительно испрашивают решения наместника и дают правителям большую власть над собственной родиной, чем они того сами желают. Винаваты в этом прежде всего алчность и честолюбие правящих слоев. Они принуждают маленьких людей покидать город из-за того вреда, который они им причиняют. Когда они между собой ссорятся, они ищут поддержки не у сограждан, а у власть имущих. В этом заключается причина, почему совет, народное собрание и суд полностью потеряли свое влияние».

Очевидно, что относительно маленькие городские магистратуры благодаря удивительной работоспособности чиновников и благотворительности богатых горожан были способны выполнять задачи самоуправления. Однако после первых признаков местных кризисов во времена Траяна и Адриана после середины II в. н. э. увеличились признаки того, что нагрузки городов, будь то из-за собственных честолюбивых проектов или из-за передачи дополнительных обязанностей администрацией империи, так сильно возросли, что немногочисленные состоятельные группы городских советов все чаще стали добиваться освобождения от новых обязанностей. Параллельно с этим, неслыханных до сих пор размеров достигло принуждение свободных граждан к разнообразным личным или материальным услугам.

Таким образом, городские советы превратились в организации, которые должны были по возможности равномерно распределять все заботы между работоспособными слоями. Имущие слои обременили натуральной и денежной повинностью, предоставлением квартир и продуктов для приезжих чиновников или войска, обеспечением посольств, ремонтом зданий и общественных со-

оружий; низшие слои занимались черновыми работами для города.

Сами по себе эти вынужденные меры должны были бы стабилизировать положение, однако этого не случилось, потому что *принцепсы* и наместники требовали все новых привилегий. Так, были освобождены от принудительных обязанностей высокопоставленные лица и государственные должностные лица империи, среди них прокураторы, сенаторы, офицеры и солдаты после продолжительной службы, ветераны, врачи, учителя и жрецы. К этому нужно добавить *персонально* привилегированных и институт ограниченного сроком освобождения, то есть, когда освобожденный получает должность в магистратуре. Таким образом, из-за этих мер круг обремененных обязанностями становился все меньше, а нагрузки — все больше.

Городские законы и надписи знакомят только с каркасом политической жизни муниципальной аристократии. В отличие от сената, армии и *дома принцепса* события в городских советах освещены в литературе и в надписях только в исключительных случаях; различный социальный состав городских советов анализируется очень редко. Причина этого частично в том, что для таких провинций, как Британия, имеются настолько скудные данные, что они вообще не могут ответить на такие основополагающие вопросы, как преемственность региональных и местных правящих слоев.

В северо-западных провинциях империи, в городских советах преобладали романизированные местные жители, причем эти декурионы обладали латинским или римским гражданским правом, поэтому о них не упоминалось в таких определениях, как, например, определение городского права города *Флавия Сальпензана* времен Домициана. Там констатируется, что *дуовиры*, эдилы и квесторы

после истечения года службы получали римское гражданское право для себя и своих ближайших родственников (ILS 6088, XXI). Число бывших солдат в городских советах было невелико.

Совершенно другая структура засвидетельствована в городских советах ветеранских колоний и больших городов. В них наличие италиков и других неместных лиц было очень велико. Слой декурионов в торговых и портовых городах был неоднороден, как по происхождению, так и по профессии. В маленьких, не имеющих выхода к морю городах, наоборот, городской совет часто был идентичен собранию средних и крупных, часто поверхностно романизированных крестьян. Четкого деления между городом и деревней не было потому, что декурионы, как правило, владели небольшими поместьями в окрестностях своего города.

Специальное исследование Г. Альфёльди показало, какое большое социальное и ментальное различие существовало между городскими советами провинции. Тогда как колония Тарракон, столица провинции *Ближняя Испания* и одновременно важнейший город Иберийского полуострова при принципате, располагал социально-дифференцированным городским советом, который обладал многочисленными связями с римским правящим слоем и хорошими возможностями продвижения на государственной службе, положение вещей в городе Сагунте было совершенно другим. В Сагунте однородная городская аристократия изолировала себя как от влияний извне, так и снизу. Она жила с сознанием великой традиции; по преданиям, город был основан Гераклом или возводился к грекам из Закинфа, поэтому он считал себя старше Рима и застыл в крайне консервативной принципиальной позиции. В колонии Барцинол члены городского совета только в исключительных случаях переходили в правящий слой им-

перии, однако в принципе здесь тоже их состав был дифференцированным. Его структура гораздо ближе к структуре Тарракона, чем Сагунта.

Обнаруженный в Бонне алтарь Ауфанским матронам, один из красивейших памятников этой почитаемой в рейнском регионе богине, показывает, что представители муниципальной аристократии, невзирая на всю лояльность к императорскому культу и римским государственным богам, все еще почитали своих древних местных богов. Надпись на алтаре гласит: «Ауфанским матронам К. Веттий Север, квестор колонии *Клавдия Агриппина*, выполнил свой обет в консульство Марцина и Цельса».

Как члены городских советов отдельных городов, так и каждый из их членов рано или поздно оказывались втянутыми в противоречия между местными и имперскими интересами. Хотя будни городских советов определялись внутригородскими проблемами, нередко они прямо или косвенно соприкасались с компетенциями римской провинциальной администрации. К этому нужно добавить, что городские советы при улаживании всевозможных частностей городского управления сами обращались к *принцепсу*, испрашивая его согласие. Так, рескрипт Антонина Пия 158 г. н. э. македонскому городу поясняет: «Я даю свое согласие, чтобы вы обложили каждого из всех свободных людей, платящих налоги, еще одним динарием, чтобы иметь его как дополнительный доход для крайней необходимости. Вы должны иметь 80 членов муниципалитета, каждый должен дать 500 аттических драхм, дабы вы завоевали авторитет из-за величины совета, и из денег, которые они дали, получали дополнительные доходы...»

Городская автономия зависела от материальных средств города, но также и от масштаба их обязанностей. Когда города стали нагружать все большими имперскими обязанностями и требованиями, устоять против этой

нагрузки смогли только богатые города. Как правило, они не обладали большими финансовыми резервами и особенно во II в. н. э. жили на собственные средства. Вся система пожертвований была ориентирована на настоящее; жертвователи в первую очередь искали одобрения своих современников, а во вторую — воспоминания об их благодеяниях. Анонимные жертвователи были немыслимы.

Идентификация представителей муниципальной аристократии с их городом, размер пожертвований, также взятие на себя нагрузки часто труднодоступны пониманию современного человека. Они предполагают не только «гражданское чувство» и «патриотизм», но и готовность дорого заплатить за общественное положение собственной семьи и за социальный престиж. Во всяком случае слишком односторонне было бы видеть в городе и в муниципальной аристократии «коллектив рабовладельцев и землевладельцев... Объединение с целью держать рабов в повиновении и привязать к себе неимущих свободных людей и угнетать их» (Штаерман Е. М. «Кризис рабовладельцев на западе Римской империи». Берлин, 1964, 31).

Всадники

В современных исследованиях царит согласие по поводу того, что именно сословие всадников извлекло пользу от принципата и имело большое значение для институализации и утверждения новой государственной формы. В новых анализах, правда, переоценивается категория этого сословия, и даже утверждается, что *принцепсы* или некоторые из них якобы осуществляли консистентную политику в отношении этой группы людей. При этом, как правило, исходят из дуализма и антагонизма между сенаторскими и всадническими сословиями; общее развитие внутриимперского правящего слоя объясняют систематическим ослаблением сенаторского сословия и систематическим стимулированием всаднического.

Хотя, безусловно, наблюдаются некоторые тенденции в этом направлении, концепция в целом ошибочна. Политику *принцепсов* с такими целями доказать нельзя; не было и последовательной оппозиции всаднического сословия сенаторскому. Ее не могло быть уже потому, что всадническое сословие не обладало таким органом, который хотя бы отдаленно соответствовал сенату, и никогда не получило сравнимую с ним организацию, представляющую ее интересы. Для *принцепсов* отдельные всадники, как активные личности, были несравнимо важнее, чем сенат, как целое.

Это всадническое сословие было поразительно

неоднородно, несмотря на строго зафиксированные предпосылки для принадлежности к нему: доказательство свободного рождения, как минимум, в двух поколениях в семье всадников, условие, которое при случае отменялось самим *принцепсом*, минимальное состояние в 400 000 сестерциев и назначение *принцепсом*. Римскими всадниками были такие влиятельные, могущественные и состоятельные люди, как Мecenат или Саллюстий Крисп, который, как пишет Тацит, превосходил по власти многих консулов и триумфаторов. Всадниками были преторианские префекты Сеян и Бурр, такие разные люди, как Арминий и Понтий Пилат, поэт Марциал, биограф Светоний, талантливый военный Марций Турбон, *принцепс* Пертинак, юрист и преторианский префект Плавциан, но также и такие люди, как обедневший и презираемый, «живущий среди грядок и капусты» Гай Гадрий Вентрион.

Несмотря на коренную реставрацию разделенного на сословия общества, проведенную Августом, для принципата было характерно, что сама принадлежность к сословию ничего не говорила о функциях власти и влиянии человека. С одной стороны, существовали тесные связи между всадническим сословием и муниципальной аристократией, с другой же стороны, демонстративное упорство оставаться во всадническом сословии, хотя для упомянутых лиц в любое время было возможно продвинуться в сенаторское сословие. Однако для таких людей, как Мecenат, была гораздо предпочтительнее возможность непосредственно влиять на *принцепса*, чем получить сенаторскую магистратуру и оказаться на том же уровне, что и коллеги по должности. Таким образом, всадническое сословие, как и «сословие чиновников», не только превратилось как бы в услужливый инструмент *принцепса*, но его представители получили при принципате возможности развития, которых у них никогда до этого не было.

Если общее число всадников уже при Августе оцени-

вается примерно в 20 000, то при принципате оно значительно увеличилось. Однако не во всех городах и регионах империи процент всадников по отношению к общему населению был одинаков, по данным Страбона, их было особенно много в Гадесе и Патавии; для обоих городов он называет непривычно высокое число: по 500 всадников в каждом. Из всей провинции *Далмация* до сих пор известно только 50 всадников, из *Норика* — 22, из германских провинций — только горстка всаднических землевладельцев, гораздо большее число служило там в пограничных крепостях, в каждом случае как командиры вспомогательных формирований.

Долю всадников в офицерском корпусе римского войска и в администрации империи лучше всего проиллюстрировать статистическими данными, которые получены из исследования надписей и поэтому несут в себе некоторый фактор неопределенности. Тем не менее, они хотя бы приблизительно отражают порядок величин. Тогда как при Августе приблизительно 300 постов было занято всадническими офицерами, то число этих *префектов* и *трибунов*, обязанности которых будут описаны далее, по исследованиям Эрика Бирлея, во II в. н. э. составило 500. В гражданской сфере полем деятельности всадников был сектор судопроизводства. По Квинтилиану, из 5 000 судей Рима и членов судов присяжных всадников было не менее 3 000.

Что касается сферы имперской администрации, нужно сказать, что управление римскими провинциями даже при принципате оставалось прерогативой сенаторов. В 14 г. н. э. только 8 из 31 провинции управлялись всадническими наместниками, в середине II в. н. э. — 13 из 46. П. А. Брант недавно указал на то, что в промежутке между 14 г. н. э. и III в. н. э. нет никакого указания на то, что всадник занял сенаторскую должность. Зато всадники воспользовались реорганизацией имперской администрации, а позже вытеснением вольноотпущенников с ответствен-

ных постов. По новейшим подсчетам, в середине II в. н. э. 110 руководящих должностей были заняты всадниками, по большей части они являлись прокураторами или работали в налоговом или гражданском управлении.

Еще отчетливее общая тенденция просматривается на основе результатов Г. Альфёльди: «В то время, как число сенаторских должностей — от квестуры и выше — от Августа до середины III в. н. э. поднялось с 131 до 165, число высоких всаднических должностей за этот же промежуток времени увеличилось с 30 до 188...» («Положение всадников в правящем слое Римской империи». «Chiron». 1981, с. 211). Сильному увеличению должностей для представителей всаднического сословия содействовал и тот факт, что на высоких постах при принципате к сенаторам добавились всадники в должностях *прокуратора*, *субкуратора* или *адьютора*. Неясно, было ли это сделано с целью конкурирующего контроля, «псевдоколлегальности», как это утверждает Г. Пфлаум. В большинстве случаев причину этого нужно искать в повышении объема задач интенсифицированной администрации.

Названные цифры дают понять, что число представителей всаднического сословия год от года в различных областях офицерского корпуса и администрации становилось больше, чем представителей сенаторского сословия, которое, правда, сохранило традиционные высокие посты. Не менее важным является тот факт, что только небольшая часть от всех всадников находилась на военной или административной службе, гораздо больше всадников были землевладельцами или занимались хозяйственной деятельностью. Всадническое сословие пополнялось не только за счет финансовых и хозяйственных слоев, прежде всего из муниципальной аристократии, но и за счет вольноотпущенников. Так, Ведий Поллион, один из богатейших всадников августовского Рима, являлся сыном вольноотпущенника; вольноотпущенник Антоний Муза,

личный врач Августа, был возведен им во всадническое сословие, как и позже вольноотпущенник Иулл—Гальбой.

Карьера всадников известна прежде всего из тысяч почетных и надгробных надписей. Они особенно подробно изучались Г. Пфлаумом, который старался доказать систематику этой карьеры и установить содействие некоторых *принципов* в этой области. Так, римская надпись с Авентина, весь текст которой был точно воспроизведен еще в XVI в., сообщает следующее: «Марку Петронию Гонорату, сыну Марка из *трибы Кверины*. Префект I когорты, военный трибун *I легиона Минервы*, префект фракийской *алы Августа*, прокуратор монетного двора, счетовод *Августа*, префект анноны, префект Египта, младший понтифик. Торговцы маслом из *Бетики* своему патрону. Писано при кураторах Кассии Фаусте и Цецилии Генорате» (ILS 1340).

Эта надпись на примере показывает важнейшие этапы всаднической карьеры, которая привела этого человека в 147—148 г. н. э. к высшей римской должности на Ниле — префекту Египта. Торговцы маслом из *Бетики* поступили предусмотрительно, выбрав своим патроном такого влиятельного человека.

Всадническая карьера очень часто начиналась с деятельности в судах присяжных города Рима или занятия должности в муниципальных магистратурах городов империи. Треть всех известных римских всадников до Адриана частично до, частично после своей деятельности на государственной службе, получала муниципальные должности. На офицерской службе карьера всадника начиналась с трех различных командных постов, к которым со II в. н. э. был добавлен четвертый.

Без специальной подготовки молодой всадник в возрасте от 25 до 30 лет принимал в качестве префекта командование когортой, пехотным соединением вспомогательных групп, численностью около 500 человек. Как вто-

рая ступень следовало командование когортой легиона численностью в 1 000 человек или соответствующий пост в штабе легиона. Третьей ступенью, как правило, было командование кавалерийским полком вспомогательных групп в 500 человек в качестве *префекта алы*. Особо квалифицированным кавалерийским командирам могло предоставляться командование кавалерийским формированием в 1000 человек. Эрих Бирлей считал, что средняя продолжительность каждой ступени составляла приблизительно три года.

Тогда как продолжительная офицерская служба *трех ступеней* проходила в большинстве случаев в пограничных крепостях или в легионерском лагере, а нередко и во время военных операций, последующая гражданская служба всадника могла проходить в любой провинции империи. По расчетам Пфлаума, около 85 % всех известных всаднических прокураторов до этого служили офицерами, с другой же стороны, около 85 % прокураторов первоначально были центурионами, т. е. профессиональными младшими офицерами.

Также и для гражданской прокураторской карьеры всадники не обладали специальным образованием или подготовкой. Налоговые, финансовые, таможенные и общие управления нуждались в большом количестве всаднических прокураторов, причем критерии отбора и увольнения однозначно установить не представляется возможным; разумеется, едва ли можно переоценить влияние всякого рода покровительства и рекомендательных писем *принципсу*.

Уже давно такой испытанный всадник, как М. Петроний Гонорат, был назначен для руководства монетным производством как прокуратор монет наряду с молодыми сенаторскими монетными тресвирами, а после отвечал за взимание одного из важнейших налогов, а потом руководил общим налоговым управлением трех провинций,

прежде чем продвинулся к тем руководящим должностям, которые всегда предназначались для всадников.

В военной сфере всадники занимали должности командующего флотом, командира пожарной команды столицы; в административном секторе к этой группе принадлежали ответственный за общее продовольственное снабжение *префект анонны*, потом *префект Египта*, который обладал одним из ключевых положений в империи и был самым высокопоставленным всадническим сановником вообще, *префект преторианской гвардии*, причем обладатели этой должности, такие, как Сеян, Бурр или в III в. н. э. Тимезифей, выполняли даже функции регентов.

Всадники могли пользоваться рядом символов статуса и почетными правами, которые они ревниво охраняли. К этому относится тонкая пурпурная полоса на тунике, золотое кольцо, специфическая парадная униформа и почетные места в театре. Группа 6 000 всадников, кроме того, получила в награду от *принцепса* государственного коня. Но не менее важными для всадника на государственной службе были материальные вознаграждения, которые они получали на различных должностях. Предполагается, что военный трибун получал в год 50 000 сестерциев; точно установлено, что *сексагенарии*, *центенарии*, *дуценарии* и *треценарии* в зависимости от ранга получали 60 000, 100 000, 200 000, а с конца II в. н. э. даже 300 000 сестерциев в год.

В римском обществе и в римском государстве существовала только одна сфера, куда был закрыт путь для всадников: принадлежность к большим, древним жреческим коллегиям, которая оставалась важной составной частью престижа правящего слоя. Здесь всадники могли довольствоваться только менее авторитетными должностями *младшего понтифика*, *гарусника* или *луперка*.

Сенаторы

Теодор Моммзен, который при любой возможности метал громы и молнии против «господства юнкеров», как прусских, так и римских, восторженно прославлял сенат классической Римской республики: «Назначенный не по случайному совпадению рождения, а свободным выбором нации; утвержденный каждые четыре года строгим нравственным судом достойнейших людей; пожизненный и независимый от истечения мандата и от переменчивого мнения народа; единый и сплоченный, объединяющий в себе все, чем обладает народ в смысле политического разума и практического умения управлять государством; неограниченно компетентный во всех финансовых вопросах и в руководстве внешней политикой, обладающий исполнительной властью, римский сенат был благороднейшим выражением нации; по последовательности государственной мудрости, единству, любви к отечеству, полноте власти и мужеству он был первым политическим органом всех времен, «собранием царей», которое умело соединять республиканскую самоотверженность с деспотической энергией. Ни одно государство никогда не было столь достойно представлено, как Рим в его лучшие времена своим сенатом». Моммзен, правда, делает некоторые отступления от этого панегирика, когда указывает на роль особых интересов сенаторов во внутреннем управлении, однако его заключительное утверждение было достаточно одно-

значным: «... так римский народ в лице своего сената имел мудрое и счастливое самоуправление» («Римская история». Берлин, 1903).

Конечно, оценка Моммзена сильно идеализирована, однако власть сената и его роль во времена расцвета Республики описаны безусловно правильно. При принципате положение полностью изменилось. Правда, старая корпорация все еще обладала намеками древней *сенаторской власти*, оставалась самым главным по рангу органом империи и была гарантом преемственности государства. Но все основные политические функции принятия решений при принципате перешли к *принцепсу*; переданные сенату *принцепсом* функции не были настоящей компенсацией. Тот сенат, который описывает Тацит при Тиберии, не имел ничего общего с республиканскими: «Впрочем, тогдашнее время было настолько испорченным и раболепным, что не только ведущие люди государства, которые обеспечивали свое блестящее положение послушанием, но и все консуляры, большая часть которых была преторами, и даже многие простые сенаторы выступали наперегонки, вносили отвратительные предложения. Сообщают, что Тиберий, покидая курию, воскликнул по-гречески: «О, эти, готовые к рабству, люди!» («Анналы». 3,65).

Если даже оценка Тацита является односторонней, она все-таки показывает, как римский сенат при принципате стремился ориентироваться на представления, желания и намерения *принцепса*. Довольно часто он в традиционных рамках сообщает о мнениях *принцепса*, о поддакивающих статистах, функции которых были вряд ли более унизи-тельны, чем во времена после падения Нерона и убийства Коммода. Тем не менее *принцепс* и сенат рассчитывали друг на друга, *принцепс* рассчитывал на активное сотрудничество сенаторов, а сенаторы — на признание их общественного положения и обеспечение прав в широком смыс-

ле слова, которые им мог предоставить только *принципс* и его властные средства.

Но настоящей политической независимостью после 27 г. до н. э. римский сенат больше не обладал; при *принципате* никогда не было «сенатской политики». Сенат все больше превращался в «собрание нотаблей» (А. Хойс), и эти нотабли были обязаны своим положением исключительно расположению *принцепса*. Сенат, как орган, полностью зависел от уступок, благоволения или уважения, которое проявляли к нему некоторые *принцепсы*.

Как только менялся *принципс*, всегда менялась атмосфера в отношениях, сенат оставался только по видимости и только внешне идентичным и однородным. Сокращенный «чистками» и преследованиями, дополненный лояльными, но и талантливыми социальными выдвиженцами, усиленный расширением своих членов людьми регионального происхождения, римский сенат давно потерял традиционно-республиканский профиль. Перераспределение в конце концов привело к новому качеству. Сенат *принципата* на основе интересов своих членов полностью растворился в новой системе.

Социальный престиж и политическая власть сенаторов находились в большом противоречии друг с другом. С самого начала было бессмысленно ожидать от политически бессильного сената *принципата* защиты традиционной конституции. Тем не менее, хотя и периодически и латентно, возникали напряженные отношения между *принцепсом* и сенатом. Кризис в отношениях возникал не только из-за авторитарного и произвольного использования власти *принцепсом*, но и из-за резких явлений централизации и концентрации в администрации, накопления компетенций или провоцирующего стиля правления, с одной стороны, и анахроничного и нереалистического поведения, с другой. Кризисы были перманентно заложены в отсут-

ствии четкого порядка наследования, который не мог быть заменен даже идеологией «адоптивной империи».

Еще во времена поздней Римской республики должностная карьера римских сенаторов была нормирована, и при принципате тоже выработались определенные критерии для карьеры и повышения по службе, которые были проанализированы В. Эком. Как правило, молодые члены сенаторских фамилий, обладающие минимальным состоянием в 1 миллион сестерциев, начинали сенаторскую служебную карьеру в возрасте от 18 до 20 лет в так называемом вигинтивирате, т. е. занимали пост в той государственной комиссии, которая насчитывала 20 членов.

Молодой человек, как *триумвир*, вместе со своими коллегами или *наблюдал за чеканкой монет*, или был *членом дорожной комиссии*, или занимался юриспруденцией, как *триумвир по уголовным делам* с ответственностью за осуждение и казнь преступников, или, как *децемвир*, должен был принимать решения в процессах по освобождению или в записях актов гражданского состояния. Престиж четырех комиссий был неодинаковым. Самой престижной считалась должность *триумвира по чеканке монет*, и поэтому ее занимали исключительно представители старых патрицианских семей.

Уже здесь проявляется характерное для сенаторской карьеры предпочтение членам патрициата, для которых привилегии предоставлялись потому, что принципат не хотел отказываться от великого и полного блеска названия республики. Молодые патриции должны были также пройти только классические магистратуры, и они всегда получали почетные задания. Следствием этого было то, что патриций при принципате мог в возрасте 33 лет стать консулом, тогда как представители непатрицианских семей выдерживали более длительную и острую конкуренцию и получали консулат, если вообще получали, не раньше, чем в 43 года.

После поста вигинтивирата следовала служба в качестве военного трибуна. Из шести мест трибунов каждого легиона одно всегда было предназначено для так называемого *латиклавного трибуна* (носящего латиклавию — тогу с широкой пурпурной полосой), в общей сложности в распоряжении имелось от 26 до 28 штатных единиц. Как правило, эта штабная офицерская служба молодого сенатора длилась от 2 до 3 лет, однако готовность служить дальше так же засвидетельствована, как и стремление по возможности сократить эту военную службу в больших лагерях пограничных провинций или на театре военных действий. Как ни оценивать это индивидуальное поведение в отдельных случаях, при принципате молодой сенатор с его военными специальными знаниями и опытом был не способен самостоятельно выполнять большие военные задачи. Непременной предпосылкой являлось занятие следующей командной должности, такой, как легат легиона.

Первым большим *переломным моментом* в карьере сенатора была квестура, многосторонняя управленческая должность преимущественно подчиненного ранга, которая часто заключалась в руководстве кассой или другими сферами администрации. Как правило, ее получали в возрасте 25 лет. Магистратура квестора была такой важной потому, что с ней связывался официальный прием в сенат. Отдельные должности квестуры различались. Особым престижем пользовались оба *квестора Августа*, немного меньшим — два *городских квестора*, четыре *консульских квестора* и, наконец, 12 назначенных в сенатские провинции *квесторов провинций*.

За квестурой следовала двухгодичная пауза. Только тогда бывшие квесторы могли претендовать на народный трибунат или на место эдила. Однако эти должности были обязательными только для непатрициев, так как каждый год для замещения выделялось только 10 должностей

народных трибунов и б эдилов, это могло привести к тупику в сенаторской карьере.

В возрасте 30 лет достигалась претура, для которой имелось в распоряжении 18 мест. Магистратура уже давно не была сконцентрирована, как во времена Республики, на сфере юриспруденции, но прежде всего открывала путь к многочисленным преторским должностям, из которых бывший претор должен был долгосрочно занимать, как минимум, три, прежде чем при благоприятном случае достигнуть вершины сенаторской карьеры — консулата. *Преторы* нередко, как *легаты Августа*, управляли маленькими провинциями, они контролировали большую центральную кассу казны *Сатурна* и военной казны, в качестве *кураторов дорог* они осуществляли надзор за одной из крупнейших шоссейных дорог Италии — *Аппиевой дорогой*, *Фламиниевой дорогой* или *Эмилиевой дорогой*, как *судьи* они председательствовали на судах средней инстанции, как *кураторы* или *префекты* отвечали за распределение зерна в столице или наблюдали за общественными работами. Но прежде всего они в качестве легатов командовали римскими легионами.

Исполнением преторской должности заканчивалась карьера многих сенаторов, так как во II в. н. э. до консулата поднялись в год в среднем от 8 до 10 представителей этого слоя.

После исполнения этой, как и раньше, самой престижной магистратуры, консуляры занимали целый ряд ключевых постов в столице и провинциях. К ним относятся такие обязанности, как водоснабжение Рима, контроль за берегом Тибра и канализационными сооружениями, особенно престижная должность городского префекта, а также наместничество в больших провинциях, где стояло до 4 легионов и большое число вспомогательных соединений, так что эти должности включали в себя военное руководство.

Г. Альфёльди привел доказательство, что подъем людей провинциального происхождения в круг тех сенаторов, которые добились консульства во II в. н. э. значительно увеличился, тогда как число италийских консулов при Антонине Пие упало до 56 %, а при Марке Аврелии — до 43 %. Совершенно очевидно, что это развитие вызвано кризисом второй половины века. Посреди войны на два фронта с парфянами и германцами, в борьбе против чумы, восстаний, обесценивания валюты и голода больше не было спроса на сенаторов, отягощенных великими семейными традициями.

Относительно редким в карьере сенатора был повторный консулат. В течение 70 лет между 69 и 138 г. насчитывалось 38 или 39 *вторых консулатов* и 10, а, возможно, 11 *третьих...*; в течение 54 лет, начиная с Антонина Пия и до смерти Коммода было только 16 *консулов*, получивших эту должность *дважды*» (Альфёльди Г. «Консулат и сенаторское сословие при Антонинах» Бонн, 1977, 107). Уже во времена Антонинов второй консулат получали прежде всего члены семьи *принцепса* и другие особо знатные аристократы, однако этого редкого звания были удостоены и заслуженные сановники, среди них целый ряд городских префектов.

Важным элементом для престижа отдельных сенаторов являлась демонстративно выставляемая на обозрение деятельность в области религии. Древние высокие жреческие посты республики оставались крайне почетными. Принадлежность к классическим жреческим коллегиям *понтификов*, *авгуров*, *фециалов* и коллегии, состоящей из 15 или 7 жрецов, была очень престижной в социальном плане, в остальном же имела мало общего с личными религиозными убеждениями сенаторов.

Так как эпитафии и почетные надписи римских сенаторов и всадников перечисляют не только высокие посты в магистратуре или важнейшие функции покойного или

почитаемого, но и в сильно сокращенной форме называют *все ступени его карьеры*, такой лапидарный текст выглядит примерно так:

«M. Arruntio
M. f. Ter. Aquilae
III viro a. a. a. f. f.
quaest. Caesaris
trib. pl. pr. cos.
XV viro saer. fac
filio».

Эта надпись из Падуи чествует Марка Аррунция Аквилу, сына Марка из *трибы Теретины*. Она перечисляет все магистратуры вплоть до консулата, не включает однако часто военные должности, но упоминает о важнейшей жреческой.

Сенаторская почетная надпись из Луковиц в Хорватии заслуженному военному, наоборот, перечисляет его военные посты и знаки отличия. После расшифровки сокращений и дополнений поврежденного и частично уничтоженного текста, она сообщает следующее: «Луцию Фунисулану Веттониану, сыну Луция из *аниензийской трибы*, военному *трибуну VI Легиона Победителя*, *квестору* провинции Сицилия, народному трибуну, легату *VI Скифского легиона*, префекту казны *Сатурна*, куратору дороги Эмилия, консулу, куратору провинции *Далмация*, а также провинции *Цаннония*, а также *Верхней Мезии*, награжденному императором *Домицианом Августом Германиком* четырьмя венками за Дакскую войну, а также четырьмя почетными копьями и четырьмя почетными отличиями. Патрону по решению *декурионов*».

В этих надписях всегда преобладают перечисления магистратур и функций. Только в очень редких случаях содержатся конкретные биографические данные, которые восхваляют индивидуальность почитаемого и прославля-

ют его особые заслуги на войне или в администрации. Наоборот, чаще подчеркивается благосклонность *принцепса*, тот факт, что сенатор был избран в магистратуру как *кандидат принцепса*, получил от него награды и определенный чин или приобрел дополнительный престиж как его сопровождающий.

Хотя влияние *принцепса* на назначение сенаторских магистратур было решающим, сенат сохранял определенную свободу действий при назначении на эти должности с тех пор, как выборы от комиций перешли к сенату. В 14 г. н. э. Плиний Младший в своем письме описывает беспорядки, которые возникали в его время: «В день выборов все требовали таблички для тарного голосования. Мы уж давно превзошли беспорядок народных собраний своим шумным открытым голосованием. Никто не соблюдал регламента, никто не молчал, никто не умел с достоинством оставаться на своем месте. Со всех сторон разносился дикий, неблагозвучный крик, все пробивались со своими кандидатами, в середине образовывались многочисленные группы и царил невообразимый беспорядок; мы очень отделились от обычаев наших отцов, у которых все было упорядочено, умеренно и спокойно, соблюдалось достоинство и приличие.

Есть старые люди, от которых я часто мог слышать, как раньше проходили выборы: при названии имени кандидата глубокая тишина; он лично говорил сам за себя, давал отчет о своей жизни, вызывал свидетелем или сторонником того, под началом которого проходил военную службу или при ком он был квестором и, если возможно, выступали оба. К этому он добавлял некоторых лиц, которые ему оказывают поддержку; все говорили с достоинством и кратко. Это приносило больше пользы, чем просьбы. Иногда кандидат говорил о происхождении или возрасте, или образе жизни своего вербовщика; сенат слушал это с серьезностью моралиста» (Плиний. «Пись-

ма».3,20). Против разнообразных злоупотреблений при выборах, приглашений на изысканные пиры, подарков и взяток выступил Траян: «Он ограничил в законе против коррупции задачи кандидатов, эти постыдные и бесславные задачи; он также обязал их вкладывать треть унаследованного состояния в земельную собственность, т. к. считал неприличным, — и это так и было, — чтобы люди, претендующие на почетные должности, рассматривали Италию и Рим не как свое отечество, а как путешественники считали их постоянным двором».

Особое положение *патрициев* было уже отмечено. Эти представители старой римской аристократии постоянно находились под угрозой потерять единственный в своем роде социальный престиж. Еще Цезарь в 45 г. до н. э. получил право назначения новых патрициев. Август, который, по закону *Сения* (30—29 гг. до н. э.), получил такую же компетенцию, возвысил 60 сенаторов в патрициат; следующий поток назначений последовал в 48 г. н. э. при Клавдии. Однако эти регенеративные попытки не принесли успеха. «Новый патрициат» юлиевского и клавдиевского происхождения в конце II в. н. э. появляется очень редко.

По мнению патрициев, особо высоким авторитетом пользовались потомки республиканских консулов. Они чувствовали себя выше семей, выставивших консула, только после 14 г. н. э., который не мог похвастаться народными выборами в комициях. *Новым человеком* в прямом смысле этого слова был тот сенатор, который первым из своей семьи получил консулат. Сенат был подразделен на группы по рангу, например, консуляров, преторов и квесторов, т. е. в зависимости от высоких магистратур, которые до этого занимали отдельные сенаторы.

Состав сената изменялся многократно. При Августе и Тиберии из 600 сенаторов около дюжины происходили из

провинций, как правило, из старых романизированных областей *Нарбоннской Галлии* и *Бетики*. Начиная с Клавдия, доля этой группы постоянно возрастала. Добавились новые сенаторы из провинций *Африка*, *Азия* и *Галация*, однако еще при Антонине Пие большинство представляли сенаторы италийского происхождения. С другой стороны, по данным В. Экка, нет уверенных доказательств того, что какая-нибудь семья из обеих германских провинций *Реции* и *Норика* поднялась в сенаторское сословие.

Этот процесс распространения *почетного права* на вне-италийские силы проходил не без сопротивления. Тацит приводит возражения по поводу уже упомянутого выступления Клавдия в 48 г. н. э. в защиту этого права для галлов: «Одни уверяли, что Италия еще не упала так низко, чтобы быть не в состоянии пополнить сенат своей столицы. С давних времен для этого хватало ее уроженцев. И нам нечего стыдиться этого древнего установления. Еще и сейчас упоминаются славные деяния, которые совершили сыны Рима в добрые старые времена во имя его величия и славы. Разве недостаточно того, что венеты и инсбурсы проникли в курию? Должны ли также толпами валить иностранцы и делать из нас пленников? Какие почести останутся для людей благородного происхождения, или какой еще незажиточный человек из Лация станет сенатором? Всем завладеют те богатые галлы, чьи деды и прадеды с оружием в руках сражались против наших войск, будучи вождями враждебных племен, которые Божественный Юлий Цезарь осаждал в Алезии. Это все события недавнего прошлого. А как же обстоят дела сейчас, когда мы еще помним о тех, кто был уничтожен под Капитолием руками тех самых галлов? Пусть они носят имя граждан, но они не должны позорить знаки отличия сенаторов, почетные знаки высших государственных сановников!» (Тацит. «Анналы», XI, 23, 2).

В сообщении Тацита также упоминаются материальные предпосылки принадлежности к сенату. Плиний Младший является тем сенатором, о состоянии которого мы лучше всего проинформированы благодаря его обширной переписке. Он не принадлежал к числу самых богатых сенаторов принципата, и его нельзя сравнить с теми собратьями по сословию, состояние которых оценивалось в сотни миллионов сестерциев, а также и с теми, кто имел в провинции обширные земли.

Между тем со своим состоянием в 20 миллионов сестерциев он принадлежал к богатым сенаторам эпохи Траяна. Не считая семейной собственности, скопил это состояние из наследства своего дяди, Плиния Старшего, и из своих трех браков. Только его поместья на озере Комо и у Тиферна Тиберина в Умбрии оцениваются Р. Дункан-Джонсом в 17 миллионов сестерциев. Важную роль в финансовом положении Плиния сыграли и другие наследства и завещания, которые принесли ему более 1,5 миллионов сестерциев.

Тем не менее Плиний делал дарения как корпорациям, так и отдельным лицам на сумму, превышающую 2 миллиона сестерциев. Это были пожертвования на библиотеку его родного города Кома (1 миллион сестерциев), средства на обслуживание этой библиотеки (100 000 сестерциев), пожертвования на питание 175 детей (500 000 сестерциев), а также выплаты на неизвестную сумму храму в Тиферне Тиберине. К этому нужно добавить оставленные бездетным человеком после смерти деньги на содержание 100 вольноотпущенников, а также на бани в Кома. Таким образом, вполне реально оценить общую сумму его известных пожертвований более, чем в 5 миллионов сестерциев. Конечно, не следует обобщать структуру состояния, экономическую активность в аграрном секторе и необычайную щедрость этого человека, однако они конкретно указывают на тенденции, на которые ориентировались сенаторы при принципате.

Армия

Еще Август predetermined направление развития отношений между *принцепсом* и армией, а также политическую и общественную роль войска при принципате. И последующие *принцепсы* никогда не забывали, что своим положением они обязаны войску. Даже такие невоенные люди, как Клавдий или Домициан, были вынуждены искать прямых контактов с армией, а также сохранять и налаживать тесную связь со всеми римскими войсками и формированиями.

Ежегодное принесение армией присяги *принцепсу* и его дому, присутствие изображений правителя на штандарте всех лагерей и крепостей, постоянное несение портрета *принцепса* впереди всех военных соединений специальным знаменосцем, выпуск все новых серий монет, прославляющих армию и ее успехи, многочисленные алтари и надписи, посвященные *принцепсу* и его дому, — все это может показаться современному человеку чистой формальностью. В римском мире они были конкретным выражением приверженности и лояльности.

Армия при принципате являлась решающим фактором стабильности и укрепления власти, но также и фактором потенциальной опасности для новой системы. Для принципата характерно, что концентрация войск сначала производилась вне стен Рима и на периферии империи. Столица по древней традиции была «демилитаризирована»,

так же как Италия и большая часть спокойных провинций. Гвардия и военизированные формирования Рима, а в пограничных зонах, особенно в горячих точках, сконцентрированные легионы и вспомогательные формирования были вполне достаточны для защиты системы, как извне, так и изнутри. Решающей проблемой стали повиновение, дисциплина и лояльность войсковых соединений и их командиров.

Рис. 32. Преторианцы. Барельеф. Рим

Так как большие группы войск на Рейне, на Дунае, в Сирии и Британии все больше сплачивались благодаря общности задач и интересов, для *принцепсов* было очень важно поставить на ключевые посты в войсках надежных людей. Поэтому Август не мог обойтись без Марка Агриппы, Тиберия, Друза и Германика, Веспасиан — без Тита, Нерва — без Траяна. Все командующие театром военных действий непосредственно подчинялись *принцепсу* так же, как и все наместники, располагающие войсками, и легаты легионов.

Последовательная и непосредственная связь главного командования армией с *принцепсом* была необходимым противовесом центробежному развитию в отдельных группах войск, которое нельзя было полностью предотвратить ни сменой офицерского состава, ни перемещением части войска в другое место расположения. Активное исполнение этого главного командования требовало постоянного влияния на все формирования, которое лучше всего достигалось личным присутствием *принцепса* в армии, как это было при Траяне, Адриане и Марке Аврелии. Монополизация военного триумфа, императорские аккламации и присвоение победных имен являются доказательством этой демонстративной стилизации *принцепса* под первого воина империи.

С точки зрения политики силы важнейшими войсковыми соединениями были сначала 9, позже 12, а иногда и 16 *преторианских* когорт до 1 000 человек. Созданные Августом преторианские когорты сначала были не бросающимися в глаза и децентрализованными, потом их собрал Сеян в большой преторианский лагерь у *Виминальских ворот*, и они превратились в фактор власти первого ранга. Преторианцы посадили на трон Калигулу, Клавдия и Отона, они приперли к стене Нерву, и они же после убийства Коммода сыграли ключевую роль. Их префекты фактически являлись военачальниками Рима и были очень влиятельны.

Преторианцев набирали из свободных граждан Италии и старых римских колоний. Они пользовались всеобщим уважением из-за превосходного вооружения и выучки, а также из-за большой ударной силы, по причине многочисленных привилегий им завидовали, но также и ненавидели. В большом противоречии с этим итальянским ядром гвардии находились также тесно связанные с *домом принцепса* особые кавалеристы, которые набирались, как правило, в Германии и Паннонии и нередко использовались в качестве телохранителей, курьеров и на другой конфиденциальной службе.

Сначала 3, а начиная с Веспасиана, 4 *городские когорты* по 1 000 человек каждая примыкали к преторианцам, однако подчинялись *городскому префекту*. У этого соединения преобладали полицейские функции, а у 7 *пожарных когорт* — противопожарные. Это военизированное пожарное формирование было организовано так, что каждая из его когорт отвечала за предохранение от пожара и борьбы с ним в двух районах Рима. Ими командовал *пожарный префект*. Из всех формирований города Рима *пожарники* пользовались наименьшим уважением не в последнюю очередь потому, что они рекрутировались преимущественно из вольноотпущенников, которые после шести, а позже после трех лет службы получали римское гражданское право.

Основным ядром римского войска являлись и при принципате большие, независимые пехотные соединения — легионы. Их число колебалось между 25 после поражения Вара и 30 в больших военных столкновениях II в. н. э. Общее число легионеров составляло около 150 000 человек, т. е. половину всей римской армии, которая во времена Республики была усилена вспомогательными формированиями. 30 легионов по личному составу и вооружению представляли из себя все лучшее, что могла дать империя. Поэтому их использовали только в горячих точках, они были сконцентрированы в больших

легионерских укреплениях и никогда не рассредоточивались по границам или маленьким гарнизонам. В своих лагерях они демонстрировали военную мощь Рима. Если им приказывали выступить в поход, то это было сигналом предстоящих тяжелых боев против внешних и внутренних врагов.

Служба в легионах оставалась привилегией свободных римских граждан. По причине высокого жалования и (при почетной демобилизации) хорошего обеспечения эта служба была настолько привлекательна, что легионы никогда не испытывали трудностей при рекрутировании, и только в исключительных случаях прибегали к принудительному. Первоначально состав легионов формировался из молодых представителей *деревенского плебса* Италии, позже — из интенсивно романизированных провинций.

Легионы подразделялись на 10 когорт, а они в свою очередь на 6 центурий. Наряду с группами специалистов, таких, как военные инженеры, каждый легион имел кавалерийское соединение в составе 120 всадников. Организованные по единой схеме большие формирования имели особую для каждого легиона традицию, которая отражалась в разной символике (например, у VIII легиона это был бык, у XXII — горный козел), а также в названиях. Легионы отличались не только по номеру, они часто носили почетные названия, которые напоминали о воинских испытаниях в походах или о проявленной верности. Как, например, I Легион Миневры, Благочестивый и Верный.

Тогда как сенаторские командиры в относительно коротких интервалах менялись так же, как и военные трибуны и всадников и сенаторского сословия в штабе легионов, инициацию и преемственность воплощали второй офицерский легиона, принадлежащий к всадническому сословию — *факт лагеря* и особенно центурионы. Центурионы были профессиональные солдаты с большим опытом службы. От их квалификации зависели

выучка и боеспособность войск. Центурионы могли продвигаться по службе, занять должность командира I центурии легиона, т. е. высшего по рангу центуриона, или после специальной подготовки стать начальником штаба легиона.

Как и ранги центурионов, были дифференцированы ранги унтер-офицеров и рядового состава. Позже будет дан краткий обзор жизни легионера вместе с другими аспектами службы. Здесь будет выделена только категория хорошо зарекомендовавших себя унтер-офицеров легионов, так называемых бенефициариев, которые откомандировывались на службу к наместнику. Они частично выполняли функции современной дорожной полиции и полевой жандармерии, частично занимали ответственные должности в провинциальной администрации, например, в области снабжения, службы связи, надзора за конюшнями и военным снаряжением. Часто их маленькими группами сосредоточивали на постах бенефициариев; известен целый ряд таких постов, расположенных в тылу границы.

Бенефициарии имели на своих копьях, как это показывает висбаденский экземпляр, яркие, бросающиеся в глаза, служебные значки. Они были достаточно богаты, чтобы сооружать на своих постах алтари, из которых у Обернбурга на Майне было обнаружено семь. Ввиду тесной связи бенефициариев с местом своей службы можно легко понять, что они этими алтарями не только выражали свою приверженность к важнейшим для них великим богам, но и к *местным духам*.

При принципате общая численность всех римских вспомогательных групп была не меньше, чем общая численность легионов. По примеру Цезаря, перед поражением Вара все германские соединения были совершенно необдуманно отданы под командование собственных военачальников. Применение вспомогательных формирований, которые представлялись отдельными племенами на ос-

нове клиентельных договоров, при Августе и при последующих *принципах* все больше сокращалось и уступало место образованию или реорганизации этих формирований по единому римскому образцу.

Эти кавалерийские, пехотные или смешанные соединения, правда, носили названия племен, которые их предоставляли, однако очень скоро стали пополняться не обязательно представителями этого племени. Уже к концу I в. н. э. для большинства вспомогательных подразделений региональное рекрутирование по месту расположения гарнизона было важнее, чем рекрутирование из районов формирования; таким образом, этническая целостность за редким исключением нарушалась. Как уже было упомянуто, вспомогательными соединениями командовали префекты из всаднического сословия.

Чисто кавалерийские формирования численностью примерно в 500 или 1 000 всадников (*ала квингенария*, *ала миллшария*) пользовались наибольшим престижем. Они подразделялись на турмы. Гораздо большим было число пехотных соединений, когорт, чаще по 500, реже по 1000 человек, которые состояли соответственно из 6 и 10 центурий. Наоборот, смешанное подразделение имело в каждом случае 380, соответственно, 760 пехотинцев и 120, соответственно, 240 всадников.

Полная интеграция вспомогательных формирований в войско принципата сопровождалась изменением их вооружения, дислокаций и тактического применения. За исключением немногих особых соединений, в большинстве случаев восточных и африканских кавалерийских подразделений, вспомогательные формирования не сохранили специфического племенного оружия, а ориентировались в своем снаряжении на легионы. Вместе с ними они размещались гарнизонами вокруг больших лагерных укреплений, однако прежде всего стояли в пограничных крепостях. Почти для всех больших походов принципата характерно участие многих вспомогательных соединений, ко-

торые из их гарнизонов было вывести легче, чем большие формирования легионов.

Служба во вспомогательных формированиях являлась такой привлекательной для свободных провинциалов, потому что после 25 лет при почетной демобилизации человек получал полное римское гражданское право для себя, своих детей и их потомков и тем самым привилегированное улучшение своего положения. Об этом во времена между Клавдием и Константином Великим в Риме составлялся в письменной форме документ. Каждый солдат и вновь испеченный гражданин получал заверенную копию на двух металлических табличках, так называемый военный диплом. Как показывают более 300 сохранившихся экземпляров этого типа, он составлялся всегда по форме обнаруженного в крепости Неккарбуркен документа: «Император Цезарь, сын божественного Траяна, победитель парфян, внук божественного Нервы, Траян Адриан Август, верховный жрец, 18-кратный носитель трибунской власти, 3-кратный консул, отец отечества; всадникам и пехотинцам, чьи имена будут перечислены ниже, служившим в одной але и 15 когортах (*далее идет перечисление когорт*), которые были названы: Галльская и Первая Флавиева Дамасская, Первая Германская, Первая Лигурская и Испанская, Первая римских граждан и Первая ветеранская когорта Аквитанов, и Первая битуригов, и Первая астурийцев, и Вторая Августовская из Киринаики, и Вторая ретийская, и Третья Аквитанская, и Третья Далматская, и Четвертая Аквитанская, и Четвертая Винделинская, и Пятая Далматская, и Шестая ретийская, и стоящая в Верхней Германии под командованием Клавдия квинта, по истечении 25 лет службы с почетным увольнением дарует римское гражданское право им, их детям и их потомкам и признание законным брака с женами, которых они на данный момент имеют, и им тоже предоставляется гражданское право, в случае, если среди них есть холостые, то это право предоставляется тем, на ком они поз-

же женятся... В 17-е до ноябрьских календ в консульство П. Лициния Пансы и Л. Агтия Макрона» (16 октября 134 г. н. э.). Далее следует указание имен награждаемых и свидетелей правильности копии.

Первоначально вспомогательные формирования были результатом попытки непосредственного использования военного потенциала союзных племен; таким образом, упор делался на мобилизацию более легких и более подвижных соединений с обычным для них местным вооружением. Вследствие последовательной технической и тактической «романизации» эти соединения могли выполнять свои прежние функции только ограниченно. С конца I в. н. э. начали формироваться новые подразделения, так как потребность во вспомогательных группах постоянно возрастала, она распространялась на легкие войска, специальные формирования с опытом ведения войны в горах, а также на легкую и тяжелую кавалерию.

В верхнегерманском регионе при Антонине Пие появились *британские нумеры*, набранные в Шотландии формирования, которые были сначала дислоцированы на отрезке границы Неккар-Обервальд, а позже на внешней границе. Подобную же функцию имели боевые группы так называемых *кунеев*, для которых было типичным их местное вооружение и язык, на котором отдавались команды. В отличие от представителей регулярных вспомогательных подразделений, представители *нумер* и *куней* при демобилизации не получали римского гражданского права.

Значение флота империи очень часто недооценивается. Его организация и постановка задач являлись результатом гражданской войны после убийства Цезаря, а особенно результатом горького урока, который извлек Октавиан из своей борьбы против Секста Помпея. Когда по этой причине в раннеавгустовское время построили большие главные базы флота империи в Мизене и Равенне, на передний план выдвинулись задачи обеспечения безопасности. В первую очередь это касалось того, чтобы защи-

тить италийское побережье и обеспечить беспрепятственное судоходство. Мизенский флот должен при этом контролировать жизненно важные для столицы судоходство между Александрией и Путеолой, а также между Испанией, Северной Африкой и Остией. Многочисленные опорные базы своих главных флотов в западном и восточном Средиземноморье, в Центумцеллах, Карфагене, Эфесе, Пирее, Селевкий, Форуме Юлия — мы называем только важнейшие базы — свидетельствуют о радиусе их операций.

Численность флотов и их экипажей определить трудно. Флот в Мизене, по мнению Х. Г. Штарра, ко времени Нерона состоял из 50 трирем и около 10 000 матросов. Экипажи были почти исключительно из свободных провинциалов; Тацит (*«История»*. III, 12, 1) свидетельствует, что флот Равенны набирался преимущественно из далматов и паннонцев. Служба на флоте, впрочем, была предосудительна; засвидетельствованы замены наказаний переводом в гребцы. Жалование простых матросов соответствовало жалованию солдат вспомогательных групп; оно составляло треть жалования легионера. Ступенью выше, чем самая низшая и презираемая категория гребцов, стояли палубные матросы.

Функции капитана (*триерарх*) и командующего флотилией (*наврарх*) во времена Августа частично исполняли вольноотпущенники с греческого Востока, которые зарекомендовали себя знанием морского дела и лояльностью. Это были квалифицированные должности офицерской карьеры, и их получали иногда в молодые годы; рост от матроса до капитана был не принят. Тогда как число вольноотпущенников в руководстве кораблями и флотом при Клавдии возросло, и при Нероне они все еще могли достичь ранга капитана, при Веспасиане от этой практики отказались. Помимо того, со времен Августа было правилом, что командование флотом осуществляли префекты из всаднического сословия.

После наступлений флота на Севере при Друзе, Тиберии и Германике, после операций в Ла-Манше при Калигуле и Клавдии и немного позже осуществление операций на побережья Мавритании и Черного моря, еще долго не было сражений римского военного флота против внешних врагов. Однако роль флота во время критических фаз принципата при Клавдии, Нероне и особенно во время следующей гражданской войны становилась все важнее. Оказалось, что морские соединения были противовесом преторианцам и другим военным подразделениям Рима, единственным большим военным потенциалом, которым *принцепсы* могли сразу же воспользоваться в Италии. Следствием этого было то, что флот применяли в гражданской войне, что он грабил и терроризировал побережье, поэтому Веспасиану пришлось провести коренную реорганизацию.

Наряду с большими эскадрами, которые были сформированы из тяжелых трирем и подчинялись префектам, империя располагала также целым рядом так называемых провинциальных флотов с регионально ограниченными задачами. Они были образованы в связи с завоеванием или организацией новых провинций, чтобы охранять берега пограничных рек и гарантировать беспрепятственное судоходство. Поэтому префекты этих провинциальных флотов тесно сотрудничали с наместниками и были им непосредственно подчинены.

Александрийский флот при Августе сформировали из кораблей Клеопатры и Антония. Он должен был охранять не только дельту Нила и египетское побережье, но и побережье Ливии.

Германский флот восходил еще к Друзу Старшему, который его организовал в 12 г. до н. э. Его оперативный район включал Рейн, Шельду, Маас и его притоки Цундерзее и Нордзее. И в нем также можно было найти греков с востока Средиземноморья, о чем свидетельствует кельнская надпись: «Здесь покоится Луций Октавий, сын

Луция из Элеи, рулевой 58 лет, с 34 годами службы. Дионисий, сын Плестарха из Траллы, писарь, поставил надгробный памятник за его заслуги» (CIL XIII 8323). В *Германском флоте* префектом служил будущий *принцепс Пертинакс*.

Такой же престиж, как и *Германский флот*, имел созданный при Калигуле и Клавдии *Британский флот*, важнейший опорный пункт которого находился в Гезориаке (Булонь), одновременно у него были многочисленные стоянки на самом острове. В его обязанности входила защита побережья, а в течение I в. н. э. сопровождение походов в Британию и обеспечение связей между материком и провинцией.

На Нижнем Дунае, на Черном и Азовском морях крейсировал *Мезийский флот*, самая большая база которого была в Томах (Констанце), на Среднем Дунае между Регесбургом и Белградом крейсировал *Паннонский флот* с основной опорной базой в Аквинке (Альт-Офене). Эти дунайские флоты во времена Траяна, когда они были особенно нужны, располагали свыше 200 больших и маленьких шлюпок. Когда они в первый раз сформировались, остается неизвестным.

Фракийский флот, основная стоянка которого находилась в Перинфе, должен был охранять болгарские и фракийские порты на фракийском побережье и морские границы. Основали его в середине I в. н. э., а немного позже и *Понтийский флот*. Его первой ячейкой была флотилия в Синопе, которая засвидетельствована еще в 14 г. до н. э., однако значение флота повысилось, когда он должен был обеспечить римскую военную активность в восточном и северном Черноморском регионе во времена столкновения с Боспорским царством. Его базой тогда был Трапезунд.

Сирийский флот организовали только при Веспасиане. Из своего большого опорного пункта в Селевкии он нес ответственность за охрану побережья на востоке Средиземного моря.

Для стабилизации римского господства в Мавритании и чтобы препятствовать нападениям северо-африканских племен на Испанию, на крайнем Востоке около 40 г. н. э. применялись подразделения александрийского флота, а во времена Траяна — сирийского. Самостоятельный *Мавританский флот* был сформирован только при Марке Аврелии, основным его портом стала Цезарея, *Африканский Коммодианский флот*, который должен был охранять подвоз зерна из Африки в Рим, сформировали при Коммодe.

Обзор римских имперских и провинциальных флотов показывает, что все эти соединения представляли значительный потенциал. Широкая сеть региональных флотов, которая дополняла большие флотилии италийского имперского флота, внесла значительный вклад для успешного разрежения тяжелых навигационных задач. Одновременно римская морская держава использовала на своей службе большое число провинциалов. Если она смогла обезопасить коммуникации внутри империи, то не в последнюю очередь потому, что использовала вековой опыт греческих моряков Востока и Италии.

На первый взгляд римская армия кажется могущественным, единым войсковым соединением, которое своими успехами было обязано целостности и когерентности составных частей. Однако на самом деле эта армия была крайне разнородной. Она различалась по сроку службы, жалованию, положению с точки зрения личного права, возможностям продвижения по социальной лестнице. Она отражала многообразие регионов империи и различные структуры ее общества.

Уже в сроке службы различия были существенными. Тогда как преторианец должен был служить 16 лет, служба легионера со времен Августа теоретически продолжалась 20 лет, а практически на год больше, представители вспомогательных формирований служили 25 лет, матросы сначала — 26 лет. Солдаты все чаще использовали возможность после обязательной службы служить дальше в

качестве так называемых эвокатов или после почетной демобилизации снова возвращаться в армию, но тогда с повышенным жалованием.

Так, например, выглядит надпись из Майнца, которая отражает поздние фазы службы одного кавалериста и одновременно доказывает присутствие восточных кавалеристов на Рейне: «Антиох, сын Антиоха, парфянки из Аназарба (Киликия), кавалерист из *парфянской и арабской алы*, *эвокат* и человек с тройным жалованием, который прослужил 10 лет и получил военные награды. Его брат Беллесип воздвиг (надгробный памятник)».

В жаловании также преобладала дифференциация. Основное жалование легионера при Августе составляло 225 динариев в год, преторианца — 750; сначала оно выплачивалось в три приема. Домициан ввел четвертую выплату, и таким образом простой легионер стал получать 300 динариев. Однако из этой суммы, по свидетельству папирусов, у него изымались вычеты на питание, фураж, вооружение, в похоронную кассу и на другие цели. Насколько широко можно обобщать случайно полученные данные об этих вычетах, которые иногда составляли половину выплаты, является спорным.

С другой стороны, как это будет сказано позднее, только меньшая часть армии должна была довольствоваться низким жалованьем, прежде всего к нему добавлялись большие суммы в форме денежных подарков принцепса, реже часть трофеев после успешных военных операций и в каждом случае большая сумма при демобилизации. При щедрых или слабых принцепсах неоднократно выдаваемые денежные *подарки* наряду с постоянным жалованием и деньгами при демобилизации являются свидетельством материального обязательства *принцепсов* перед армией. Войска особенно этого ожидали при приходе к власти или при начале узурпации, при браках и усыновлениях *принцепсов*, при юбилеях и чествованиях назначенного наследника; в критических ситуациях отдельные *принцеп-*

сы старались с помощью денежного подарка купить повиновение армии.

Если выдача денежного подарка зависела от усмотрения отдельных *принцепсов*, то выплата демобилизационных денег была обязательной. При Августе эта сумма составляла 3 000 динариев, однако к началу III в. н. э. она поднялась до 5 000, причем нужно принимать в расчет значительные потери при инфляции. Кроме этого, основой гражданского существования было наделение маленькими земельными участками, нередко на вновь завоеванных, порой неплодородных землях. Какими бы щедрыми ни казались жалование и обеспечение, нельзя не учитывать того факта, что, по современным оценкам, почти половина всех служащих в армии умирала еще во время службы.

Структура карьеры и оплаты войска будет описана на примере легиона. Карьера начиналась с простого *солдата* или *грегария*, который осуществлял все формы служебных обязанностей и получал только простое жалование. Следующая ступень, *иммунис*, получал одинаковое жалование с *солдатом*, но по причине своих специальных функций писаря или специалиста освобождался от обычных военных обязанностей или от рудутных работ. Со следующей ступени начиналась унтер-офицерская служба, карьера, которая в случаях примерного исполнения обязанностей могла привести к высокому рангу центуриона.

Унтер-офицеры (*принципалы*) преимущественно занимали три особо ответственных поста. *Сигнифер* нес боевой значок центурии и одновременно руководил ее кассой; *тессерарий* соответствовал современному дежурному унтер-офицеру, в каждом случае он сообщал пароль; *опцион*, наконец, был заместителем центуриона. Тогда как унтер-офицеры на этих трех должностях получали полтора жалования легионера, бенефициарии получали уже двойное жалование. Такие высокие унтер-офицерские должности, как *корникуларий*, штабной унтер-офицер,

имагинифер, носитель портрета *принцепса* и, наконец, *аквилифер*, носитель орла легиона, т. е. самые высокие унтер-офицерские звания, оплачивались тройным жалованием. Решающим скачком в карьере была должность центуриона, который получал почти в 30 раз больше, чем простой легионер. Как уже упоминалось, благодаря этому достигался уровень оклада офицера из всаднического сословия.

Так же дифференцированно, как карьеру и жалование, нужно оценивать существование при принципате солдат, унтер-офицеров и офицеров. Наряду с подразделениями, которые постоянно подвергались опасности в длительных и тяжелых военных столкновениях, во время надзора за границей, часто на тяжелейших территориях, были и другие, которые проходили скучную службу в легионерских укреплениях, крепостях, иногда морально разлагались, как это случилось с частью рейнской армии при Гетулике. Однако чаще всего командиры не давали передышки солдатам и унтер-офицерам бесконечными откомандированиями и другими заданиями.

Подразделения легионов, вспомогательных групп и флотов постоянно привлекались ко всякого рода строительным работам не только при сооружении лагерей, крепостей, укреплений, дорог, каналов и гаваней, но также и к строительству центров администрации и репрезентативных зданий, что доказывает боннская надпись 160 г. н. э.: «Во благо императора Антонина Августа Пия, отца отечества, выполнило свой обет подразделение благочестивого и верного германского флота, которое было поставлено на каменоломне для форума колонии Ульпия Траяна (Ксант) под командованием Клавдия Юлиана, *легата Августа*, под надзором Г. Суниция Фауста, сына ..., капитана, во время консульства Брацуи и Вара» (CIL XIII 8036).

Как сообщает Тацит, к 47 г. н. э. подобные задания нередко вызывали озлобленность у сильно загруженных

войск: «Чтобы положить конец ленивой жизни солдат, он (Корбулон) приказал рыть канал длиной в 23 мили между Маасом и Рейном, чтобы сделать излишним небезопасное плавание по океану. *Принцепс* присвоил ему триумфальные знаки отличия, хотя отказал в дальнейшем руководстве войной.

Вскоре после этого такие же награды получил Курций Руф, потому что приказал рыть шахты в области маттиаков, чтобы обнаружить серебряные жилы. Добыча была небольшой и скоро иссякла, но легионы приложили большие усилия, когда копали штольни и должны были производить работы в темноте, хотя и днем они были очень трудными. Под давлением этих трудностей, так как и в других провинциях предъявлялись подобные требования, солдаты послали императору тайное послание от имени римского войска, где просили о том, чтобы он тем людям, которым хотел доверить войско, заранее давал триумфальные знаки отличия» («*Анналы*». XI, 20, 2).

Какими бы большими ни были чувство солидарности и корпоративный дух различных формирований римской армии, у отдельных солдат была ярко выражена потребность сохранить свою индивидуальность. После осмотра майнцских древностей Гете написал: «В нагляднейшем порядке установлены надгробные плиты римских солдат, собранных из всех наций и нашедших смерть здесь, в гарнизонах. На каждой плите обозначены имя, место рождения, номер легиона, они рядами прислонены к холмикам, за каждым — урна, содержащая останки, в доказательство того, как высоко в то время ценился каждый человек» (Гете. Собр. соч. Изд. I. Веймар, с. 99).

В социальном аспекте римская армия, в первую очередь, состояла из свободных граждан. Вольноотпущенники и рабы привлекались на военную службу только в случае крайней необходимости. В относительно небольшом количестве они находились в свите офицеров, как два воль-

ноотпущенника павшего в походе Вара центуриона Целия, или в семье наместников, легатов и другого высшего командного состава.

Свободные провинциалы, наоборот, в армии могли получить римское гражданское право, свободные римские граждане в исключительных случаях переходили во всадническое сословие, талантливые или бессовестные военачальники благодаря преторианцам или пограничному войску могли добиться принципата. Во время ли мира, гражданской войны или больших походов армия всегда являлась источником продвижения, но тем не менее социальное продвижение с помощью армии не было массовым явлением.

Привилегии сенаторских и всаднических офицеров при принципате сохранились; все важные повышения в должности и назначения на посты командующих производились только *принцепсом*. Но в большинстве случаев именно принцепс извлекал выгоду из того, что особенно в кризисные времена социальные выдвигенцы полностью отождествляли себя с системой, а значит, и с ним самим.

Легионы, вспомогательные формирования и флот в I и II в. н. э., представляли собой оборудованную новейшей техникой, высоко эффективную военную машину, которая располагала комплексным инструментарием для тяжелейших военных операций. Ее выдающаяся техника успешно применялась при десантировании, переправах через реки, в войне в горах и при многочисленных осадах. Технические военные специалисты и в мирное время продолжали важную работу при обмере земли, в строительстве, при прокладке водопроводов, в проектировании туннелей и гаваней и в других многочисленных областях. Не менее важным является другой аспект: посреди общественных, политических и культурных изменений римская армия оставалась оплотом традиционных римских норм и ценностей и одновременно одним из важнейших факторов римской интеграции.

Принцепс и дом принцепса

Своеобразное положение римского *принцепса*, которое не поддавалось никакому конституционно-правовому определению, описал именно тот ученый, который создал и по сей день принятую систему римского государственного права: «Личная деятельность *принцепса*... была настоящим маховиком в большой машине империи; это было колесо, которое едва ли можно охватить взглядом и ещё меньше объяснить законами» (Моммзен Т. «Римское государственное право». Лейпциг, 1887).

Принцепс первых двух веков являлся не только репрезентативным символом империи, но, несмотря на все возвышение, которого он удостоивался с ранних пор в различных формах, был больше, чем пассивное воплощение государства, власти и права. Как правило, он был крайне активным непосредственным правителем, верховным главнокомандующим, лицом, имеющим высшую судебную власть и фактическим руководителем всех сфер политики. Он осуществлял власть и влияние, давал импульсы политике, был гарантом преемственности римской державы и ее права в гораздо большей и всеобъемлющей мере, чем когда-то сенат, коллектив свободных граждан или ограниченные нормами коллегиальности и годичного срока магистраты.

Оформление принципата в целом, процесс институализации был результатом очень разных инициатив и акцен-

тов отдельных *принцевов*. Однако процесс был также идентичен с поэтапным созданием и постепенным расширением административного и юридического инструментария *принцепса*, причем в поразительных размерах уважались и сохранялись старые формы и традиционные элементы. Вся система принципата так укрепилась уже в середине I в. н. э., что даже при полном несоответствии *принцепса* никогда основательно не подвергалась сомнению.

Трезвые и лишённые иллюзий слова произнес римский легат Петтилий Цериал в своей речи к восставшим треверам, которую передает нам великий критик феноменологии принципата Тацит. Эта речь однозначно подтверждает, что принципат считался незаменимым, и что римская сфера власти, *Римская империя* слилась воедино с формой правления принципата: «... деспотия и война всегда были в Галлии, пока вы не были включены в нашу империю. Мы по праву победителя, хотя вы это часто оспаривали, ввели для вас только то, чем мы хотели обеспечить мир, т. к. нельзя без оружия добиться спокойствия народов, нельзя иметь войска без жалования, а жалование — без налогов. Во всем остальном у нас с вами много общего: вы большей частью стоите во главе наших легионов, вы сами управляете этой и другими провинциями. Вас ни от чего не отстраняют, ничто перед вами не закрыто. И от восхваляемого *принцепса* вы имеете такую же пользу, хотя живете далеко от него. Жестокие *принцессы* набрасываются сначала на досягаемое. Как засуху или частые дожди и все остальные испытания природы, вы переносили сибаритство и алчность деспотов! Всегда будут тяготы, пока есть люди. Однако они не существуют непрерывно и преодолеваются вмешательством доброжелательных людей... В счастье и в восьмисотлетнем старании выросла эта структура. Ее нельзя нарушить без того, чтобы те, кто ее разрушает, сами не нашли гибель» (Тацит. «История». IV, 74).

Римский *принцепс* с давних пор превратился в самостоятельный самоабсолютизированный фактор римской политики и общества. Он к тому же обладал огромным военным материальным и общественным базисом и был со времен Августа, а именно после его обожествления, сакрально возвышен и защищен. Для обладателей принципата поэтому было очень важно продемонстрировать легитимность своего положения. Так объясняется перечисление всех титулов *принцепса* на тщательно выполненной кельнской надписи, посвященной Нерону. Эта надпись была сделана в 67 г. н. э. XV легионом при наместнике Публии Сульпиции Руфе и принадлежит сегодня к самым впечатляющим надписям Римско-Германского музея: «Император Нерон Цезарь Август, сын божественного Клавдия, внук Цезаря Германика, правнук Тиберия Цезаря Августа, праправнук божественного Августа...» Усыновленный Клавдием по настоянию Агриппины Нерон, права которого на принципат были сомнительными, связывает себя здесь, как и в других надписях, с Августом, чтобы уничтожить всякие сомнения в легитимности своего положения.

Еще дальше позже пошел Л. Септимий Север, возведенный на трон дунайскими легионами во время смут после убийства Коммода. Он выдумал свое родство с Антонином и связал себя еще и с Нервой в типичной римской надписи на акведук Целия: «Император Цезарь, сын божественного М. Антонина Пия Германика Сарматского, брат божественного Коммода, внук божественного Антонина Пия, правнук божественного Адриана, праправнук божественного Траяна Парфянского, праправнук божественного Нервы, Л. Септилий Север Пий Пертинакс Август Аравийский, Парфянский, Адиабенский...» (CIL VI 1259).

Связь власти и компетенции *принцепса* была уже в I в. н. э. гораздо комплекснее, чем сумма *трибунской* и

консульской власти августовской эпохи, тех элементов, которые впоследствии указывали принцепсы в перечислении своих титулов, гораздо комплекснее, чем описанные в законе о власти *Веспасиана* компетенции. Наиболее отчетливо это проявлялось тогда, когда отношения и структуры возвращались в политическую реальность. Если августовский принципат в соответствии со стилизацией 27 г. до н. э. только функционально дополнил задачи и компетенции сената, магистратов и римского народа, то ко времени дома Юлиев—Клавдиев центр тяжести переместился.

Римскому сенату была отведена вспомогательная функция, настоящая власть была в руках *принцепса*. Прямо или косвенно проводимая *принцепсом* политика, принятые им военные, административные или юридические решения были обязательны на всех территориях и во всех провинциях. Чем дольше длилось это перераспределение тяжести, тем благодарнее был сенат, когда принцепс соблюдал определенные формальности и когда уважались социальные привилегии сената.

Но пусть сенат шаг за шагом отстранялся от командования армией, от администрации и от других общественных дел, которые раньше были его прерогативой, пусть он при назначении наследника принципата обладал только аккламаторными функциями, в одном он сохранил свою независимость от принцепса: если при живом *принцепсе* его все больше ставили перед свершившимися фактами, оскорбляли и унижали, то последнее цензорское решение о покойном он не позволил у себя отобрать. Актом *обожествления* он мог возвысить покорного владыку до титула *божественного*, а мог предать *проклятью его память*.

Требовалась определенная стойкость, если назначенный наследник в эмоциональной атмосфере после смерти ненавидимого *принцепса* препятствовал такому акту. Если он настоял на *обожествлении* предшественника, тогда ук-

реплялось и его положение. Тогда и на него падал отблеск обожествления того человека, которому он, как правило, был обязан положением *принцепса*, тогда санкционировалась его собственная персона.

Будни *принцепса* были заполнены не только чередой государственных актов в большом масштабе, не только всесторонним обсуждением отдельных основных решений и общих директив, сообщений или докладов шефов ведомств и военачальников, он занимался также частными, незначительными и даже местными проблемами всей огромной империи. Например, из письма Плиния Младшего следует, что Траян во время отдыха на вилле в Центумцелле вместе со своим *советом* один день был занят обвинением одного видного горожанина из Эфеса, на следующий день — нарушением супружеской верности жены военного трибуна с центурионом, на третий — оспариваемым завещанием. Дело о нарушении супружеской верности показалось Траяну столь неприятным, что он к своему приговору добавил как имя центуриона, так и указание на нарушение воинской дисциплины, которое здесь имело место, дабы воспрепятствовать, чтобы впредь все подобные случаи представлялись на его суд (Плиний Младший. «Письма». 6,31).

Еще более поразительными кажутся те темы запросов, которые направлял Траяну Плиний Младший, когда он был легатом *принцепса* с проконсульской властью в провинциях Вифиния и *Понт*. Конечно, среди них находились проблемы, которые требовали перестраховки от боязливового, старательного, впрочем дружившего с Траяном человека, такие, как трудности со строительством и финансированием, возникавшие при честолюбивых проектах различных городов, вопросы бухгалтерской ревизии и применения денег из государственной кассы, проблемы гражданского права вифинских городов, минимального возраста для занятия должностей в городском управле-

нии, правовое положение свободнорожденных детей, подброшенных и выращенных, как рабы, и другие случаи.

Однако поражают десятки пустячных дел, которыми Плиний загрузил *принцепса*: вопросы охраны городских тюрем, отмена перевода горстки солдат в спецотряд, деньги на проезд посольствам, перенесение семейных могил, использование разрушающегося дома в сакральных целях, освобождение одного философа от судейской должности. К тому же добавлялись обычные просьбы о предоставлении римского или александрийского права или других льгот людям, по отношению к которым Плиний чувствовал себя обязанным, просьбы о повышении по службе или направлении в магистратуру своих друзей и, наконец, не в последнюю очередь, просьба по собственному делу о предоставлении ему жреческой должности, что было желательно для повышения социального престижа Плиния.

Даже если целый ряд запросов, обусловленных личными свойствами характера Плиния Младшего, может быть не репрезентативным, несомненно, что та чрезвычайно комплексная переписка, которую вел *принцепс* со своими легатами, магистратами, отдельными сенаторами и всадниками, а также с городскими общинами, была очень трудоемкой. Письма к *принцепсу*, как правило, читались им лично, потом он диктовал ответы и в большинстве случаев подписывал. Таким же отнимающим много времени было занятие с прошениями от частных лиц и даже от рабов, которые при каждой удобной возможности передавались лично *принцепсу*. На эти прошения *принцепс* отвечал рескриптом, помещавшимся в его конце, а потом это решение доводилось до сведения заинтересованного лица.

Год за годом *принцепс* принимал сотни посольств, провинциальных ландтагов, объединений деятелей искусств и других групп. При этом речь шла не о чисто репрезентативных актах по поводу дней рождения, семейных праз-

дников, побед, юбилеев правления, пожеланий счастья и выражений лояльности. *Принцепс* постоянно сталкивался с конкретными проблемами и часто пересекающимися интересами, со спорами соседствующих городов, с просьбами о предоставлении определенных форм городского права, о чествовании заслуженных горожан, о привилегиях или дискриминации различных этнических групп, как это было в случае с непрекращающимися спорами между евреями и греками в Александрии.

Гораздо больших затрат времени требовали юридические функции *принцепса*, его деятельность как судьи, а также приобретающая все больший размах деятельность в качестве высшей юридической апелляционной инстанции. Вместе со своим *советом* он должен был участвовать не только в тех процессах, которые по какой-то причине привлекли его внимание в силу его судебной власти, но и в тех, когда обвиняемый или сторона хотят предстать перед его судом или подают ему апелляцию после предшествующего юридического решения. Как показывает уже упомянутое письмо Плиния, при этом речь шла не только о спорах органов, но и в большинстве своем о спорах отдельных лиц.

Если подумать о сотнях персональных решений, которые должен был принимать *принцепс* по поводу замещения постов наместников, офицерских или административных должностей, должностей чиновников собственного дома по поводу принятия во всадническое или сенаторское сословие, о его участии в дарениях, пожертвованиях, наградах, об изобилии финансовых проблем, то становится ясно, какой большой была нагрузка *принцепса* даже в относительно спокойные времена.

Уже упомянутое значение материальных средств *принцепса* выражается также в преднамеренно разъединенных кассах и имущественных сферах принципата. Так, Август и правители дома Юлиев — Клавдиев держали свое лич-

ное состояние отдельно как от государственной казны, так и от касс в провинциях, *фисках*. Флавии превратили свое личное имущество в состояние принципата, и тем лишили его частного характера. Только Антоний Пий был вынужден снова создать частное имущество *принцепса*, которое управлялось высокопоставленным всадническим прокуратором. Это право распоряжаться собственными средствами позволяло *принцепсу* укреплять свое влияние на всех уровнях.

Хотя монархия принципата в отличие от эллинистических монархий на основе ее исторических предпосылок, во всяком случае теоретически, не располагала ни установленным порядком наследования, ни всеми признанной династией, авторитетом высшего социального ранга пользовался не только *принцепс*. С самого начала наряду с ним выделялся дом принципата — *родня принципата* в узком смысле этого слова, — который иногда пополнялся потомками дочерей. *Дом принципата*, — особенно женщины семьи *принцепса*, дети и их мужья и жены, — стал значительной поддержкой, но нередко и бременем для всей системы.

Сильная индивидуальность Ливии, как первой *Августы*, вызвала огромную напряженность. Титул «*Август*», единственный политически многозначительный римский титул, был распространен в форме женского рода на женщин. Титул *Августы* заключал в себе самый высокий общественный ранг. Начиная с Ливии, он приписывался не каким-либо, а начиная с Домиции Лонгины, жены Домициана, всем женам принципсов, а иногда даже другим представительницам дома принципата. Однако гораздо важнее титулатуры и прочих почетных прав было влияние, честолюбие и соперничество этих женщин особенно при *слабых принципсах*.

Приватные отношения и зависимости представителей дома *принцепса* скоро превратились в дело политической

важности; *государство* и *дом принцепса* уже давно смешались. Когда Ливия, жена Друза Младшего, была со-
вращена Сеяном, *дому принцепса* угрожал раскол. Когда властолюбивая Агриппина Младшая, мать Нерона, про-
бивала себе дорогу в клавдиевом Риме, Тацит констати-
ровал, что все подчинялось одной женщине («*Анналы*». XII, 7, 3). Господство женщин или вольноотпущенников, с точки зрения Тацита, были негативными сопровождающими явлениями системы как раз при плохих или деспотичных правителях. Тем не менее положение *дома принцепса* никогда не ущемлялось. Наоборот, уже с ранних пор принесение присяги и обеты распространялись на весь *дом принцепса*; преторианцы и армия чувствовали себя обязанными не только самому *принцепсу*, но и его родственникам.

В отличие от маленькой группы *дома принцепса* понятие *семья принцепса* обозначала широкий круг лиц, над которыми *принцепс* имел *отцовскую власть*, как любой другой *отец семейства*. По аналогии с римской семьей *семья принцепса* включала в себя, кроме жены, детей и несамостоятельных родственников, также его рабов и вольноотпущенников. Социальное положение принадлежащих к *семье принцепса* поэтому было различным. К ней принадлежали и назначенный наследник, и вольноотпущенник, который в качестве шефа центрального ведомства пользовался большим влиянием, и кухонный раб. Круг всей этой семьи был чрезвычайно большим. Точное число неизвестно, но можно предполагать, что он включал в себя несколько сотен человек.

Если *Римская империя* уже не могла обойтись без *принцепса*, то наоборот, ему были необходимы безупречный, цельный дом и работоспособная *семья*, которая не должна была обособляться, но требовала постоянного контроля. Способным, энергичным и лояльным представителям этой группы принципат предоставлял лучшие возможности для продвижения. Даже если в процессе развития ква-

лифицированные представители всаднического сословия могли занимать ключевые посты в подчиненных *принцепсу* сферах администрации и юстиции, и даже если при этом интеллектуалы, риторы, юристы из восточных провинций империи делали карьеру на службе у *принцепса*, представители его *семьи* долго извлекали выгоду из первоначально только рудиментарных учреждений и из постоянной потребности в доверенных лицах. Для принципата характерно, что форма власти, даже в начале, в большей мере обеспечивалась лицами, а не учреждениями. Только в процессе консолидации системы началось создание властного аппарата.

Гораздо более важным признаком организованной в расчете на личности структуры власти является большое число *друзей принцепса*, которых еще Август распределил по рангам. Даже здесь напластовывались политические и личные отношения. Если *принцепс* вступал в личные отношения со многими сенаторами, то расторжение этой дружбы *принцепсом* влекло за собой тяжелые последствия, если даже и не уничтожения данного лица, как в случае с Корнелием Галлом.

Помимо всех этих деталей, влияние *принцепса* в различных формах распространялось с самого начала на все слои римского общества и, прежде всего, непосредственным образом на руководящие слои Рима, Италии, провинций и армии. Первоначально недостаточное институциональное обеспечение власти он компенсировал необычно большим числом личных связей, своим стилем правления, который препятствовал возникновению сильных промежуточных инстанций и этим гарантировал единство и внутреннюю целостность политики. Представители ведущих слоев и армии видели в непосредственном отношении к *принцепсу* удовлетворяющую и выделяющую их самих связь, которая сильно содействовала консолидации новой системы и примирению системы с ней.

Структура общества *Римской империи*

Общая оценка общественной системы *Римской империи*, учитывающая взаимосвязь между политической системой и обществом, не может строиться ни на современной категории классов, ни на римском понятии *сословий*. Модель римского общества, не учитывающая функций, власти и влияния отдельных или социальных групп, будет непригодна. При принципате общественная структура империи характеризовалась преимуществом горизонтальных линий развития по отношению к старым вертикальным структурам и постоянным продвижением вверх новых социальных групп.

На вершине образовался теперь имперский ведущий слой, руководящие функции которого охватывали всю империю. В его руках находились все основные компетенции в политике, ведении войны, администрации и правосудии, только в область экономики он редко вмешивался непосредственно. К этому ведущему слою принадлежал не только сам *принцепс* и не только представители его дома, которые с самого начала пользовались огромным влиянием и лишь при сильных *принцепсах* отходили на задний план. К нему принадлежали консуляры, то есть те сенаторы, которые минимум один раз были консулами, префекты из всаднического сословия, такие, как префект гвардии, наместники, члены *совета принцепса*, на-

дежные и испытанные военные, служащие администрации, юристы и друзья, которые давали советы *принцепсу* при отдельных правителях, например, при Клавдии, Нероне и Домициане, к нему относились те вольноотпущенники, которые пользовались особым доверием *принцепса* или руководили центральными административными инстанциями.

Отстраненный от этого верхний слой, наоборот, не располагал активными руководящими функциями. Они пользовались привилегиями благодаря своему происхождению, собственности, состоянию, принадлежности к сенаторскому или всадническому сословию и, не в последнюю очередь, благодаря расположению *принцепса*. Социальный престиж этого слоя был признан не только на местном или региональном уровнях, но в рамках всей империи. К нему принадлежали те сенаторы и всадники, которые не выполняли никаких государственных поручений, а также небольшая группа высококвалифицированных профессиональных офицеров.

Региональный и местный верхний слой следует отделять от имперского, он осуществлял руководящие функции только в городских советах или в «провинциальных ландтагах» отдельных провинций. Эта важная социальная группа находилась тоже в привилегированном положении благодаря традициям, собственности и состоянию. К ней относились отдельные всадники, прежде всего представители муниципальной аристократии больших и маленьких городов, богатые горожане, отдельные интеллектуалы, специалисты и друзья *принцепса*.

Таким же разнородным был средний слой империи, для которого фактически более решающим являлось богатство и влияние, чем древние категории личного права и правовой уровень. Основами его существования были самостоятельная работа, собственное состояние, военная служба и особенно квалифицированное бытовое обслуживание. К нему принадлежала большая часть свободных

римских граждан, если только они не обеднели, представители муниципальной аристократии маленьких городов империи, центурионы, унтер-офицеры и солдаты легионов, преторианцы, представители особых формирований и привилегированные ветераны. К среднему слою империи нужно причислить независимых свободных граждан городов, а также тех вольноотпущенников, которые либо находились на службе у *принцепса* и поэтому обладали соответствующим влиянием, либо тех, кто хозяйственной деятельностью накопил себе богатство и состояние и превзошел в этом многих свободных граждан. К этой группе даже принадлежали отдельные рабы *семьи Цезаря*.

И широкий низший слой тоже не являлся однородным, но определяющим в нем была зависимость: его представители могли выполнять несамостоятельную работу или оказывать бытовые услуги, быть получателями социальных пособий, частных пожертвований, или как клиенты жили на подарки своего патрона. Поэтому в него нужно включить большую часть римского *городского плебса* и *деревенского плебса*, а также разные с правовой точки зрения более бедные группы городов и провинций, представителей флота и вспомогательных подразделений, бедных вольноотпущенников, наконец, массу рабов, которые в зависимости от функций, квалификации и работы вели совершенно разное существование и поэтому не являлись единым классом.

При принципате общество империи не было нивелировано. Его признаками была дифференциация и значительные перепады как в социальном положении, так и в функциях, материальной базе и в радиусе политической и общественной деятельности. Все еще продолжали преобладать связи в *семье* и клиентеле. Плюрализм сословий и групп, а также определяющие функции новой системы объясняют возможности воздействия и широкое общественное обеспечение принципата, который смог объединить в себе так много направлений и интересов.

Содержание

Введение	3
Римская республика и ее империя	19
Упадок римской республики. Эпоха гражданских войн	35
Восхождение Октавиана к единоличной власти	61
Принципат Августа	107
Предварительные замечания	108
Легализация власти и создание политической системы	112
Основные черты внутривластного развития и государственно-правовое обеспечение принципата ...	112
Формирование общества	123
Реорганизация администрации и войска	138
Правосудие	152
Экономическая структура	156
Пограничная и внешняя политика	160
Культура в эпоху правления Августа	178
Религиозное развитие	211
Идеология и конституция	224
Личность и политическая система	229
Цезарь и Август	229
Римская республика в I в. н. э.	237
Консолидация принципата при Тиберии (14—37 гг. н. э.)	238
Римская империя при Калигуле, Клавдии и Нероне (37—68 гг. н. э.)	277
Кризис времен четырех императоров и эпоха Флавиев (68—96 гг. н. э.)	324

Римская империя во II в. н. э.	377
Адоптивная империя. Идеология и конституция	378
Правление Траяна (98—117 гг. н. э.)	388
Римская империя при Адриане (117—138 гг. н. э.)	
и Антонине Пие (138—161 гг. н. э.)	414
Римская империя при Марке Аврелии (161—180 гг. н. э.)	
и Коммодe (180—192 гг. н. э.)	438
Общественная структура Римской империи	459
Рабы	460
Вольноотпущенники	482
Провинциалы	491
Римские граждане	498
Муниципальная аристократия	507
Всадники	522
Сенаторы	529
Армия	541
Принцепс и дом принцепса	559
Структура общества Римской империи	569